

**НОВАЯ
ИМПЕРСКАЯ
ИСТОРИЯ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ**

1

Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв.

**НОВАЯ ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ**

ЧАСТЬ 1

НОВАЯ ИМПЕРСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

часть 1

**КОНКУРИРУЮЩИЕ ПРОЕКТЫ САМООРГАНИЗАЦИИ
VII – XVII вв.**

Под редакцией Ильи Герасимова

Авторы: Илья Герасимов, Марина Могильнер, Сергей Глебов

При участии Александра Семенова

2017

УДК 94 (100)

ББК 63.3(0)

Н72

“Ab Imperio” издается с 2000 г. (www.abimperio.net)

Редактор курса Илья Герасимов

Авторы: Илья Герасимов, Марина Могильнер, Сергей Глебов

При участии Александра Семенова

Корректор: Мария Новак

Новая имперская история Северной Евразии.

Часть 1: Конкурирующие проекты самоорганизации: VII – XVII вв. /

Н72

Под ред. И. Герасимова. – Казань: “Ab Imperio”, 2017. – 364 с.

(Библиотека журнала “Ab Imperio”).

ISBN 978-5-519-51102-5 (комплект)

ISBN 978-5-519-51103-2 (часть 1)

Исторический курс “Новая имперская история Северной Евразии” подготовлен коллективом исследователей, с 2000 г. разрабатывающих современную версию наднациональной истории в рамках проекта новой имперской истории журнала *Ab Imperio*. Авторы предлагают новый язык изучения и осмысления пространства, общества и институтов, которые существовали в пределах нынешней Северной Евразии и еще в относительно недавнем прошлом входили в состав СССР. Они отталкиваются не от предьстории некоего современного государства или народа (которые в традиционной логике воспринимаются вечными и неизменными “игроками” исторического процесса), а от современных аналитических вопросов, суть которых можно свести к проблеме упорядочения человеческого разнообразия и управления им. Причем главным механизмом этих поисков выступают процессы самоорганизации, когда новые идеи, практики и институты создаются на новом месте заново или творчески адаптируются в результате заимствования. Можно сказать, что это история людей, самостоятельно ищущих ответы на универсальные проблемы в уникальных обстоятельствах (как уникальны обстоятельства любой человеческой жизни).

УДК 94 (100)

ББК 63.3(0)

Н72

ISBN 978-5-519-51102-5

ISBN 978-5-519-51103-2

© Ab Imperio, 2017

© Авторы, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие: Кому будет нужна история завтра?</i>	9
<i>Глава 1. Политическая экология: формирование региона Северной Евразии</i>	13
1.1. ГРАНИЦЫ РЕГИОНА	13
1.2. ФЕНОМЕН РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	19
1.3. ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА	22
1.4. ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	30
1.5. КУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РЕГИОНА	35
1.6. ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА: 862 ГОД НА ЮГЕ И НА ЗАПАДЕ	37
1.7. ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА “НЕИСТОРИЧЕСКИХ” ЗЕМЛЯХ: ОПЫТ КАРОЛИНГОВ	45

Глава 2. Механизмы политической и культурной самоорганизации первых политий Северной Евразии: формирование Роусьской земли	52
2.1. Рюрик	52
2.2. ДНЕПРОВСКИЙ ПУТЬ	61
2.3. КОНФЕДЕРАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ ВДОЛЬ ВОДНОГО ПУТИ “ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ”	74
2.4. ДИЛЕММА ГОСУДАРЯ И ГОСУДАРСТВА	89
2.5. ГОСУДАРЬ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ	96
2.6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ РОУСЬСКОЙ ЗЕМЛИ	103
Дружина	
Религия и культура	
Организация княжеской власти	
Глава 3. Консолидация новых политических систем: государственное строительство в Северной Евразии (XI– XIII вв.)	121
3.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОУСЬСКОЙ ЗЕМЛЕ В XI–XIII ВВ.	123
3.2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТЕПИ	145
3.3. ЛИТВА: ЗАРОЖДЕНИЕ ЛЕСНОЙ МОНАРХИИ	170
Глава 4. От локального политического пространства к иерархической государственности: взаимодействие и переплетение местных сценариев власти (XIII–XIV вв.)	185
4.1. ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ РОУСЬСКОЙ ЗЕМЛИ	186
4.2. СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО	193
4.3. ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЕ РУССКИЙ УЛУС	198
4.4. ВЕЛИКИЕ КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОЕ, ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ И ИХ СОСЕДИ	204
4.5. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ И СОСЕДИ: ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ОБРЕТЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ	213

Глава 5. Новые времена: проблема обоснования суверенитета и его границ в Великом княжестве Московском (XV–XVI вв.) 227

- 5.1 ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ БЕЗОРДЫНСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ 227
- 5.2. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ СУВЕРЕНИТЕТА 234
- 5.3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ СУВЕРЕНИТЕТА: КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО И КРИЗИС ВАССАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ 249
- 5.4. КОНСТРУИРОВАНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ И ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТНОГО СУВЕРЕНИТЕТА 258
- 5.5. КРИЗИС 269

Глава 6. XVII век: альтернативные сценарии, смутные времена

Часть 1. Трансформация социального воображения в обществах Северной Евразии 271

- 6.1. СЦЕНАРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ПЕРИФЕРИЯХ РЕГИОНА 271
- 6.2. КОНТРЕФОРМАЦИЯ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ КАК ОТКАЗ ОТ “ОБЩЕГО ДЕЛА” 281
  - Формирование православного русского рыцарства
  - Гражданская война казачества со шляхтой и вмешательство Московского царства
  - Гражданская война протестантов и литовских магнатов с короной и вмешательство Шведской империи
- 6.3. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО: ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ К “ОСТРОВУ КРЫМ” 296

Часть 2. Московское царство в поисках “точки сборки” 301

6.4. Революция политической сферы в Московском царстве 301

Самодержавие без самодержца

“Гражданин холоп”

Начало смуты

“Самовыдвиженцы”

В поисках “точки сборки”

6.5. Начало интеграции Северной Евразии 334

Открытие Сибири

Церковный раскол как шаг к объединению

***Указатель* 357**

ПРЕДИСЛОВИЕ: КОМУ БУДЕТ НУЖНА ИСТОРИЯ ЗАВТРА

Обсуждая прошлое, общество вырабатывает язык и образы для конструирования совместного будущего. Вероятно, в этом заключается главная, если не единственная, функция исторических исследований. То, что произошло в прошлом, там навеки и остается. Само по себе, прошлое не может предсказать будущее или даже сколько-нибудь убедительно оправдать современное положение дел. Конечно, всегда важно знать, что именно некогда случилось, но еще важнее понимать, как можно анализировать и осмысливать социальные феномены как таковые. Лишь немногие изучают социологию, но практически все с самого раннего детства сталкиваются с историей и приобщаются к историческому мышлению. То, как люди представляют себе социальные группы и движущие силы в прошлом, напрямую влияет на их восприятие социального взаимодействия и социальных структур сегодня. Социальные классы, чистокровные нации или могущественные государства – не просто исторические гипотезы. Социальное мышление (его основные концепции, идеалы, принципы солидарности и антагонизма) формируется исключительно на историческом материале, а уж затем это выученное знание проецируется на современные реалии.

Вот почему сегодня, в эпоху глобализации, особую важность приобретает история региона, который, условно, можно назвать “Северной Евразией”, поскольку он воплощает собой саму идею управления различиями через стихийную самоорганизацию. Не существовало какого-то единственного “объективного” фактора, который бы предо-

пределил границы региона, сформировавшегося в конце концов на огромной территории от Балтийского моря до Тихого океана: ни общих географических или климатических условий, ни культурной или физической близости населения. В отличие от древних исторических центров Китая или Месопотамии, не было здесь никаких предшествовавших традиций организованной политической жизни с развитыми письменными культурами, которые способствовали бы обоснованию и воспроизводству политических границ или притязаний на господство. Главной движущей силой исторического процесса на обширной территории между двумя океанами служили процессы самоорганизации, включавшие в себя импровизированный поиск новых смыслов. Все более интенсивные контакты между разнокультурными группами, населявшими это пространство, принимали формы торговли, войн, имперского господства и восстаний, и все эти форматы требовали нахождения некоего общего языка для понимания Другого.

Так, полуизолированные земли Северной Евразии оказались вовлечены в изначальную и совершенно спонтанную форму глобализации. Реконструкция ее логики и причин, приводивших к конфликтам, системным провалам и насилию может помочь нам выработать новый подход к осмыслению различий и группности, полностью свободных от нарративов “коренных жителей”, “этнической солидарности” или “государственных интересов”. Вместо объяснения логики исторического процесса, эти ретроспективные нарративы служат лишь воспроизводству структур господства и угнетения независимо от конкретного политического режима, даже после самых революционных перемен. Для раскрепощения нашей способности принять современный глобализированный мир, необходимо найти способ разговора о солидарности и конфликте в прошлом, не прибегающий к этим, кажущимся самоочевидными, довольно недавним понятиям.

Исторический курс “Новая имперская история Северной Евразии” представляет новый тип исторического нарратива, описывающего многогранное человеческое разнообразие. Он преодолевает двухвековую традицию написания истории региона через призму “государства” или “нации” (или “национального государства” как их синтеза). Парадигма новой имперской истории нацелена на высвобождение феномена сложного гетерогенного общества из тени исторических империй и влиятельной националистической пропаганды одномерности и чистоты. Это история для современного, сложносоставного и многомерного мира.

Исторический курс был разработан командой редакторов международного журнала *Ab Imperio*. В его основе – результаты наиболее передовых исследований по истории региона, опубликованные на страницах журнала с 2000 г. представителями почти сорока национальных академических традиций. Логика развития научного проекта *Ab Imperio*, направленного, прежде всего, на выработку нового аналитического языка описания и изучения сложных обществ (“имперской ситуации”) привела к идее применить этот язык для деконструкции господствующей “схемы русской истории”. Канон, начало которому положил еще Н. М. Карамзин, до сих пор формирует логику исторического мышления, в равной степени проявляя себя и в проспекте казенного “единого учебника истории”, и в оппозиционном и неформальном по замыслу опусе Бориса Акунина.¹ Как показал опыт последних двух десятилетий, политические предпочтения авторов обобщающих исторических курсов и даже принципиальные расхождения в интерпретациях отдельных сюжетов не способны сами по себе поколебать общую картину, формируемую “схемой”. Ключевым фактором, по-видимому, является не то, *что* говорится, а *как*, на каком аналитическом языке. С 2005 г. команда *Ab Imperio* работает над проблемой, которая описывается в форме оксюморона: создание внутренне логичного и согласованного нарратива, преодолевающего монологизм и телеологизм стандартных обзорных курсов. Предлагаемый вниманию читателей текст нужно воспринимать именно в этой логике: как опыт борьбы не с традиционными “фактами”, а с господствующим (и не замечаемым нами) языком связывания этих фактов в объясняющие схемы. “Геноцид” и “славяне”, “государство” и “монголы” – не просто знакомые всем слова, помогающие наиболее экономным образом рассказать о прошлом, но и “заархивированные” в них готовые объяснительные стратегии. Новая история создается через выработку нового языка рассказывания старых сюжетов, а значит, и формулирования новых вопросов, исходящих из такой логики повествования.

Авторы делают попытку предложить “новую историю” пространства, общества и институтов, которые существовали в пределах нынешней Северной Евразии и еще в относительно недавнем прошлом входили в состав СССР. Мы отталкиваемся не от предыстории некоего

¹ См.: Андрий Портнов. Учебник истории по госзаказу // *Ab Imperio*. 2013. № 3. С. 388-395; Илья Герасимов. L'État, C'est Tout: “История Российского государства” Бориса Акунина и канон национальной истории // *Ab Imperio*. 2013. № 4. С. 219-230.

современного государства или народа (которые в традиционной логике воспринимаются вечными и неизменными “игроками” исторического процесса), а от исследовательских вопросов, суть которых можно свести к проблеме упорядочения человеческого разнообразия и управления им. Причем главным механизмом этих поисков выступают процессы самоорганизации, когда новые идеи, практики и институты создаются на новом месте заново или творчески адаптируются в результате заимствования. Можно сказать, что это история людей, самостоятельно ищущих ответы на универсальные проблемы в уникальных обстоятельствах (ведь обстоятельства любой человеческой жизни уникальны).

Это еще не учебный курс в строгом смысле, с правильной дидактической организацией, подобранными иллюстрациями, картами и источниками. Скорее, это первый опыт изложения истории региона современным аналитическим языком. Поэтому на нынешнем этапе работы над текстом мы видим главную задачу в достижении последовательности и, в целом, непротиворечивости применения этого языка. Не менее важным обстоятельством является то, что нам удалось создать первый современный исторический нарратив, не встречающий принципиальных возражений со стороны местных сообществ историков в постсоветских обществах, что является уникальным научным и политическим достижением.

Первоначально опубликованный отдельными главами в одиннадцати номерах *Ab Imperio* в 2014–2016 гг. для широкого профессионального обсуждения, настоящее отдельное издание учитывает высказанные коллегами замечания. Одновременно курс готовится к публикации отдельной книгой и в переводах.

Завершение этой работы стало возможным благодаря гранту, полученному от фонда Института современной России (Institute of Modern Russia). Особую благодарность авторы выражают Павлу Ивлеву, без энтузиазма которого наши планы могли и не реализоваться.

Мы признательны внешним рецензентам текста на этапе его подготовки для публикации в *Ab Imperio*, а также коллегам, приславшим развернутые комментарии и замечания по итогам этой публикации – Александру Михайлову, Никите Храпунову и другим.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

1.1. Границы региона

Привычные для нас представления о пространственном единстве Земли, о синхронности мировой истории и общей хронологии – тех “трех китах”, на которых покоится современная историческая наука, – сравнительно недавнего происхождения. Несмотря на то, что реальное взаимодействие отдельных людей и целых народов с обитателями даже весьма отдаленных земель было регулярным и весьма плотным со времен глубокой древности, не существовало некой единой “позиции наблюдателя” (реального или обобщенного – в виде интеллектуального сообщества), которая позволила бы описывать пространство и общество в универсальных категориях. Каждая локальная культура имела не только собственные названия одних и тех же гор и рек, но и по-разному воспринимала границы между одной горной грядой и другой. Не только названия соседних народов, но и представления о том, какие группы входят в данный народ, а какие нет, отличались у разных наблюдателей. Великие письменные цивилизации древности – будь то Древний Египет, Поднебесная империя (Китай) или древнегреческие полисы – воспринимали себя уникальными островками среди окружаю-

щего пространства, населенного “варварами”. Их практические знания о соседних землях и народах могли быть подчас весьма обширными, однако это не вело к восприятию своей культуры как составной части глобального целого. Значит ли это, что современные обобщающие категории (вроде “Северной Евразии”) неприменимы для описания организации населения и осмысления пространства в древности?

И да, и нет. Действительно, невозможно представить себе даже гипотетически позицию наблюдателя в прошлом, который воспринял бы колоссальные пространства континента Евразия к северу от Гималаев и монгольских и среднеазиатских пустынь как единое целое. Откуда взяться источнику необходимых для такого обобщения знаний – и для чего вообще понадобилось бы воспринимать это пространство как целое? Однако, не воспринимаемая как единое целое со стороны и изнутри, эта территория оказалась очерчена довольно четкими границами: природными, а постепенно и социокультурными.

Представим себя наблюдателем, который продвигается от Северного полюса на юг вдоль Уральского хребта в середине первого тысячелетия нашей эры, с высоты обзореая просторы континента от Камчатки до Скандинавии. От северных морей до Полярного круга это почти безлюдная земля – что на востоке, что на западе. Немногочисленные обитатели тундры и лесотундры живут охотой на песцов и северных оленей, вынужденные постоянно кочевать вслед за своей добычей: олени проходят не одну тысячу километров за лето в поисках корма. Приручение оленей происходит в Арктике только в конце первого тысячелетия, что позволило северным народам устраивать более постоянные и многочисленные поселения. Пока же их социальная организация находится в полной зависимости от условий сурового климата и поголовья промысловых животных.

Далее на юг простирается широкая полоса тайги: почти весь Скандинавский полуостров, территория современной Финляндии и Европейской России к северу от Санкт-Петербурга и Москвы, а за Уралом – к северу от Новосибирска в Сибири и Хабаровска на Дальнем Востоке. Редкие жители тайги – настоящие лесовики: все, что нужно для жизни, им дает лес, даже зерно. Они охотятся, вплоть до конца XIX века преобладающая форма земледелия у них подсечно-огневая: это значит, что выжигается участок леса и зерна сеются прямо в золу. Плодородие такой делянки сохраняется несколько лет, а потом необходимо расчищать новую. Плотность населения в тайге не превышает 1 человека на квадратный километр, а в большинстве случаев оно

гораздо ниже. И охота, и выжигание леса под посевы требуют огромных пространств (не менее 7 га на одно хозяйство). Дорог в лесу нет, массовые миграции крайне редки и затруднены, поэтому интенсивность контактов между отдельными группами людей очень низкая.

На западе и востоке континента тайга переходит в смешанные и широколиственные леса, а ближе к Уралу, от Волги до Алтая, – в лесостепь. Зона смешанных лесов (практически вся Западная Европа до Пиренеев, вся Центральная Европа) характеризуется наиболее сбалансированным климатом. Эти леса легче поддаются расчистке, при этом в изобилии снабжают население топливом и строительным материалом, богаты дичью. Представляя преграду для экспансии кочевников – а точнее, малый интерес из-за отсутствия обширных пастбищ, – эта природная зона вполне открыта для передвижения оседлого населения, для установления более прочных и постоянных социальных связей.

Лесостепь на континенте тянется полосой от восточных предгорий Карпат (в современной Украине и Молдове), через нынешнюю Россию (к югу от Курска и Казани) и до Алтая. Дубравы чередуются с открытыми пространствами, которые с давних времен притягивали к себе земледельцев плодородной черноземной почвой.

Степь – это равнина, поросшая травянистым покровом, практически лишенная деревьев. Непрерывной извивающейся полосой, то расширяясь, то сужаясь, тянутся степи от северных предгорий Кавказа и Северного Причерноморья через юг Восточноевропейской равнины (доходя до Белгорода), Поволжье (до Саратова на севере), через Северный Казахстан в Западную Сибирь и до Внутренней Монголии. Здесь воображаемый наблюдатель обнаружит разреженное кочевое население (плотность населения как в тайге, менее одного человека на квадратный километр), распределенное неравномерно: отдельные кочевья расширенных семей подчас могут объединяться в степные конфедерации. Невидимые границы пастбищ и постоянных маршрутов кочевков разделяют в степи отдельные группы номадов, но наступление засухи, вторжение могущественных врагов или воля харизматичного лидера способны двинуть собранные в массу кочевые племена за многие сотни и тысячи километров по открытому пространству степи, сметая на пути более слабые или менее организованные сообщества.

Наблюдатель продолжает движение на юг, одновременно обращая внимание на то, что степные зоны встречаются и за грядой Кавказа, на юго-западе, в центральной Анатолии, а смешанные и широколиствен-

ные леса на юго-востоке начинаются во Внутренней Монголии. Однако, углубившись на юг примерно до 50-го градуса северной широты, наш наблюдатель сталкивается с совершенно новой ситуацией: роль природного ландшафта в организации жизни людей падает, уступая первостепенную роль социальному ландшафту. На самом деле никакой непрерывной и четкой линии нет, переопределение экологической системы “природа-человек” происходит то сотнями и даже тысячами километрами севернее, то южнее, и зависит это уже не от климата и почв, а от развития цивилизации. На юго-востоке раскинулась Поднебесная империя династии Суй, от Тихого океана до Тянь-Шаня. Военное и экономическое покорение огромных пространств (с разнообразным климатом и населением) происходит параллельно с его интеллектуальным освоением империей. Образованные люди древнего Китая переосмысливают бесчисленные фрагменты “локального знания”, которым обладают местные племена, воины, кушцы, чиновники, и создают обобщенное представление о своей цивилизации и о мире вокруг нее. Китай оказывается отдельным и самостоятельным уголком Земли не потому, что четко очерчен горами или реками (политические границы Китая и даже само содержание этого понятия сильно менялось от эпохи к эпохе), но потому, что он был осмыслен как особый мир осознавшими свое культурное и политическое единство жителями – разноплеменными “китайцами”. Китайцы видят только часть континента Евразия, но они являются вполне реальным – не воображаемым – наблюдателем, предлагающим свою версию мысленного структурирования пространства. Поэтому их культурная модель обитаемого (“цивилизованного”) мира претендует на авторитет и превосходство над представлениями их северных соседей-кочевников: китайцы создали стройную картину мира и культуры, а кочевники пока не видят необходимости в таких глобальных представлениях, которые невозможно зафиксировать во всех нюансах без помощи письменности.

Далее на запад, через цепочку буферных политических объединений – зависимых или враждебных – раскинулась обширная персидская держава Сасанидской династии, от современного Пакистана, через Среднюю Азию и Южный Кавказ до восточной Турции, простираясь также на юг Средиземноморья до Египта. С точки зрения просвещенного обитателя этой персидской империи, Кавказские горы не воспринимались в качестве “объективного” природного рубежа – напротив, Средняя Азия и Кавказ включались в общее пространство Ближневосточного мира. Пространство очерчивалось и структуриро-

валось культурой в большей степени, чем сама культура зависела от обстоятельств климата и ландшафта. Как и в случае Китая, единство державы Сасанидов основывалось на развитых социальных институтах и общем культурном пространстве, объединяя разнообразные племена и политические образования. Господствующая религия зороастризма и обширная прослойка грамотных людей, наряду с единой сословной организацией общества, придавали устойчивость “персидскому миру” с его собственными географическими представлениями и “ментальной картой” народов, населявших империю и прилегающие территории.

Еще западнее находилась христианская Восточно-Римская империя (Византия) – политический соперник и торговый партнер Сасанидов, еще один мощный и самобытный культурный мир и еще один альтернативный взгляд, упорядочивающий пространство. В это время территория Византии почти полностью опоясывала берега Средиземного моря (за исключением части Пиренейского полуострова), которое оказывалось своеобразным гигантским “внутренним озером” империи. Разнообразие местного населения, как и многообразие климата и рельефа, не препятствовало политическому и культурному освоению обширнейших пространств. Христианство выступало в роли общего культурного контекста, стимулируя распространение письменности и грамотности (в том числе на местных языках: на армянском и грузинском, славянском и готском), что многократно интенсифицировало интеллектуальные контакты и выработку и распространение византийской версии общей “карты мира”.

Западнее Византии, за Альпами и Карпатами, Европа представляла собой скорее “север”, чем “юг”: политически фрагментированное, культурно сегментированное пространство мигрирующего населения. Волны кочевников, приходящих из Азии по степному “коридору”, доходили до долины Дуная и останавливались, наткнувшись на древний Герцинский лес (*Hercynia silva*): покрытую густыми лесами цепочку горных хребтов, за стеной которых перекраивались границы первых германских королевств. Лишь некоторые из германских племен приняли к этому времени христианство, но даже у них уровень грамотности был ничтожен, а “картина мира” фрагментарна и ограничена. Будущая “Западная Европа” являлась дальней окраиной христианского греко-римского (в это время преимущественно византийского) мира.

Таким образом, “Северная Евразия” оказывается множеством пространств, определяемых негативно, через игнорирование реально суще-

ствовавшими “коллективными наблюдателями” того времени: Древним Китаем, Персией и Византией. Дело не только в том, что до нас дошли письменные источники именно из этих трех культур, а не, допустим, из лесных финно-угорских или кочевых тюркских племен, обитавших севернее. Эти источники, кроме того, отражают представления самых многочисленных “коллективных наблюдателей”. При всех трудностях и условности ретроспективных демографических подсчетов численность подданных династии Суй оценивается приблизительно в 46 миллионов человек в начале VII в.; Сасаниды объединяли порядка 25 миллионов человек в середине VII в.; население уменьшившейся в размерах Византии к середине VII в. сократилось до 10,5 миллионов человек с 26 миллионов, насчитывавшихся веком ранее. Эти цифры могут показаться скромными (население Индостана составляло порядка 100 миллионов человек). Тем не менее эти три великие цивилизации, вместе взятые, в описываемое время представляли собой почти половину населения земного шара, и результаты пространственного воображения именно этих культур имели особый вес даже чисто статистически. В указанный период совокупное население Западной Европы (считая Британию и Скандинавию) составляло порядка 5,5 миллионов человек, Центральной и Восточной – 3,5. Самые многочисленные конфедерации кочевников Азии, создававшие могущественные империи (хунну в III–II вв. до н.э. и монголы в начале XIII в.) насчитывали не более 700–800 тысяч человек. Таким образом, занимающие отдельные социально-экологические ниши степные кочевники, земледельцы лесостепной и лесной зон, охотники тайги и тундры, распыленные по огромной территории от Тихого океана до Балтики, к северу от тогдашних основных центров цивилизации, все вместе насчитывали несколько миллионов человек. У них отсутствовала сама структурная возможность (и культурная потребность) объединения локального и регионального знания и синтеза некой альтернативной версии “коллективного наблюдателя”.

Однако к концу первого тысячелетия нашей эры ситуация в корне меняется. На просторах Северной Евразии, которые прежде ничто не объединяло, кроме общей невключенности в существовавшие “картины мира”, появляются политические образования, осваивающие пространства, а не приспособляющиеся к ним. Неизвестная внешнему наблюдателю территория начинает осмысливаться, описываться и структурироваться изнутри. Становясь частью культуры, она получает обоснование внутреннего деления и внешних границ, включается в общую историю.

1.2. Феномен ранней государственности

Понятие “политического” применительно к древности подразумевает не совсем то, что мы привыкли вкладывать в него сегодня. Используемые нами термины и концепции сформировались за последнее столетие-полтора и потому несут на себе отпечаток определенного типа культуры.

Современное общество и современные науки об обществе достаточно четко разделяют сферы частного (например, семейные отношения) и публичного (к примеру, исполнение должности). Мы хорошо представляем себе, что экономика заключается в хозяйственной деятельности (производство и перераспределение материальных благ). Политика – это область властных отношений, принятия решений и управления обществом. Культура и наука осмысливают и описывают мир на языке художественного воображения или систематически организованного знания, постоянно проверяющегося на объективность и содержание ошибок. Военные действия ведут для защиты своей страны или нападения на соседнюю, и война несовместима с миром. Еще мы привыкли описывать большие объединения людей, как правило, говорящих на одном языке и исповедующих общую религию, населяющих одно государство, как нацию. Меньшие по масштабу группы с общей культурой и историей, не имеющие своего государства или рассеянные среди нескольких государств, скорее будут называть этносом. Менее развитые или малочисленные народы могут называть племенами. Все эти представления приходится корректировать применительно к обществу конца первого тысячелетия нашей эры. Подавляющее большинство организованных человеческих коллективов (за исключением тех немногих, что объединяли сотни тысяч и миллионы людей) опирались на иерархии и сети родственных связей. Положение в системе родства оказывалось ключевой социальной категорией, родичи правителя назначались наместниками в подчиненных неродственных (или прямо инокультурных) племенах. Ритуалы совместных празднеств, обмен подарками, заключение браков являлись главными элементами поддержания власти, семья была фундаментальной политической категорией. Война была не только важным (для некоторых – основным) элементом экономической деятельности, но и ключевой формой взаимодействия, в рамках которой разрушение и смерть соседствовали с передачей знаний и заимствованием социальных институтов. Территориальная экспансия была тождественна культурному освоению и изучению

пространства, религиозные представления, политическая теория и научные знания были неразрывно переплетены. Современные исследователи высказывают различные предположения об “этничности” той или иной группы, зачастую известной лишь по археологическим раскопкам, однако в отсутствие письменных свидетельств все подобные предположения являются крайне условными. Эти особенности “прорастания” ранних форм государственности многое объясняют в истории региона.

Обращение к той эпохе и тому миру, который обозревал наш воображаемый наблюдатель северной части Евразийского континента, делает понятными трудности, ожидавшие попытки организации сколь-нибудь сложного общества на этой территории. Прежде всего, встает вопрос, для чего вообще могло бы понадобиться обитателям Северной Евразии объединяться. Жители тундры, охотники и рыбаки тайги и лесов и даже земледельцы зоны смешанных лесов с их подсечно-огневым способом ведения сельского хозяйства были ограничены в расширении своей социальной организации теми экологическими нишами, которые они занимали и от которых целиком зависели. Слишком тесное соседство угрожало подорвать численность дичи, затрудняло поиск нового участка леса под пашню поблизости от заброшенного, так что особого хозяйственного смысла в объединении не было. При существовавшей ничтожной плотности населения главную внешнюю угрозу могла составлять лишь немногочисленная группа других охотников или земледельцев: большая семья или племя, то есть такая же элементарная социальная группа. Более масштабное нашествие на затерянные в лесу небольшие поселки было маловероятно. Низкая интенсивность контактов даже между дружественными и родственными группами, отсутствие хозяйственных и военных стимулов к интеграции замедляли процесс усложнения общества.

Кочевники вошли в историю в образе огромных орд, сеющих смерть и разрушение на своем пути. На самом деле плотность населения в степи (а тем более в полупустынях и пустынях) ничтожна и малопластична – в отличие от оседлого населения, плотность которого способна многократно возрастать. Число кочевников всегда было сравнительно невысоким, но они обладали высокой мобильностью. Кроме того, в отличие от жителей лесных зон, кочевники способны на долгое время собираться большими скоплениями – при условии организованного совместного кочевания, позволяющего планомерно переходить на нетронутые пастбища. Именно кочевники создали первые масштабные

политические образования в северной части Евразии: скифское царство в Северном Причерноморье (с VII века до н.э.), “империю” Хунну на северных рубежах Китая (III–II века до н.э.), Тюркский каганат, который в VI веке н.э. распространил влияние на всем протяжении степной полосы от Маньчжурии до Северного Кавказа. Степные конфедерации могут возникать по внутренним причинам, в результате противостояния различных групп кочевников (из-за передела пастбищ или попытки подчинить соседей). Однако, по мнению исследователей кочевых обществ, устойчивость большим союзам кочевников (на десятилетия и даже века) придает только соседство развитых оседлых культур, с которыми они вступают в своеобразный симбиоз.

Дело в том, что кочевники-скотоводы степей Северной Евразии – сравнительно недавний феномен. Кочевничество является поздним этапом эволюции земледельческих народов и напрямую не связано с доисторическими бродячими охотниками и собирателями. Лишь с приручением собаки и, позднее, лошади (IV–III тыс. до н.э.) стал в принципе возможен мобильный выпас стад, широкое же распространение кочевой формы производства, а значит, и организации общества произошло еще позже. Зависимость кочевников от оседлых соседей являлась следствием высочайшей степени экономико-экологической специализации производства, приспособления всего жизненного уклада к годовому циклу перемещения стада между летними и зимними пастбищами, что достигалось ценой потери хозяйственной самодостаточности. Помимо производимых в избытке мяса, молока и шкур, номады нуждались в хлебе и шелке, серебре и железе и оказались главной движущей силой установления внутриконтинентальных связей и обмена, зачастую в форме войн и захватов. Именно возможность регулярного получения недоступных в степи товаров (через торговлю, набеги, сбор дани) придает смысл поддержанию жесткой иерархии власти и дисциплины в кочевой армии и построенной на ее основе своеобразной “кочевой империи”. Поэтому главным фактором консолидации кочевников степей Северной Евразии служили могучие земледельческие южные соседи – Китай, Персия, Византия.

В принципе, сходными были интересы кочевых обитателей степной полосы и по отношению к оседлым северным соседям – обитателям идеально подходящих для земледелия районов лесостепи и широколиственных лесов. Умеренный климат, сверхплодородная почва и достаток водных ресурсов позволяют развивать в этой зоне высокопроизводительное зерновое хозяйство без дополнительных технических и

организационных затрат, к которым вынуждены были прибегать южные соседи кочевников (систем орошения, трудовых армий рабов или жестко контролируемых свободных общинников). Однако отсутствие собственной государственности делало земледельцев в северном приграничье степей совершенно зависимыми от кочевых соседей (а отсутствие экономической заинтересованности в объединении и крайне низкая плотность населения еще более замедляли развитие политической организации).

В результате развитие земледелия и оседлых обществ в этих областях оказалось обусловлено политической ситуацией в степи. Упорядочение отношений между кочевыми союзами в рамках очередной степной “империи” создавало условия для сельскохозяйственной колонизации лесостепи, когда отношения степняков и земледельцев строились на долговременной основе. Регулярная дань как замена разорительных набегов и торговля были выгодны обеим сторонам. Причем “дань” в древние времена являлась не просто синонимом грабежа, а основной формой признания политического господства (*под-данства*), что означало взаимные обязательства: получающий дань правитель обязывался в обмен предоставлять защиту и покровительство. Дестабилизация степной политики в результате распада кочевой конфедерации, массовой миграции, войн больно ударила по земледельческим соседям: в эти периоды оседлые культуры приходили в запустение, откатывались под защиту густых лесов, на месте бывших поселений археологи находят следы сплошных пожаров.

1.3. Хазарский каганат и революционное преобразование кочевого общества

Границы между оседлыми цивилизациями юга, кочевниками степи и жителями лесостепных и лесных северных зон никогда не были непроницаемыми. И Византия, и Персия, и Китай вступали во временные союзы с одними группами номадов, чтобы защититься от других или использовать их в войне друг с другом. Однако даже Великое переселение народов и последовавшее падение Западной Римской империи под ударами варваров не уничтожили структурную изолированность южных оседлых цивилизаций и степного кочевого мира. Радикальное изменение происходит в VII веке нашей эры, когда Северная Евразия сталкивается с врагом, цель которого не просто грабеж и доминирование, но и распространение некой универсальной культуры: победоносным Арабским халифатом. Даже распадаясь на отдельные государства

(начиная с IX века), халифат оставлял после себя единое пространство исламского мира, которое представляло собой нечто большее, чем религиозное единство: общее культурное поле книжного знания и коллективного воображения.

Уже в середине VII в. происходит арабское завоевание персидской империи Сасанидов, Византия теряет значительную часть территории под ударами новых завоевателей. В 661 г. все Закавказье оказывается завоеванным арабами, которые окончательно закрепляют свое господство на Кавказе в начале VIII в., занимают значительную часть Средней Азии и доходят до индийского Пенджаба. Дальнейший путь на север арабам на Кавказе преградил Хазарский каганат, который оказался своеобразным мостом между отдаленными лесными обществами северных лесов и Византией, протянувшись с севера на юг вдоль Волги и Дона, от северной границы лесостепи до Закавказья.

Начальный период истории хазар типичен для кочевых обществ евразийских степей: вероятно, они были одним из племен кочевников, пришедших из Азии в ходе Великого переселения народов (в IV–VII вв.), входили в состав конфедерации племен Тюркского каганата. Первые упоминания о хазарах относятся к середине VI в., когда они участвовали в набегах на Сасанидскую державу. Хазары становятся стратегическими союзниками Византии, участвуя в ее войне с Сасанидами 602–628 гг. Война принесла богатую добычу: хазары разграбили Кавказскую Албанию (в 627 г.), совместно с византийцами захватили Тбилиси. Вскоре окончательно разваливается Тюркский каганат, и на его западных землях возникают две конфедерации кочевников: Великая Болгария (основана ханом Курбатом в 632 г.) в Причерноморье и Хазария в Прикаспийских степях. Спустя поколение, после смерти Курбата, Болгария распалась на пять орд под предводительством его сыновей. Под натиском хазар болгарские орды мигрируют в другие края: одна уходит в низовья Дуная и основывает Болгарское царство, другая уходит в донские степи. Часть болгар переселяется в Италию (в район Кампании), часть – в Центральную Европу, где в это время господствует Аварский каганат, а часть осталась на месте, признав власть хазар. В результате в последней трети VII века Хазария контролирует степь к западу от Волги, а ее правитель принимает титул кагана – высший у кочевников Евразии.

Наступает очередной цикл стабилизации в степях Восточной Европы: хазары останавливают поток новых групп кочевников из Азии, в то время как сами устанавливают устойчивые связи с оседлыми соседями.

ми. Хазары ведут торговлю с византийскими владениями в Крыму и частично переходят к оседлому образу жизни по соседству, на Тамани, а также в Дагестане, где занимаются виноградарством. В то же время основным занятием хазар является кочевое животноводство, а за военной добычей – важным элементом экономики кочевников – они отправляются в грабительские походы в Закавказье.

Несмотря на наличие сложных иерархий родства, общество кочевников фундаментально эгалитарно: каждый взрослый мужчина – вооруженный воин, который может оказать сопротивление попытке принуждения или в крайнем случае откочевать со своей семьей прочь. Поэтому власть вождя покоится на его авторитете старшего, но также на способности возглавлять победоносные походы, приносящие добычу. Исследователи разных кочевых обществ отмечают ключевое значение харизмы (зачаровывающей притягательности личности) вождя для подчинения ему остальных членов сообщества. Хазары не были в этом отношении исключением. Их настолько поражал масштаб власти, оказавшийся в руках кагана, что они воспринимали ее как сакральное (божественное) явление. Каган воспринимался не источником, а проводником власти. За это ему воздавали высокие почести, но всего лишь как исполнителю священной функции. В результате верховный правитель хазар оказывался заложником или даже рабом собственной власти. Рассказывали, что главной частью церемонии возведения на престол кагана было удушение его шелковым шнуром: теряя сознание, он должен был назвать число лет своего правления. По прошествии этого срока его убивали, и каганом становился его преемник из “царского” рода. Если новый каган “заказывал” себе слишком продолжительное правление, его все равно убивали по достижении сорокалетнего возраста, так как считалось, что с возрастом божественная сила *кут'* покидает правителя. Возможно, эти истории – всего лишь плод фантазии жадных до экзотики и слухов арабских путешественников, но даже в этом случае они свидетельствуют о том, что власть начинает осмысливаться как самостоятельный феномен, отдельный от родственных отношений. Просто вместо того, чтобы воплощаться в особый политический институт – государство, идея власти и сопряженной с ней высочайшей ответственности осмысливалась в рамках религиозных ритуалов.

Впрочем, семейные связи продолжали играть ключевую роль даже при назначении нового кагана, который мог принадлежать лишь к “царскому” роду. Согласно “лестничному” принципу наследования, принятому в степи (по крайней мере, у тюрков), власть переходила от

старшего к младшему брату, после к сыновьям старшего брата, затем к сыновьям младшего и т.д. Этот принцип способствовал поддержанию горизонтальных связей между родами, которые в условиях степи могли через одно-два поколения навсегда разойтись и затеряться, и обеспечивал консолидацию кочевого общества. Заимствованный в дальнейшем оседлым населением (например, восточными славянами), в условиях буквальной “недвижимости” земельной собственности и территорий (в отличие от пасущихся в обширной степи стад), этот же принцип наследования стал барьером на пути к политической консолидации.

Однако это произойдет несколько веков спустя, а в VII веке хазары занимают срединное место в цепочке степных конфедераций, между Аварским каганатом в Панонии (на землях современной Венгрии, Словакии и Румынии) за Карпатами и Восточно-тюркским каганатом за Уралом. Со временем они должны были повторить судьбу своих предшественников и, расколовшись, войти в состав новой кочевой конфедерации, предоставив исследователям спорить о том, считать ли ее тюркоязычной, ираноязычной или монголоязычной (при отсутствии надежных письменных свидетельств и ввиду постоянного смешения разных групп кочевников). Однако вторжение арабов в Дагестан в начале VIII в. и явное стремление продвинуться дальше на север создает принципиально новую угрозу хазарам: арабов нельзя включить в конфедерацию подчиненных племен, но нельзя и войти в прежнем виде в их политическое объединение на правах младшего партнера. Эти традиционные стратегии степной “политики” обеспечивали преемственность степных конфедераций, в значительной степени делающую бессмысленным вопрос об “этничности” того или иного объединения номадов.

Продолжая традицию партнерства с Византией, хазары помогали сдерживать арабов в Малой Азии. Они способствовали провалу осады Константинополя войсками халифата в 716–718 гг., в очередной раз напав на Кавказскую Албанию и сковав часть арабской армии (а заодно вновь разграбив край). В 730–731 гг. хазары вторглись так далеко на арабскую территорию, что, разбив 25-тысячное войско, дошли до города Мосул в Северном Ираке. Однако будущий халиф Марван II (Марван Глухой), опытный полководец, в 737 г. предпринял карательную экспедицию против Хазарского каганата силами большой (называют цифру в 120 тысяч) армии. Арабы захватили столицу каганата Семендер (где-то в Северном Дагестане, у Каспийского моря) и продолжили преследование уходящего в глубь степей кагана. Где-то в междуречье

Волги и Дона арабы разбили войско кагана, а условием заключения мира стало обещание кагана принять ислам.

Арабская угроза миновала: Марван вернулся на юг, и в дальнейшем халифат уже не претендовал на Северный Кавказ. Реального перехода кагана в ислам так и не состоялось, но последствия арабского нашествия оказались для хазар крайне важными. Хазары уходят с Северного Кавказа дальше, на северо-восток, поднимаясь все выше по Дону и Волге. Новой столицей становится Итиль в дельте Волги, а прежняя – Семендер – оказывается на южной границе Хазарии. Вместе с географическим перемещением происходит постепенная социально-экономическая переориентация населения каганата: сохраняя кочевое скотоводство в степях Северного Причерноморья и Волго-Донского междуречья, его южная часть (в Крыму, на Тамани, в Северном Дагестане) и северная (на Средней Волге и в Прикамье) переходит к оседлому земледелию. Более того, контролируя течение Волги от зоны лесов до впадения в Каспийское море, хазары получают контроль над ключевой торговой артерией между севером и югом. Значение Волги резко возрастает именно благодаря беспрецедентной экспансии арабского халифата, который создал обширное торговое пространство и рынок для северных мехов, меда, воска и льна от Кавказа и Средней Азии до Индийского океана. Как считают некоторые исследователи, постепенно волжская торговля становится главным источником доходов каганата, который из типичной кочевой степной конфедерации трансформируется в раннее государство, становясь своеобразным мостом, впервые связывающим изолированные сообщества северных краев и высокоинтегрированные общества юга Евразии.

Не меньшее значение имела попытка арабов обратить хазар в ислам. Как и большинство кочевников евразийских степей I тысячелетия н.э. (независимо от их “этнической” или языковой принадлежности), хазары исповедовали тенгрианство. Они верили в верховного бога Вечное небо (Тенгри), священную Землю-Воду и менее важных божеств, воплощавших силы природы. Тенгрианство помогало различным группам кочевников находить общий язык (в прямом и переносном смысле слова), но не представляло настолько жесткую и изолированную культурную систему, как монотеистические религии. С усложнением общества монотеизм оказывается все более привлекательным для населения и, в свою очередь, способствует дальнейшей консолидации общества и власти правителя.

Разгром арабами войск кагана в глубине его собственной территории превратил религию из вопроса культурного и мировоззренческого

в ключевой политической фактор. В 737 г. хазары не приняли ислам, но около 740 года один из хазарских полководцев и глав знатнейших родов Булан публично принял иудаизм. Как и в случае многих других обстоятельств хазарской истории, полного согласия по вопросу о дате этого события среди историков не существует, однако прямая связь между решением Булана и политической ситуацией вокруг каганата очевидна. Хазария приобретала все больше признаков централизованного раннегосударственного образования, для которого требуется картина мира, не только объединяющая всех желающих вступить в кочевую конфедерацию племен, но и проводящая четкую границу с внешним окружением. Эта картина мира должна быть пронизана представлением о четкой иерархии и неоспоримости верховной власти – во вселенной и в каганате как ее малом подобии. Ислам был религией главного противника, христианство – главного союзника, и именно поэтому эти религии непосредственных соседей не подходили на роль “официальной” религии каганата. Их принятие создавало угрозу постепенной утери политической самостоятельности (суверенитета) и культурной отдельности хазар. Выбор иудаизма высокопоставленным вождем (а значит, и главой обширного клана) был нестандартным решением (иудаизм не предполагает прозелитизма, то есть массового привлечения иноверцев), но вполне логичным с точки зрения внешних отношений Хазарии.

По мнению некоторых исследователей, опирающихся на крайне отрывочные сведения, выбор иудаизма какой-то частью хазарской знати можно также рассматривать в качестве косвенного подтверждения возросшей роли торговли в экономике Хазарского каганата. В VIII веке трансконтинентальной караванной торговлей в Евразии (от Китая до долины Роны во Франции) занимались еврейские купцы. Некоторые источники называют их рахдонитами: возможно, от персидского выражения “знающие путь”, а может быть, по названию местности в Северном Иране или даже во Франции (долина Роны на латыни – *Rhodanus*). Как это всегда бывает с социальными группами древности, трудно четко соотнести рахдонитов с определенной “профессией” (купцы), этнической группой (евреи) или кланом. Вероятно, корректнее всего представлять их наподобие своеобразного “ордена” купцов, в который могли принимать людей разного происхождения, но обладающих необходимыми навыками и способными включиться в сетевую структуру, основанную на доверии, подкрепляемом, в том числе, родственными связями. Известно, что они владели множеством

языков и поддерживали сеть караванной торговли на всем протяжении Великого шелкового пути и вдоль рек Восточной Европы. Можно предположить их присутствие в Итиле: после дестабилизировавших регион Ирано-Византийских войн VI века и введения византийцами непомерных пошлин с караванов маршрут Великого шелкового пути был изменен. Караваны стали огибать Каспийское море не с юга, а с севера, проходя мимо Итиля. В условиях напряженного и непрерывного мусульманско-христианского противостояния с началом экспансии арабского халифата преимущественно иудейские рахдониты были единственной группой, способной осуществлять посредничество и присутствовать как в исламских, так и в христианских землях. Так или иначе, не представляя никакой организованной политической силы в регионе, иудаизм давал хазарам стратегические выгоды и, к тому же, подтверждал их статус покровителей караванной торговли.

Переходный характер хазарского каганата проявился в том, что возникновение нового не приводило к замещению и уничтожению старого, но уживалось с ним. Так, перенеся столицу в Итиль, хазары не забросили Семендер, лишь изменили его статус. Развитие торговли и земледелия не привело к полному отказу от кочевого скотоводства. Принятие иудаизма Буланом не означало радикальной религиозной реформы: в Хазарии уживались все конфессии. Крым был населен язычниками и христианами (христианство распространялось и в Дагестане), гвардейцы были мусульманами (с правом не восевать против единоверцев), а сам каган оставался воплощением божественной силы Тенгри. Однако реальными правителями Хазарии на рубеже VIII и IX вв. становятся именно принявшие иудаизм потомки Булана, занимающие пост бека и передающие его по наследству от отца к сыну (а не по традиционной лестничной схеме). Каган оставался скорее сакральной фигурой и чисто номинальным правителем в этой системе двойной власти. Соправительство вообще характерно для кочевых политических образований, однако в Хазарии, похоже, речь шла не просто о “старшем” и “младшем” правителях, отвечавших за разные территории, а о принципиальной “дифференциации” характера власти каждого и даже принципов наследования. Не последнюю роль в умалении политического веса кагана играло фактическое прекращение походов на юг за добычей и снижение значения набегов для процветания хазар.

Таким образом, на протяжении VIII столетия происходит внутреннее перерождение типичной кочевой конфедерации. Прежде объединения кочевых племен распадалась, когда перекрывался доступ к богатствам оседлых

соседей, а вождь терял власть, как только не мог доказать свое право на нее победоносными набегами. Хазары сделали шаг в направлении развития государства как механизма поддержания социального порядка путем перераспределения внутренних ресурсов. Кочевые союзы (иногда называемые даже “империями”) не являются государствами в строгом смысле слова: кочевники не платят налоги, у них нет отдельного слоя профессиональных чиновников и судей, нет специализированного карательного аппарата, который монополизирует право на применение насилия. Клановая аристократия заменяет правительственных чиновников, все взрослое мужское население одновременно является армией, и насилие, хоть и регламентированное традицией и ритуалами, не является эксклюзивной привилегией особой категории чиновников. Не порывая полностью со своим кочевым прошлым, к IX веку Хазария сумела создать гибридную политическую и социально-экономическую систему, позволившую ей выжить в новых условиях.

Каганат был разделен на несколько областей, которые отличались по составу населения, способам управления и хозяйственному укладу. Волжско-Донское междуречье было центром каганата, где хазары сохраняли традиционный кочевой образ жизни. Ежегодно, с апреля по сентябрь, бек объезжал центральную область, там же кочевали главы аристократических родов. Приверженность старым кочевым традициям не только служила поддержке власти бека, но и позволяла противостоять давлению кочевников из Азии, до поры до времени “переваривая” их. Так, в начале IX в. через Волгу переправились племена венгров, которые на несколько десятилетий осели в Причерноморье, признав главенство хазар как кочевой конфедерации племен вместо того, чтобы разорить и разграбить города и посеять (как это случилось бы, будь Хазария обычным оседлым государством).

Столица – Итиль – представляла противоположность традиционной степи. Правосудие вершили семь специальных судей: по два на каждую монотеистическую религию и один для язычников. Население столичной области должно было нести регулярные натуральные повинности (немыслимые в среде кочевников), а ремесленники и купцы платили налог. Вместо всеобщего ополчения кочевников, армия представляла собой состоявшую на платной службе дружину профессиональных воинов-гвардейцев, исповедовавших ислам.

Ключевые торговые центры охранялись хазарскими гарнизонами, специальные чиновники собирали пошлину с караванов, проходивших по суше и проплывавших по Волге. Есть сведения, что в Крыму, где

интересы Хазарии пересекались с интересами Византии, в какой-то период действовали наместники бека. Обширные же территории, населенные подчиненными каганату племенами, не имели прямого управления из Итиля и сохраняли свою внутреннюю структуру, как это было принято в кочевых конфедерациях. Венгры и аланы на юге, славяне и болгары на севере платили дань и обязаны были выставлять войско в случае войны, но этим и исчерпывалось их “хазарство”.

1.4. Волжская Булгария и возникновение ранней государственности

Хазарский каганат не был самым могучим или самым обширным политическим объединением Северной Евразии своего времени. Достаточно сказать, что его трансформация после принятия иудаизма частью родовой аристократии и возвышения бека совпала по времени с возникновением Франкской империи Карла Великого (последние десятилетия VIII века). Случай хазар примечателен тем, что они создавали новые формы государственности, не имея возможности использовать опыт предшественников, покоренных или добровольно принявших новую власть. И Византия, и арабский халифат, и древние государства Закавказья играли роль внешних факторов в становлении Хазарии как совершенно самобытного политического образования Северной Евразии. Хазары создали новое социальное пространство, преодолевавшее границы природных экологических зон и соединяющееся с другими развитыми социально-культурными пространствами, создавая саму возможность помыслить фрагмент земной поверхности как “регион”. Выполняя роль свособразного моста, соединяющего различные культуры севера и юга, Хазария оказала особое влияние на северную периферию каганата.

Неравномерность вклада Хазарии в обновление политической культуры Северной Евразии отчетливо проявилась в ситуации кризиса. Около 889 года венгерские племена, являвшиеся частью каганата, откочевывают в Паннонию, за Карпатами, и с ними уходит три собственно хазарских рода. Эта ситуация вполне обычна для степных конфедераций номадов, и свидетельствует она о том, что ничего принципиально нового в степной своей “ипостаси” хазарский каганат не создал. Было ли причиной ухода дружественных и даже родственных племен давление наступающих из Азии новых орд кочевников (печенегов), недовольство правлением беков-иудеев или тяга номадов к перемене

мест – для решения проблемы оказалось достаточно собрать шатры и отправиться в путь.

Совершенно иное решение вопроса “сецессии” (отделения) было предложено чуть позже, на противоположном северном рубеже каганата. Постепенно мигрируя вверх по Волге из Прикаспийских степей, к началу X века оставшаяся в составе Хазарии часть болгар окончательно обосновалась на Средней Волге, у места впадения Камы, на границе лесостепи и леса. Предводитель болгар входил в родовую аристократию Хазарского каганата с титулом эльтебера, то есть правителя вассального народа. Как и все подчиненные племена, болгары должны были нести определенные повинности каганату: предоставлять войско и платить дань, впрочем, весьма умеренную, едва ли не символическую – по меховой шкурке с дома. Тем не менее настал момент, когда болгары попытались обособиться от Хазарии. Традиционные степные стратегии поведения предполагали два варианта действий в этой ситуации: уход на новые земли (как поступили венгры) или разгром прежнего суверена с целью занять его место (как поступили в свое время хазары, заняв место Великой Булгарии). Булгары не захотели уходить и не захотели воевать с каганатом, продемонстрировав совершенно новое осмысление границ общества и пространства: было принято решение принять ислам как официальную религию. Сама идея добровольного выбора веры и стратегическое обоснование такого выбора (булгары не граничили ни с одной мусульманской страной, зато ислам проводил символическую границу между ними и иудейскими и тенгрианскими правителями Хазарии, заодно нейтрализуя угрозу со стороны хазарской гвардии, не сражавшейся с мусульманами) выдает влияние новой хазарской политической культуры. Булгары сделали следующий шаг, объявив новую религию обязательной для всего населения своей земли, тем самым добившись небывалого прежде в этих краях уровня сплочения общества и контроля над населением.

Мы не знаем обстоятельств первоначального распространения ислама среди болгар. Видимо, для официального оформления принятия новой религии примерно в 921 г. эльтебер Алмуш пригласил посольство из Багдада – недавно основанной столицы Арабского халифата, расположенной в трех с половиной тысячах километров к югу (свыше трех месяцев пути по прямой). Реально путешествие посольства заняло 11 месяцев: обходя хазарские земли с востока, через среднеазиатский Хорезм, караван официальных посланников, купцов и духовенства, везущих с собой пожертвования на строительство мечети и книги,

прибыл в город Болгар только в мае 922 г. Принявший ислам эльтебер Алмуш стал называться эмиром Джафаром ибн Абдаллахом: и титул, и имя превратили вождя подчиненного хазарам племени в “исламского князя”, встроенного совсем в иную социальную иерархию. Формально над эмиром Волжской Булгарии имел власть халиф, но Багдад был так далеко, что практического влияния на дела болгар оказывать не мог.

Таким образом, в глубине континента вне прямого и постоянного контакта с развитыми древними культурными центрами и государственными образованиями происходит самоорганизация кочевого племени в более сложное политическое образование. Параллельно происходит процесс переосмысления собственного сообщества при помощи идей и понятий новой универсальной культуры, распространенной далеко за пределами болгарского племени или даже кочевого мира: ислама. Граничащие с лесной и даже таежной зоной Евразии болгары оказываются включенными в общее воображаемое пространство, наряду с Хорезмом, Багдадом и даже Мединой, делая свою далекую страну частью этого пространства. Так же и локальное, местное знание болгар об их соседях включалось в каталог возникавшей универсальной картины обитаемого мира. Этот процесс расширения знаний об обитаемой “вселенной” можно наглядно видеть в “Записках” Ахмеда Ибн-Фадлана, который принял участие в посольстве 922 г. и оставил бесценные сведения о булгарах и окружавших их народах. Став частью одной универсалистской картины мира (в данном случае мусульманской, арабо-персидской культуры), локальное знание болгар могло “переводиться” на другие универсалистские “языки”, например византийско-христианской культуры. Таким образом происходило культурное освоение прежде обитаемой, но “невидимой” Северной Евразии, где отдельные коллективы людей не имели общего культурного “языка” и самой необходимости осмысливать эту территорию как целое и передавать свое знание о ее различных уголках.

Волжская Булгария во многих отношениях продолжила революционную трансформацию кочевого общества изнутри, начатую Хазарией. Провозгласив себя эмиром, вслед за хазарскими бскаками бывший эльтебер Алмуш установил прямую передачу власти по мужской линии от отца к сыну, порвав с традиционной степной лестничной системой наследования. Принятие ислама позволило сплотить различные племена, входившие в союз Волжских болгар и подчинявшиеся эльтеберу (как те, что пришли вместе с булгарами с низовьев Волги, так и те, что обитали в этих местах прежде). Притом, объявив ислам обязательной

религией для всех, Алмуш вызвал противодействие части болгарской родовой аристократии (чего удалось, по-видимому, избежать Булану в Хазарии, коль скоро принятие иудаизма было делом выбора отдельных родов). Есть свидетельство о том, что против принятия ислама восстала часть знати, которую возглавил князь Аскал, но протест был подавлен силой. Достоверность этой информации, как и большинства сведений об этой эпохе и этих краях, неясна, но такой реакции было бы логично ожидать, коль скоро поголовное обращение в ислам не могло быть ни “естественным”, ни единодушным, но являлось сознательным и продуманным выбором правителей.

Более последовательной, чем в Хазарии, была и перестройка экономики Волжской Булгарии. Скотоводство продолжало играть важную роль в хозяйстве; вероятно, в южных районах оно носило кочевой характер. Неслучайно три столетия спустя, во время монгольского нашествия, на землях Булгарии целый год стояла монгольская оккупационная армия, сделав Булгар ханской ставкой: это значит, что пастбища Волжской Булгарии были в состоянии обеспечить кормом огромное количество лошадей и скота. Однако главным занятием булгар стало земледелие: выращивание пшеницы, ячменя, проса, чечевицы, бобов. Летописи домонгольского времени неоднократно упоминают не просто о торговле хлебом в Волжской Булгарии, но и о том, что во время голода, вызванного неурожаем, жители соседних княжеств отправлялись за зерном именно в Булгарию. Земледелие в лесостепной зоне позволяло повысить плотность населения, и его постепенный рост приводил к другому важному последствию: формированию институтов государства.

Кочующих по степи скотоводов, даже если их кочевые маршруты ограничены родовой территорией летних и зимних пастбищ, трудно систематически контролировать и эксплуатировать – то есть создавать порядок управления, не зависящий только лишь от харизмы вождя и заинтересованности кочевников в участии в походе за добычей. Редким ресурсом, контроль над которым может дать власть над многими, является водный источник – но этот фактор имеет значение в пустыне, а не на берегах одной из главных рек континента, какой являлась Волга. Другое дело – оседлое земледельческое население. Оно не так легко, как кочевые скотоводы, готово бежать от притеснения, не так быстро может собрать вооруженный отряд для отпора дружине вождя и, напротив, само заинтересовано в защите профессиональных воинов. Земля, пригодная для земледелия, да еще в обжитых местах, является

ограниченным ресурсом: со временем растущее население поселка или области начинает испытывать нужду в новой пашне, а контроль за родовыми землями (из которых можно получить новые участки под поля) зачастую принадлежит вождю. Все эти обстоятельства приводят к усилению власти правителя “вообще” (“правительства”), независимо от конкретной личности, являющейся в данный момент вождем, и от обычаев, предписывающих правила поведения рядовых и знатных членов общества.

В обществе, которое еще недавно было кочевой федерацией родов и племен, особое значение имеет момент, когда правитель начинает собирать подати со своего собственного народа (а не только с покоренных или подчиненных племен, как прежде). Есть свидетельства, что это произошло в Волжской Булгарии, где постепенное распространение ислама среди населения (что должно было занять много десятилетий) создало то общее социальное пространство, в котором реальные, все еще сохраняющие свою актуальность различия между племенами (языки, линии родства) нивелировались. С объявлением ислама всеобщей религией Волжской Булгарии появилась сама возможность помыслить “прирожденных” булгар, родственное племя сувар или подчиненные переселенцами из Хазарии местные финно-угорские племена как равных членов некоей надплеменной общности.

Не менее важно само обособление публичного пространства как “официального” – с официальной религией (параллельно с неофициально практикующимся язычеством), официальной властью эмира (параллельно с сохранявшейся иерархией местных племенных вождей и родовой знати), официального “коронного” суда (параллельно с действующими традициями обычного права). Именно постепенное разделение публичного и частного социального пространства создает основу для появления государства в виде институтов. Это значит, что происходит такое усложнение социальных связей и отношений, что часть из них принимает обезличенную форму, растождествляясь с конкретным носителем и специализируясь. Власть главы рода отделяется от власти военачальника, от власти верховного служителя культа и от власти правителя (князя, эльтебера, эмира). Воином теперь считается не любой член племени в состоянии вооруженного конфликта, а специально посвятивший себя военному делу и зарабатывающий только этим занятием на жизнь человек. Традиционный ритуальный обмен дарами членов родового или племенного союза (символическое подтверждение социального единства) и уплата дани как “замещение военного набега”

(признание подчиненности) постепенно трансформируются в систему натуральной повинности и налогов. Большая их часть поступает не в личное хозяйство князя, а на общественные нужды – такие как строительство укреплений или культовых зданий. И хотя распоряжается этими средствами сам же князь, различие между его частным делом и общественным интересом свидетельствует о появлении элементов государственности. Государство – не материальное и зримое здание, а система отношений и особый способ социального мышления, поэтому всегда непросто “замерить” степень его развития, особенно на ранних этапах. Судя по имеющимся – довольно ограниченным – сведениям о Волжской Булгарии, ее можно рассматривать как пример “автохтонного” развития некоторых элементов государственности: не опирающегося на прежде существовавшие формы и не подталкиваемого угрозой внешней агрессии. Невозможно переоценить роль Хазарии в формировании нового политического мышления у таких типичных степных кочевников, как болгары, которые постепенно мигрировали через все пространство Хазарского каганата, с Северного Кавказа до Средней Волги. Однако Волжская Булгария во многих отношениях оказалась принципиально новым политическим образованием, с более четкими признаками государственности. Для того чтобы более детально рассмотреть процесс кристаллизации государственных институтов из традиционных родовых и племенных отношений, в следующей главе мы обратимся к истории политического образования, изучению которого за последние столетия было уделено несопоставимо больше внимания, чем Хазарии и Булгарии вместе взятым: тому, что российские историки XIX в. дали название “Киевской Руси”.

1.5. Культурное самоопределение региона

Если бы хазары приняли ислам в 737 году н.э. после разгрома каганата войсками Арабского халифата (как и обещали победителям), в этом не было бы ничего нового и необычного. Многие народы, завоеванные арабами или находящиеся под их влиянием, перешли в ислам. Удивительно было то, что после 740 г. родовая знать хазар по собственной инициативе принимает монотеистическую религию – да еще и такую, которая не предполагает активного прозелитизма (распространения среди иноверцев). Спустя примерно полтора столетия история повторяется на северной периферии Хазарского каганата: Волжская Булгария в 922 г. принимает из далекого Багдада ислам как

официальную религию. Известно, что Хазария имела существенное мусульманское население, мусульмане могли присутствовать и в пределах болгарской территории, но важно, что инициатива принятия ислама исходила от самих болгар, а не от проповедников извне. Через несколько десятилетий, в 988 г., на северо-западной границе зоны влияния, прежде распространяемого каганатом (ныне клонящимся к упадку), и в месяце с лишним пути от столицы Волжской Булгарии на юго-запад в Киеве на Днепре христианство объявляется официальной религией князем Владимиром Святославичем.

Структурно ситуация идентична принятию монотеистической религии в Хазарии и Булгарии: стратегические соображения объясняют выбор веры не ближайших соседей (в данном случае, болгар-мусульман и хазар-иудеев), а дальнего и лишённого реальной возможности вмешательства союзника. Повторяется в хрониках даже архетипический сюжет с выбором веры: согласно поздней летописи, киевский князь Владимир, прежде чем принять христианство из Византии, выслушал аргументы представителей ислама (болгар), иудаизма (хазар) и “немцев”, представлявших “западное” христианство (в действительности еще не отделившееся от “восточного” византийского в то время). Так же и принятию иудаизма хазарами предшествовал диспут представителей трех монотеистических конфессий: мусульманин доказывал превосходство ислама над христианством, христианин – обратное, но оба признавали иудаизм как “наиболее истинную” религию после их собственной... Обращение в конце X в. в христианство оседлого разноплеменного населения лесостепной и лесной зоны среднего и верхнего Приднепровья и более северных территорий вплоть до Балтики оказывается важным этапом процесса, начавшегося еще в VIII в.

в прикаспийских степях. Огромная территория, протянувшаяся в меридиональном направлении от Каспийского моря до Балтийского, от Дуная и Карпат на западе (границы с Византией и переселившимися на Дунай венгерскими племенами) до Урала на востоке оказалась включенной в несколько взаимосвязанных и частично взаимопересекающихся универсалистских культурных пространств: воображаемое пространство христианского мира и мира ислама. Попадание на карту культурного воображения радикально изменило статус географических пространств этой части Северной Евразии: пространства были осмыслены как “земли” (территории с характерным населением), находящиеся в определенных отношениях друг с другом и располагающиеся особым образом. Таким образом, у физической

категории “пространства” появилось культурное измерение, задающее его интерпретацию (и не одну), границы (зачастую оспариваемые) и хронологическую перспективу (историю и проекции будущего). С этих пор любые политические образования начинают осмысливаться в координатах воображаемой географии, а географическое пространство политизируется. Культурная близость и экономическое соперничество находят “объективное” обоснование в конфигурациях пространства, а географическая абстракция Северной Евразии (пока что от Балтики до западного Предуралья) обретает внутреннее наполнение.

1.6. Обратная перспектива: 862 год на Юге и на Западе

Древнейшая историческая хроника с относительно надежной датировкой событий, дошедшая до наших дней, из числа созданных на территории Северной Евразии – “Повесть временных лет”, составленная в Киеве на Днепре в начале XII века. В ее основе лежали более ранние редакции, возможно, созданные даже столетием ранее, а самое раннее событие, относящееся к региону, датировано в ней 862 годом. К сожалению, не сохранились ни хазарские, ни булгарские хроники – если они вообще создавались. Поэтому немногочисленные письменные свидетельства, оставленные этими культурами и дошедшие до нас, дают крайне фрагментарное представление о последовательности событий и их участниках. Историки пытаются осмысливать эти фрагменты – будь то письмо хазарского бека середины X века или булгарские надгробные эпитафии XIII века – в сочетании с отрывочными сообщениями иноземных путешественников, сопоставляя с относительно стройной (хотя и избирательной) хронологией “Повести временных лет” и связанных с ней летописей на древнерусском языке. Однако прежде, чем перейти к событиям, изложенным в “Повести”, важно ее собственную хронологию и событийную канву сопоставить с историческими обстоятельствами окружающих земель.

“Повесть временных лет” является, вероятно, первым – и, во всяком случае, самым влиятельным – манифестом самостоятельности и самодостаточности возникающего пространства культурного взаимодействия между Карпатами и Уралом, Балтикой и Черным морем. Невозможно понять логику и своеобразие процессов политической и культурной самоорганизации на землях Северной Евразии без экскурса (хотя бы краткого) в синхронную историю соседних письменных земледельческих цивилизаций.

В 862 году н.э. только что взошедший на престол в Багдаде арабский халиф Мустаин признал князя Ашота из рода Багратидов патриком Армении, зависимой территории халифата в Закавказье. Армения (Армина) была названием одной из древнейших земель на периферии средиземноморско-ближневосточного мира, известной еще в 521 г. до н.э. как сатрапия (провинция) персидского царства Дария I. На этой территории с разнородным населением возникали и распадались политические образования, подчас подчинявшие себе отдаленные соседние земли или, в свою очередь, становившиеся объектами завоеваний. То, что и спустя более тысячелетия сохранилось представление об отдельности этой земли (будь то сатрапия Ахеменидов, наместничество Селевкидов или царство Великая Армения со II в. до н.э.), являлось результатом, в первую очередь, природно-географической локализации. В разные эпохи речь шла о территории, более или менее совпадающей с границами Армянского нагорья (восток современной Турции, западная часть Азербайджана и Ирана, юг Грузии и собственно Армения). Однако со временем “географический фактор” был переосмыслен как исторический и культурный: несмотря на изменяющиеся названия царств, смену господствующих языков и религий, жители региона привыкли думать об Армении как обособленной земле (территории с особым составом населения). Ее отдельность воспринималась теперь не столько в силу ландшафта и приспособленного к нему хозяйственного уклада, сколько потому, что она существовала “всегда” и уже превратилась в ключевой маркер на культурной карте обитателей Средиземноморья и Ближнего Востока. Новые провинции и царства начинали вписываться в эти культурно обусловленные “естественные” границы политического воображения, даже когда в результате военного противостояния территория Армянского нагорья оказывалась поделена между могущественными державами (как это произошло в VII–VIII вв. в результате противоборства Византии и Арабского халифата).

Поэтому неудивительно, что принадлежавшая халифату часть Армянского нагорья была выделена в отдельную провинцию. Назначение правителем представителя древнего местного рода Багратидов, которые утверждались наместниками и в пору византийского владычества, имело далеко идущие последствия. Политическая логика оказалась в плену пространственного воображения: с точки зрения халифа, Ашот служил халифату, но с точки зрения региона выглядело так, что представитель местного аристократического рода получил дополнительную санкцию на власть от самого халифа. Экспансионизм честолюбивого

правителя Армении стал причиной отправки уже в 863 г. карательной экспедиции против Ашота, однако войска халифата (точнее, подчиненных ему соседних с владениями Ашота эмиратств) были разбиты. В 875 г. области вокруг города Ани в Закавказье подчинились власти Ашота Багратида, а спустя десять лет и Багдадский калиф, и Византийский император признают Ашота царем самостоятельного Анийского царства, занимающего буферное положение между двумя соперничающими империями. Появление самостоятельного христианского царства на территории халифата в Закавказье было частью общего процесса нарастания децентрализации халифата Аббасидов. К началу IX в. местные династические режимы возникают во всех провинциях, даже в непосредственной близости от Багдада. Фактически независимой династией становятся к 875 г. и Саманиды – персидские правители Центральной Азии, под властью которых находились древние культурные центры Хорасана и Мавераннахра: Мерв, Бухара, Самарканд, Хорезм, Фергана.

Название самой северной провинции халифата в Центральной Азии – Мавераннахр (араб. – “заречь”) – подчеркивает фундаментальность географических факторов в определении границ исторических регионов, но также передает определенную перспективу наблюдателя в культурном пространстве местной ментальной географии. Со времен завоевательного похода Александра Македонского, эллинизовавшего культуру Центральной Азии, территорию к северу от Амударьи называли Трансоксиана, что значит то же самое: земли на другом берегу реки с точки зрения южанина. И действительно, долгие столетия не существовало альтернативного взгляда “северянина” как представителя иной стабильной и достаточно универсалистской культуры: к северу от плодородной Ферганской долины и Сырдарьи начинались пустыни и степи, населенные кочевыми племенами. У кочевников было свое представление об окружающем мире, в том числе и о манившей своими богатствами Трансоксиане/Мавераннахре, но не было желания и возможности сделать это знание доступным за пределами локального сообщества. Таким образом, в IX веке земли Саманидов находились в сфере старого “южного” культурного мира, а не “Северной Евразии”, пока еще не существующей как социальное пространство.

Парадоксальным образом фактический развал Халифата как единого политического целого был вызван в значительной мере именно развитием государственных институтов. Распространение единой системы сбора податей, судопроизводства и комплектования местных

гарнизонов на обширных пространствах, покоренных халифатом, разрастание аппарата местной администрации со временем сделало избыточным существование формального административного центра. Меньшими по размеру государствами было быстрее, дешевле и эффективнее управлять. Раздробленности также способствовало сохранение местных региональных традиций, тем более когда они усиливались (как в случае армянских земель Ашота Багратиды) сохранением иной религии.

Вместе с тем, политическая раздробленность вдоль границ исторических “земель” сопровождалась усилением общисламского самосознания, несмотря на растущую поляризацию между суннитами и шиитами (сам религиозный раскол в исламе можно рассматривать как следствие интенсификации религиозного чувства и усложнения системы верований). На эпоху правления Аббасидов (749–1258) приходится и расцвет “арабской культуры”, которую точнее было бы назвать арабоязычной, ибо арабский стал общим языком высокой культуры для представителей самых разных народов, от Ферганской долины до Северной Африки. Политическая раздробленность вносила уточнения в воображаемую карту обитаемого мира, на ней появлялись новые государства, династии и даже народы, но сама карта оставалась более или менее общей на всем пространстве арабской культуры и знакомой с ней периферии.

Стремительное появление, победоносная экспансия и начало раздробления Арабского халифата заняло менее двух столетий (с 632 г. до начала IX в.). По сравнению с этим историческим динамизмом западный сосед и основной противник Халифата – Византия – выглядела оплотом традиции и стабильности. Формальная самостоятельность Восточной римской империи со столицей в Новом Риме (до 330 г. носившей имя Византий, после – более известной своим неофициальным названием Константинополь) отсчитывается с 395 г. н.э. Смена династий и внутренние кризисы, потеря и возврат территорий, борьба между разными интерпретациями христианской религии не могли подорвать фундаментальную устойчивость империи. Спустя почти половину тысячелетия после своего возникновения, в середине IX века, Византия вступает в очередной этап подъема, связанного с приходом к власти так называемой Македонской династии в 867 г. Прекращается период внутренних смут, успех сопутствует во внешней политике, государственный аппарат достигает степени специализации и масштабов, непредставимых в то время нигде – пожалуй, кроме Китая.

Интересно, что формализация институтов власти и механизмов управления обществом не привела в Византии к децентрализации и раздробленности, в отличие от Халифата.

Во-первых, важнейшую роль в сохранении единства страны играла церковь, которая в Византии находилась под контролем императора. В отличие от ислама, христианская церковь представляет собой жесткую иерархическую вертикальную структуру. Если халиф оставался символическим лидером всех мусульман (что не предполагало обязательного постоянного политического господства), то Константинопольский патриарх (и тесно связанный с ним император) еще и опирались на духовенство как на разветвленную социальную структуру, пронизывающую все слои общества во всех провинциях и безоговорочно подчиненную Константинополю.

Во-вторых, государственные институты Византии развивались имперскими властями осознанно, опираясь на правовую традицию Римской империи и собственный опыт. Об искусстве управления и о подготовке профессиональных чиновников писались трактаты, а административная система корректировалась путем рациональных реформ. Важнейшую роль сыграл перевод административного деления начиная с VIII в. на систему военных округов – *фем*. Границы фем не совпадали с историческими землями, а главная роль в них принадлежала не местной аристократии, а назначаемым императором генералам (стратигам). Для империи, располагавшейся на территориях с древними традициями собственной государственности (или, во всяком случае, с собственной родовой знатью), это была не просто военная реформа: как показывает история Багратидов (или Саманидов), Арабский халифат не случайно распадался по границам провинций, совпадавших с территориями исторических регионов и некогда покоренных царств.

В-третьих, население Византийской империи было действительно заинтересовано в сохранении ее единства. Христианское большинство опасалось экспансии арабов-мусульман, которую едва сдерживали войска империи (правда, при этом многие объявляемые еретиками приверженцы диссидентских христианских течений бежали из Византии и укрывались от гонений на территории Халифата). Жители пограничных областей – а таких было большинство в силу особенностей географии Византии – страдали от набегов кочевых и полукочевых племен, приходивших с Восточноевропейской равнины. Кроме того, Константинополь был не просто административным центром, а величайшим торговым центром своего времени. Это был главный рынок сбыта для

всех товаров, производимых в империи, и главный источник любых товаров, привозимых в нее. В эту эпоху торговля являлась основным — наряду с победоносной войной — источником богатства и стимулом к поддержанию контактов между разными землями и народами. Являться подданными Константинополя было выгодно.

Наконец, несмотря на культ традиционализма и беспрецедентный для раннего Средневековья уровень формализации государственных институтов, византийское общество сохраняло очень высокую социальную мобильность. В описываемое время общество делилось не на замкнутые сословия, принадлежность к которым передавалась по наследству, а на корпорации (воинов, цеховых мастеров, монахов, чиновников и пр.), членство в которых было открытым. Для выходцев из низших слоев общества существовала реальная возможность подняться до самых высших сфер (например, по чиновничьей лестнице) и даже стать императором. Византийская политическая доктрина сакрализовала (обожеествляла) верховную власть как институт, а не конкретного ее носителя: в отличие от Халифата или Китая, императором мог стать не только потомок Пророка или член правящей династии, но и простолюдин, пускай и в результате кровавого заговора. Сам факт прихода к власти доказывал богоизбранность нового императора, а церковное помазание на царство “стирало” неблагоприятную предысторию воцарения. В этом отношении характерна и вполне типична история основателя Македонской династии Василия I, который был сыном крестьянина, выходцем из семьи переселившихся в Македонию армян. Его родным языком был армянский, и всю жизнь он говорил по-гречески с сильным акцентом. Попав в Константинополь, Василий начал свое восхождение вверх со службы в императорских конюшнях, был назначен императором главным министром (паракимоненом), женился на любовнице императора, участвовал в нескольких заговорах...

Собственно, результатом заговора стало то, что Василий I основал новую династию (одну из двенадцати, правивших Византией первые восемь веков ее существования), а не его возвышение до императорского трона. Сама возможность для крестьянина с окраины империи стать императором была вполне легальной по византийским законам. Титул императора не передавался автоматически по наследству, но присваивался в ходе специальной церемонии, как правило, с санкции предыдущего императора, высших чиновников и армии. Император имел одного (а часто несколько) официальных соправителей, формально избиравшихся народом, но реально в IX веке уже назначавшихся

императором. Это могли быть дети или другие родственники императора (в случае продолжения династии), но могли быть и совершенно посторонние люди – вроде Василия. Именно эти “младшие” императоры являлись основными легитимными кандидатами на место назначившего их “старшего” императора, и попасть на это место быстрее или устранить более легитимного конкурента-наследника можно было путем заговора.

Таким образом, на протяжении долгих столетий Византийской империи удавалось сочетать развитую систему государственного управления (достаточно упомянуть, что фискальный аппарат был в состоянии собирать налоги с населения два раза в год и регулярно отслеживать изменения кадастровой ценности отдельных земельных участков) с известной степенью гибкости и проницаемостью социальных границ. За отсутствием демократии примитивные механизмы обратной связи и отбора наиболее способных кандидатов на руководящий пост действовали в Византии при помощи таких своеобразных мер, как институт соправителей императора или даже дворцовый переворот.

На противоположной – северо-западной – окраине Европы 862 год отмечен, прежде всего, набегами норманнов (викингов) – как извне, так и “изнутри”. Норманнами (от ст.-франц. *northman* – северный человек) называли германские племена, населявшие Скандинавию (Норвегию, Швецию, Данию, Ютландию) и наводившие ужас своими набегами на жителей побережья Атлантики и Средиземноморья. Сами себя представители разных скандинавских племен называли викингами (*vikings*). Три столетия IX–XI вв. называют “эпохой викингов” в истории Северной и Западной Европы. Начало их разрушительных набегов (в 790-х гг.) странным образом совпадает с правлением Карла Великого, провозгласившего себя императором Запада в 800 году. Незадолго до этого франки вступают в конфликт с данами (датчанами), и некоторые историки полагают, что именно экспансия франков, насаждение ими христианства послужило толчком для ответных рейдов викингов, отмеченных особенно жестокими атаками на монастыри и церкви, расправами с духовенством. Конечно же, для того, чтобы продолжаться не одно столетие, у экспансии викингов должны были быть и более фундаментальные причины: изменение климата (потепление) и последовавший демографический взрыв в Скандинавии, политический кризис старых племенных общин, заставлявший мелких и средних вождей искать себе новое поприще, или культурные факторы. Не менее важным обстоятельством оказалась

внутренняя раздробленность западноевропейских земель и слабость их правителей, что делало для викингов продолжение набегов особенно привлекательным занятием.

В январе 862 г. отряд норманнов, обосновавшихся на территории нынешнего пригорода Парижа Сен-Мор-де-Фоссе (который река Марна, изгибаясь перед впадением в Сену, делает почти островом), предприняли набег на епископскую резиденцию в Мо в 40 км вверх по Марне. В апреле в устье Роны вернулся отряд викингов Бьорна Железнобокого после рейда по городам Восточного Средиземноморья, Северной Африки и Испании. Набегам подверглись также города выше по течению Роны: Арль, Ним и даже Валанс (в 200 км от моря). Норманны использовали водные пути для своих набегов на узких плоскодонных ладьях, реки заменяли им дороги. Восприятие пространства франками (в виде совокупности лесов, равнин и пашен) и викингами (как структурированного сетью водных путей) принципиально различалось, и хотя на карте эти пространства совпадают, в реальности каждое из них было освоено разными группами людей, подчинявшихся разным политическим силам.

Король Западно-Франкского королевства (включавшего большую часть современной Франции) Карл Лысый в июне 862 г. собрал сейм в Питри (Pistres / современный Pîtres), чтобы обсудить, как обуздать викингов. Было решено построить укрепления на Сене, чтобы остановить продвижение викингов с моря по этой реке в глубь материка. Однако так просто проникновение викингов в географическое (и политическое) пространство франков было не остановить. Полвека спустя король Карл III Простоватый вынужден был заключить договор с предводителем норманнов Роллоном (Хрольфом Гангром), по которому ему передавалась в вечное управление целиком территория на севере королевства, впоследствии известная как Нормандия. Став графом, крестившись и получив в жены дочь Карла, Роллон (в крещении Роберт) признал власть короля франков. Нормандия стала важной преградой на пути проникновения новых отрядов викингов в королевство: и как барьер, и как “магнит”, удерживающий новоприбывших норманнов. Викинги быстро смешивались с местным населением, и отправившиеся через сто пятьдесят лет завоевывать Англию норманны Вильгельма Завоевателя уже считали себя французами и говорили по-французски.

Таким образом, политическое разграничение пространства (разделение территории и власти над ней между франками и викингами) при-

вело к ликвидации обособленности экологических ниш (речных долин и отстоящих от них земель). Одновременно политические и культурные преобразования способствовали ослаблению влияния климатических и демографических факторов на экспансию норманнов. К концу XI века происходит христианизация скандинавской родины викингов, а на месте десятков мелких воинственных княжеств возникают Датское, Норвежское и Шведское королевства. Эти изменения окончательно изменили характер норманнской экспансии: на место неконтролируемых походов дружин князей-язычников приходит внешняя политика христианских королевств как средневековых государств.

1.7. Проблемы построения государственности на “неисторических” землях: опыт Каролингов

События 862 года показали слабость или даже отсутствие “государства” в королевстве Карла Лысого: небольшие отряды викингов углублялись на десятки и даже сотни километров внутрь страны, устраивали свои поселения, совершая из них набеги на соседние города или отправляясь в морские походы в другие страны. Это значит, что не существовало единой и сплошной территории, постоянно контролируемой государством как единой сетью чиновников и организаций, представляющих центральную власть (в лице полиции или армии). Власть короля складывалась из множества прямых двусторонних отношений с подчиненными ему лицами и сообществами (общинами, городами, племенами). Условия подчинения могли быть самые разные: кто-то полностью подвластен благодаря силе оружия, кто-то признает себя вассалом короля и приносит клятву верности в обмен на покровительство и защиту, а кто-то связан с королем семейными узами. Личный конфликт, а тем более смерть короля могли полностью изменить конфигурацию власти и параметры “государства”.

Франкские короли до провозглашения Карла Великого императором в 800 г. были королями “народа” – франков, а не территории, что отражало сравнительно недавнее образование этих королевств в процессе Великого переселения народов IV–VII вв. Под их властью почти не было “исторических земель” с четко очерченными границами и династиями местных знатных родов. Не существовало даже постоянной столицы королевства как неперемennого элемента территориального измерения государства. Карл же, несмотря на постоянные разъезды по империи, осознанно выбрал Аахен как

свою столицу, архитектурно представляющую его власть собором в византийском стиле (до раскола христианства на католиков и православных оставалось еще два с половиной столетия) и дворцовым комплексом. Налоги во франкских королевствах не собирались на регулярной основе (а уж тем более дважды в год, как в Византии). Натуральное хозяйство снабжало пропитанием и всем необходимым владельцев усадеб, но на дополнительные выплаты ресурсов не хватало, к тому же, идея о том, что одни франки (букв. “свободные люди”) должны выплачивать подати другим франкам, была непопулярной. Основным источником дохода была война, набеги на соседей, поэтому и грандиозную экспансию Карла Великого можно рассматривать не только как строительство империи и кампанию по распространению христианства, но и как выгодное экономическое предприятие. Хронист подчеркивает, что войны с воинственными саксами и аvaraми на востоке позволили франкам захватить сказочные богатства, накопленные побежденными за десятилетия их собственных набегов на соседей. После победы над аvaraми в Паннонии в 796 г. сокровища вывозили на 15 огромных повозках, и эта добыча позволила финансировать дальнейшие войны и строительные планы (в том числе в Аахене).

В отличие от Византийской империи или Арабского халифата, франкская империя создавалась путем подчинения отдельных групп населения (“племен”), а не исторических регионов с уже существующими системами администрации. Поэтому необходимо было найти способы не только подчинения коллективов подданных, но и удержания единства этих коллективов.

Важным элементом государственности как систематического механизма управления, введенным Карлом, можно считать созыв весенних и осенних сеймов – совещательных собраний. На осенний приглашалась лишь верхушка знати и духовенства, обсуждавшая с королем важные дела, решения по которым сводились в капитулярии. На весенний могли прийти все свободные франки, сообщая о местных нуждах и обстановке, а также чтобы утвердить составленные осенью капитулярии. В данном случае очевидно использование старого института племенной демократии в совершенно новом качестве элемента управления и поддержания обратной связи в обширной империи. Не менее важным – хотя очевидно рудиментарным – элементом государственности было учреждение Карлом института *missus dominicus* (мн. *missi dominici*), буквально “послов государя”. Карл назначал представителей короны парами: один – светский аристократ, другой – высокопоставленный

священник. Они отправлялись с постоянной миссией в области, отдаленные от их родного края, с задачей контроля над соблюдением интересов императора и выполнением его приказов, принятия клятв верности. Посланцы объясняли местным официальным лицам (военным предводителям и графам территорий) их функции, распространяли капитулярии. Миссия в каждую область повторялась четыре раза в год, каждый раз посланцы императора оставались на месте в течение месяца, получая обеспечение от местных жителей.

К 862 году от нововведений Карла Великого в деле государственного строительства осталось немного. Стремясь усилить контроль над обширной империей, сам Карл еще в 806 г. завещал разделить управление разными провинциями между сыновьями. После многолетних конфликтов, в 843 г., по Верденскому договору империя была разделена между тремя внуками Карла на Срединное королевство (уже в 855 г. оно распалось на Лотарингию, Италию и Прованс), Западно-Франкское королевство (основу будущей Франции) и Восточно-Франкское королевство (примерно в этих границах позднее образовалась Германия). Институт *missus dominicus* сохранился только у западных франков, но совершенно лишился первоначального смысла: посланников государя теперь назначает сейм, все больше превращающийся в совещание аристократов. Посланников выбирали из той же местности, которую им предстояло контролировать, а сам округ под их контролем начинает совпадать с границами графства или провинции (прежде этого тщательно избегали). В результате вместо того, чтобы представлять интересы короля или даже “короны” (т.е. безличной верховной власти) в провинциях, *missi dominici* превратились в проводников интересов местной родовой знати при дворе, а к концу IX века их вовсе перестают упоминать.

Вероятно, наиболее фундаментальным последствием деятельности Карла Великого оказалось преодоление племенного характера западных королевств. Его империя была единым целым больше по названию, чем по сути, включая в себя прежде самостоятельных франков и лангобардов, саксов и вестготов. Однако когда единая держава Карла распалась на королевства, они уже в большей степени были организованы по территориальному принципу и включали в себя смешанное население.

Набеги викингов создали особую угрозу для франков: являясь внешним врагом, они нападали изнутри королевства (продвигаясь вглубь страны от моря по рекам), а потому против них нельзя было собрать ополчение и отправиться в карательную экспедицию, как против ава-

ров или даже арабов. Представленное грозной армией для внешнего наблюдателя, “внутри” королевства государство почти отсутствовало к 862 году. Очевидно, именно норманнская угроза стала причиной окончательной трансформации франкских королевств IX–X вв. от “королевств народов” к “территориальным королевствам”. Однако возникающие новые королевства не являлись государствами в строгом смысле слова: после провала попытки Карла Великого завести хотя бы рудиментарные формальные (и обезличенные) институты власти франкские короли начали выстраивать основы территориальной власти с самого элементарного уровня: двусторонних личных отношений.

Как уже упоминалось, после двойных рейдов викингов 862 г. (по Сене и по Роне) король Карл Лысый издал эдикт по итогам сейма в Питре. Эдикт запрещал под страхом смерти продавать викингам оружие и лошадей; предписывал строительство укрепленных мостов на реках, преграждающих викингам путь; требовал от всех свободных мужчин, владеющих средствами на приобретение коня и снаряжения, военной службы в качестве всадника (*chevalier* / “шевалье”, предтеча будущего дворянина). Это была программа подлинно системных мер, однако их воплощение в жизнь целиком оказывалось в руках местной знати и графов, чья должность все чаще начинает передаваться по наследству. Не случайно тот же эдикт Карла Лысого пытался одновременно ограничить местную независимость: запрещал строительство новых замков без разрешения короля и ограничивал число монетных дворов, чеканивших монету, “всего” десятью (прежде каждый крупный ярмарочный город занимался чеканкой денег). Однако укрепление королевства через наделение полномочиями местных владетелей превращало короля скорее в символ власти, а реальный контроль над территориями переходил в руки крупных владельцев земли или графов как бывших представителей короны. Замки продолжали строить, несмотря на запреты, даже землевладельцы неблагородного происхождения, а упорядоченный эдиктом Карла слой рыцарства-дворянства (“шевалье”) – незнатных профессиональных воинов – нуждался в экономической поддержке, которую находил у аристократов, принося клятву верности в обмен на право пользования земельным участком (“феод”). Постепенно и феодал рыцаря, и должность графа начинают передаваться по наследству, и в 877 г. тот же Карл Лысый формально подтвердил своим капитулярием наследственность графского звания (а тем самым – и всей цепочки условных пожалований за службу, вплоть до безродного рыцаря-дворянина).

Таким образом, во многом в ответ на экспансию викингов при Карле II Лысом складываются важные элементы порядка, который со временем назовут феодализмом. В самых общих чертах этот порядок характеризовался отправлением ключевых публичных (“государственных”) функций через цепочку *личных* отношений и обязательств. Признававший власть господина (синьора) обязывался сохранять лояльность и предоставлять услуги в обмен на защиту и покровительство. Эти отношения пронизывали все общество, от крестьян до короля. Свободные крестьяне признавали зависимость от местного владельца, способного предоставить им защиту от набегов. Простые рыцари предлагали свой меч и верность синьору, за что получали землю или денежное вознаграждение. Местный синьор присягал графу, граф – герцогу или напрямую королю. Исполнение воли короля было обусловлено тем, насколько его интересы совпадали с интересами исполнителей, а также с наличием материального и символического вознаграждения, которым король мог привлечь на свою сторону незаинтересованных вассалов. Переноса отношения власти и механизмы управления обществом в сферу межличностных связей, феодализм создавал основу новой территориальной власти. Управление территорией оказывалось обусловлено не общеплеменным притязанием на историческую “землю” (с размытыми границами) и не покорением соседнего племени или даже княжества (со столь же приблизительными очертаниями), а юридически оформленным правом владения (что предполагало детальное разграничение между владельцами). Право собственности становилось неразрывно связано с отношениями подчинения и господства, владение землей обуславливало повинности и налоги, которые вассал был обязан синьору. Одновременно цепочка феодальных отношений, протянувшаяся от крестьянина до короля, создавала вертикальные связи, насквозь пронизывающие все слои сложного общества, вместо прежних горизонтальных механических скреп между отдельными землями/племенами/провинциями. Родственные и родовые связи продолжали играть важную роль при феодализме (сама концепция аристократии основана на кровном родстве), но “вертикальная” связь синьора и вассала оказывалась сильнее “горизонтальных” родовых уз.

Барон или рыцарь-управляющий замком (Castellan, Châtelain) правил близлежащей округой, поскольку местные жители приняли его защиту – добровольно или под принуждением. В обмен на защиту они признавали его судебную юрисдикцию, обрабатывали замковые поля, а

также выполняли разные натуральные подати. Крестьяне пользовались землей, поскольку несли связанные с ней обязательные повинности, а их синьор обладал властью над ними постольку, поскольку исполнял функции государства по защите, экономическому развитию (организуя строительство мельниц, мостов, дорог) и управлению (включая суд). Сам он имел право на осуществление государственных функций настолько, насколько его право признавал его собственный синьор – например, граф, бывший коронный управляющий провинцией. Владелец замка был обязан служить графу (прежде всего, в случае войны), а тот являлся гарантом защиты прав вассалов и арбитром в ситуации взаимных конфликтов. Граф являлся вассалом герцога или принца, а в центральных частях страны – напрямую короля. Эта иерархия делала вторичными различия между франками, вестготами, лангобардами или саксами, а государственная власть – в персонифицированной форме – доходила до каждой крестьянской общины и контролировала каждую пядь территории.

Эта система кажется архаичной, но если мысленно объединить множество отдельных вертикальных цепочек феодальной лояльности в единое воображаемое сообщество “нации”, а государственные функции выделить в особые институты управления, то окажется, что положение вассала не так уж отличается от современного гражданина. Признавая власть синьора-нации (осуществляемую через аппарат государства), гражданин несет экономические и натуральные повинности (налоги, военная служба), признает верховенство права “синьора” над религиозными или племенными традициями. Современное государство территориально, потому что власть над территорией неразрывно связана с представлениями о собственности на территорию, будь она частная или коллективная, а право собственности, в свою очередь, гарантируется лишь при условии признания власти государства. Само осмысление отношений власти и собственности как универсальных – и отдельных друг от друга – категорий стало возможно только тогда, когда феодализм связал этими отношениями конкретных индивидуумов, расчленив прежние синкретичные (нераздельные) родовые и племенные связи (зависимости/сотрудничества/владения/обязанности).

Однако в середине IX века н.э. западная часть Европы находилась в самом начале развития государственности. Она отставала не только от Византии с ее высокоорганизованными централизованными государственными институтами, но и от Халифата, который опирался на более архаичную систему управления, созданную на покоренных землях еще

во времена римского владычества, эллинистических правителей или персидских царств. К этим давно сложившимся административным структурам и традициям был добавлен ислам как комплексная идейно-правовая система, регулирующая практически всю сферу жизнедеятельности. Византийская империя, как уже упоминалось, опиралась на разработанный кодекс законов, развитые институты государства, да еще и дублирующую иерархию христианской церкви, пронизывающую общество от местного прихода до Константинопольского патриарха. На этом фоне короли франков, сравнительно недавно осевших на покрытых густыми лесами землях бывших окраинных римских провинций после длительного периода масштабных политических катаклизмов и миграций населения, могли похвастаться лишь кодификацией традиционного права (так называемая Салическая Правда) и присутствием элементов римского наследия, которое передавалось главным образом через письменность, а не через реально действующие институты.

Франкская традиция и римское наследие привнесли важную специфику частноправовых отношений в установление связи вассала и сюзерена (господина). Сами по себе эти вассальные связи (как отношения подчинения и выполнения повинностей в обмен на покровительство и защиту) в разное время самостоятельно открывали для себя обитатели разных уголков Северной Евразии как первый этап возникновения политических структур. Но при этом самоорганизующиеся общества Северной Евразии не могли похвастаться даже непрямым наследованием традиций формальной государственности (римской, византийской, персидской, китайской). На этих землях никто и никогда прежде не собирал налоги с целью финансирования общественно значимых работ, не пытался править четко ограниченной территорией и не описывал общество иначе как в категориях родственных связей или племенного единства. О том, как и из чего могла строиться политическая организация в этих условиях, речь пойдет в следующей главе.

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ ПЕРВЫХ ПОЛИТИЙ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: ФОРМИРОВАНИЕ РОУСЬКОЙ ЗЕМЛИ

2.1. Рюрик

Согласно Повести временных лет – древнейшей летописи, составленной в начале XII века в Киеве, в 862 году в лесном краю между Ладожским и Белым озером на Северо-Востоке Европы, простиравшемся от 60-й параллели на юг на 200–300 км до озера Ильмень и верховьев Волги, произошли два внешне противоречивых события.

Вытекающая из Ладожского озера на запад река Нева через 72 км впадает в Финский залив Балтийского моря, поэтому неудивительно, что на эту территорию проникли викинги из Скандинавии (в этой части Европы их называли варягами). В отличие от Англии и Франции, в лесотаежной местности к югу и востоку от Ладоги не было больших старинных городов и аббатств с богатыми ризницами, а потому быстрым набегом серьезной добычи было не собрать. Поэтому, согласно летописи, “Варяги, приходя из-за моря, взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и с веси, и с кривичей”¹ – племен,

---

¹ Здесь и далее цитируется перевод Повести временных лет О. В. Творогова.

обитавших в этой местности. Под 862 годом летопись упоминает восстание этих племен против варягов: “И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть”. Однако в том же году те же племена принимают прямо противоположное решение:

не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а еще иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.

На протяжении последних трех веков этот сюжет вызывал ожесточенные споры историков и политиков: значит ли это, что государственность была принесена в не способную управлять собой “Русскую землю” (а значит, как полагают многие – в Россию) заморскими варягами-викингами? Почему варяги назывались “русью”, кем был Рюрик – и был ли он на самом деле? И, конечно же, для чего было изгонять варягов, чтобы немедленно призвать себе варяжского князя править?

При этом лишь немногие историки обратили внимание на куда более удивительное обстоятельство, чем предполагаемое вокняжение предводителя дружины викингов на территории за пределами Скандинавии (к примеру, норманнский ярл Оскар получил в управление Бордо в 847 г., всего пятнадцатью годами ранее): на состав “приглашающей стороны”. **Чудь** – прибалтийские финны (возможно эсты, карелы), населявшие берега Балтики. **Словене** – восточнославянское племя, жившее южнее Ладоги, в бассейне озера Ильмень, которое связывала с Ладогой река Волхов протяженностью 224 км. Судя по летописи и археологическим данным, они переселились в этот регион в середи-

не первого тысячелетия с юго-западных берегов Балтики и к началу VIII в. добрались до Ладоги, захватывая поселения финских племен. Когда-то финны сами переселились на эти земли с востока, от Урала, но ко времени колонизации славян жили здесь уже не одно столетие. **Меря** – еще одно финское племя, обитавшее к юго-востоку от чуди и словен, в верховьях Волги. **Кривичи** – славяне, пришедшие в VI в. то ли с Карпат, то ли из нынешней Северной Польши в район Псковского озера (в 200 км к западу от озера Ильмень) и постепенно расселявшиеся дальше на юг, в верховья Днепра. Жившие вперемежку в речном и озерном краю разные славянские и финские племена были в равной степени уязвимы для экспедиций викингов (хотя и неочевидно, каким образом викинги могли заставить немногочисленное население, разбросанное по лесной территории в десятки тысяч квадратных километров, собирать и выплачивать дань). Если изгнание общего противника еще могло теоретически объединить племена, говорящие на разных

языках (причем существенные различия могли быть даже между разными славянскими и между разными финскими диалектами), то кажется невероятным, чтобы эти же племена изъявили единую волю и пригласили общего правителя. Для этого они уже должны были иметь предысторию достаточно централизованного управления, которая не прослеживается ни в исторических документах, ни в фольклоре, ни по археологическим данным. На каком языке и с какой целью договорилось местное разноплеменное население о выборе общего управителя – и почему именно со стороны?

Одно обстоятельство, известное по документам и хорошо подтверждаемое раскопками, объясняет большой интерес викингов к этому региону, примыкавшему к восточному берегу Балтики. Именно здесь начинался Волго-Балтийский торговый путь из Скандинавии в Арабский халифат, самый ранний из трех путей, связывавших север Европы с Ближним Востоком (старше Днепровского и Двинского). Начиная с 780-х годов (после распространения иудаизма в Хазарии и переселения булгар на Среднюю Волгу) по этому пути начинается постоянная торговля: сотни тысяч арабских серебряных дирхемов отправлялись на север, в Скандинавию (оставляя по пути “след” в виде кладов в перевалочных пунктах), а также шелк и пряности. На Ближний Восток везли товары северных лесов и моря: янтарь, мед, воск, рабов и, конечно же, дорогие меха. Согласно современным оценкам, в IX–XI вв. только из Халифата через Волго-Балтийский путь, в основном через Новгород, прошло не менее 40 млн. гривен серебра, из которых порядка 24 млн.

(1224 тонны) осталось в обращении на территории между Волгой и Балтикой. С учетом низкой плотности немногочисленного местного населения – цифра колоссальная.

Путь начинался в Финском заливе, по которому викинги – в основном шведы, но также норвежцы и датчане – могли передвигаться даже не на больших морских судах (использовавшихся для набегов на франков и Англию), а на речных ладьях. Они входили в устье Невы и плыли до Ладожского озера, через земли балтских и финских племен, прежде всего чуди. С юга в озеро впадал Волхов: в этом стратегическом месте располагалась Старая Ладога и начинались земли словен. По Волхову плыли на юг до озера Ильмень, а оттуда по речкам – Цне, Мсте – до сети речек Валдайской возвышенности, которые позволяли добраться до верховьев Волги. Часть пути приходилось преодолевать по суше, перетаскивая ладьи и грузы “волоком” (например, между речкой Цна, ведущей к Ильменю, и Тверцой, впадающей в Волгу, волок в 2,7 км). Здесь уже жило племя мери, которое постепенно теснили кривичи (одновременно смешиваясь с ними). Южными соседями мери были булгары, их столица Болгар являлась важным перевалочным пунктом на Волге. А Нижнюю Волгу, как мы знаем, контролировали хазары. С севера Каспийского моря проходил Великий шелковый путь, по которому можно было добраться до Багдада – на юго-запад, или в Мавераннахр – на юго-восток.

Таким образом, начальная часть пути, самая сложная с точки зрения проложения маршрута в лабиринте речек и озер, проходила через земли чуди, словен, кривичей и мери. Даже передвигаясь по воде, торговцы-викинги зависели от местного населения. На ночлег приставали к берегу, расставляя большую палатку либо прямо на корабле, либо на берегу. Кроме того, дважды в день делали остановку для приготовления пищи на костре (возможности разводить огонь на корабле не было). Даже хорошо вооруженные, несколько десятков членов команды ладьи или каравана ладей не смогли бы пробиваться на протяжении недель мимо враждебных берегов, расстояние между которыми часто не составляло и десяти метров. Не менее существенной была необходимость иметь проводников из местных, ориентирующихся в переплетении озер и речек, вход в которые еще надо было отыскать среди заросших камышами берегов. Плоскодонные ладьи викингов были сравнительно легкие, их можно было тащить и даже переносить через волоки, груз тоже можно было перенести, но очень вероятно, что и в этом им помогали аборигены. Клады монет и архе-

ологические остатки поселений вдоль Волжско-Балтийского пути, в которых одновременно присутствуют элементы варяжской, славянской и финской культуры, свидетельствуют о высокой степени кооперации разных групп населения, без которой торговый транзит был бы невозможен. Это значит также, что словене не только занимались подсечно-огневым земледелием, а меря – охотой на пушного зверя, но и участвовали в обеспечении прибыльной торговли. Поэтому в качестве дани с них можно было получать серебро (а не только зерно и меха), и достаточно было принудить к платежам обитателей поселений вдоль водных путей (аккумулировавших доходы от “логистических услуг”), а не все племена, населявшие окрестные леса.

Начало обложения местных племен данью варягами отмечено летописцем под 859 годом (за три года до их изгнания). При всей условности летописных дат (да и степени достоверности отдельных упомянутых в летописи эпизодов) очевидна хронологическая близость и прямая логическая связь восстания данников с попыткой возобновить даннические отношения. К середине IX века Волжско-Балтийский путь действовал уже много десятилетий, так что упомянутое летописью обложение данью в любом случае произошло много позднее установления первых контактов местных племен с викингами. Можно только гадать, был ли это разовый набег дружины, следовавшей по маршруту торговых караванов, или попытка взять под систематический контроль получение доходов с транзитной торговли. Существеннее то, что попытка эта не увенчалась успехом в самом начале, то есть общий интерес в сохранении торгового пути оказался много сильнее соблазна одной из вовлеченных сторон захватить контроль над ним. С этой точки зрения понятен и конфликт местных племен, последовавший после “изгнания варягов”: летописец указывает, что “не было среди них правды”, то есть правовой основы совместных действий. Обширные лесные просторы позволяли постепенно, избегая острых столкновений, перераспределять границы территории племен, ассимилируя друг друга или вытесняя на свободные земли. Поводом к прямым столкновениям был лишь контроль над стратегическими поселениями в устье рек, у волоков. Именно общая заинтересованность в сохранении транзитной торговли объясняет совместное призвание князя при изначальном отсутствии общего “княжества” (а также косвенно свидетельствует о многоязычии разноплеменного населения региона, делавшего возможным сложное хозяйственное и политическое взаимодействие). Приглашение именно варяжского “заморского” князя для защиты от набегов и разрешения

конфликтов в смежных участках торгового пути было вполне логичным компромиссом, учитывая разноплеменный состав “смотрителей” торгового маршрута и ревнивое отношение друг к другу.

“Варяги” и сами не являлись единым народом, а тем более представителями единой политической организации, поэтому нет ничего удивительного, что после изгнания одних “варягов” призвали других. Так систематически поступали франкские императоры и короли, пытаясь использовать дружины викингов против новых набегов. Однако была и существенная разница: Карл Простоватый отдал часть собственного королевства – территорию будущей Нормандии – предводителю викингов Роллону в лен как феодал, то есть в полное распоряжение при условии формального признания верховной власти франкского короля. Роллон стал герцогом Робертом, передававшим титул и право на владение герцогством по наследству как единственный источник власти в герцогстве. Рюрика же пригласили княжить “по договору” (“по ряду” и “по праву”, как сказано в Ипатьевской летописи) сами будущие подданные. Традиция приглашения князя с дружиной для выполнения четко очерченных функций (прежде всего, вооруженной защиты) сохранилась в регионе Приильменья на протяжении веков. Народное собрание Новгорода – вече – приглашало князя на основании “ряда” (договора) и могло его изгнать (наиболее известный пример – князь Александр Невский, изгнанный из Новгорода в 1240 г., а после вновь приглашенный). Поэтому консолидация княжеской власти в верховьях балтийско-волжского пути отличалась от истории герцогов Нормандии: приглашенный князь не мог “слить” признавшие его власть племена в единую массу подданных, проживающих на общей территории с единым юридическим статусом – по крайней мере, до тех пор, пока сами племена со своими народными собраниями и родовыми старейшинами не утратили различия в процессе ассимиляции. Не мог он и претендовать на замещение освященного традицией и законом поста местного правителя, поскольку никакого общего правителя у различных славянских и финских племен здесь никогда не было.

Не будучи “вождем всех славян” или финнов (подобно королю “всех франков”) и не являясь наместником верховного правителя на определенной единой территории (подобно герцогу на окраине Франкского королевства), приглашенный князь оказывался в центре процесса сложной социальной самоорганизации. Парадоксальным образом основания его власти в глухом таежно-лесном краю представляли политические отношения и элементы “государственности” в более чистом виде, чем

власть франкских королей над территориями, некоторые из которых имели тысячелетнюю традицию государственности (со времен Рима). Нет единого народа, нет обособленной исторической территории, нет отношений собственности, переплетающихся с политическим господством, нет даже завоевания и насаждения порядков завоевателей – а власть есть. “Технологически” она реализуется похожим образом: князь опирается на дружину воинов, ему выделяют территории “на прокорм”. Согласно летописи, Рюрик обосновался в Новгороде; некоторые историки полагают, что в Ладоге – во всяком случае, он контролировал первоначальный ключевой этап пути по Волхову, от Ладожского озера до Ильменя. Летописные братья Рюрика (а возможно, старшие дружинники) получили в кормление Изборск и Белоозеро, которые располагаются примерно на одинаковом расстоянии к западу и востоку от Волхова (300–400 км) и нигде не приближаются к балтийско-волжской торговой магистрали ближе этого расстояния. Очевидно, что источником содержания дружины должны были быть пашни словен на западе и охотничьи угодья финнов на востоке, но не сам торговый путь, которые призванные с князем дружинники должны были охранять и контролировать. Власть была разведена с экономическим владением даже территориально.

Эта функциональность и “экстерриториальность” власти нашла отражение в языке. Неслучайно земли на северо-востоке Англии, подчиненные данами, установившими там свои порядки, стали известны как Данелаг (др.-англ. *Dena lagu*; дат. *Danelagen*), земли, переданные под власть норманнам на севере Франции, превратились в Нормандию, но край, которым стали править приглашенные финнами и славянами варяги, не стал Варягией. Новое политическое образование стало называться “вся Роуськая земля” (в летописях писалась через диграф оукъ – “ou”), что обозначало не родовую территорию славян, финнов, балтов или скандинавов-викингов и не провинцию королевства, но политический союз. Абстрактное (политическое) явление получило столь же абстрактное, растождествленное с реальностью конкретного народа или племени имя: “русью” местные называли приглашенную княжескую дружину при том, что ни скандинавы, ни финны, ни славяне свои отряды воинов так не называли.

Налицо ситуация взаимного “творческого недопонимания”, когда в результате ошибочных представлений друг о друге участников общения рождается новая – общая реальность. Скорее всего, в основе изначального наименования “Роусь”, “Роуськая земля (позже трансформировавшиеся в Русь) лежал древнескандинавский корень *rofs-* (в

современном английском транскрибируемый как *roths*) – грести, гребец. Так идентифицировали себя сами пришельцы-варяги – известно, что размеры скандинавских судов определяли по количеству гребцов: в древненорвежском языке по числу скамей, в древнешведском по реальному числу гребцов (поэтому “двадцатигребцовый” корабль одних соответствовал “сорокагребцовому” других). Существует даже предположение, что скандинавы были известны в Западной Европе как викинги, поскольку древненорвежское существительное женского рода *viking* означало экспедицию за море (*fara í viking* – “отправиться в экспедицию”). А на восток Балтики, по Финскому заливу и далее по рекам ходили на небольших гребных судах на веслах, “в русь” (*i rudi*). Финны до сих пор называют шведов *Ruotsi*, эстонцы – *Rootsi*, а параллельно попавшее в славянские диалекты слово позже было записано через диграф оукъ (оу): роусь [Рѹсь]. Написание “оу” в кириллице изначально не было связано с произношением и возникло как внешнее подражание греческой письменной норме (*ou*, отражавшей дифтонг). В разных диалектах диграф читался как “о”, “оу”, или “у”. В этом тексте мы сохраним написание диграфа оукъ, говоря о событиях IX–XIII вв.: и потому, что он использовался в письменных источниках эпохи, и для того, чтобы отделить первоначальную “Роусьскую землю” от разнообразных версий “Руси” поздних времен. Иначе незаметно (просто безответственно пользуясь языком) можно привыкнуть к необоснованной мысли о том, что Рѹсь (Роусь) и Русь – одно и то же, роусьский значит русский просто в силу созвучия и идентичного модернизированного написания.

Так или иначе, “роусь”–“русь”, даже если первоначально означало пришельцев-скандинавов (русское слово “варяг” является более поздним заимствованием из Византии), было принято как термин, обозначающий социальную категорию, очевидно отсутствующую у местных племен, где воинами являлось все мужское население: княжескую дружину. Во всяком случае, летописи начинают упоминать “русь” отдельно от варягов, описывая события с середины X века в контексте, предполагающем именно неплеменное значение – как социальной группы. Старейший сборник правовых норм, составленный в начале XI века (*Правда Роуськая* / *Правда Руськая*), в первой же статье уравнивал ценность жизни “русина” и “словенина” в Новгороде, когда княжеская дружина уже давно комплектовалась из местных людей, а пришедшие некогда варяги ассимилировались.

“Князь и вся русь” (по устойчивой формуле летописи) стали главным инструментом создания нового политического образования, которое с

самого начала носило надплеменной и “поликультурный” (если этот современный термин применим к обществу тысячелетней давности) характер. При этом, как ни странно, даже отряд заморских профессиональных воинов-“гребцов” мог сохранять длительный контроль над местными племенами только с их общего согласия – иначе был бы изгнан или уничтожен: силой оружия подчинить территорию в десятки тысяч квадратных километров может только огромная оккупационная армия. Более того, функции и привилегии дружины были изначально оговорены договором (“рядом”) с приглашающими племенами. Таким образом, инициатором и основным субъектом строительства ранних государственных отношений в данном случае выступает конгломерат разноразличных и разнокультурных племен, объединенных прагматической задачей: поддержанием прибыльного торгового пути. Попытайся одно из племен добиться преимуществ благодаря своему стратегическому положению (будь то выход из Ладоги в Волхов или район волоков в верховьях Волги), как под угрозой оказался бы общий источник дохода, что заставляло искать общего арбитра и управляющего “на стороне”.

Центром нового политического союза стал Новгород на реке Волхов, недалеко от озера Ильмень. Выбор места для ставки князя можно объяснить как источником главной угрозы (рейды викингов со стороны Невы и Ладожского озера), так и немногочисленностью отряда профессиональных воинов под его началом, что заставляло держать силы вместе. По свидетельству Ибн Фадлана (участника посольства в Булгар 922 года) и подсчетам современных историков, численность княжеской “роусьской” дружины составляла в X веке 200–400 человек, а первоначально могла быть и того меньше. Волхов был главным водным путем к озеру Ильмень, откуда дальнейший маршрут в сторону Волги мог уже разветвляться по рекам (например, по Мсте или по Поле), поэтому важно было установить контроль именно над Волховом. Но в Ильмень можно было попасть по воде из Финского залива (через Чудское озеро) и минуя Ладогу и Волхов, поэтому застава на Волхове располагалась возле самого Ильменя, а не сразу после Ладоги (в случае необходимости от Новгорода почти до самой дельты Шелони дружина могла доплыть напрямую по течению реки с “варяжским” именем Веряжа).

Какие бы стратегические соображения ни стояли за выбором Новгорода резиденцией князя, результатом стало усиление роли племени ильменских словен, на чьей земле был построен “новый город” – во всяком случае, преобладание славянского населения в центре проживания (и постепенной ассимиляции) “руси”. Дальнейшие события еще

более сместили баланс в изначальной славяно-финской конфедерации в пользу различных славянских племен.

2.2. Днепровский путь

Через два года после вокняжения в Новгороде (по летописной хронологии в 864 г.) Рюрик отправил экспедицию на юг, искать прямой путь в Константинополь в обход Хазарии. Всего несколькими десятилетиями ранее путь по Днепру в Черное море и далее в Константинополь был неизвестен или недоступен скандинавским купцам. Торговля через Болгар велась, в первую очередь, с халифатом. Путь по Волге или Дону (в обоих случаях проходивший через центральные земли Хазарии) в Константинополь был очень далек. Еще более затруднителен был маршрут через Западную Европу: через враждебную территорию франков либо по морю, огибая Пиренейский полуостров. Между тем, викинги знали о Константинополе и его богатствах (называя его Миклагард – “великий город”). Первое документальное упоминание о “русах”/“росах”, все же добравшихся до Константинополя, относится к 838 году. Согласно Бертинским анналам (летописному своду, составлявшемуся в Сен-Бертенском монастыре на севере Западно-Франкского королевства), в июне следующего 839 года сын Карла Великого, Людовик Благодетельный, принял в императорском дворце в Ингельгейме на Рейне византийских послов. Византийский император поручил своим дипломатам получить подтверждение союзнических отношений и мира между империями.

Он также послал с ними тех самых, кто себя, то есть свой народ, называли Рос [Rhos], которых их король, прозванием Каган [Chaganus], отправил ранее ради того, чтобы они объявили о дружбе к нему, прося посредством упомянутого письма, поскольку они могли [это] получить благосклонностью императора, возможность вернуться, а также помощь через всю его власть. Он не захотел, чтобы они возвращались теми [путями] и попали бы в сильную опасность, потому что пути, по которым они шли к нему в Константинополь, они проделывали среди варваров очень жестоких и страшных народов.

Очень тщательно исследовав причину их прихода, император узнал, что они из народа свеонов [gente esse Sueonom], как считается, скорее разведчики, чем просители дружбы того королевства и нашего, он приказал удерживать их у себя до тех пор, пока смог

бы это истинно открыть, а именно, честно они пришли от того или нет...

Если “росы из Швеции” попали в Константинополь по Балтийско-Волжскому пути, то можно понять, почему они выбрали другой маршрут для возвращения на родину к своему “королю” (скандинавское имя *Нáкоп* было распространённым именем вождей викингов). Протяженность пути от южной оконечности Скандинавского полуострова через Ладогу, Булгар, Итиль на Волге (или низовья Дона) до Константинополя составляла ни много ни мало семь тысяч километров. Прямой обратный путь на север через франкские королевства был едва ли не вдвое короче, около четырех тысяч километров. К тому же, эта дорога контролировалась не дюжиной племен, а одним государем империи франков. Единственная проблема была в том, что франки считали викингов смертельными врагами и были хорошо знакомы с ними. Так что когда шведские викинги представились “росами”, их задержали именно как норманнов. Если бы была возможность вернуться обратно по Днепру, можно было бы не рисковать разоблачением – эта дорога была всего на несколько сот километров длиннее опасного “франкского” пути напрямик. Видимо, в 839 г. этой дороги еще не знали, о чем свидетельствует отсутствие следов варягов-руси в археологических раскопках на Днепре и в византийских документах первой половины IX века.

Вот почему Рюрик вскоре после начала княжения отправил часть дружины на поиски прямого пути в Константинополь.

И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?”. Те же ответили: “Были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

Так варяги впервые оказались в Киеве, центре славянского племени полян на северной периферии хазарского влияния, которое выражалось, кроме прочего, в практике регулярной уплаты дани.

Через четыре года (в 866 г. по хронологии летописи) Аскольд и Дир предприняли поход на Константинополь. Согласно летописи, набег на 200 судах византийцам удалось отбить лишь благодаря божественному вмешательству.

Эта легендарная история в целом подтверждается византийскими и европейскими источниками, только датируется 860 годом. В начале июня 860 г. император Константин во главе войска выступил из Константинополя в очередной поход против халифата Аббасидов, взяв с собой даже часть столичного гарнизона. Неожиданно на закате 18 июня со стороны Черного моря к слабоукрепленной части города, обращенной к Босфору, подошла эскадра из 200 (по другим данным 360) кораблей “норманнов” (*Normannorum gentes*). Разграбив пригороды, захватив богатую добычу, “росы” удалились. Византийские авторы говорят о единственном предводителе росов, что, наряду с использованием грамматической формы единственного числа в древнерусской летописи и упоминанием арабским историком X в. Ал-Масуди “славянского царя” “аль-Дира” (одного, без напарника), может говорить о том, что, возможно, Рюрик послал на юг одного эмиссара, чье имя в летописи было передано как два разных.

Как бы то ни было, важна общая динамика, переданная летописцем: Рюрик почти сразу же отправляет экспедицию на юг, экспедиция находит подходящий опорный пункт для подготовки нападения на Константинополь, тратя несколько лет на приобретение и снаряжение “флота вторжения” из 200 или даже 360 ладей. Военная экспедиция не противоречила стратегическому торговому сотрудничеству и даже являлась необходимым условием для заключения торгового соглашения на условиях, выгодных для прежде неизвестного или малозначительного партнера. Действительно, уже в 867 г. византийские источники упоминают о состоявшемся посольстве росов, заключении договора и даже согласии росов принять крещение. Обстоятельства (и сама реальность) “первого крещения руси” до сих пор дебатуются историками, но можно предположить, что крещение было одним из условий заключения более выгодного договора, коль скоро равноправным партнером христианская Византия не могла признать язычников. Другое дело, насколько последовательно варяги выполнили это условие...

Согласно хронологии летописи, в 879 году умер первый приглашенный князь Рюрик, а в 882 году его преемник, князь Олег, вместе с малолетним сыном Рюрика Игорем во главе ополчения конфедерации племен отправился в поход на юг, по Днепру.

Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил

мужа своего. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де “мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим”. Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода”, и показал Игоря: “А это сын Рюрика”. И убили Аскольда и Дира... И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: “Да будет это мать городам русским”. И были у него варяги, и славяне [в оригинале: Словѣни], и прочие, прозванные русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира.

Спустя двадцать лет после отправки экспедиции Аскольда-Дира речь шла уже не о разведке нового торгового пути, а об установлении контроля на нем. В поход отправилось ополчение всех финских и славянских племен, участвовавших в “призвании варягов”. Сначала они продвигались по пути сравнительно недавнего расселения кривичей на юг – возможно, поэтому в Смоленске, центре южных кривичей, Олег “принял власть”, а не “взял” и не захватил. При этом славянские племена кривичей расселились на территории, прежде занятой балтскими народами, частью оттесняя их, частью смешиваясь с ними. В современном латышском языке русские называются кривичами (*krievi*, на латгальском *krīvi*), а Россия Кривией (*Krievija*). Дальше лежали земли радимичей – судя по археологическим данным, это были испытывавшие некоторое воздействие славянских переселенцев с запада балтские племена. Само название радимичей близко современным литовским *radimas* (нахождение) и *radimiete* (местонахождение), то есть означало “местные” (ср. самоопределение “тутэйшыя” среди беларусов).

Спустившись дальше по Днепру, Олег “взял” Любеч, важную пристань северян, через которую шла торговля хлебом по Днепру. Северянами назывался союз племен, населявший обширную лесостепную и даже открытую степную территорию к востоку от Днепра. Северяне были, пожалуй, самым восточным, но никак не самым северным восточнославянским союзом, что дало основание некоторым историкам предположить не буквально славянское (от “север”), а скифско-сарматское (ираноязычное) происхождение как названия племени, так

и большинства гидронимов (названий водоемов) в бассейне рек Сеймицы и Десны. Название реки Сейм (в древнерусском Семь) имеет древнеиранское происхождение (ср. авест. *syāta-* и др.-инд. *śyāta-* “тёмный”) – “темная река”. Река Сев, которая могла дать имя и племени северян, означает “черная речка” (ср. авест. *syava-* “чёрный”, др.-инд. *syava-* “чёрно-бурый, гнедой, тёмный”), поэтому и главный город северян назывался Чернигов. Впрочем, скифо-сарматская основа культурного ландшафта лесостепи и степи, заселенного северянами, не исключает их славянского происхождения: землепашцы-северяне пришли не на пустое место. Просто их “северность” определялась, видимо, не в славянской системе координат. Кочевники Северной Евразии обозначали стороны света цветовыми терминами по ходу солнца: красный (восток), желтый (юг), белый (запад) и черный (север). Так что северяне действительно обитали на севере – на севере степной полосы, заселенной скифо-сарматскими ираноязычными, а в дальнейшем тюркскими и монгольскими кочевыми племенами. В обеих версиях происхождения имени северян и названий их поселений и рек важно то, что иранские языковые и кочевые “географические” категории были понятны местным славяноязычным племенам и переводились ими на свой язык. То есть степень межкультурного взаимодействия и взаимовлияния была высока, а многоязычие была нормой на юге так же, как и на ладожском севере.

Наконец, экспедиция приблизилась к Киеву на земле восточнославянского племени полян. Выманили ли Аскольда-Дира из города хитростью, как пишет летописец, или вышел он сам, чтобы взять пошлину с проплывающего каравана (вероятно, это был главный источник дохода владельца Киева, утаиваемый от новгородского князя), он был убит. Так было продемонстрировано, что князь и дружина – не просто военный отряд, собирающий поборы с местных племен, но институт элементарного пока государства, но уже основанного на законе. В вину правителю Киева поставили не то, что он (или они) два десятилетия удерживал дань с местного племени и, вероятно, пошлину с проплывающих караванов, а то, что делалось это не по праву.

Согласно летописцу XI века, Олег объявляет Киев “матерью городам русским”, то есть “метрополией” (по-гречески): сюда переносится резиденция князя. Новгород остается в орбите нового политического центра, что подтверждается установлением дани в 300 гривен. “Старые” новгородские гривны весили примерно 51 г, поэтому годовая дань равнялась 15,3 кг серебра, что было, скорее, символическим актом

признания суверенитета киевского князя. Напомним, что ежегодно караваны перевозили многие тонны серебра по Волжско-Балтийскому пути, послужив мощным стимулом к политической самоорганизации на землях вдоль его маршрута.

Впрочем, перенос столицы конфедерации в Киев, за 1200 км от ключевого центра Волжско-Балтийского транзита – Новгорода, свидетельствовал о том, что у княжеской власти появилась уже собственная логика и мотивация, помимо охраны караванного пути. С самого начала являясь надплеменным институтом, княжеская власть удивительно быстро приобретает признаки территориальной государственности. Границы территории определяются маршрутами стратегических торговых путей, а также наличием населенных земель, еще не интегрированных в другие государственные образования. Таким образом, “Роуськая земля” возникает как объединение в общее социальное и (впоследствии) культурное пространство территорий и сообществ, которые никогда прежде не составляли единое целое: ни воображаемое, ни организационное. Политическое объединение пространства, пересекающего Северную Евразию от Балтийского моря до степей Причерноморья, создает предпосылки для начала осмысления этого территориального и политического единства как особого мира, через метафоры исторического и географического целого.

Перенос столицы в Киев был вызван желанием взять под контроль новый путь “из варяг в греки”, который лишь частично зависел от Новгорода. Существовал маршрут из Балтики в Черное море, который вовсе не затрагивал ладожскую систему: он начинался у впадения Западной Двины в Финский залив (у современной Риги), через земли балтских племен (ливов, латгалов, селов) шел до Полоцка (на земле кривичей), потом на юг по притокам Двины, озерам и речкам – до реки Друть (на территории племени дреговичей), впадающей в Днепр примерно на половине пути между Смоленском и Киевом. Возможно, другой альтер-

нативой пути, проходившему через Новгород, был маршрут через Припять, который можно было контролировать уже только в Киеве. Помимо получения доходов от транзита караванов из Балтики, новый путь сулил выгоду прямой

двусторонней торговли с Византией – минуя всяческих посредников. Вероятно, взимание десятины за провоз товаров по своей территории было обычной практикой крупных политических образований: так поступала и Византия в отношении транзита по Великому шелковому пути, и Хазария, взымавшая пошлину на Волге. (Не исключено, что

в Новгороде требовали сопоставимую по размеру плату за проход через ладожскую систему). Даже если менее организованные племена довольствовались меньшей платой с проплывающих по их землям купцов, транзитная торговля по Волжско-Балтийскому пути сопровождалась огромными накладными расходами. Нестучайно археологи и нумизматы полагают, что лишь 30-40% от транзитного арабского серебра попадало в итоге в Северную Европу, на Балтику – остальное оседало по пути у посредников. Прямая торговля с Византией по Днепру сулила Роусьской земле огромные выгоды.

Существовала одна проблема: лесостепная зона Приднепровья уже находилась в сфере влияния Хазарского каганата. Как было указано в самом начале летописной “Повести временных лет”, “А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма”. Как мы уже видели, в ту эпоху выплата дани и являлась основным критерием признания подданства. Собственно, именно включение этой территории в относительно стабильное политическое пространство каганата обезопасило от набегов кочевников земледельческое освоение плодородной лесостепной зоны. Археологи прослеживают интенсивное развитие культур славянских переселенцев в Приднепровье как раз начиная с VIII века. Киев, расположенный за Днепром, был, очевидно, крайним форпостом хазарского влияния, что отразилось в местной топонимике: киевская гора Хоревца, скорее всего, названа была в честь библейской горы Хорив (она же Синай), на которой Моисей получил скрижали Десяти заповедей. Существование этого киевского топонима задолго до появления христиан в этой местности указывает на единственных иных носителей библейских культурных ассоциаций: хазар. А в трактате византийского императора Константина Багрянородного середины X в. “Об управлении империей” говорится о “крепости Киовава, называемой Самватас” – вероятнее всего, в честь реки Самватион (Самбагион), легендарной “субботней” реки талмудических преданий, протекающей у пределов обитаемого мира. Возможно, хазары так называли и реку Днепр на окраине их владений с ее знаменитыми порогами: по легенде, Самбагион бурлит шесть дней в неделю и успокаивается лишь в субботу. Скорее всего, хазарский форпост на правом берегу Днепра располагался по соседству от Киева, занятого Олегом, что только усиливало двусмысленность положения роуси на земле полян – официальных данников Хазарского каганата.

Так или иначе, укрепившись в Киеве, пришедший из Новгорода князь начал планомерно подчинять себе окрестные территории:

В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице. В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: “Я враг их [в оригинале: “азь имь противень”] и вам (им платить) незачем”. В год 6393 (885). Послал (Олег) к радимичам, спрашивая: “Кому даете дань?”. Они же ответили: “Хазарам”. И сказал им Олег: “Не давайте хазарам, но платите мне”. И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

Не вступая сразу в конфликт с хазарами, Олег первым делом заставил подчиниться древлян, по территории которых проходил альтернативный путь из Балтики по реке Припять. При этом характерно, что в качестве дани древляне должны были платить шкурки, в отличие от остальных, которые платили серебром – включая северян, радимичей и (спустя несколько десятилетий) вятичей. Очевидно, дело было не в разном уровне развития хозяйства: летописец был крайне невысокого мнения о культуре племен, способных платить звонкой монетой:

...радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены.

Просто древляне были изолированы от сферы влияния Хазарии или близости Волжско-Балтийского пути, поэтому доступа к арабскому серебру у них не было. Шкурка с семьи в год в лесном краю – не тягостный налог, скорее “дань признания”, чем побор.

Летопись представляет подчинение северян Олегом как разовую акцию – это сомнительно, учитывая, что северяне фактически граничили на юго-востоке с пастбищами самих хазар, власть которых северяне могли испытывать самым непосредственным образом. Открытые грабительским набегам кочевников и карательным экспедициям хазар, земледельцы-северяне вряд ли были заинтересованы в ссоре с каганатом. Так что одного принуждения силой было недостаточно для того, чтобы заставить северян разорвать отношения с хазарами: летописец специально оговаривает, что им была назначена “легкая дань” – видимо, легче обычной “куницы” с охотников и серебряной монеты с прочих и точно меньше хазарской. Совсем освободить от дани было невозможно:

дань олицетворяла установление регулярных связей между группами, пусть и неравных (то есть политических), подобно обмену дарами на уровне частных или родовых отношений.

Наконец, Олег обратился к радимичам, земли которых располагались выше по Днепру, к северу от уже подчинившихся ему северян. В изложении летописца договор с радимичами не потребовал даже военного похода, однако, окруженные с трех сторон племенами, вошедшими в Роусьскую землю, радимичи не получили и послабления: просто стали платить по серебряной монете (“щелягу” – так поздний летописец обозначил старый арабский дирхем) князю роуси вместо далеких хазар.

Таким образом, Олег присваивает право на сбор хазарской дани с соседних племен, что юридически означает овладение частью податной территории каганата. Эти действия неизбежно должны были привести к конфликту с Хазарией – или сами являлись ответом на враждебные действия хазар. Его усилия, направленные на подчинение соседних земель, кажется, преследуют скорее политическую, чем экономическую цель. Он готов переманить на свою сторону бывших подданных Хазарского каганата буквально любой ценой (особенно в случае пограничных северян).

Трудно сказать, каковы были действительные мотивы Новгородского князя, почему в поход на Киев (за тысячу двести километров) его поддержало ополчение племен, призвавших Рюрика с конкретной целью: обеспечить защиту и функционирование Волжско-Балтийского торгового пути от Ладоги до владений Волжской Булгарии.

Несколько важных событий происходят примерно одновременно с экспансией роуси в Приднепровье, но неясно, что было следствием, а что причиной. Во-первых, археологами и нумизматами зафиксирован кризис в снабжении Европы арабским серебром в последней четверти IX века – и до 910-х годов. Чеканка монеты не прекращалась, но, очевидно, ключевой посредник в транзитной цепочке от Халифата на север – Хазарский каганат – перекрыл поступление серебряных монет. Транзит серебра восстанавливается примерно одновременно с обособлением Волжской Булгарии от Хазарии и принятием булгарами ислама. Причем если раньше на север в основном везли аббасидские дирхемы из Багдада, то теперь это саманидские дирхемы, которые везут из Средней Азии через Булгар, минуя Хазарию. Высказывалось предположение, что хазары установили торговую блокаду на Волге, чтобы наказать роусь за вторжение в зону интересов каганата на Днепре. Данные, находящихся в распоряжении историков, разрозненны,

поэтому не менее вероятна и обратная интерпретация: по какой-то причине хазары начали удерживать все поступающее серебро (чтобы навредить дальним соседям, а скорее, по внутренним соображениям – например, для финансирования перестройки общества в более сложное государственное образование, что требовало затрат на строительство общественных зданий и крепостей, а также оплату профессионального чиновничества и войска). Эта блокада ударила не только по Новгородскому князю и дружине, но и по всей конфедерации племен, живущих вдоль Волжско-Балтийского пути. Возможно, поэтому они и отправили общее войско на поиск обходного пути (по Днепру) и проявили сдержанную, но явную враждебность к интересам Хазарии.

Так что вряд ли Хазарский каганат руководствовался в своей экономической политике исключительно стремлением насолить пришельцам с Балтики. Если уж у хазар имелась крепость в непосредственной близости от Киева, они были в состоянии отправить туда и войско, чтобы наказать роусь более непосредственным, простым и дешевым способом, чем расстройство трансконтинентальной торговли по Волге, за сотни километров от северо-западной окраины каганата в Приднепровье (где находился основной раздражитель). И действительно, хазарские документы упоминают о военных победах над роусами (правда, речь идет о событиях первой трети X века). Роусы же не имели возможности отправиться на Волгу с карательной экспедицией, и летопись ничего не говорит о военных столкновениях с самими хазарами в Приднепровье. Так что остается открытым вопрос о том, кто кому пытался отомстить (и за что) в 880-х годах.

Вторым важным историческим событием этого периода является уход венгерских племен из северного Причерноморья на запад. Как мы помним, венгры переправились через Волгу на территорию Хазарского каганата в начале VIII века, переселившись из предгорий Урала. Они приняли верховную власть хазар и заняли территорию между Волгой, Доном и Северским Донцом – более чем в 400 км к востоку от Днепра. Около 830 г. венгерские племена и часть хазар уходят из Хазарии и поселяются в районе Южного Буга, между нижним течением Днепра и Карпатами. Почти сразу начинаются разведывательные набеги дальше на запад: в 836 г. венгры появляются на Дунае, на границе с Византией; в 862 г. они впервые вторгаются в Восточно-Франкское королевство; в 881 г. доходят до Вены. В начале 890-х по разведанным маршрутам начинается массовое переселение венгерских племен: обходя Карпаты с юга, через земли современной Молдовы и Румынии, в 896 г. они заняли

Трансильванию, откуда овладели Паннонией. Переселение кочевых племен не было единоразовым походом и случилось не в один год, поэтому можно считать, что данные древнерусской летописи в целом соответствуют установленной хронологии окончательного переселения венгерских племен на Дунай: “Повесть временных лет” отмечает проход венгров мимо Киева в направлении Карпат под 898 годом, не упоминая какое-либо взаимодействие с ними.

Венгерская хроника конца XII века “Деяния венгров” подробно описывает поход через “русскую землю” на пути в Паннонию. Согласно лишенному хронологической привязки изложению “Деяний венгров” (которые некоторые скептически настроенные историки называют “рыцарским романом”), венгры под предводительством верховного вождя Альмоша (ок. 825 – ок. 895) разгромили объединенные войска роуси и половцев (“kunok”, которые появятся в этих краях только в XI в.) и взяли с Киева богатый выкуп. Нельзя исключить, что какая-то поздняя волна переселявшихся с левого берега Днепра венгров и правда осадила Киев, но в целом венгры – как подданные каганата или самостоятельная конфедерация племен – в середине IX века перестают влиять на жителей лесостепной зоны Приднепровья. Очевидно, до раскола 830-х гг. именно через территорию обитания венгерских племен осуществлялась власть Хазарского каганата над сопредельными землями северян и даже полян, поэтому уход венгров и части хазар к Южному Бугу создал временный вакуум в степной зоне вокруг Днепра. Этим могли воспользоваться пришельцы из Новгорода, распространяя свою власть на землях, которые Хазария не могла больше эффективно контролировать.

Есть и третий аспект, связывающий между собой два обстоятельства: прекращение поставок серебра по Волге через Хазарию и уход венгров из донских и причерноморских степей. Одной из причин, по которым венгерские племена тронулись на запад, было давление новых переселенцев из-за Волги: тюркских кочевников-печенегов, первое столкновение с которыми у венгров происходит не позднее 854 г. К 882 г. печенеги добираются до Крыма. (Самоназвание печенегов – тюрк. бачанак, беченег – “муж старшей сестры”, указывает на архаично-родовую организацию племени.) В отличие от венгров, признавших власть хазар на два столетия, печенеги были настроены воинственно и враждебно к каганату, захватывая пастбища и уничтожая встречающиеся на пути города в Придонье и на Таманском полуострове. Где-то в промежутке между этими датами (854 и 882 гг.) печенеги переправились через Вол-

гу, кочевали в непосредственной близости от нее и, вполне вероятно, полностью блокировали транзитную торговлю через Хазарию.

Таким образом, что бы ни было первично – экспансия роуси в Приднепровье после ухода венгерских племен, торговая блокада со стороны хазар или временное нарушение этой торговли печенегами – складывается новая ситуация, когда кризис Волжско-Балтийского пути заставляет изменить конфигурацию Роусьской земли. Летописец ничего не говорит об избирательном интересе варяжских князей к собиранию именно славянских племен – напротив, даже в XII веке он подчеркивает, что славяне являлись лишь одним из элементов “Роуси”:

А на Белом озере сидит весь, а на Ростовском озере – меря, а на Клещине озере сидит также меря. А по реке Оке – там, где она впадает в Волгу, свой народ – мурома, и черемисы – свой народ, и мордва – свой народ. Вот кто только славянские народы на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане...

При этом о славянах говорится: “Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, каждое – свои обычаи.” Отношения между славянскими племенами могли быть и весьма конфликтными (“стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди”). Так что неверно представлять консолидацию территорий под властью киевского князя как объединение славянских племен.

Впрочем, сам язык “племенной” организации населения Северной Евразии, используемый летописцем и принятый позднейшими историками, может вводить в заблуждение. Родовые связи – вплоть до крайне расширенных, почти абстрактных линий родства в дальней степени – были наиболее естественным принципом первоначальной социальной организации. (Достаточно вспомнить самоназвание печенегов, которые не нашли другого основания для выделения из среды тюркоязычных огузских кочевников, как собственная родовая иерархия). Однако понятно, что когда “племя” населяет территорию в десятки тысяч квадратных километров и насчитывает десятки тысяч членов, внутреннее единство этого человеческого коллектива, в том числе способность к солидарным политическим действиям (включая военные), является весьма условным. Особенно это касается оседлых земледельцев лесостепной и тем более лесной зоны, которые физически лишены мобильности, необходимой для общих сборов – в отличие от кочевников, которые время от времени могут довольно оперативно собираться у ставки старейшины рода.

Говоря о “племени”, современные историки обычно имеют в виду более аналитическую концепцию потестарной организации (лат. *potesta* – власть), когда властные структуры в обществе не отделены от семейных и расширенных родовых связей. Считается, что на этом этапе “общинной демократии” основным источником власти являлось общее собрание рода, которое принимало главные решения, избирало старейшину (или совет старейшин), а также военных вождей. При этом властные функции не были отделены от места в родовой иерархии и не были специализированы в постоянной и особой должности чиновника (то есть обладатель власти сохранял сферу занятий, обычную для остальных). Жизнедеятельность общества регулировалась нормами обычного права, в котором религиозные представления, собственно юридические нормы и правила бытового поведения были неразделимы. Это структурное описание начальной организации общества (уходящее корнями в работы первых антропологов и социологов конца XIX века) дает представление об общей логике, в которой принимались решения и предпринимались коллективные действия, но никак не объясняет существование и функционирование больших племен.

Судя по материалу, накопленному современной политической антропологией, в каких-то случаях “племя” начинает воспринимать свою особость только под давлением внешних сил, более организованных политических форм, а в каких-то само становится формой развивающихся государственных институтов. В рассматриваемой нами зоне Северной Евразии от Черного до Балтийского моря в конце I тысячелетия н.э. в обстановке постоянных миграций населения даже в северных лесных областях фактор относительной языковой и вообще культурной близости имел особое значение. Локальные сообщества не обязательно объединялись в общую властную иерархию – но при этом могли считать себя частью того или иного “племени” как единого социального пространства людей, понимающих друг друга и потому более интенсивно вступающих во всевозможные отношения, включая вооруженные столкновения. Именно поэтому племенная инаковость соседей не означала сама по себе враждебность или чуждость – просто со своим “племенем” было проще взаимодействовать. Так что оппозиция “свой–чужой” никак не соответствовала автоматически оппозиции “друг–враг”: “свой” мог быть много опаснее именно в силу обладания большей информацией.

Включение в состав Роусьской земли территорий, а не “племен” подтверждается и собственно летописными свидетельствами: Олег

устанавливает дань с радимичей в 885 году, но полное подчинение радимичей отмечается летописью лишь столетие спустя (после большой битвы в 984 г.). Это значит, что части “племен” были достаточно автономны, чтобы вступать в самостоятельные отношения с соседями (включая столь серьезные, как даннические), при этом племя “в целом” не считало необходимым или возможным выступать солидарно в таких случаях – например, попытавшись защитить обложенных данью.

Как же функционировала широкая коалиция земель и “племен”, составивших Роуськую землю к началу X века?

2.3. Конфедерация земель вдоль водного пути “из варяг в греки”

Византийский император Константин Багрянородный оставил подробное описание организации Роуськой земли в ее Приднепровской части в первой половине X века.

[Да будет известно], что приходящие из внешней России в Константинополь моносилы [т.е. долбленные лодки-однодеревки] являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты [т.е. союзники], а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах моносилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моносилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моносилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр.

Автор очень подробно описывает этот долгий и опасный путь, однако крайне любопытны и детали подготовки к походу. Большая часть упомянутых имен собственных расшифровывается историками без особых разногласий – во всяком случае, общая география понятна.

Ингор – это Игорь (сканд. *Ingvar*), которого “малолетним” привез в Киев Олег, он князь “Росии” (в документах эпохи “князь” стандартно переводится как “архонт” – от греч. “начальник, правитель, глава”). Его сын является наместником в районе Новгорода, скорее всего, в Старой Ладоге: если допустить описку переписчика, то речь идет о Невогарде, на варяжский манер названном “городе на озере Нево” (то есть Ладоге). Трудно сказать, является ли упоминание “внешней Росии” отражением византийских географических представлений, или и в Киеве существовало разделение Роусьской земли на “внутреннюю” и “внешнюю” (например, вдоль Днепра и вдоль старого Волжско-Балтийского пути).

Вероятнее всего, Милиниск – Смоленск кривичей, Телиуцу пытаются идентифицировать с Любечем радимичей, Чернигога – северский Чернигов, Вусеград – Вышгород, в 15 км выше Киева по Днепру. Вигичев вниз по Днепру – сторожевой пункт у днепровского брода (от сканд. *viti, vete* – “сигнальный огонь, костер”).

В целом, описание Константина Багрянородного полностью совпадает с летописной картой Роусьской земли этого периода. Тем более примечательно, что, говоря о “даниках” киевского князя, он использует термин “пактиоты”, то есть союзники по договору (“пакту”). Они не просто сплавляют десятки или сотни лодок вниз по течению, до Киева, но продают их росам – за деньги. Договор-“ряд” с племенами, пригласившими Рюрика на севере, и договор-“пакт” с приднепровскими племенами указывают на сложносоставной характер политической власти в Роусьской земле. С одной стороны, местное население было достаточно высокоорганизовано политически, чтобы его представители могли заключать договор, на определенных условиях признавая подчинение всего общества (“племени”) князю и дружине. С другой, это подчинение носило именно политический характер, то есть предполагало военную и экономическую поддержку князя и дружины как экстерриториального института рудиментного государства, а не привилегированного чужого “племени” или территории. Дань князю платили по договору все – даже Новгород, который мог бы восприниматься как “собственная” территория князя (“домен” в терминах феодального франкского мира) по сравнению с недавно подчиненными днепровскими землями. Взаимодействие за пределами оговоренной сферы эксплуатации и подчинения могло быть вполне равноправным (что включало и продажу лодок).

... Поход в Константинополь продолжался несколько недель: сначала по Днепру, через пороги, чьи названия Константин Багрянородный

приводит отдельно “по-росски” и “по-славянски”. Потом по Черному морю вдоль болгарского побережья, до границы с Византией в городе Месемврия (ныне Несебыр). Здесь основная часть участников похода оставалась на отдых, а товары перегружались на византийские суда и в сопровождении купцов и послов отправлялись в Константинополь. Там, под стенами города, в округе монастыря Св. Мамонта находилось небольшое подворье роусьских купцов, которые имели право жить в нем до шести месяцев в год. В начале осени караван возвращался в Киев, и начинался второй этап организационно-хозяйственной деятельности Роусьской земли, направленной уже не вовне, а внутрь сообщества:

Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно – в Славинии вервианов [т.е. древлян], другувитов [дреговичи, к северу от древлян], кривичей, севериев [северян] и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносылы, они оснащают [их] и отправляются в Романию [т.е. в Византию – Восточную римскую империю].

Объезд подвластной территории Киевским князем напоминает подобную практику эмира Волжской Булгарии и объезд каганом Хазарии в летние месяцы родовых кочевий: это был способ наглядной репрезентации верховной власти в отсутствие регулярных институтов представительства центральной власти на местах. Помимо представительской функции, полюдые (“выход в люди”) выполняло важную хозяйственную задачу, коль скоро князь с дружиной поступали на полное содержание подданных. Впрочем, и эта “хозяйственная” сторона дела была неразрывно связана с политической. Во-первых, угощение и пир являлись частью древних ритуалов обмена и одаривания как основы поддержания социальных связей. В этих ритуалах, сохранившихся в частных отношениях до наших дней, крайне важен элемент взаимности: нельзя не ответить подарком на подношение, и ценность его должна быть эквивалентна, иначе немедленно устанавливается иерархия главного-зависимого (щедрого-скупого, старшего-младшего, богатого-бедного). То, что обмен был непропорционален (принимаящая сторона кормила князя с дружиной), символически ставило “гостей” в зависимое положение, подчеркивало контрактный и обусловленный характер их власти. “Долг платежом красен”, и принятие пищи и крова

от подчиненных “племен” (как “хлеба-соли” в современных церемониях) не только подтверждало отношения дружбы и невозможность насилия по отношению к хозяевам, но и обязывало князя и дружину оказывать им услуги в будущем. На второстепенность хозяйственной роли “кормления” указывает и то, что продолжалось оно лишь полгода (в отличие от практики позднейших эпох, когда должностные лица полностью содержались за счет местного населения). Если дружина могла прожить полгода за счет иных источников, теоретически можно было добывать продовольствие и не покидая резиденции князя. Правда, это либо создало бы дополнительную нагрузку на окружающие Киев земли полян (в случае безвозмездного получения продуктов), либо поставило бы их в привилегированное положение (в случае приобретения еды за плату). “Кружение” в полюдьё позволяло равномерно распределить нагрузку на все территории Роуськой земли, не дискриминируя отдельных союзников-“пактиотов”.

Характерно отсутствие упоминания Новгорода и вообще “внешней России” в описании маршрута “кружения”. Остается только гадать, вызвано ли это отрывочностью информации, доступной Константину Багрянородному, подразумевал ли он Приильменьё, когда писал про “прочих славян”, или территория первоначальной Роуськой земли подобным же образом обходилась дружиной младшего князя-наместника из Ладоги или Новгорода. Также открыт вопрос о том, как товары, отправлявшиеся в июне по Днепру в Константинополь, были связаны с “кружением”-полюдьём. Если племена-пактиоты уплачивали дань серебром – каково было их участие в торговле, единственном источнике поступления монет? Если рабов и продукты леса (мед, воск, меха) для продажи брали у племен, то на каких условиях? Была ли это часть дани, собираемой князем и дружиной, или товарами, отдававшимися местным населением “на реализацию” организаторам караванной торговли?

Так или иначе, отношения князя с дружиной и местных племен в первые десятилетия распространения Роуськой земли на территорию Приднепровья строились примерно на тех же основаниях, что и отношения на севере во времена Рюрика. Главным стимулом совместного участия в более сложной социальной организации являлась общая заинтересованность в поддержании транзитной караванной торговли и участии в ней. Причем если Волжско-Балтийский путь в равной степени зависел по крайней мере от четырех “держателей” разных этапов маршрута (варягов на Балтике, союза племен и роуси от Ладоги до Волги, от Волжской Булгарии и от Хазарского каганата), то путь из

варяг в греки оказывается полностью монополизирован правителями Роусьской земли. Киевский князь контролировал все альтернативные водные маршруты до Днепра (и по Западной Двине, и по Припяти), вместе с дружиной обеспечивал безопасность прохождения каравана через низовья Днепра, где кочевали печенеги, а главное, добивался поддержания торговых отношений с Византией силой оружия.

Последнее утверждение звучит парадоксально, но только так могли “варвары” и “язычники” (с точки зрения властей Восточной римской империи) добиться отношения к себе как к равноправным партнерам, в том числе и в торговле. Византийские договоры обычно заключались на срок 30 лет, и эта периодичность прослеживается в известных военных походах роуси на Царьград (Константинополь). Под 907 годом “Повесть временных лет” сообщает о масштабном нашествии на столицу Византии из Киева:

Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян [в оригинале: словѣнь], и чуди, и кривичей, и мерю, и полян, и северян, и древлян, и радимичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли “Великая скифь”. И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд [бухту “Золотой Рог”], а город затворили. И вышел Олег на берег, и приказал воинам вытащить корабли на берег, и разорил окрестности города, и много перебил греков, и множество палат разрушили и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла причинили русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда поднялся попутный ветер, подняли они в поле паруса и двинулись к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: “Не губи города, согласимся на дань, какую захочешь”. И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. ... И потребовал Олег выплатить дань на две тысячи кораблей: по двенадцать гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

... И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу.

Обращает на себя внимание подробное перечисление состава ополчения, включавшего в себя все племена Роусьской земли, варяжскую дружину, а также не входивших в состав конфедерации жителей низовий Днепра и Буга (региона, традиционно называемого византийцами “Великой Скифией”) в качестве переводчиков. Легендарная установка колес на корабли, столь поразившая византийцев, большинством историков признается как вполне реалистичный маневр, позже повторенный турецкими войсками Мехмеда II при осаде города в 1453 г. Тогда турки смогли перевезти на повозках по суше около 70 судов, чтобы обойти цепь, натянутую через бухту Золотой Рог защитниками города. Попав в бухту, корабли приблизились непосредственно к обращенной к проливу низкой и менее укрепленной стене города. В 860 г. нападение роусов Аскольда-Дира было столь неожиданным, что цепь через Золотой Рог не успели натянуть, и защитники города объясняли лишь чудом, что враги не ворвались в город через слабый участок стен. Обход цепи какой-то частью флотилии Олега подтолкнул византийцев к заключению мира.

Олег не принял от византийцев угощение – в отличие от подношений “пактиотов” во время “кружения”, и дело могло быть не в предполагаемой отраве, а в политическом значении самого ритуала. Олег обращался с византийцами как с побежденными, требуя дань, а не установления взаимоотношений. Размер дани кажется огромным: даже если он исчислен в “старых” гривнах, на каждую ладью приходится в полтора раза больше серебра, чем годовая дань со всей Новгородской земли. Помимо 49 тонн серебра для участвовавших в походе воинов, отдельно Олег потребовал дань для каждого из племенных центров, отправивших ополчение в поход. Странно, что специально никак не оговаривается доля постоянной княжеской дружины, а при этом ополчение пактиотов получает двойную награду (как воины и как представители городов). Непонятно, что получили конные воины, не учтенные вместе с ладейниками. Так что не исключено, что только дружина гребцов-роусов получила “по двенадцати гривен на уключину” (24,5 кг серебра на ладью), а остальные довольствовались лично награбленным плюс данью, уплаченной их “городам”.

Еще более странно, что столь масштабная военная катастрофа не нашла отражения в византийских источниках. Одни историки объясняют это тем, что речь в летописи идет на самом деле о походе Аскольда-Дира 860 г. (хотя с военной точки зрения две кампании принципиально отличаются). Другие полагают, что поход имел место в 904 г., когда, действительно, византийцы упоминают нападение “росов”. Во всяком

случае, итогом похода был заключенный несколько лет спустя (как и в случае похода 860 г.) договор, реальность которого можно считать доказанной. Именно этот договор, датированный летописью 911 годом, подробно оговаривает условия торговли росов с Византией. Начинается договор, публикуемый летописью явно в обратном переводе с греческого оригинала, очень характерно:

Мы от рода русского [в оригинале: русаго] – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукой его, светлых князей, бояр...

Только Киевский князь и его варяжская дружина (роусы) могли заставить Византию заключить выгодное торговое соглашение с конфедерацией далеких племен, и действовали они в общих интересах всех участников конфедерации.

Тридцать лет спустя, в 941 г., Киевский князь Игорь предпринял новый поход на Константинополь. В этот раз летописец не упоминает о широком ополчении союзных племен, лишь называет умопомрачительное количество ладей (десять тысяч), зато из других источников известно, что союзниками Игоря выступили печенеги. Разграбив побережье, войска Игоря потерпели неудачу и были разбиты. “Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них.” Новый поход 944 года был уже организован по образцу прошлых успешных экспедиций (в отличие от дружинного набега на ладьях 941 г.):

Игорь собрал воинов многих: варягов, и русь, полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, желая отомстить за себя. ...Услышав об этом, цесарь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: “Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани”. Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цесареву. Сказала же дружина Игорева: “Если так говорит цесарь, то чего нам еще нужно, – не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто – кто одолеет: мы ли, они ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть”. И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвосяи.

В этот раз поход принял ритуализированную форму, что говорит об определенной стабилизации и даже рутинизации отношений с Византией: ополчение Роуськой земли во главе с дружиной только подошло к границе Византии на Дунае, и император поспешил подтвердить готовность заключить новый договор. Договор, упоминаемый летописью под 945 г. (как и прежние, подписанный спустя время после военного похода, в рамках сугубо дипломатической миссии), не только повторял предыдущий, но и существенно расширял его. Особенно подробно оговаривались правила поведения роусов во владениях Византии и в сфере ее интересов, что также свидетельствовало о более систематическом вовлечении Роуськой земли в сферу влияния Византии. Как и в 911 г., договор предполагал, что купцы прибывают не только из Киева: на получение месячного довольствия в Константинополе имели право “сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из прочих городов”.

Таким образом, к середине X века – времени, когда Константин Багрянородный оставил описание заведенного распорядка в Роуськой земле, – рудиментарный государственный аппарат в лице князя с дружиной, казалось бы, полностью доказал свою эффективность. Благодаря ему участники конфедерации местных племенных союзов получили возможность участвовать в торговле с богатейшей страной Европы, обрели защиту и внешнего арбитра в случае межплеменных споров. При этом княжеская власть не вмешивалась во внутрплеменные дела, оставаясь внешней силой, действующей в большей степени на основании совпадения общих интересов, чем голого насилия. Неслучайно племенем, систематически проявлявшим недовольство княжеской властью, были наименее интегрированные в днепровскую торговлю древляне, которым единственным Олег установил дань не серебром (добываемым в ходе торговли), а шкурками. В 913 г. древляне разорвали отношения с Киевским князем (“затворились от Игоря древляне после смерти Олега”), так что Игорю пришлось совершать против них поход, подчинять силой, а их дань была повышена. Исключение лишь подтверждает общее правило: княжеская власть была устойчивее там, где она приносила выгоду местному населению, по крайней мере сопоставимую с тяготами повинностей. Ранняя модель княжеской власти в Роуськой земле строилась по принципу “экзоскелета” (внешнего каркаса): элементы государственных институтов в лице князя и дружины существовали и носили территориальный (надплеменной) характер, однако отсутствовала формальная структура, которая упорядочивала бы

отношения этих “профессиональных управленцев” и подданных. Князь и дружина регулировали контакты, выходявшие за пределы племенных союзов (война, торговля), однако внутренняя деятельность всецело подчинялась традиционным политическим институтам: старейшинам, вечу (народному собранию).

При этом сама княжеская дружина представляла собой всего лишь осколок иного, столь же догосударственного общества, просто организованного несколько иначе. Варяги (викинги, норманны) не имели в Скандинавии IX века ничего подобного обширной и “многоплеменной” Роуськой земле (особенно на территории будущей Швеции, откуда родом в основном и были приходившие в Восточную Европу варяги). Большинство населения являлись свободные крестьяне, они же составляли основу войск многочисленных княжеств, сражавшихся между собой. Правда, постоянные столкновения с соседями и начало пиратских рейдов усилили роль дружины вокруг князя или харизматичного вождя: отряда профессиональных воинов, которые не занимались ничем, кроме войны. Понятно, что их существование полностью зависело от поступления добычи, а власть предводителя дружины основывалась на авторитете воина и способности обеспечить добычу и справедливо распределить ее. Упорядочение политического пространства Скандинавского полуострова и способствовало вытеснению мелких младших конунгов и ярлов вовне, в грабительские и завоевательные походы, коль скоро сфера их деятельности на родине постоянно сужалась.

Появление скандинавских дружинников в роли приглашенных правителей конфедерации славяно-финских племен привел к наложению двух политико-экономических систем с неожиданным результатом. В Скандинавии дружинники не грабили членов собственного конунгства (княжества), поэтому и о набегах на земли союзных племен речи не шло. Однако добыча дружинникам все же поступала в результате походов за пределы Роуськой земли, а также в виде дани, выплачиваемой по договору конфедерацией племен. Получалось, что дружина ведет традиционный образ жизни, подчиняясь князю как военному вождю и лидеру, перераспределяющему добытое между своими приспешниками. Местные племена также сохраняют традиционный уклад, управляясь родовыми старейшинами и народным собранием. А все вместе эти почти изолированные системы, основанные на различных логиках экономической деятельности и легитимности власти, составляли структуру примитивной государственности, в которой налицо терри-

ториальная основа власти, специализация разных категорий населения на экономической, военной и управленческой деятельности, а также систематическое отчуждение ресурсов для оплаты непроизводительной деятельности в интересах всего сообщества. Эти абстрактные и обезличенные государственные функции существуют в чистом виде, отдельно и независимо как от иерархий родства (в отличие от кочевых обществ), так и от отношений собственности и юридического подчинения (в отличие от раннефеодальных франкских королевств). Тем более удивительно, что такая сложная государственная организация основывалась на вполне примитивных элементах: перераспределительной общине воинов и союзе соседских (а то и родственных) общин охотников и земледельцев.

Вероятно, такая композитная (составная) модель ранней государственности вообще характерна для обществ Северной Евразии, которые возникали в процессе политической самоорганизации на основе многочисленных разнокультурных групп населения. В случаях, когда нет завоевателя, обладающего неоспоримым военным преимуществом и принципиально иной политической культурой, которую можно навязать покоренным, неизбежно сохранение местных традиций и структур власти.

Однако успех самоорганизации, основанной лишь на стратегическом совпадении интересов различных действующих сил на пути к определенной цели, является и главным источником ее кризиса. Что сможет удержать бывших союзников вместе, на прежних условиях, когда каждый (или часть из них) получил то, чего добивался? Договор с Византией 945 года не просто подтверждал положения торгового договора 911 года, в котором “росы” несколько туманно обещали “насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу”, но оговаривал до мелочей такое разнообразие возможных конфликтных ситуаций, что не оставалось сомнений: это основа постоянного стратегического партнерства. Даже то обстоятельство, что новый договор вводил некоторые ограничения на права купцов из “Росии” (например, отныне купец мог вынести за пределы города шелка не более чем на определенную сумму и только после осмотра и опломбирования покупки византийским чиновником), свидетельствовал о нормализации и рутинизации контактов: только регулярность определенных сделок требовала их специальной регламентации и упорядочения. Купцы “от города Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из прочих горо-

дов” окончательно прописывались в пригороде Константинополя, что подтверждалось как данными им привилегиями, так и наложенными ограничениями.

А что же доставалось князю и дружине по новому договору? Как государственный институт они получали полное признание со стороны самого высокоразвитого государства того времени. Договор предполагает, что князь и дружина (подписавшая сторона) являются высшим источником и гарантом права в Русьской земле, контролируют любые вооруженные силы в своей стране, ведут единую внешнюю политику и организованно осуществляют сбор податей. С этой точки зрения, договор 945 года был триумфом – и, возможно, этот “государственный” аспект собственной деятельности был важен для князя и нашел отражение в договоре не только в силу стандартов византийской дипломатии. Но для дружины как общины воинов с собственными экономическими интересами договор 945 года являлся жестоким ударом. С одной стороны, договор подробно ограничивал право рейдов на подвластные Византии территории (которые совершались в прошлом, видимо, параллельно с торговыми экспедициями) и открыто формулировал презумпцию исключительно односторонней ответственности дружинников за возможные нарушения договора:

Кто от страны Русской [роусские] замыслит разрушить эту любовь [между договаривающимися сторонами], то пусть те из них, которые приняли крещение, получают возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи и от Бога, и от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами в этой и в загробной жизни.

... И о Корсунской стране [т.е. феме Херсон на южном побережье Крыма]. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам...

... Если же застанут русские [роусь] корсунцев за ловлей рыбы в устье Днепра, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья [о. Березань напротив дельты Днепра]; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

Договор не только запрещал набеги и ограничивал присутствие дружины в “нейтральных водах”, но и прямо диктовал внешнюю политику на юге:

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране.

С другой стороны, ограничивая возможности дружины “как государства”, договор существенно сужал ее поле деятельности и как частного отряда профессиональных воинов. В 911 г. дружинникам был гарантирован практически неограниченный найм на византийскую службу:

Если же будет набор в войско и когда нужда возникнет, и эти [росы] захотят почтить вашего цесаря, и сколько бы ни пришлось их в какое время, и захотят остаться у вашего цесаря по своей воле, то пусть так будет.

О Руси, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих [в Греции] у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому завещал письменно наследовать его имущество, и да наследует его.

Договор 945 года уже не рассматривает дружинников как частных лиц, поступающих на государственную службу Византии. Они могут отправиться туда только как военный контингент союзников по приглашению Константинополя и в рамках назначенной квоты, личные имущественные дела отдельных воинов договор больше не упоминает:

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших врагов, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем; и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Характерно, что поменялась сама перспектива обсуждения поступления на византийскую службу: в 911 году договор фиксировал точку зрения Киева, в 945 году речь идет от лица императора.

Итак, формальное признание Русьской земли государством, партнером (пусть и младшим) Восточной римской империи принесла серьезные проблемы политической системе, которая функционировала “как государство”, не имея собственно государственного устройства. Первыми на себе испытали удар дружинники: для них новый договор обернулся крахом традиционной экономики набегов на соседей, самые богатые и близкие из которых находились под покровительством Византии. Забегая вперед, нужно сказать, что попытки перенести набеги за добычей на новые территории ради сохранения традиционной модели

дружинной экономики предпринимались еще несколько десятилетий, однако сохранить статус кво не удалось. События начали развиваться стремительно, согласно летописи – в течение первых же месяцев после подписания договора:

Игорь же начал княжить в Киеве [подписав договор], мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять пойти к древлянам, желая взять с них большую дань.

Необходимость сохранения мира с соседями летом, в сезон традиционных набегов, заставляла искать компенсацию неполученной добыче внутри Роуськой земли, увеличивая дань. Первыми на маршруте “кружения” были древляне, которые, вероятно, меньше остальных участвовали в торговле с Византией (их столица не упоминается в договорах), а значит, и меньше платили князю за организацию и защиту торговли. (Византийцы принимали только купцов, вписанных в особые списки, которые составлял князь, – вряд ли бесплатно.) Желание взять с древлян повышенную дань было не капризом князя, а требованием его дружины – общины воинов, от которой он зависел в той же мере, в какой и они от него:

Сказала дружина Игорю: “Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам”. И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, – поразмыслив, сказал своей дружине: “Идите вы с данью домой, а я возвращусь и похожу еще”. И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом и сказали: “Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит”. И послали к нему, говоря: “Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань”. И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя навстречу ему из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало.

Свенельд – варяжский дружинник, чье имя встречается в различных источниках середины X века, но не упоминается в договоре 945 года среди имен двух десятков приближенных Игоря, подписавших его с киевской стороны. Возможно, он возглавлял второстепенный отряд, совершивший удачный набег в летний сезон за пределами византийской зоны влияния, пока Игорь демонстрировал миролюбие. Дружина

требует от Игоря следовать традиционным путем, получая добычу любыми средствами. Древляне реагируют так же в соответствии со своими традиционными представлениями: единовременный сбор дани законен как элемент отношений с князем, но дополнительные поборы воспринимаются не как несправедливое утяжеление той же дани, а как отдельный преступный грабеж. “Волком” и у славян, и у варягов назывался преступник (в др.-исл. *vargr* означал и врага, и волка, в др.-шведск. *warag* – злодей, волк, откуда произошел и “враг”), и с точки зрения древлян Игорь с дружиной поставили себя вне закона, нарушив договор. Таким образом, нарушение равновесия между двумя традиционными политико-экономическими режимами отрицательно повлияло на симбиоз, который создавал эффект государства. Оказалось, что в реальности не существует общей “государственной” точки зрения, согласно которой князь остается легитимным правителем, даже если совершает акт несправедливости по отношению к подданным. На деле есть две “правды”, что в X веке буквально означало два режима права: право дружинников требовать от князя добычи, и право племен-пактиотов не признавать того, кто действует вне договора и обычая.

В ответ на убийство Игоря его вдова Ольга жестоко мстит древлянам, сжигая племенной центр Искоростень, убивая жителей или продавая в рабство. Однако куда более важные последствия имела реформа отношений княжеской власти с племенами-пактиотами, которую провела княгиня Ольга:

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольгиным. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною своею по Древлян-ской земле, устанавливая уставы [т.е. правовые нормы] и налоги; и сохранились места ее стоянок и места для охоты. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и, пробыв здесь год, в год 6465 (947) отправилась Ольга к Новгороду. И основала по [реке] Мсте погосты и установила дани, и по [реке] Луге – погосты и дани и оброки установила, и места охот ее сохранились по всей земле, и... свидетельства [в оригинале: “знамения”, возможно, имеются в виду разграничивающие вехи, знаки]..., и места... и погосты. И сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть ее места для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там пребывала с ним в любви.

Используя демонстративно жестокий разгром древлян как меру устрашения (для предупреждения возможного сопротивления остальных племен), Ольга впервые формализовала отношения государственности, которые раньше возникали спонтанно в процессе традиционного взаимодействия общин, различающихся “специализацией” и образом жизни. Прежде всего, фиксируется четкое разделение дани на “государственную казну” – средства, которые собираются на общие нужды в главном городе Роуськой земли Киеве, и личный доход князя (и дружины?), который отправляется в княжескую резиденцию Ольги.

Во-вторых, на место патриархального “кружения” князя с дружиной по землям пактиотов, когда сбор податей оказывается неотделим от ритуальных пиров, приходит система прямого сбора налогов. Для этого рядом с общинными центрами – но отдельно от них – создаются княжеские “представительства”-погосты как центры податных округов, хорошо прослеживающиеся для этого периода по археологическим данным. Подати в установленном размере сдаются окружающим населением на погост, который превращается из княжеского “гостевого двора” на земле племени-пактиота в обладающий экстерриториальностью символ присутствия княжеской власти. Физическое разведение актов принесения дани жителями и вывоза ее дружиной, опосредование взаимодействия князя и местного населения погостом (возможно, со специальным персоналом) переворачивает символическое значение дани: важный компонент личного приношения даров уходит, зато присвоение чужого как своего в обезличенной форме выходит на первый план. Отношения взаимности уступают место односторонним обязательствам.

Другим элементом проникновения княжеской власти на территорию племен стало выделение особых охотничьих угодий князя “по всей земле” и места “для ловли птицы” вдоль рек. Вряд ли князю и дружине негде было поохотиться до тех пор. Отведение части территории – в каждом племени – специально для княжеского использования символизировало утрату монополии племени на “свою” землю. Владение землей основывалось не на юридической собственности, а на самом факте использования ее коллективом. Этот коллектив (“племя”, что бы ни подразумевать под этим термином) можно было принудить выплачивать дань, но земля оставалась исключительным владением племени до тех пор, пока оно на ней жило (не было согнано завоевателем). Ольга не переселяла племена и не завоевывала их, но, получая часть их земли для конкретного “использования”, она становилась совладелицей этой

территории. В этом заключается символическое значение выделения охотничьих угодий государя из общественных земель, чреватое в дальнейшем важными юридическими последствиями.

Особо важно и то, что Ольга провела свою реформу в масштабах всей *Роуськой* земли, от Киева до Новгорода, от Балтики (куда впадает Луга) до волжских волоков (у верховий Мсты), в землях разных славянских и финских племен.

2.4. Дилемма государя и государства

Что означало в середине X века в Восточной Европе строительство государства? Сохранившиеся письменные источники и археологические свидетельства позволяют крайне фрагментарно реконструировать события и обстоятельства этой эпохи, историки спорят даже по поводу реальности упоминаемых в документах правителей Киева, не говоря уже про обстоятельства их биографии (возраст, семейные связи, деяния). Тем не менее самые общие и наименее спорные сведения, имеющиеся в нашем распоряжении сегодня, позволяют понять если не то, как было устроено государство, то хотя бы как оно было возможно в принципе. Конкретизируя этот вопрос, можно спросить: каким образом можно было добиться управления *Роуськой* землей как единым целым, при помощи каких институтов власти, в каких целях?

Неочевидность ответов на эти вопросы для самих правителей-реформаторов проявилась в непоследовательной и даже противоречивой политике второй половины X века, что нашло отражение даже в противоречивости самого летописного повествования.

Согласно летописи, верховной правительницей *Роуськой* земли до самой своей смерти в 969 г. (то есть без малого четверть века) являлась вдова Игоря, княгиня Ольга. При этом остается неясным статус их сына Святослава, который даже по летописной хронологии (считающей, что он родился около 942 г.) должен был достигнуть совершеннолетия по местным нормам в 956 г. и, вероятно, принять власть у матери. (В летописи прямо говорится, что Ольга сохраняла родительскую власть над Святославом – т.е. воспитывала “сына до его возмужалости и до его совершеннолетия”.) Женщины обладали большими юридическими правами в варяжской среде, однако женское правление при совершеннолетнем и дееспособном прямом наследнике мужского пола выглядит достаточно экстраординарно. Вместо формальной передачи власти сыну Ольга, согласно летописи, в 955 г. отправляется в Константи-

нополь, где принимает крещение. Политически этот шаг означал не только упрочение отношений с Византией в духе договора 945 года, но и укрепление позиций монотеистической религии в Роусьской земле, коль скоро в Восточной Европе князь являлся и верховным жрецом. Принятие христианства способствовало бы формализации государственных отношений в Роусьской земле, проводимой княгиней Ольгой, создавая новую основу надплеменного единства населения. Действительно, сами внешние границы Роусьской земли и ее внутренняя целостность оказывались под вопросом, коль скоро они больше не основывались на “добровольно-принудительной” конфедерации племен, заинтересованных в справедливом и умелом администрировании проходящего по их землям торгового маршрута. Однако попытки Ольги склонить Святослава к принятию христианства встречали его отказ. И сама настойчивость Ольги, и упорство Святослава свидетельствуют о том, что речь шла не просто о личном выборе и что роль Святослава была куда значительнее, чем сообщает летопись:

Он же не внимал тому, говоря: “Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться”. Она же сказала ему: “Если ты крестишься, то и все сделают то же”. Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям.

Летописец начинает упоминать Святослава как самостоятельного деятеля только с 964 г., когда ему должно было исполниться по меньшей мере 22 года, что выглядит явным анахронизмом:

Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. Был ведь и сам он храбр, и ходил легко как pardus [т.е. гепард], и много воевал. Не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: “Хочу на вас идти”.

По демографическим и юридическим стандартам того времени “вырос и возмужал” Святослав много раньше (у его сына Владимира к 22 годам было уже несколько детей) и собирать вокруг себя дружину профессиональных воинов начал по крайней мере одновременно с крещением матери (что и нашло отражение в спорах с Ольгой о принятии христианства). Святослав всегда упоминается в документах вместе с дружиной, чаще всего в контексте военных походов. Ольга

справедливо полагала, что дружина последовала бы примеру Святослава, если бы он крестился, – но, судя по всему, сам Святослав имел принципиально другой взгляд на княжескую власть и предназначение дружины, и инициатива исходила от него, а не от дружинников. Нет ни одного упоминания об участии его дружины в рутинной “государственной” деятельности в рамках реформы Ольги: объезде погостов, принуждении соблюдения “уставов” и пр. Вместо этого Святослав возрождает выглядевшие уже архаично (и потому экзотично – ср. описание в летописи его походного быта) нравы и образ жизни варяжских дружин прошлого. Летопись упоминает лишь его походы начиная с последних пяти лет жизни (и правления) княгини Ольги, которую он пережил всего на три года, но это не исключает того, что он с дружинниками занимался набегами на соседние земли с самого начала. (Еще до первого отмеченного летописью похода 964 г. Святослав “посылал в иные земли со словами: ‘Хочу на вас идти’”).

Таким образом, деятельность Святослава оказывается не столько хронологически отделенной от деятельности Ольги (как наследника), сколько противостоящей ей по сути. Постоянный рефрен летописи о проживании Ольги и Святослава в любви не может скрыть принципиального антагонизма двух политических стратегий, избранных и в течение многих лет одновременно воплощавшихся ими: логику построения государства и логику воплощения идеала “государя” по канонам “варварской” культурной традиции (варяжской, славянской или степной). Разница между двумя этими стратегиями кажется очевидной сегодня: первая предполагает масштабную организационную деятельность, создание единого культурного и правового пространства, а вторая требует систематического личного героического поведения, опирающегося на прямое действие и непосредственный контакт с последователями. Однако “научно обоснованное” преимущество первой стратегии по созданию эффективного государства было далеко не очевидно в X веке, а опыт традиции свидетельствовал скорее в пользу выбора Святослава.

При этом оба они, и реформатор Ольга, и “неотрадиционалист” Святослав в равной степени выламывались из политической культуры прошлых десятилетий, осознанно занимаясь поиском новых решений. Так, демонстративная брутальность облика и примитивность быта Святослава являлись его сознательным и даже нарочитым выбором, элементом символической “политики тела” и поведения идеального вождя, поскольку в равной степени шокировали как местных людей,

так и византийцев, хорошо представлявших себе обычный вид “архонтов росов”. В хрестоматийном портрете хрониста Льва Диакона Святослав изображен

умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой.

Героический вождь, первый среди равных дружинников (отличавшийся от них только чистотой одежды), Святослав демонстрирует поведение, наиболее соответствующее скандинавским религиозным представлениям: культ войны и оружия, презрение к роскоши при стремлении к богатству как доказательству избранности и удачливости. Согласно этим представлениям, павшие геройски воины попадают в Вальхаллу, а дрогнувшие навеки покрывают себя позором. Неслучайно знаменитый призыв Святослава к дружине, уstraшенной видом превосходящих сил противника, –

Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрамят земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не ведом позор. Если же побежим – позор нам будет.

– является практически расширенной цитатой из поэмы “Беовульф”, созданной в Англии в начале VIII века недавними англо-саксонскими выходцами из Скандинавии, в которой герой Виглаф обращается к бежавшим с поля битвы воинам:

Суровой речью их встретил воин, мужей трусливых, бежавших от битвы...: “...Уж лучше воину уйти из жизни, чем жить с позором!”

Кажется, что Святослав начинает совершать набеги без особого плана, ради самих набегов:

И пошел на Оку реку и на Волгу, и набрел [в оригинале: “налъзе”] на вятичей, и спросил вятичей: “Кому дань даете?”

В дальнейшем он разорил Волжскую Булгарию, богатые внутренние территории Хазарского каганата, чем фактически привел его к краху,

обложил данью славянский племенной союз вятичей в бассейне Оки (историки спорят о фактической последовательности этих предприятий Святослава). После этого он отправился воевать в Дунайскую Болгарию и даже объявил Переяславец (Малый Переслав) на нижнем Дунае своей столицей.

Историки, воспринимающие походы Святослава в качестве проявления активной “внешней политики” “Киевской державы”, забывают о том, что само разделение государственной политики на “внешнюю” и “внутреннюю” является поздним феноменом. Оно предполагает не только фиксацию внешних территориальных границ государства, но и четкое разделение населения на “свое” и “иностранное”, а также различие внешней и внутренней политики по методам и целям. В отличие от Ольги, озабоченной организацией управления землями первоначальной конфедерации племен вдоль Волжско-Балтийского и днепровского торговых путей, Святослав демонстрирует не территориальное, а “процессуальное” понимание владений: они там, где в настоящий момент находятся князь с дружиной, извлекая доход силой оружия. Именно различия в понимании смысла княжеской власти стали темой последнего спора Ольги и Святослава накануне ее смерти по версии летописца, когда Святослав заявил:

Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – паволоки, золото, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха, и воск, и мед, и рабы.

Для Ольги Русская земля – это уже определенная территория, от Киева до Новгорода, которую она пытается скрепить единой системой управления, через сеть административных и символических (княжеские охотничьи угодья) представительств. Действия Святослава демонстрируют иное, ставшее уже архаичным к тому времени понимание Русской земли как зоны господства дружины (руси), экстерриториальной в том смысле, что контроль осуществляется не над людьми (“племенами”) или историческим регионом, а над потоками материальных ресурсов. Так же и Рюрик мог сказать про Ладогу, а Аскольд-Дир – про Киев: “там середина земли моей, [ибо] туда стекаются все блага”. При этом Святослав не считал себя правителем болгар, на землях которых пытался утвердиться с дружиной, не имел он и никакого контроля над огромной территорией от низовьев Дуная до Киева. Его власть – “точечная” в пространстве и “дискретная” во времени, то есть существующая только

там и в тот момент, где он находится с дружиной, и только пока победоносен.

С точки зрения экономической логики и антропологии власти старой варяжской дружины, действия Святослава рациональны, а сам он воплощает идеал вождя. Он постоянно ведет дружину в новые богатые места, за новой добычей, вместо того, чтобы заботиться о равномерном поступлении доходов с уже покоренного населения. С точки зрения Роусьской земли как территориального целого, “внешняя политика” Святослава бессмысленна и прямо губительна.

Так, в 968 г. в его отсутствие печенеги осадили и едва не захватили Киев, и только подоспевший отряд “людей” с противоположного (северского) берега Днепра под командованием воеводы Претича вынудил печенегов снять осаду и отойти вниз по Днепру. Святославу же на Дунай отправили письмо с красноречивым упреком:

Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою потеряешь, нас ведь чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?

Из этих слов явствует, что сами киевляне считали, что Святослав действует не в интересах Киева, и что “своя земля” для него была актуальна только как “отчина” – заботился он не о ней. Еще более интересно, что, судя по всему, Святослав увел с собой в поход всю дружину профессиональных воинов (поэтому чуть не пал Киев, осада снята “людьми” под командованием воеводы со славянским именем Претич, и посылают на далекий Дунай за Святославом, чтобы окончательно прогнать печенегов). Но это значит, что огромная территория Роусьской земли управлялась Ольгой без помощи дружины (в смысле особой военной организации, самостоятельной общины воинов), только через систему погостов и при помощи местных воевод, вроде Претича. Авантюра Святослава на Дунае сделала Киев уязвимым для нападения врагов, но при этом в мирное время нужды в святославовой дружине – как и дунайских завоеваниях – в Киеве не испытывали.

Еще бессмысленнее и вреднее с “внешнеполитической” точки зрения были набеги Святослава на Волжскую Булгарию и Хазарский каганат. Никому из предшественников Святослава не приходило и в голову отправиться грабить основного торгового партнера на Волжско-Балтийском пути, ворота для потока серебра из Багдада и Хорезма. Притом, что Булгар располагался много ближе и был гораздо слабее, чем Константинополь, против которого из Киева не раз выступало огромное

войско на тысячах ладей. Хазарский каганат, некогда собиравший дань с не организованных еще в конфедерацию племен на левой стороне Днепра (то есть осуществлявший политическое доминирование над ними), с конца IX века перестал представлять прямую военную угрозу для новых правителей Киева. Уход венгерских племен, проход через их земли печенегов просто физически, территориально изолировал Роусьскую землю от Хазарии. Нанеся смертельный удар по уже ослабленному каганату, Святослав уничтожил ключевой промежуточный центр караванной торговли по Волге и на северном маршруте Великого шелкового пути, а также окончательно разрушил барьер, на протяжении столетий сдерживавший миграцию кочевых племен из-за Урала. После падения Хазарии печенеги оказались безраздельными хозяевами степи от Волги до Дуная, уничтожая оседлые поселения лесостепи (в том числе и славянские), которые процветали под защитой Хазарии. Степняки становятся основной внешней угрозой подвластных Киеву земель на многие столетия.

При этом, несмотря на свои дерзкие рейды в зоне византийского влияния (воюя как в союзе с Византией, так и против нее, совместно с бывшими врагами), Святослав подписал в июле 971 г. – спустя 30 лет после неудачного похода на Константинополь князя Игоря – очередной договор с Византией. Как всегда, летопись представляет подписание договора как вырванную у византийцев экстраординарную уступку, однако текст его выглядит совершенно стандартным для договоров предшествующих тридцатилетий:

Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими [в оригинале никакого подданства нет: “иже суть подо мною Русь”], с боярами и прочими иметь мир и истинную любовь со всеми великими цесарями греческими... до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним.

Краткий текст договора, приведенный в летописи, отличается от текста 945 года только расширением союзнических обязательств по отношению к Византии, а также представлением Роусьской стороны. В 945 г. договор подписан 23 послами и 29 купцами от лица “Игоря, великого князя русского, и от всех князей, и от всех людей Русской

земли”, причем помимо самого Игоря, собственными послами были представлены его жена Ольга, сын Святослав, племянник Игорь, а также еще три высокопоставленных лица. Святослав подписывает договор единолично – что естественно, учитывая обстоятельства. Но он и не считает нужным указать, что выступает от чьего-либо имени, кроме подчиняющейся ему дружины. Вероятно, так, по его представлению, должен был поступить истинный государь, не обремененный сетью обязательств, обуславливающих его абсолютную власть.

Последовавшая вскоре гибель Святослава символизировала маргинальность идеального государя без государства: он был убит в схватке с печенегами у днепровских порогов, на “ничейной земле”, то ли медля вернуться в Киев после краха его дунайской экспедиции, то ли ожидая там прибытия подкрепления из Киева для продолжения южных набегов. По легенде, печенеги изготовили кубок из черепа Святослава для своего хана Кури, как было принято в “Великой Скифии”: согласно Геродоту и Страбону, так поступали с врагами и сами скифы, а в 811 г. болгарский хан Крум приказал изготовить себе кубок из черепа убитого в сражении византийского императора Никифора I.

2.5. Государь как государственный институт

Через пять лет после гибели Святослава началась распря за власть между его сыновьями Ярополком, Олегом и Владимиром: они сражались друг с другом во главе собственных дружин, осаждали и захватывали города и убивали друг друга. Как ни странно, но этот сюжет, столь типичный для средневековой истории Восточной Европы (и, разумеется, не только Восточной Европы) в первый раз возникает в хронике “Повести временных лет” под 977 годом – почти 120 лет спустя после начала правления роусьских князей. Даже по летописной хронологии конфликт между наследниками Святослава разразился только в четвертом поколении правителей, если же исходить из демографических стандартов эпохи (брачный и детородный возраст, продолжительность жизни), то речь может идти на деле о пятом или даже шестом поколении. Ситуация должна была усугубляться наличием множества детей в семьях варяжских вождей от разных жен и наложниц и возможностью признания законным права на часть отцовского наследства детей, рожденных даже рабыней. Тем не менее, из летописи создается впечатление, что у Рюрика не было других сыновей, кроме Игоря, “малолетнего” к моменту смерти Рюрика после 17 лет княжения;

что княгиня Ольга родила первого и единственного сына, Святослава, в 942 г., через 39 лет после своей свадьбы с Игорем.

Проверить эти данные нет возможности, но они свидетельствуют о том, что вплоть до последней четверти X века вероятное соперничество между наследниками правителя ни разу не выходило на уровень открытой политической борьбы за власть над Роусьской землей. Единственное объяснение этому – само полуизолированное друг от друга сосуществование конфедерации племен-пактиотов и общины воинов-дружинников как держателей верховной власти над этими землями. Князем Роусьской земли становился вождь дружины, а за это звание бесполезно вести братоубийственную борьбу, вербуя сторонников и подкупая противников. Дружина как община, живущая по правилам воснной демократии, сама выбирает себе вождя, сама является гарантом устойчивости более сложных и шатких политических конструкций (например, в случае совместного правления представителя рода прежнего харизматичного вождя как символической фигуры – и нового предводителя дружины как реального властителя). Даже усиление внутренней стратификации дружины и возможность раскола на “партии” не может привести к масштабной войне за власть, да еще исключительно между наследниками умершего вождя (к тому же, вероятнее всего, крайне юными).

Конфликт 977 года стал возможен потому, что еще при жизни Святослава было принято беспрецедентное решение:

Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: “Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя”... И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

Летопись помещает этот рассказ под 970 годом, сразу вслед за сообщением о смерти Ольги, поэтому обычно его воспринимают как описание последнего распоряжения Святослава перед уходом из Киева на Дунай. Однако не исключено, что перед нами не одномоментное решение, а поэтапный процесс назначения сыновей Киевского князя наместниками в общинные центры подвластных племен. Неслучайно один из сыновей Святослава отправляется к древлянам, чью правящую верхушку (какова бы ни была там форма правления) Ольга уничтожила в ходе многоступенчатой и широкомасштабной мести за убийство Игоря и которые могли после этого оказаться под прямым правлением киевского наместника. Прецедентом также могло послужить княжение самого Святослава в Новгороде, упоминаемое Константином Багря-

народным около 950 г., в то время, когда Ольга занимала княжеский престол в Киеве.

Так или иначе, решение о передаче отдельных земель в управление сыновьям Киевского князя оказывается единственным, в равной степени соответствующим логике правления как Ольги, так и Святослава. С одной стороны, таким образом многократно усиливалось влияние верховной власти, причем княжич в качестве наместника должен был вызывать меньший протест у местных общинных лидеров, чем обычный чиновник, коль скоро они и так признавали верховную власть роусьского князя. Собственно, наверное, поэтому и отправляли на местное княжение даже малолетних сыновей князя (Святославу не было и 10 лет, когда его правление в Новгороде упомянул Константин Багрянородный), от имени которых правил старший родич или иное доверенное лицо (Владимир отправляется в Новгород с дядей): чтобы сделать власть наместника более легитимной в глазах местного населения. С другой стороны, с точки зрения идеала сакрального вождя-героя, его избранность богами не только является залогом процветания подданных, но и передается по наследству детям. Поэтому они получают возможность реализовать свой божественный дар во главе новых дружин, на других землях – собственной дружиной и “своей” землей в Болгарии Святослав делиться не собирался ни с кем, даже с сыновьями.

Таким образом, Ярополк Святославович (как предполагают, старший из братьев) занимает престол Киевского князя: то ли на время похода Святополка на Дунай (подобно тому, как Игорь оставался в Киеве, пока Олег ходил в поход на Константинополь), то ли постоянно (как Ольга при возмужавшем Святославе). Олег Святославович становится князем Древлянской земли, что является менее престижным, но и менее двусмысленным назначением: ему не грозит потеря власти в случае возвращения Святослава. Судя по летописи, неожиданностью стало требование новгородцев отправить и к ним князя, подкрепленное угрозой “добыть” князя в ином месте в случае отказа. Новгородцы точно пришли перед отъездом Святослава, когда и Ярополк, и Олег уже получили свои назначения. Если прежде существовал порядок, по которому представителем Киевского князя в Новгороде (во “внешней России”) назначался младший в роду, озабоченность новгородцев можно понять. Назначение Олега древлянским князем повышало статус Древлянской земли, а перспектива получить наместника из числа княжеских слуг или, в лучшем случае, старших дружинников означала понижение престижа Новгорода относительно других земель. Приглашением конунга

в Скандинавии и князя в Восточной Европе занималось народное собрание (тинг, вече), которое выбирало из предложенных кандидатов и заключало с ним договор (ряд), по которому конунг или князь обещали соблюдать законы (уставы) и защищать край. Новгородские старейшины имели полное право искать князя на стороне, если им не предлагал своего кандидата Киевский князь.

Согласно летописи, ни Ярополк, ни Олег не захотели отказаться от своих княжений ради Новгорода. Положение спас дружинник Добрыня, предложивший новгородцам пригласить третьего сына Святослава – Владимира, чья мать была служанкой княгини Ольги и (по удачному совпадению) сестрой самого Добрыни. Ни новгородцев, ни Святослава не смущала “незаконнорожденность” Владимира и низкое происхождение его матери, однако ясно, что изначально Святослав не собирался делать Владимира (в то время примерно десятилетнего) правителем какой-то земли.

Итак, Святослав покидает Киев, а через два года погибает. Роуськая земля остается под управлением Киевского князя Ярополка при том, что в соседней Древлянской земле княжит его брат Олег, а в далеком Новгороде сидит младший по возрасту или, во всяком случае, по статусу Владимир. Несмотря на многочисленные спекуляции профессиональных и самодеятельных историков, доподлинно неизвестно, правили ли остальными племенами Роуськой земли свои князья. Летопись упоминает только, что в это время в Полоцке (у кривичей) был князь Рогволод, а в Турове (у дреговичей) князь Тур:

Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Тур держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы.

Рогволод достаточно уверенно может идентифицироваться как Ragnvald Olafsson, побочный сын конунга Олафа Харальдсона (*Olaf Haraldsson*) из Западной Готландии, родившийся в 925 г. в Осло. Личность Тура не установлена и многими считается даже легендарной, хотя кажется вполне вероятным, что это был также варяжский конунг с популярным именем Thor (названный в честь бога Тора подобно знаменитому норвежскому путешественнику XX века Туру Хейердалу). Исключение – упоминание только двух местных князей – может подтверждать правило: статус приглашенных князей со своей дружиной (что в тех условиях означало варягов) был выше, чем у собственных племенных вождей и старейшин. Игнорирование летописью собственных “славянских” или “финских” князей может поэтому свидетель-

ствовать либо об их отсутствии, либо просто о недостаточности их полномочий для упоминания наряду с варяжскими лидерами.

В обоих случаях речь идет скорее о сознательной и весьма рациональной политической стратегии, чем о неразвитости или “низкопоклонстве” перед заморскими конунгами. Со времен Рюрика приглашенные князья позволяли решать ключевую задачу: поддерживать разделение *власти* и *владения* на уровне племенного союза или конфедерации союзов, добиваясь сложной политической организации сравнительно невысокой ценой: варяжские князья с дружинами не претендовали на землю племени, довольствуясь данью. В этом состояло важное отличие *Роусьской* земли от франкских королевств, где короли “всех франков” и военные герцоги совмещали верховную “племенную” власть с претензией на верховное владение территорией племени. Развитие собственных князей из числа старейшин и военных вождей было чревато таким же сращиванием власти и владения, угрожавшей суверенитету общин и союзов общин. В то же время приглашенный варяжский князь “владел” лишь своей общиной-дружиной, поэтому даже спустя несколько поколений сохранялся дуализм власти князя и суверенитета племени, проявлявшегося в сохранении идентификации территорий по племенной принадлежности, а не по имени правителя или династии. “Частная” власть князя, который пришел “из ниоткуда” как носитель определенного объема авторитета (подкрепленного личными качествами и размером дружины), была отделена от “частного” владения племенным коллективом родовой территорией по праву колонизации (оформленного в верованиях и обычаях).

И вот в этой системе происходит переворот, потому что дискретность (разделенность) власти и владения *Роусьской* землей оказывается в определенной степени нарушена.

С одной стороны, одновременное княжение членами одной семьи в трех разных племенных центрах стирает отдельность племенных территорий, каждая из которых прежде подчинялась напрямую князю *Роусьской* земли в индивидуальном порядке. Более того, поскольку князья Святославичи были не приглашенными из-за моря чужаками-варягами, а наследниками князя *Роусьской* земли, то их власть опиралась не только на дружины, но и на зачаточные государственные институты, учрежденные княгиней Ольгой. Таким образом, двусторонние отношения князя и пригласившего его на вече племени трансформируются: князь-наместник верховной власти действует не только в интересах племени и своей дружины, но еще и государства как коллективного и

публичного субъекта власти, не ограниченного территорией отдельного племени. Власть теряет прежний характер частных двусторонних отношений и становится всеобщей и коллективной – а значит, и подчинение утрачивает прежний индивидуальный характер, и подчинённые – свою обособленность самостоятельной группы.

С другой стороны, представляющие единую государственную власть князья сталкиваются с проблемой ее распределения. В отличие от прежних времен, братья и почти ровесники Ярополк и Олег оказываются в положении скорее двух самостоятельных князей, чем традиционных соправителей, принадлежащих к разным поколениям (как Олег и Игорь, Ольга и Святослав). Более того, оказавшись властителями разных территорий, все еще четко обособленных по племенному принципу, они не распределяют полномочия и функционально, как распределяли каган и бек в Хазарском каганате. Общая причастность государственной власти усиливает их полномочия как местных князей, но и делает уязвимыми: ведь от лица государства в “их” земле может выступить и другой Святославич...

Структурный конфликт универсальности государственной власти и частного характера приглашенного “племенного” князя, в обоих случаях представленных одной и той же персоной, неизбежно вел к столкновению. Скупые детали, сообщаемые летописью, подтверждают именно политическую, а не личностную подоплеку вражды братьев.

В 977 г. княжащий в Киеве Ярополк пошел войной на своего брата Олега в Древлянскую землю. Единственным объяснением этого похода в летописи оказывается обида, нанесенная Ярополку еще в 975 г.: на охоте Олег сознательно убил сына воеводы Ярополка, Свенельда:

Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил своих: “Кто это?”. И ответили ему: “Свенельдич”. И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И с того началась вражда между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: “Пойди на своего брата и захвати волость его”.

Не слишком убедительное предположение летописи о том, что Ярополк два года собирался отомстить брату за убийство младшего дружинника, вызвало у многих позднейших читателей столь же беспочвенные интерпретации конспирологического и психологического характера. (Если Свенельд, служащий Ярополку, – тот самый Свенельд, позавидовав добыче которого дружина Игоря ограбила древлян 30 лет

назад с роковым для себя последствиями, то Олег убил “Свенельдича”, чтобы отомстить за отца.) Оснований для сколько-нибудь обоснованной реконструкции конкретных событий и межличностных отношений эпизод с охотой не дает, зато он является бесценным свидетельством напряженности в сфере разграничения суверенитета князей.

Как мы помним, княгиня Ольга установила границы княжеских охотничьих угодий на земле каждого из бывших племен-пактиотов как важный символ присутствия власти князя всей Роусьской земли, то есть как претензию на часть суверенитета над племенной территорией. Точно так же после завоевания норманнами Англии в 1066 г., когда власть оказалась столь же “экстерриториальной” по отношению к местному населению и его вождям, как и в Роусьской земле, правовая система королевского леса оказалась одним из немногих новых институтов, полностью выведенных из обычного права и распространенных на все королевство (тем самым распространяя на него власть короля). Королевские охотничьи угодья огораживались по всей стране, лесное право регулировалось лично королем, за нарушение его полагались жестокие наказания, как за покушение на власть монарха. Так, по закону Вильгельма Завоевателя полагалось ослепление за убийство оленя, а его сын Вильгельм II ввел в лесное право смертную казнь. За сто лет площадь королевских охотничьих угодий достигла одной трети всей территории страны, в зоне действия лесного права оказывались прилегающие к угодьям деревни и даже небольшие города. Собственно, лес стал называться “forest” после того, как пользование им начали выводить за пределы местного права (лат. *foris* – вне, снаружи), подчиняя нормам королевского лесного права.

Древлянская земля граничила с территорией полян недалеко от Киева, поэтому нет ничего удивительного, что сын воеводы Киевского князя, увлекшись преследованием зверя, оказался на территории, подвластной соседнему князю. Необычна мотивировка поступка Олега: выяснив, кто перед ним, “убил его Олег, так как и сам охотился там же”. Вряд ли охотники не поделили лес, более вероятно, они не поделили охотничьи угодья, установленные княгиней Ольгой для пользования исключительно князем и дружиной. Передача управления отдельными племенными территориями сыновьям князя Роусьской земли оставила открытым вопрос о том, как распределяются между ними “государственные” полномочия. Если Киевский князь – не просто правитель города и прилегающей Полянкой земли, а князь всей Роусьской земли подобно Игорю или Ольге, не принадлежит ли ему и его дружине право

на охотничьи угодья во всех подвластных землях? Но если Олег древлянский (и Владимир в Новгороде) по рождению имеют те же права, что и Ярополк в Киеве, не являются ли охотничьи угодья в пределах их юрисдикции исключительной привилегией местного князя? Другими словами, спор о праве охоты оказался частным случаем (вероятно, наряду с распоряжением погостами) общей проблемы: является ли разделение власти между сыновьями Святослава вопросом разных масштабов (территории) ее применения или разных полномочий?

Сын киевского воеводы Свенельда считал, что дружина Киевского князя имеет права на верховную власть, а потому он мог охотиться повсюду. Олег, выяснив, что Лют “Свенельдич” не принадлежит к его дружине, убил Люта как нарушителя суверенитета древлянского князя. Каковы бы ни были личные отношения между этими людьми, правовой рамкой их конфликта стал спор о разграничении суверенитета: права верховной власти на данной территории.

2.6. Политическая и культурная консолидация Роуськой земли

Спустя два года после инцидента на охоте Киевский князь Ярополк пошел с войсками на своего брата Олега. Князь древлян проиграл сражение и в спешке отступления дружины под защиту крепостных стен княжеской столицы Овруча упал с моста в крепостной ров и погиб, придавленный падавшими сверху лошадьми. Ярополк оплакал гибель брата, согласно летописцу, винил в его смерти Свенельда, а Владимир, узнав о походе Ярополка, бежал из Новгорода “за море” к королю Норвегии Хакону Могучему. Очевидно, всем была понятна политическая подоплека похода Ярополка как единственного выхода из создавшегося двусмысленного положения: принудить силой братьев-князей признать исключительность полномочий Ярополка как верховного князя Роуськой земли.

В 978 г. Владимир возвращается в Новгород с варяжской дружиной (летопись, возможно ошибочно, датирует возвращение 980 годом), изгнав посадников (наместников) Ярополка – вероятно, не без поддержки новгородцев, которые предпочитали иметь собственного князя. Возвращение с дружиной означало конфронтацию с Ярополком. На пути к Киеву лежал Полоцк, где княжил упоминавшийся уже Рогволод/Ragnvald, союз с которым мог увеличить шансы Владимира на победу. Владимир сватается к дочери Рогволода Рогнеде (*Ragnheid* или *Regneide* в другой транскрипции), получает оскорбительный отказ (Рогнеда пред-

почла Ярополка Владимиру как “сыну рабыни”), захватывает Полоцк и убивает отца и братьев Рогнеды, а ее насильно берет в жены. После этого осаждает Киев, хитростью выманивает Ярополка из крепости, а во время переговоров варяги Владимира убивают Ярополка. Владимир становится единовластным правителем Роуськой земли, устранив не только братьев, но и по крайней мере одну династию приглашенных варяжских князей в важном городе.

Может показаться, что Владимир как правитель следовал по стопам своего отца Святослава: он опирается на варяжскую дружину, отвоевывая не принадлежащую ему “свою землю”, в дальнейшем возглавил военные походы, повторяющие маршруты Святослава (в том числе на болгар и хазар), бросал вызов Византии, демонстрировал приверженность язычеству (и даже устраивал гонения на христиан в Киеве) и посадил своих сыновей княжить в разных городах Роуськой земли. Однако это скорее зеркальное отражение политики Святослава, и не только потому, что Владимир, в отличие от отца, постоянно стремившегося прочь из Киева, делает Киев центром всех своих начинаний; и не потому лишь, что сластолюбивый Владимир (летописец насчитывает у него несколько сот наложниц, содержащихся в гаремах в трех загородных резиденциях) был далек от идеала сурового воина-предводителя боевого братства. Трудно сказать, в какой степени Владимир действовал осознанно и целенаправленно, а в какой демонстрировал стихийную политическую интуицию, но результатом его 37-летнего правления стало последовательное воплощение в жизнь определенного сценария, основы которого были заложены еще княгиней Ольгой. Причем последовательность усилий Владимира проявилась в равной степени в трех взаимосвязанных сферах, основополагающих для Роуськой земли: в институте дружины, в религиозно-культурной сфере, и в системе организации княжеской власти. Явное несоответствие его личных пристрастий и биографических обстоятельств многим принимавшимся Владимиром решениям лишний раз подчеркивает неслучайность и целенаправленность его действий.

Дружина

Владимир был обязан всем варяжской дружине, которую привел в Новгород после своего бегства к норвежскому правителю Хакону Могучему. Собственно, неизвестно, планировал ли Ярополк поход на Новгород после победы над Олегом, существовала ли вообще какая-то непосредственная угроза для Владимира за тысячу с лишним

километров от древлянского Овруча – летопись сообщает только, что Владимир бежал “за море”, едва услышал про гибель Олега. Вполне возможно, что он с самого начала планировал наступательный поход на Киев, сомнительный с точки зрения легитимности, а потому предпочел опереться не на местное ополчение, а на варягов. (Вряд ли новгородцы отказались бы защищать своего князя в случае нападения Ярополка, другое дело – поддержать его в захвате власти законного правителя Киева.) Варяги, честно выполнившие задание, ожидали законной добычи:

После всего этого сказали варяги Владимиру: “Это наш город, мы его захватили, – хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека.”

Однако Владимир повел себя совершенно нетипично для вождя дружины: целый месяц он тянул время, а потом, не заплатив, спроводил свое воинство на службу в Византию. Да еще отправил специального гонца к императору с письмом просто предательского содержания:

“Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе натворят тебе такое же зло в городе, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни единого.”

При этом на протяжении всего своего княжения Владимир постоянно упоминается летописцем вместе со своей дружиной, ему приписывается организация непрерывных пиров для дружинников, для которых он даже не поскупился заказать серебряные ложки, говоря:

“Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра”. Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны.

Эти слова резко контрастируют с поведением Владимира по отношению к своим варяжским приспешникам, что объясняется одним: Владимир считал себя государем страны, опирающимся на дружину, а не предводителем общины профессиональных воинов, правящим там, где в данный момент находится его отряд. Изменилась и сама дружина: из экстерриториальной племенной общины скандинавских воинов она превратилась в социальный институт Роуськой земли, даже структурно воспроизводящий специфику этого надплеменного политического образования. Описание дружинных пиров князя Владимира, отнесенных летописцем к 996 году (то есть спустя 16-18 лет после занятия Владимиром престола в Киеве) содержит подробную номенклатуру разных категорий дружинников:

...[В]елел он по всем дням недели на дворе своем и гриднице устраивать пир, чтобы приходиться туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам – при князе и без князя.

Обозначающий старшую дружину термин “бояре” являлся тюркским заимствованием из эпохи, предшествовавшей переселению части болгар на Дунай из прикаспийских степей (болг. “бай” – господин, + “ари” – благородный муж, исходно из др. иранского). У дунайских болгар звучало как “боляре”. “Гриди” – младшая дружина, скандинавский термин, с изначальным значением “воин, княжеский телохранитель”, первоначально распространенный только во “внешней России”, в Новгороде. Гридница – “казарма”, помещение для служилых людей князя. “Сотские” и “десятские” (командующие соответствующими контингентами ополчения) – славянские термины, но сам принцип десятичного членения населения как потенциального ополчения всех вооруженных мужчин является типичным для тюркских кочевых обществ. И хазары, и венгры использовали эту систему, в том числе и для организации отрядов славянских подданных. Таким образом, “коллективный портрет” дружины периода расцвета княжеской власти Владимира демонстрирует “межплеменной” характер ее организации, далеко ушедшей от первоначальной варяжской модели. Археологические данные конца X века также свидетельствуют о культурном синтезе славянских, варяжских и степных элементов, когда наиболее выраженным проявлением скандинавской специфики оказываются в погребениях дружинников лишь мечи со скандинавскими рукоятями.

Собственно, сильнейший удар по изначальной варяжской дружинной культуре должен был нанести еще князь Святослав, пыгавшийся воплотить собой идеал норманнского конунга, истово поклоняющегося северному богу Одину. Постоянно воюя вдали от Киева, а тем более от Балтики, он не только был открыт влиянию воинской культуры степной зоны от Волги до Дуная, но и должен был пополнять потери среди дружинников за счет местных воинов: болгар, хазар, печенегов. Сражаясь на Дунае, Святослав набирал болгарских воинов в свою армию. Неслучайно позднейшие историки “узнавали” в описании внешнего вида Святослава казаков раннего Нового времени – “степных рыцарей” низовий Днепра, воплотивших в себе как элементы культуры и быта тюркских и кыпчакских кочевников, так и славянских земледельцев.

Перестав быть скандинавской общиной воинов, княжеская дружина не стала “славянской”. Из племенной общины она трансформировалась в ключевой политической и социальный институт, основу княжеской

администрации, действовавший на территории всей Роусьской земли, а потому и открытый для всех групп местного населения. Подобным же образом, когда в 988 г. князь Владимир озаботился защитой Киева от набегов печенегов, он обратился к племенной знати (“лучшим людям”) разных земель, не переживая из-за их “инаковости”:

И сказал Владимир: “Это плохо, что мало городов вокруг Киева”. И стал ставить города на Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян [“словень”], и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города, так как была война с печенегами.

При этом Владимир вполне ясно отдавал себе отчет в существовании самой проблемы племенной (языковой, культурной, религиозной) разницы.

Религия и культура

На каком языке говорил князь Владимир? Ответ будет зависеть, очевидно, от уточняющего вопроса – с кем именно? С киевскими старейшинами-полянами, с новгородскими словенцами или с приютившим его норвежским ярлом? Нет сомнений, что по крайней мере с этими людьми Владимир говорил без переводчика-толмача, но для жителей новгородской земли (в которой почти десять лет княжил Владимир) актуальным было также знание языка финской чуди, а северцы и поляне регулярно взаимодействовали с южными соседями: хазарами, венграми, позже – печенегами. Описывая первую осаду Киева печенегами в 968 г., летописец рассказывает о том, каким образом удалось подростку (“отроку”) проникнуть через лагерь печенегов, чтобы привести помощь с другого берега Днепра:

И сказал один отрок: “Я смогу пройти”. Горожане же обрадовались и сказали отроку: “Если знаешь, как пройти, – иди”. Он же вышел из города, держа уздечку, и прошел через стоянку печенегов, спрашивая их: “Не видел ли кто-нибудь коня?”. Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего.

Нельзя забывать и о том, что сотни роусьских купцов проживали одновременно в Константинополе, туда отправлялись посольства, так что греческий язык был также достаточно распространен. Принявшая христианство княгиня Ольга, бабка Владимира, вероятно, владела греческим.

Поэтому нет ничего удивительного, что внук князя Владимира, Всеволод Ярославич (1030–1093), по свидетельству его сына, “дома

сидя, знал пять языков” (то есть не покидая своей страны). По предположению историков, кроме славянского, речь могла идти о шведском (скандинавском, языке его матери), греческом (языке жены), половецком и, возможно, английском (языке невестки – хотя для занимавшего почти два десятилетия стол ростовского князя Всеволода финский язык местного населения мери был гораздо актуальнее). Еще в середине IX века члены конфедерации славянских и финских племен вдоль Волжско-Балтийского торгового пути настолько хорошо понимали друг друга, что смогли договориться о приглашении общего князя. Спустя тысячу лет в этих краях по-прежнему было принято говорить: “он (она) не говорит на трех языках”, имея в виду, “что человек может худо-бедно изъясняться на трех языках”. Многоязычие населения и пористость племенных границ были нормой в Северной Евразии вплоть до распространения национальных государств в начале XX века, что существенно облегчало спонтанные процессы социальной мобильности, но затрудняло установление централизованной государственности.

Очевидно, Владимир прекрасно осознавал эту проблему: первым его действием после захвата Киева, согласно летописцу, было установление пантеона языческих божеств, представлявших верования разных племен Русьской земли:

И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса и Дажьдбога, и Стрибога, и Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами...

Уже сама идея пантеона являлась необычной, крайне избирателен был и его состав. Из древнейшего (индоевропейского) пласта славянской мифологии, уходящего корнями в I тысячелетие до н.э., в пантеон Владимира попал Перун – громовержец и покровитель боевой дружины, почти идентичный по имени богу-громовержцу балтов (ср. лит. *Perkūnas*, латыш. *Pērkons*). Также в пантеон была включена Мокошь – славянская богиня, покровительница женщин; Дажьдбог – общеславянский бог солнца и плодородия; Стрибог – ветер или, по некоторым интерпретациям, Небо-отец.

При этом оказались проигнорированы такие важные представители этой категории божеств, как Велес – бог скота и потустороннего мира, особенно почитаемый у ильменских словен, именем которого, наряду с Перуном, клялись роусы, подписывавшие договоры с Византией, а

также Ярило, сын Перуна, связанный с круговоротом времени, луны, сезонов, циклом смерти и возрождения.

Зато в пантеон попали божества ираноязычного населения хазарской степи. Вообще важное влияние ираноязычных кочевников (скифов, сарматов, позже – алан) на верования славян прослеживается уже к середине I тысячелетия н.э. Так, у них было заимствовано само слово “бог”, заменившее общее индоевропейское обозначение божества *divǵ. Поэтому и Дажьбог, и Стрибог уже несут на себе иранское влияние. Но Хорс и Симаргл являются полностью иранскими заимствованиями: Хорс – “сияющее солнце” (перс. *xuršēt*), Симаргл, вероятно, – Симург, вещая “птица с вершин”, царь всех птиц, присутствующий также в мифологии тюркских народов Средней Волги. Учитывая, что даже на территории Киева археологи обнаружили следы проживания ираноязычных алан – подданных Хазарского каганата, а один из кварталов города назывался “Козаре” (Хазары), включение “иранских” божеств в пантеон Владимира свидетельствует о весомом присутствии степного фактора на культурной карте Роусьской земли.

Впрочем, известно, что в Киеве существовала и иудейская община выходцев из Хазарии. Сохранилось письмо на иврите, написанное в X веке в Киеве и подписанное 11 членами общины. Среди них особенно выделяются Гостята бар Киабар Коген и Иуда Северята, чьи имена представляют настоящие шарады, дающие основания для самых смелых интерпретаций. Так, человек с типично славянским именем Гостята был выходцем из хазарского племени кавар (кабар), ушедшего с венграми за Дунай – при этом называл себя Коген, то есть принадлежал к закрытому иудейскому жреческому роду кознов, одним из табу которого являлся брак с нееврейкой по рождению. Напротив, Иуда – древнее еврейское/иудейское имя, но прозвище Северята указывает на его родину в Северной земле, вплоть до конца IX века находившейся в сфере влияния Хазарии. Судя по письму, киевская иудейская община была немногочисленна и небогата, но ведь и в самом Хазарском каганате иудаизм не имел массового распространения.

Там же, на “Козаре”, были построены первые христианские церкви (что известно из договора 945 года с византийцами). Как поясняет летописец, “так как много было христиан среди варягов”. Характерно, что жертвами антихристианских гонений в Киеве, последовавших за учреждением языческого пантеона, стали именно варяги Федор и Иоанн, на которых якобы выпал жребий для жертвоприношения. При этом, рассказывая про договор 945 года, летописец называет церковь

Св. Ильи, где присягали христиане-варяги, соборной, из чего можно сделать предположение, что она не была единственной. Принятие христианства княгиней Ольгой спустя десять лет должно было еще больше усилить престиж и влияние христианства в Киеве. Существует предположение (основанное на археологических свидетельствах), что распространение христианства в этот период носило отчетливый “феминистический” характер: новую религию принимали, в первую очередь, варяжские женщины (или жены варягов), недовольные языческим регулированием брака.

С одной стороны, скандинавские женщины раннего средневековья пользовались беспрецедентным для других культур того времени юридическим и бытовым равноправием. Они полностью сохраняли право на имущество, приносимое в семью после заключения брака, и в случае расторжения брака возвращали его себе. К ним также переходили младшие дети, а старшие делились между бывшими супругами. При этом даже дети наложниц находились под юридической защитой и на равных участвовали в разделе наследства отца (примером может служить сам князь Владимир). Женщины наравне с мужчинами могли принимать участие в походах и даже сражениях, известны случаи, когда женщины возглавляли отряды викингов. В то же время обычай требовал ритуального убийства жены в случае смерти супруга и совместного погребения (что описано свидетелями и полностью подтверждается археологическими данными). В случае высокопоставленных особ роль ритуальной жены выполняла рабыня-наложница, но, очевидно, такой выход существовал далеко не у всех. Сама узаконенность содержания наложниц и юридическое признание права их детей на долю в семейном имуществе являлись важным стимулом обращения к христианству. Парадоксальным образом патриархальный режим моногемической религии (христианства) оказывался предпочтительнее в первую очередь для тех язычниц, которые были готовы отказаться от коллективного равноправия женщин как социальной группы ради защиты индивидуальных прав конкретных женщин.

Святослав не последовал выбору Ольги, полностью полагаясь на поддержку языческих (скорее всего, скандинавских) богов, и даже, по некоторым сведениям, казнил болгар-христиан в своем войске на Дунае, решив, что удача отвернулась от него именно из-за них. Владимир также мало подходил на роль человека, способного следовать хотя бы одной из десяти заповедей. Тем не менее, согласно достаточно условной летописной хронологии, в 988 г. Владимир принял креще-

ние в византийском Херсоне в Крыму (Корсуни русских летописей), а вернувшись в Киев, повелел разрушить языческое капище, а всем жителям города – креститься.

В описании этого события переплелись реальные обстоятельства и литературные сюжеты, самый известный из которых – “выбор веры”, публичная презентация представителями разных конфессий достоинств своих религий и критическое сравнение их выбирающей стороной. Согласно летописцу, Владимир выбирал не просто из трех монотеистических религий (иудаизма, ислама и христианства), но и отдельно между византийским православием и “латинской” верой, на несколько поколений предвосхищая раскол церкви. Напоминая схожие сюжеты выбора веры волжскими булгарами и хазарами, выбор веры киевским князем также не является всего лишь литературным “бродячим сюжетом”: существовала сама структурная ситуация выбора монотеистической религии, да еще и в совершенно новом для Русьской земли статусе “государственной” конфессии. Важно и то, что испытание разных религий хронологически и сюжетно разведено в летописи с самим решением Владимира креститься – да и первоначальная инициатива сравнить достоинств разных религий приписывается летописцем вовсе не Владимиру.

Согласно летописи, в 986 г. в Киев прибыло посольство из Волжской Булгарии, предлагая Владимиру принять ислам. Этому событию предшествовал поход на Булгар 985 года, итогом которого стало заключение “вечного мира”, прочность которого, с точки зрения булгар, была бы много выше, будь Киевский князь мусульманином, а не язычником. Предложение булгар заинтересовало Владимира настолько серьезно, что он потребовал провести легендарное испытание альтернативных монотеистических религий. Однако лишь спустя два года, в 988 г. (по другим данным – уже на следующий, 987 г.) Владимир отправился в поход на крымские владения Византии, осадил и захватил Херсон (Корсунь) – то ли заранее планируя именно там принять крещение, то ли дав обет креститься в случае успеха осады. Условием заключения мира с императорами Василием II и Константином VIII Владимир поставил женитьбу на их сестре Анне, получив встречное условие: принять христианство.

Византийские и ближневосточные источники помещают эти события в более широкую перспективу: очередного военного мятежа в Византии, обращения императора к Киевскому князю за военной помощью с обещанием выдать замуж сестру, отправку Владимиром

экспедиционного корпуса (армянским хронистом называется цифра в 6000 воинов). До сих пор не вполне понятна очередность всех этих событий, а также захватывал ли вообще Владимир Херсон-Корсунь или пришел туда на правах союзника. Однако очевидна общая структура отношений: стратегический выбор Византии как приоритетного партнера, оказание союзнической помощи – при сохранении ставки на силовую политику как барьера против символического поглощения старшим партнером. В летописном каноне восприятие христианства от Византии предстает как главный военный трофей, вырванный победоносным киевским князем у побежденного императора...

Отказ князя Владимира и его дружины от язычества в принципе подрывал основание традиционного культа, ориентированного на старейшин и князя как главных жрецов и воплощений силы богов-покровителей. Однако степень ослабления позиций язычества напрямую зависела от авторитета киевского князя, принявшего христианство, в данной земле. Судя по всему, в самом Киеве массовое крещение жителей не вызвало активного протеста, но уже в Новгороде крещение состоялось только в 990 году. На недавно присоединенных землях мери – в Ростове и Муроме – формальная христианизация заняла более ста лет. Даже в городах этого края идолы языческих богов простояли до 1070-х годов.

Процесс распространения и укоренения собственно религиозного христианского мировоззрения на территории Русьской земли занял не одно столетие, вступая в сложные отношения с прежним культурным кодом, включая пережитки языческих верований. Однако связанные с этим процессом культурные и политические последствия проявились почти сразу. Единство Русьской земли, прежде определяемое через подданнические отношения с дружиной роуси (а позднее – с дружиной-русью), переопределяется в культурных категориях общей земли христиан. Последовавший в 1054 г. раскол Западной и Восточной христианской церкви окончательно подтвердил совпадение культурных и политических границ страны Киевского князя, окруженной землями язычников, мусульман или католиков.

Принятие монотеизма как духовной системы, основанной на книжном знании, привело к распространению и даже институционализации грамотности на общем для всех земель языке книжного церковнославянского языка:

И по другим городам стал ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам.

Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Осваивавшие новый – универсальный – культурный канон дети “лучших людей” местных племен теряли связь с местными особыми традициями, “умирали” для них, участвуя в формировании новой культуры и новой – общей – традиции.

Это не означало, что прежнее разнообразие земель и племен было нивелировано и преодолено с распространением христианства: такое впечатление складывается только у тех, кто воспринимает немногие сохранившиеся литературные тексты той эпохи, создававшиеся в узкой прослойке культурной элиты, за представительный портрет духовного мира всего населения Русьской земли. Сформированное под влиянием литературных текстов эпохи представление о том, что все это население разговаривало на общем древнерусском языке, подобно предположению о том, вся средневековая Европа разговаривала на латыни (коль скоро книжники писали только на латыни). Неписьменные культурные традиции и местные языки различных славянских, финских, балтских, иранских и пр. племен сохранялись и продолжали развиваться, но параллельно нарастало общее культурное пространство надплеменной универсалистской культуры восточного христианства. Не отменяя необходимость владения “по крайней мере тремя языками”, это новое общее культурное поле создавало совершенно новый контекст для развития политических форм.

Организация княжеской власти

Едва захватив власть в Киеве, Владимир предпринимает серию походов, во многом повторяющих маршруты его отца Святослава. Однако даже по скупой информации летописца очевидна разница между двумя правителями: Святослав грабил добычу для дружины, Владимир пытался подчинить земли.

Так, в 981 г. “победил Владимир и вятичей и возложил на них дань – с каждого плуга, как и отец его брал”. Действительно, 15 лет назад “Вятичей победил Святослав и дань на них возложил” – но отчего-то Владимиру пришлось их заново покорять. Более того, на следующий (982) год “Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир и победил их вторично”. Впервые – со времен попытки древлян сбросить даннические отношения после смерти князя Олега в 913 г. – в летописи рассказывается о восстании подчиненного народа. Выступление вя-

тичей через год после похода на них означает, что Владимир пытался заставить вятичей признавать власть Киевского князя и выплачивать дань на регулярной основе. Святослав же никогда больше не вернулся в землю вятичей после разового набега – но и не создал механизма удержания их в подчинении в свое отсутствие.

Та же логика прослеживается в походах Владимира на Волжскую Булгарию и Хазарию. Описание похода на болгар 985 года прямо отвергает предположение о грабительской цели экспедиции: Святослав был бы поражен, узнав, что сын его отказывается от идеи обложить данью народ, показавшийся ему слишком богатым!

Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и так победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: “Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не платить – пойдем, поищем себе лапотников”. И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: “Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть”. И вернулся Владимир в Киев.

Вместо разорения Булгарии Владимир заключает с эмиром договор (и серьезно размышляет о принятии ислама). По договору 1006 года купцы обеих стран получали возможность свободной торговли в соседних землях. В 1024 г. именно к болгарам обратились голодающие жители верховий Волги:

Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили.

Тот же прагматизм проявился в отношении со слабеющей Хазарией, которую в 985 г. Владимир обложил данью (то есть привел к политической зависимости), а сына своего Мстислава посадил правителем в хазарской Тмутаракани (Тумантархан на Таманском полуострове). Фактически таким образом Владимир заявил свои претензии на политическое наследие Хазарского каганата, земли которого оказались в разной степени зависимости от Русьской земли – разумеется, за существенным исключением степных просторов, полностью контролировавшихся теперь печенегами.

Для того чтобы удерживать единство старых и новоприсоединенных территорий, Владимир интегрирует в формирующийся государственный аппарат местных родовых и племенных старейшин как “сотских” и “тысяцких” городов, делая их частью унифицированной “гражданской”

иерархии, параллельной военной дружинной иерархии. Он также прибегает к способу, опробованному его отцом (с печальными последствиями): раздачу земель в управление своим сыновьям. Любвеобильный и плодовитый Владимир имел по крайней мере 13 сыновей, 12 из которых получили в управление разные области – но их княжества не совпадали со старыми племенными территориями, а формировались вокруг значительных городов. Согласно хронологии летописи, это было первое, что предпринял Владимир после принятия христианства, создав таким образом тройную систему интеграции Русьской земли: через единое культурно-конфессиональное пространство, управляемое членами одной княжеской семьи и структурированное в большей степени по административному, чем племенному принципу. Чтобы исключить параллель государственной власти, подобный кризису 977 года, Владимир установил политически-генеалогическую иерархию: в Киеве правит Великий князь всей Русьской земли, местные князья подчинены ему. Киевский стол занимается в порядке старшинства: старшему брату наследует следующий по старшинству брат, за ним еще более младший и т.д., затем править начинает старший сын старшего брата, и последовательность наследования повторяется. Этот “лестничный” принцип наследования был совершенно незнаком скандинавским князьям, чужд славянам, но характерен для тюркских кочевников. Очевидно, он был сознательно перенят Владимиром, и именно как “технологический” сценарий власти, поскольку не опирался (в отличие от кочевого общества) на соответствующие структуры родства в славянских, финских или скандинавских родах.

Столь же осознанно Владимир перенял и другой элемент политической культуры кочевого общества: автор составленного около 1040 г. “Слова о законе и благодати” Киевский митрополит Иларион называет его “каганом”, и этим же титулом называет правившего во время написания “Слова” великого князя Ярослава Владимировича. В дипломатических отношениях Хазарии и Византии предполагалось, что “каган” эквивалентен “императору” как правителю отдельных князей и царств. Арабские и европейские авторы называют русьских князей “каганами” еще в IX веке, однако трудно сказать, насколько адекватно передавался первоначальный смысл, который вкладывали в этот титул сами его обладатели, после нескольких этапов культурного и буквально лингвистического перевода (и точно ли использовали его сами). В случае же Илариона мы встречаем младшего современника Владимира, носителя его языка и культуры, обращающегося к князю

“каган”, несмотря на двойное христианско-славянское отчуждение от иудейско-хазарской (тюркской и ираноязычной) политической культуры каганата. Тем не менее и православному митрополиту Илариону, и князю славяно-финско-скандинавской Роусьской земли было понятно, что созданное Владимиром единое культурно-политическое пространство, объединяющее разные племена и местные политические союзы, несопоставимо с обычным, даже очень большим княжеством, и правитель его достоин наивысшего титула Северной Евразии: каган.

* * *

Так замкнулся круг, и завершился определенный этап сложного исторического процесса, который начался в VIII веке н.э. у южной границы Северной Евразии – тогда еще пространства, не структурированного и не маркированного в сколько-нибудь универсальных культурных категориях. Возникновение Хазарского каганата в степях Северного Причерноморья и Прикаспия явилось результатом революционной трансформации очередной степной конфедерации тюрко- и ираноязычных кочевых племен, которые в результате стихийных процессов самоорганизации, отвечая на вызовы оседлых южных соседей, включились в широкое культурное пространство древних земледельческих цивилизаций на собственных условиях. Хазары дают толчок дальнейшему культурному освоению пространств Северной Евразии на универсальном языке монотеистических религий: иудаизма, ислама, христианства. Разрозненные территории дружественных или враждебных племен, поклоняющихся собственным божествам, говорящих на своих языках и ведущих особый образ жизни, приходят в соприкосновение в результате миграций населения и набегов. Но систематическим это взаимодействие делает лишь взаимная заинтересованность в торговле, а осмысленным – освоение культурных моделей, позволяющих помыслить общество вне локальных рамок рода или племени. Переселившиеся вверх по Волге булгары дистанцируются от хазар при помощи проведения культурных (прежде всего, религиозных) различий. Булгары оказались промежуточным звеном в цепочке локальных связей, выстроившихся в трансконтинентальный канал экономического и культурного взаимодействия, пересекшего Северную Евразию от Скандинавии до Средней Азии по Волжско-Балтийскому торговому пути.

На примере части территории Восточной Европы от Карельского перешейка до низовий Днепра можно детально рассмотреть, как рабо-

тает процесс социальной и политической самоорганизации, подобный тому, который привел к возникновению Хазарского каганата. Разумеется, исторические обстоятельства Приильменя середины IX века отличались от условий Северного Причерноморья начала VIII века, однако сам принцип работы этого основного двигателя истории должен был быть аналогичным. Мы видим совпадение достаточно случайных обстоятельств и сознательных усилий людей, принадлежащих разным культурам, но пытавшихся найти общий язык для достижения общей цели. Зачастую они ошибочно представляли себе намерения и логику поведения “другого”, но из этих ошибочных взаимных проекций и недопонимания рождались не только конфликты, но и новая – общая – социальная и культурная реальность.

Невозможность монополизировать контроль над стратегическим Волжско-Балтийским торговым путем заставляла различные социально-культурные общности (“племена”) искать компромисс и координировать усилия. Бродячие общины скандинавских воинов вступили в достаточно неожиданный симбиоз с местными общинами земледельцев и охотников. Результатом кооперации двух достаточно примитивных социальных систем стало возникновение сложных отношений территориального господства и перераспределения ресурсов в общих интересах – элементов государственности. Опирируя не теоретическими схемами, но наглядными примерами современных политических образований – Скандинавских конунгств, Волжской Булгарии, Хазарии и Византии – правители территории, которую начали называть Роусьской землей, пытались найти свой путь. По иронии истории – столь же случайной, сколько и закономерной – правитель самого обширного самостоятельного культурного пространства Северной Евразии конца I тысячелетия н.э. называл себя каганом – как и правитель Хазарии, которая дала изначальный толчок внутренней кристаллизации социально-политического единства в этой части континента.

Роусьская земля с самого начала возникла как надплеменная и надкультурная общность. Первоначально связанная лишь общей заинтересованностью в поддержании торговых путей и верховной политической властью варяжской дружины, к 1000 году нашей эры Роусьская земля оказывается настолько интегрированной культурно и политически, что хороним (название страны), произошедший от института власти (дружины), стал восприниматься как этноним (наименование народа). Действительно, после 980-х годов летопись перестает упоминать прежние племенные наименования территорий, заменяя исторические земли

новыми политическими образованиями – городами и окружающими их территориями княжеств. Это не значит, что на самом деле исчезли многочисленные культурные, языковые и даже религиозные “племенные” отличия. Однако наряду с ними (и постепенно размывая их) появилась возможность помыслить территорию, подвластную Киевскому великому князю, как единое культурное и политическое пространство, населенное осознающим это единство населением. В реальности слой людей, для которых это единство было актуальным непосредственным опытом, передающимся и фиксирующимся при помощи общего литературного языка и текстов, был очень невелик, однако сама возможность помыслить себя частью обширного культурного целого (при определенных обстоятельствах – например, во время политического кризиса) была очень у многих. Христианство оказывалось тем общим языком и той общей культурной средой, которые могли формировать представление о широком культурном и политическом единстве.

На языке современных обществоведов воображаемое сообщество людей, никогда не встречавшихся лично, но думающих друг о друге как членах единой общины, называют нацией. Теоретически нация противопоставляется этносу (или этничности) как сообщество, основанное на общей идеологии и культуре, – сообществу, основанному на общности происхождения, обычаях, вообще всему, что связано с “телесностью” и биологически детерминированным поведением. Иногда это противопоставление трактуется как контраст между “изобретенным” сообществом и “объективно существующим” родством. Эти интерпретации и само это противопоставление являются довольно архаическими построениями, популярными в середине XX века, но уходящими корнями еще в рассуждения XIX века. Как показывают исследования антропологов или историков кочевых культур, “этничность”, “племя” являются ничуть не более “объективными” коллективами, чем современные нации, формирующиеся под воздействием школы, литературы и политического процесса. На примере Северной Евразии – будь то Великая Степь или леса севера – мы видим, как в результате миграций, войн, реконфигурации кочевых конфедераций происходит постоянное перемешивание населения, даже если при этом сохраняются прежние племенные названия. На самом деле невозможно четко разграничить ирано-, тюрко- и монголоязычные группы кочевников, даже известных нам по именам племен. Невозможно определить пропорцию, в какой “смешивались” на разных территориях различные славянские, балтские и финские племена. До сих пор идут споры о происхождении

“славянских” языческих богов и их отличии от балтских или иранских. Представление о том, что на протяжении столетий протекают биологические процессы “этногенеза”, появилось в начале XX века из сочетания ограниченных исторических сведений и идеологического заказа националистических (в диапазоне от романтических до фашистских) фантазий интеллектуалов и политиков того времени. Увлечение идеями “чистоты расы”, единства “крови и почвы” в XX веке заставляло историков искать “исконных” насельников территорий, на которых в Европе спустя тысячелетие пытались выкроить мононациональные и монокультурные государства.

Все эти построения возможны только при отсутствии интереса к прошлому как самостоятельной реальности и насильственной манипуляции им ради оправдания тех или иных идеологических доктрин. Между тем, еще в 1953 г. прозвучало важное предостережение писателя Лесли Хартли историкам и их читателям: “прошлое – это чужая страна: там все делают по-другому”.

Вероятно, было бы некорректно назвать народ Роуськой земли около 1000 года нашей эры “нацией”, но еще большим произволом являются архаические предположения о складывании той или иной единой “этничности”. Во всяком случае, сам термин “нация” описывает не конкретную реальность, а лишь способ нашего описания – со стороны, как исследователей – логики поведения общества и его членов. “Этничность” же является фантазией о реальности кровного родства и общей исторической судьбы, основанной на этом – самом по себе сомнительном – обстоятельстве. Действительно, судя по историческим свидетельствам, жители Роуськой земли начинали осознавать себя русью, рускими (со временем – русскими) и даже позднее придумывать себе общие мифы происхождения. Однако историки не должны забывать, что в основе этого складывавшегося единства лежала политическая общность (государственность) и универсальный культурный код христианства и литературного церковнославянского языка – что само по себе не делало всех “славянами” или “русскими”. Подобно современной нации, новое сообщество держалось вместе благодаря общим представлениям, экономическим интересам и политическим институтам, однако было открыто для иных конфигураций в случае фундаментальных изменений обстоятельств

По-настоящему удивительным является то, что на территории, превышавшей по площади империю Карла Великого в эпоху расцвета ее краткого существования, из крайне разнокультурного населения, вне

какой-либо предшествующей объединяющей традиции сложилось достаточно интегрированное и устойчивое культурное и политическое пространство, называемое Русьской землей. Правда, история не останавливается: это сравнительно интегрированное пространство, которое многие уже начали воспринимать как данность, стало ареной нового этапа истории Северной Евразии как пространства, осваиваемого и осмысливаемого ее обитателями.

ГЛАВА 3. КОНСОЛИДАЦИЯ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ (XI–XIII вв.)

В 1000 году нашей эры Северная Евразия уже очень отличалась от того пространства полуизолированных культурных миров, каким она была всего двумя столетиями ранее. Пограничные территории втягивались в сферу влияния той или иной южной универсалистской культуры (например, Болгарское царство на Дунае – в сферу влияния Византии), в Западной Европе происходил сложный синтез пересмысленного наследия римской государственности и обычаев различных “варварских” племен, а Волжская Булгария и Роусьская земля являли пример автохтонного (самостоятельного) развития политических форм на основе культурного кода одной из мировых религий. В итоге неведомое окружающему миру обитаемое пространство – неинтегрированное или не заявившее о себе в универсальных категориях – существенно сократилось.

Летом 1000 года Исландия – остров, который викинги начали заселять еще во времена Рюрика – добровольно приняла христианство. Куда более драматичным было обращение в христианство родины викингов – Норвегии, короли которой начиная с середины X века

пытались обратить подданных в новую веру, но встречали дружное сопротивление. Около 1000 года н.э. христианизация Норвегии стала систематической политикой благодаря королю Олафу I, воздвигшему первую церковь в 995 г. Олаф не останавливался в насаждении христианства перед использованием пыток и принуждения под страхом смерти и лишился жизни во многом в результате своего агрессивного миссионерства в 1000 г. Из-за своих притязаний на роль христианского правителя всей Скандинавии Олаф пошел на вооруженный конфликт с коалицией конунгов и погиб в морском сражении. Однако его смерть не остановила христианизацию Норвегии, которая завершилась преобразованиями Олафа I в следующие десятилетия.

На рождество 1000 года (или 1 января 1001 г.) предводитель венгерских племен Вайк был коронован папским легатом (уполномоченным представителем) как король Венгрии Стефан (Иштван) I и получил титул апостола с правом распространять христианство в десяти новых епархиях. Подобно тому, как это происходило в Русьской земле, христианизация венгров способствовала процессу политической консолидации, когда прежнее племенное деление заменялось новыми административными и епархиальными границами.

В результате этих событий западная окраина “Великой степи” на Среднем Дунае, некогда контролируемая воинственным Аварским каганатом, а в конце IX века занятая кочевниками-венграми – выходцами из Хазарского каганата, оказалась включена в сферу христианского мира. Происходившая параллельно христианизация Норвегии и соседних скандинавских земель трансформировала Северную Европу – родину викингов – из запретного края, обители inferнального зла с точки зрения франков, в часть общего культурного пространства. Интеграция в общее культурное пространство сама по себе не служила гарантией от войн и грабительских набегов, однако переводила конфликт в более продуктивную плоскость взаимодействия сторон, способных понимать друг друга и договариваться.

Процесс интеграции населенных территорий Северной Евразии в “большой мир” затрагивал не только западные окраины, но и восточные. В X веке ислам начинает распространяться среди тюркских кочевников Средней Азии, а сами они все теснее начинают взаимодействовать с земледельческими оазисами Мавераннахра. В 1001 г. окончательно пала династия Саманидов: территорию к северу от Амударьи подчинил себе тюркский каганат Караханидов, к югу – держава тюрков-огузов Газневидов. Проводя политику, во многом основанную на прежних племенных

альянсах и конфликтах, тюркские владыки начинают взаимодействовать уже в контексте обширного исламского мира. Вторжение Газневидов в Индостан (между 1001 и 1026 гг. было совершено 17 походов) сопровождалось колоссальными разрушениями и грабежами, однако, в отличие от обычных набегов тюрков-кочевников, эта экспансия имела куда более фундаментальные последствия: северо-запад Индостана оказался включен в сферу исламского мира. Тюркские правители (и на севере, и на юге) переняли арабо-персидскую культуру и административную систему и оказались сами ассимилированы в исламский культурный канон. Очевидно, что оставалось лишь вопросом времени, когда степные соседи тюрков дальше на восток – различные монгольские племена и конфедерации – последуют их примеру и вступят в прямое и постоянное взаимодействие с “большим миром”...

На фоне постепенного втягивания периферии Северной Евразии в орбиту соседних универсалистских культурно-политических образований особый интерес представляют внутренние территории региона, не граничащие непосредственно с влиятельными соседями. Они также “открывались” миру и переосмысливали внутреннее пространство при помощи одного из универсальных культурных кодов, но при этом не заимствовали готовые социально-политические сценарии. Волжская Булгария и Роуськая земля являли ранний пример таких обществ, которые развивались в диалоге с глобальными культурными центрами (с Халифатом и Византией), не опираясь при этом на какую-либо предшествующую местную традицию развитой государственности и универсальной культуры.

3.1. Политические процессы в Роуськой земле в XI–XIII вв.

Результатом реформаторской деятельности киевского князя Владимира Святославича стало окончательное формирование Роуськой земли как общего культурного и политического надплеменного пространства. Назвать это пространство единым государством можно лишь с многочисленными оговорками, поскольку власть киевского князя доходила до многих территорий в столь опосредованной и делегированной форме – через цепочку представителей или заместителей, – что теряла сам характер “центральной власти”. Некоторую историческую параллель Роуськой земле поствладимирского периода можно увидеть в империи Карла Великого, хотя различия между ними очень существенны. Так, несмотря на то, что империя Карла охватывала почти

вдвое меньшую по площади территорию, она начала распадаться фактически сразу после смерти первого императора, а подписанный тридцать лет спустя Верденский договор 843 г. зафиксировал четкие границы разделения империи между тремя внуками Карла. Политическая трансформация Роусьской земли заняла не одно столетие, и линии разделения общего культурно-политического пространства не раз пересматривались и переконфигурировались. Более точной, чем “империя”, характеристикой Роусьской земли кажется современное понятие “содружества” (*commonwealth*) как добровольного признания легитимности центральной власти и общности политического пространства. Эта легитимность и эта общность носили рамочный характер: существовали общие нормы поведения, техники управления, впоследствии – сборники права, на которые могли ориентироваться отдельные князья в своей деятельности. Впрочем, могли и не ориентироваться, поскольку “содружество”, в отличие от “империи”, не было жестко связано организационно.

Действительно, имперский принцип “матрешечной” иерархии власти, когда “императору” подчиняются “короли” отдельных стран, а “королям” подчиняются “герцоги” и “графы” провинций и областей, являлся лишь одним из элементов сложной политической системы Роусьской земли. Владимир Святославич и некоторые его преемники примеривали императорский титул “кагана”, воспринимая себя в роли “князя князей”, однако они не являлись единственным источником власти местных правителей. Даже после преодоления племенной обособленности в результате преобразований Владимира Святославича самостоятельным политическим фактором продолжала оставаться городская община и орган изъявления ее коллективной воли – вече (“народное собрание”). Несмотря на явную прокняжескую и антивечевую тенденциозность сохранившихся летописных свидетельств, историкам удастся обнаружить присутствие веча в большинстве краев Роусьской земли и реконструировать основные функции этого института. Большинство исследователей сходятся во мнении, что городское вече являлось самостоятельным элементом сложной политической конструкции, дополняющим княжескую власть и устанавливающим ей определенные рамки. Даже тогда, когда волеизъявление городской общины, чаще всего развивавшейся на основе прежних племенных центров, не оформлялось через формальный созыв веча, находились другие способы проявления интересов местного населения, а в особенности его наиболее влиятельной и знатной части.

Теоретически можно предполагать, что вече XI века выросло из племенных народных собраний предшествующих столетий (вроде тех, которые должны были заключать контракт-“ряд” с первыми приглашенными варяжскими дружинами), но о них не сохранилось абсолютно никакой достоверной информации. Зато о вече начала XI века известно, что это был городской феномен – в деревнях и пригородах вече, очевидно, не созывалось. Оно не было стихийным митингом: существовал четкий ритуал проведения собрания со своим регламентом, и не исключено даже, что ход собрания протоколировался. Участники веча сидели, а не стояли, и, вероятно, на вечевых площадях были установлены скамьи. Это “техническое” обстоятельство позволяет достаточно уверенно определить количество участников веча даже в таких важных вечевых центрах, как Новгород или Киев, в 300–400 человек (столько, сколько могла вместить вечевая площадь). Значит, в вече принимал участие не “весь город”, и даже не все совершеннолетнее мужское население, а члены некоего привилегированного слоя горожан и, возможно, округи. О социальном составе этих городских “нотаблей” пока остается только гадать: какую роль играла прежняя племенная знать, купцы (особенно в Новгороде), новая “гражданская администрация” – сотские и тысяцкие.

Сложившаяся к началу XI в. политическая модель основывалась на балансе и определенном функциональном разделении авторитета веча и князя. Вече выражало солидарную позицию “земли” как собрание представителей различных властных иерархий: родовой знати, обладателей богатства, выборных или назначенных чинов местного управления. В этом качестве вече вступало в отношения с князем, который по-прежнему являлся внешней силой для городской общины: князя переходили с одного “стола” на другой, мечтая в конце концов занять киевский престол. При этом вече не являлось органом “исполнительной” власти – в том смысле, что не руководило городом и округой на постоянной основе и даже не могло проконтролировать выполнение собственного решения спустя время после его принятия. Главной задачей веча было поддержание отношений с князем, которому делегировались все полномочия по управлению. Без согласия веча, пусть и вынужденного, князь не мог занять княжеский стол, вече могло призвать другого кандидата на княжение в том случае, если прежний князь нарушал принятые нормы, погибал или бежал из города. Так что эпизодичность изъявления воли вечем не делало его пустой формальностью: вече санкционировало саму легитимность княжеской власти.

Несмотря на то, что Владимир Святославич попытался упорядочить систему княжения и избежать опасности братоубийственных конфликтов, даже в самом идеальном случае передача княжеской власти могла проходить по одному из трех законных сценариев, которые современные историки обозначают как **приглашение**, **согласие** и **завоевание**.

Согласно летописи, Рюрик был приглашен на княжение конфедерацией славянских и финских племен, а сам Владимир Святославич был приглашен новгородцами, которые просто потребовали от его отца Святослава Игоревича предоставить им кандидата – представителя княжеского рода. *Приглашения* князей вечно отмечаются и в последующий период, в разных частях Русьской земли, в том числе и в Киеве в XI и XII вв. Это может показаться даже удивительным, поскольку приглашение предполагает превышение “предложения” над “спросом”, когда существуют вакантные княжеские столы и городская община выбирает наиболее подходящего для себя кандидата из нескольких. Однако к началу XI в. процесс “окняжения” Русьской земли в целом завершился, князья имелись в каждом городе и старались сохранить свою власть или передать ее по наследству. То, что институт приглашения князя не исчезает в этот период, лишний раз доказывает силу веча как выразителя политической воли городской общины, с которой князьям приходилось считаться.

Передача власти князя по наследству не являлась автоматической процедурой – наследственная монархия не существовала в Русьской земле. В тех случаях, когда власть передавалась без конфликта близкому родственнику, прослеживается обязательность *согласия* на эту передачу со стороны дружины и городской общины – причем последняя имела решающее слово. Известные прецеденты включали в себя передачу княжества дяде, брату, сыну, племяннику. Нередко наследник являлся соправителем князя – де факто или официально (как, видимо, было в случае княгини Ольги и Святослава Игоревича). Во всяком случае, главный кандидат на очередное “приглашение” был уже на месте, известен дружине и общине, и если у них не было особых возражений, его “прославляли” (в случаях, когда князь приглашался со стороны, его “принимали”). Впрочем, лишь полоцким князьям удалось передавать власть внутри семьи на протяжении около полутора столетий (с 987 по 1129 гг.), сформировав обособленную династию. В остальных городах, даже если правитель договаривался о согласии дружины и веча на кандидатуру преемника, в дело нередко вмешивался один или несколько претендентов на княжеский стол со стороны.

Дело в том, что кандидатов на княжеский стол действительно было больше, чем имеющихся вакансий, и чем престижнее было место, тем больше претендентов заявляло на него свои права. Предводители общины воинов – дружины, князья проводили между собой своеобразные “праймериз” (отбор главного кандидата) по своим правилам, прежде чем претендовать на признание своих притязаний на власть со стороны веча. Собственно, военное мастерство и решительность и являлись одними из главных критериев годности князя, поэтому городские общины принимали победившего князя, не просто *подчиняясь* силе – но *признавая* его княжеские достоинства. Описанная в прошлой главе история противостояния сыновей киевского князя Святослава Игоревича является классической иллюстрацией стратегии *завоевания* как сочетания “рутинного” политического процесса и “чрезвычайной” формы военного противостояния. Ключевой характеристикой этой стратегии являлось применение насилия в достаточно четких рамках: оно не должно было затрагивать город, его обитателей и их имущество. Соперники встречаются в чистом поле, чтобы померяться силами. В случае затянувшейся осады города осажденный должен выйти на бой или на переговоры (так и был убит княживший в Киеве сводный брат Владимира Святославича Ярополк). Заняв город, Владимир не только не позволяет разграбление города своим воинам (как и многие князья в последующие десятилетия), но даже отказывается собирать обещанную дружине контрибуцию и спроваживает своих варяжских соратников в Византию. К XII в. убийство соперника перестает восприниматься как обязательное условие победы, и военное поражение само по себе становится достаточным основанием для отказа от притязаний на княжеский стол.

Параллельно с такими “политическими” войнами, представлявшими собой в значительной степени ритуализированный процесс предъявления претензий на власть, князья совершали опустошительные набеги на чужие княжества, разоряя округу и уводя в плен жителей (такие случаи участились во второй половине XI в.). Разграблениям подвергались даже монастыри и церкви. Такие грабительские набеги также имели политические последствия, поскольку подрывали авторитет князя, не сумевшего защитить население края от захватчиков, и ослабляли соперничающее княжество. Однако при этом законность претензий на власть завоевателя в разоренном городе оставалась сомнительной как в глазах других князей, так и с точки зрения обитателей города: собственный князь являлся внешней силой по отношению к

городской общине, но эта сила не могла быть откровенно враждебной и “оккупационной”.

Ритуал принятия князем властных полномочий в символической форме запечатлел его сложные отношения с городской общиной. Удачливого претендента на княжеский стол встречали за крепостными воротами всем городом – как бы подчеркивая его статус пришлого, не местного человека. При приближении князя встречающие совершали общий поклон – знак общего признания его прав на власть. Далее князь входил в город и направлялся в главный собор, где его встречало высшее духовенство. В храме или в княжеской резиденции проходил сам обряд посажения на престол. После этого, выйдя из собора или терема, князя встречала ликующая толпа, “прославляющая” нового правителя – личное проявление радости являлось выражением индивидуальной лояльности. Князь публично заключал “ряд” (устный контракт) с городом, закрепляемый взаимной присягой (“крестоцелованием”). Церемония завершалась общим пиром на княжеском дворе, что являлось пережитком древнего языческого действа, по крайней мере на уровне ритуала неравного обмена: князь угощал горожан, ставя их в моральную позицию “должников”, обязанных ему теперь добрым отношением и верностью.

Попытка князя Владимира Святославича превратить Роусьскую землю в единое культурно-политическое образование под властью одной княжеской династии увенчалась успехом лишь отчасти. Владимиру и его сыновьям удалось провести “окняжение” обширнейшей территории, подчинив себе прежних подданных Хазарского каганата в приднепровской лесостепной зоне и те земли вдоль Волжско-Балтийского и Балтийско-Днепровского торговых путей, в которых еще сохранялись самостоятельные варяжские дружины. Однако вместо консолидации всей власти под согласованным контролем одной семьи произошло кардинальное переосмысление как княжеской власти, так и природы родственных отношений в княжеской семье. Таково фундаментальное свойство сложносоставных и гетерогенных (от греч. *heteros* – иной и *genesis* – происхождение) обществ: попытка упорядочить и рационализировать различия в них приводит не к уничтожению разнообразия, но лишь к переводу его на иной качественный уровень. За три с половиной десятилетия правления князя Владимира сложилась ситуация, когда легитимным претендентом на любой княжеский стол начал рассматриваться лишь прямой потомок Рюрика – основателя рода. Однако вместо упорядоченного распределения княжеств по старшинству в

соответствии с первоначальным планом престолонаследия, предложенным Владимиром, Рюриковичи вступили друг с другом в открытую политическую конкуренцию. По сути, вместо правящей семьи, объединенной родственной солидарностью, было создано особое княжеское сословие, принадлежность к которому давала право на княжение – но никак не гарантировало занятие определенного княжеского стола. В очередной раз мы наблюдаем трансформацию частных (семейных) отношений в публичный (политический) институт. Сама идея, что князь занимает престол временно, пока в порядке старшинства не перейдет на более значимый, а также обусловленность этого перехода на практике согласием городской общины способствовала ускоренной трансформации личных связей в политические отношения. Ведь для того, чтобы утвердиться на княжении, мало было являться старшим в роду – надо было еще продемонстрировать свою княжескую годность, а доказывать это (зачастую в бою) приходилось на других членах семьи.

Князь Владимир сам разрушил созданную им идеальную систему, когда в конце жизни приблизил к себе одного из младших сыновей, Бориса, назначив его командующим своей дружиной. Фактически это означало объявление Бориса соправителем, что давало ему большие шансы стать преемником Владимира на киевском престоле по сценарию “согласия” городской общины. Против нарушения правил восстал старший из сыновей – Святополк, которому, вопреки официальному принципу старшинства, Владимир без малого тридцать лет не давал покинуть престол в Турове (бывшем племенном центре дреговичей на территории современной Беларуси). Восстал и новгородский князь Ярослав, который, в отличие от Святополка, делал “правильную” княжескую карьеру, перейдя около 1011 г. в более престижный Новгород из Ростова и рассчитывавший, что следующим шагом должен был стать великокняжеский престол в Киеве. На стороне Святополка было формальное старшинство, а Ярослав занимал ключевой новгородский престол. Кроме того, Святополк был усыновленным (Владимир усыновил ребенка своего старшего брата Ярополка), а Ярослав – родным сыном Владимира. Второстепенные с точки зрения внутрисемейных отношений обстоятельства оказались важными аргументами в политической борьбе. Видимо, Святополк прибыл в Киев для мирного выяснения отношений с отцом, потому что оказался посаженным под арест вместе с женой и ее духовником. Ярослав же действовал дистанционно и более агрессивно – он отказался посылать отцу ежегодную выплату части собранной дани, а вместо этого пригласил в Новгород

наемную варяжскую дружину. Судя по всему, Святополк, приехавший в Киев с женой, намеревался вести переговоры; Ярослав был настроен на вооруженное восстание.

Летом 1015 г. князь Владимир Святославич умер. В это время его младший сын Борис с дружиной находился в походе, отражая набег кочевников – печенегов. Дружина и киевское ополчение предложили Борису принять власть – “по согласию”, но Борис категорически отказался нарушать установленный отцом порядок и признал право на киевский престол старшего брата – Святополка. Киевляне освободили Святополка из заточения и признали его князем – правда, лишь после того, как отказался от власти Борис, и после того, как Святополк провел широкую раздачу подарков, склоняя на свою сторону симпатии части вечевого “электората”. Ярослав права Святополка на великое княжение не признал и пошел на Киев войной.

Последовала череда сражений – за пределами городских стен. Сначала Ярослав разбил Святополка и занял киевский престол. Затем Святополк вернулся, приведя в качестве союзников кочевников-печенегов, а также войско польского короля – своего тестя, Болеслава I Храброго. Ярослав был разбит и бежал в Новгород. Он пытался даже скрыться за морем у варягов, но новгородцы повредили готовые к отплытию корабли и заставили своего князя продолжить борьбу: они собрали средства для найма новой варяжской дружины и выставили ополчение для похода на Киев. Таким образом, обе стороны действовали в логике принятых сценариев политической борьбы за княжение, когда городская община играла важную роль окончательного арбитра и даже ключевого союзника (как в случае Ярослава). При этом следование определенным правилам политического процесса не исключало проявления крайней жестокости в борьбе между конкурентами за власть – родными братьями.

В первый же период противостояния были убиты три сына князя Владимира, которые являлись лишь потенциальными претендентами на киевский престол. Убийство всех троих позднее приписали Святополку, который даже получил в летописях нелицеприятное прозвище “Окаянный”, однако двое из погибших – любимец князя Владимира Борис и муромский князь Глеб – были единственные из братьев, кто сразу и безоговорочно признали законность власти Святополка. Оба они были убиты на пути в Киев, куда направлялись по приглашению Святополка, и убийство их могло быть политически выгодно только Ярославу. Третья жертва конфликта – Святослав Владимирович, правивший древлянским княжеством, был убит в Карпатах при попытке

бегства к своим союзникам в Чехии или Венгрии. Предполагается, что его убийцей также был Святополк, однако скудные сведения о Святославе не позволяют ни подтвердить эту версию, ни подвергнуть сомнению. Неизвестно даже точно, когда родился Святослав. По одной из версий, Святослав был старше Ярослава, так что у того мог быть рациональный мотив устранить и этого легитимного соперника. Наконец, в 1019 г., войско Ярослава разбило войско Святополка в сражении на речке Альте (примерно там же, где был убит Борис), Святополк был ранен, бежал к печенгам и якобы сгинул в степях. При этом исландская “Сага об Эймунде” XIII века, повествующая об участии варяжских дружинников в конфликте Ярослава и Святополка, сообщает о том, что главный враг “конунга Ярислейфа”, который вел армию тюркских кочевников на Киев, был убит варягами с молчаливого одобрения Ярислейфа, который сказал:

– Ничего этого я не сделаю: ни настраивать никого не стану к (личному, грудь на грудь) сражению с Конунгом Бурислейфом, ни порицать кого-либо, если он будет убит.

Имя конунга Бурислейфа и обстоятельства его убийства (спящего ночью, в шатре) совпадают с историей князя Бориса, а общее описание его противостояния с Ярислейфом (главный противник, претендент на киевский престол, опирающийся на подмогу печенегов) позволяет идентифицировать Бурислейфа скорее со Святополком. В любом случае, речь идет о том, что Ярослав санкционирует убийство брата варягами, хотя и не желает лично брать на себя ответственность за его смерть: он занимается политической борьбой, а не личным противостоянием. Убийство – “технический” эпизод в этой борьбе, а потому оставляется на усмотрение военных, задача которых – устранить угрозу со стороны Святополка, который раз за разом возвращался с новыми подкреплениями. Характерно, что и в братоубийственном конфликте поколением раньше, победителем в котором вышел князь Владимир, смерть братьев-конкурентов воспринималась скорее как вынужденный “эксцесс”. Гибель брата оплакивалась как нежелательная или, в крайнем случае, осуществлялась руками варягов (как в случае с Ярополком, отцом Святополка).

В 1019 году политический кризис был преодолен, Ярослав окончательно утвердился на великокняжеском престоле в Киеве и правил до своей смерти в 1054 году – как бы повторяя 35-летнее правление своего отца, последовавшее за братоубийственной войной. Какова бы

ни была действительная роль Ярослава в гибели братьев-соперников, он постарался сделать так, чтобы вся ответственность за их убийство – крайне предосудительное с точки зрения недавно установившейся христианской морали – легла на Святополка “Окаянного”. Сам же Ярослав получил прозвище “Мудрый”. Не в последнюю очередь этот лестный эпитет объяснялся тем, что при Ярославе произошла кодификация норм обычного права в свод, известный как “Правда Роуськая”. Подобно тому, как князь Владимир взял на себя роль крестителя Роуськой земли, заложив основы ее культурного единства, князь Ярослав стал законодателем, распространяющим единые правовые нормы на всей ее территории. “Правду Роуськую” обычно сравнивают с аналогичными “варварскими правдами” средневековых франкских королевств, принятых столетиями раньше, но есть и существенное отличие: кодификация обычного права произошла в “многоплеменной” Роуськой земле. Поэтому унификация разнообразия местных “племенных” норм являлась важным элементом развития именно государственных институтов.

На время правления Ярослава – как и на период княжения его отца Владимира – сложносоставная политическая система Роуськой земли консолидировалась и внешне напоминала единое и даже централизованное государство. Помимо кодификации законов, сбора налогов в пользу великого князя, олицетворявшего высшую ступень власти – если не саму “центральную власть” (местные князья отправляли две трети собранного в их землях в Киев), была предпринята чеканка собственной монеты. Причем, судя по всему, выпуск собственных денег имел исключительно политический смысл декларации суверенитета. Изготовленные монеты исчислялись сотнями, что заведомо делало их экономическое значение средства платежа в обширной Роуськой земле ничтожным (хотя они и были выпущены в реальное обращение). Почти все известные монеты были отчеканены в краткий промежуток в конце X – начале XI века, в эпоху формирования политического наследия Владимира Святославича и борьбы за него. Первой монетой был “златник” (золотник)

самого князя Владимира – золотая монета, созданная по модели золотых солидов Византийской империи. Отчеканено их было немного и, как полагают нумизматы, выпуск их продолжался не более года–двух. Помимо златника, при Владимире чеканился немногочисленным тиражом “сребреник” (серебряник). Около 1015 года (года смерти Владимира) свои сребреники отчеканили соперничавшие за отцовское наследие Святополк – в Киеве, и Ярослав (Мудрый) – в Новгороде, что выглядит как демонстративная декларация

притязаний на власть. (Примечательно, что монеты Ярослава поражают совершенством по сравнению с чеканом отца и брата.) После этого чеканка монеты в Роуськой земле прекращается на столетия. Характерным исключением являются лишь имевшие только местное хождение серебряники Тмутараканского княжества (на Таманском полуострове), отчеканенные в 1070-х гг. князем-изгоем Олегом Святославичем, об отчаянных попытках которого получить собственное княжение речь пойдет ниже.

Однако консолидация власти в руках старшего в роду князя и даже такой атрибут суверенитета правителя, как чеканка монеты, сами по себе еще не являлись свидетельством институционализации государственности. Так, как раз одновременно с выпуском собственных монет в начале XI в. в Роуськой земле вместо единой устанавливаются две различные денежно-весовые системы – северная и южная, лишняя раз подтверждая, что “общее” пространство (в данном случае экономическое) вовсе не обязательно является “единым”. Точно так же даже во время правления Ярослава никуда не исчезал внутренний структурный плюрализм политической системы, основанный на конкуренции родословия Рюриковичей за княжеские столы, и дуализм власти князя и городской общины (вече). Устранив братьев-конкурентов, победивший великий князь назначал на местные княжеские столы своих сыновей, закладывая основы новой вспышки конкурентной борьбы после его смерти, когда князья выросли и становились самостоятельными политическими деятелями.

В тени великокняжеского правления Ярослава Мудрого его сыновья получали княжества и перемещались с одного на другое в традиционном порядке старшинства и престижности без особых конфликтов: городам нужен был князь, а споры между братьями-претендентами мирно разрешались высшим арбитром – отцом, Киевским великим князем. После смерти Ярослава его сыновьям удалось избежать кровопролития и договориться: как и полагается, Киевским великим князем стал старший из братьев и княживший в то время в Новгороде Изяслав, но его фактическими соправителями стали Черниговский князь Святослав и Переяславский князь Всеволод. Вместе они совершенствовали законодательство, приняв редакцию “Правды Роуськой” – “Правду Ярославичей”, вместе отправлялись в военный поход на кочевников, вместе принимали решения о замещении княжеских столов. Для равного доступа к растущему политическому и культурному ресурсу церкви учредили в дополнение к Киевской отдельные митрополии в

Чернигове и Переяславле. “Триумвират Ярославичей” стал попыткой усовершенствовать сложносоставную политическую систему Роусьской земли путем смягчения ее главной отличительной черты – и главного дестабилизирующего фактора: политической конкуренции.

Однако соправление оказалось паллиативным (поверхностным и частичным) решением проблемы. Отказавшись от устранения братьев-конкурентов, каждый из которых обзавелся многодетными семьями, князья-Ярославичи расширили круг потенциальных претендентов на власть в следующем поколении в несколько раз. Теперь за власть боролись не только родные братья, но и дядья, и племянники. Определить, кто из них имел большие права на престол, стало практически невозможно, а договориться о соправительстве такому количеству наследственных князей – нереально. Кроме того, княжеская конкуренция была лишь частью проблемы, другой стороной в поддержании властных отношений являлась городская община, которая приобретала тем больший самостоятельный вес, чем выше была конкуренция среди князей. Триумвират Ярославичей продержался целых тринадцать лет и распался не столько из-за противоречий между соправителями, сколько из-за того, что один из них, великий князь Изяслав, потерял в глазах городской общины Киева право на княжеский престол.

В 1068 г. объединенное войско трех соправителей-Ярославичей потерпело поражение в сражении с половцами – новым могущественным союзом тюркских кочевых племен, которые пришли на место печенегов. После поражения Изяслав бежал в Киев. Военная удача переменчива, и само по себе поражение в битве не компрометировало князя. Прошло всего несколько месяцев, и его брат Святослав во главе 3000 воинов сумел отомстить за это поражение и разгромить вчетверо превосходящие силы половцев, что на четверть века остановило экспансию кочевников. Но проблема была в том, что Изяслав, в отличие от своего брата, отказался от борьбы и, что еще хуже, от своих прямых обязательств перед городом: защищать его от врагов любой ценой. Половцы разоряли пригороды Киева, и собравшееся вече потребовало вооружить ополчение и изгнать захватчиков, но Изяслав не исполнил это требование. С этого момента в глазах горожан Изяслав потерял право на власть: его изгнали, а на его место пригласили единственного оказавшегося поблизости князя – заточенного в темницу Полоцкого князя Всеслава. (Этот представитель Полоцкой династии князей постоянно враждовал с Ярославичами, совершал набеги на Новгород и другие их земли, за что в конце концов и оказался в плену в Киеве.) С

точки зрения общепринятого политического сценария того времени, в глазах городской общины заключенный в темницу соперником чужой князь имел больше прав на престол, чем “собственный” князь, нарушивший контракт-“ряд” на княжение.

Изяслав позже смог на время вернуть себе киевский престол, но триумvirат восстановить не удалось: не в последнюю очередь потому, что Изяслав дискредитировал себя как политик и братья больше не рассматривали его как равного, а тем более старшего соправителя. В дальнейшем наиболее влиятельным князьям Роуськой земли еще не раз удавалось договариваться о соправительстве (правда, в более скромных масштабах) или о мирном перераспределении власти. Например, в 1093 г. сын Киевского великого князя Всеволода Владимир (вошедший в историю как Владимир Мономах) после смерти отца добровольно отказался от претензий на великокняжеский престол в пользу двоюродного брата. Взвесив свои шансы и ссылаясь на лестничный принцип престолонаследия (в реальности редко соблюдавшийся), он признал: “Его отец был старше моего и раньше моего княжил в Киеве”. Киевским великим князем Владимир Мономах стал только спустя 20 лет, когда он был приглашен на престол Киевским вече и дружиной (при этом о тщательном соблюдении лестничного принципа наследования не вспоминали). Однако идеал политического подчинения всей Роуськой земли киевскому великому князю благодаря сыновней преданности местных князей (как во времена Ярослава Мудрого) был уже недостижим.

К концу XI века сословие князей-Рюриковичей стало настолько многочисленным, что не только на киевский великокняжеский престол, но и на местные княжеские столы оказывалось слишком много претендентов. “Перепроизводство князей” позволило городским общинам стать более разборчивыми в выборе правителя и нередко выступать в роли высшего арбитра в спорах между претендентами. Особенно быстро усиление самостоятельности общин происходило на севере, в новгородской земле. С 1095 г. новгородская община перестает рассматривать “княжеские” правила престолонаследия как легитимный аргумент при рассмотрении кандидатуры нового князя и начинает приглашать князей по своему выбору. “Законные” претенденты, неудобные городу, не допускались в Новгород и даже сажались под арест до прибытия приглашенного князя (как Всеволод Мстиславич в 1136 г.). На юге городское вече действовало не столь демонстративно, но влияние городских общин было сопоставимо с новгородским.

Необходимость не только победить князей-претендентов, но и заслужить поддержку и приглашение от городской общины приводила в бешенство многих князей. Начиная с последней четверти XI века сражения между соперниками за княжеский престол все чаще переходят рамки “политической” борьбы и “дузей” дружин противоборствующих князей в чистом поле, все более напоминая разорительное завоевание чужеземцами. Вытаптываются поля, жгутся предместья, разграбляются церкви и монастыри. Такое поведение в отношении города, в котором захватчик мечтает стать князем, бессмысленно с точки зрения прежней логики политического процесса, но совершенно понятно, если цель – затерроризировать горожан, сломить политическую волю. Подчинение начинает цениться выше экономического процветания.

Характерным примером нового этапа политической борьбы является поведение Олега Святославича (того самого, что чеканил сребреники в Тмутаракани) – его отец был участником “триумvirата Ярославичей”, знаменитым победителем половцев. Четвертый сын этого Черниговского князя, Олег Святославич, оказался членом растущей группы “князей-изгоев” из числа младших внуков Ярослава Мудрого, для которых не то что Киевский престол, но и отцовское княжество оставалось малодоступной мечтой. Не располагая собственной вооруженной силой, он одним из первых начал использовать половцев в качестве союзников в борьбе с другими князьями за отцовское наследие. Первый раз он захватил Чернигов при поддержке половцев еще в 1078 г., но вскоре был вынужден бежать из города (в Тмутаракань). В следующий раз ему удалось подчинить себе Чернигов в 1094 г., вновь приведя половцев в Роусьскую землю. Половецкие отряды разоряли и грабили окрестности Чернигова, но, даже захватив город, Олег Святославич не попытался остановить их. С одной стороны, вероятно, у него не было иного способа расплатиться с союзниками. Но с другой, это была сознательная политика террора, проводимая правителем, который сознавал недостаточную обоснованность своих притязаний на власть (легитимность) и потому рассчитывал только на грубую силу.

Действительно, до него Чернигом правил Владимир Всеволодович (Мономах), который обладал весомыми правами даже на киевский великокняжеский престол, а Чернигом правил как сын последнего местного князя, очевидно, по согласию города. Владимир и поступил, как полагалось законному князю, чей долг – защита интересов принявшего его города до конца: он бежал из Чернигова после восьми дней осады и демонстративного разорения предместий Олегом, когда стало

ясно, что продолжение сопротивления лишь усугубит потери горожан. Олег Святославич, который для устрашения осажденных первым делом начал жечь монастыри вокруг Чернигова, вряд ли мог рассчитывать на добровольную лояльность городской общины. Подтверждением его низкого престижа в глазах населения княжества является то, что в следующем 1095 г. жители Мурома (входившего в Черниговское княжество) добровольно согласились признать власть сына Владимира Мономаха и приняли его, “отложившись” от нынешнего Черниговского князя. Когда же в 1096 г. против Олега Святославича выступили войска Киевского князя и Владимира Мономаха, он не решился обороняться от них в самом Чернигове и бежал в крепость Стародуб на севере княжества.

Подобная агрессивность и авантюризм нового слоя “князей-изгоев”, вмешивающихся в соперничество “легитимных” претендентов на княжества и еще больше обостряющих конкуренции внутри политической системы Роуськой земли, привели эту систему на грань разрушения к концу XI века. Для поиска выхода из кризиса в 1097 г. по инициативе Владимира Мономаха в городе Любече на Днепре был созван съезд шести наиболее влиятельных князей. Примирить интересы всех заинтересованных сторон и договориться, подобно “триумvirату Ярославичей”, в масштабах всей Роуськой земли оказалось нереально. Тогда было принято компромиссное решение ограничить претензии на княжение границами отцовских владений: дети черниговского князя могут претендовать на княжеские столы только в черниговской земле, и т.п. Тем самым снижался накал соперничества и предпринималась попытка вновь сделать политику “внутрисемейным делом”, когда все подчиненные правители – родные дети старшего князя. Кроме того, это решение сильно ограничивало своеволие городских общин, которые теперь вынуждены были выбирать себе правителей из меньшего числа претендентов, к тому же, являющихся близкими родственниками.

Впрочем, как доказали последующие события, эта мера имела лишь временный эффект: спустя одно поколение среди претендентов на “отцовские” престолы в местных княжествах вновь появились, кроме братьев, и дядья, и племянники. Кроме того, решение съезда никак не затронуло порядок наследования Киевского великого княжения. Претендентами на него могли оказаться князья из разных уголков Роуськой земли, и, поскольку законная очередность наследования всегда вызывала споры, окончательным арбитром по-прежнему оказывалась военная мощь. На протяжении всего XII века Киев продолжают захватывать претенденты на великокняжеский престол силой, а по-

скольку за спиной у претендентов теперь оставались их “семейные” местные княжества, то с городом и его строптивыми и разборчивыми обитателями больше не церемонились: жгли целые кварталы, грабили церкви (например, в 1139, 1169 и 1203 гг.). Киев все больше превращался в символ великокняжеской власти, а не ее реальный (и потому оберегаемый) источник.

Собственно, в этом новом отношении лишь наиболее ярко проявилась суть политической системы Роусьской земли, которая прежде маскировалась номинальной общностью территории политического процесса: киевское великое княжение было вершиной карьеры индивидуального князя, перемещающегося со стола на стол, а не высшей властью для всех остальных князей. Все князья, участвующие в “кружении” по княжеским столам, признавали значение Киева как главного приза в той политической игре, в которой они участвовали, а потому соглашались на особый статус киевского великого князя и на выплату ему доли собираемых налогов – ведь каждый надеялся сам однажды оказаться на этом месте. С разграничением Роусьской земли между отдельными династиями большинство князей утратило легитимные права даже теоретически претендовать на киевский престол, а потому интерес к нему становится все более “спортивным”, то есть как к объекту корысти и тщеславия.

Куда большие последствия имело само пространственное разделение Роусьской земли на “отчины” с четкими границами и под управлением местных династий.

Старший из собравшихся в Любече князей, Святополк Изяславич, сохранял титул великого князя, а кроме Киева ему подчинялись еще княжества на бывшей земле дреговичей на северо-западе (в современной Беларуси): Туровское и Пинское.

Владимир Мономах оставлял за собой Переяславское княжество на левом берегу Днепра, на самой границе со степью, а также не граничащее с ним Смоленское княжество в центре Роусьской земли и его северо-восточных соседей: Суздальско-Ростовскую землю и Белоозеро.

Главные виновники кризиса, представители группы князей-изгоев Олег Святославич и Давид Святославич закрепили за собой отцовский Чернигов с Северной землей, а также лежащие к востоку Рязань и Муром.

Самостоятельной политической территорией также становилась Волынь (города Владимир-Волынский и Луцк) на запад от Киева, а также Червоная Русь дальше на юго-запад (Теребовль, Червень, Перемышль)

на границе с Польским королевством, в более поздние эпохи известная под именем Галичина.

Ограничение политического процесса в новых территориальных рамках поначалу просто воспроизводило логику “большой” политики на местном уровне. Старший правитель функционально начинал играть роль великого князя, и за его престол соперничали многочисленные представители местной княжеской династии. Младшие родственники-князья все так же перемещались из одного второстепенного города в другой в надежде в конце концов занять главный “отчий” престол, который в местных масштабах начинает играть роль “великокняжеского”. Поэтому неудивительно, что к середине XII века наряду с “главным” – и прежде единственным – киевским великим князем великие князья появились во Владимире (новом центре Суздальской земли, изначально входившей в долю Владимира Мономаха), Чернигове и Рязани (разделившееся наследство мятежных Святославичей), а также в Галиче, объединившем Волынь и Червоную Русь.

Выделение отдельных территорий Роуськой земли в “уделы” (наследственные доли) нескольких княжеских династий при сохранении прежних принципов получения власти само по себе не делало политическую систему более устойчивой. В зависимости от политических дарований местных князей, численности претендентов на престол в одном поколении, исхода войн с соседями или взаимоотношений с городскими общинами местная политическая система могла консолидироваться (как вся Роуськая земля при Ярославе Мудром или объединившиеся в Галицко-Волынское княжество западные земли), а могла и продолжить деление в результате нарастания внутренних конфликтов (как в случае с уделом Святославичей, распавшимся на два отдельных великих княжества). Само по себе решение Любечского съезда князей не изменило политическую систему Роуськой земли: она не стала в одночасье ни более “раздробленной”, чем была, ни более стабильной в отдельных своих областях. По-прежнему власть осуществлялась представителем рода-сословия князей Рюриковичей, чьи права на престол подтверждались очередностью родства и, не в меньшей степени, способностью опередить конкурентов политически или военным путем, а также поддержкой городской общины.

Однако формальное разграничение Роуськой земли на области под управлением отдельных семей Рюриковичей создало условия для реализации разных – из числа многих возможных – сценариев дальнейшей эволюции политической системы, причем одновременно: в одном краю

последовательно реализовывался один сценарий, а в соседнем – другой. Именно эта “политическая специализация”, прежде нивелировавшаяся постоянным перемещением князей по всей Роуськой земле, создала предпосылки для разделения общего политического пространства на отдельные политические системы.

Так, в Новгородской земле к середине XII века дуализм княжеской власти и авторитета городской общины решается в пользу общины. Вече превращается из экстраординарного собрания горожан в регулярный орган власти, избирающий чиновников администрации: посадника (городского голову) и тысяцких, а приглашаемый князь в основном сосредоточивает в своих руках гражданский суд и военное дело. Историки называют установившийся в Новгородской земле порядок “боярской республикой”, поскольку реальная власть принадлежала выборным органам, при этом особым влиянием пользовались представители местных наиболее знатных и богатых родов (бояре). Становление Новгородской республики после 1136 г. (когда горожане изгнали внука Владимира Мономаха – Всеволода Мстиславича, потерявшего доверие и уважение новгородцев) напрямую связано с ослаблением политической роли Киева. Традиционно новгородский княжеский стол занимал наиболее вероятный кандидат на киевское великое княжение, и после Любеческого съезда Новгород остался в сфере ответственности Киевского князя. Однако превращение киевского великого князя в “первого среди равных” (притом, что и его первенство все чаще начинало ставиться под вопрос) и сокращение его военной мощи сделало крайне трудным контроль над Новгородом, удаленным на расстояние в 1200 км. Прежде все князья Роуськой земли были заинтересованы в сохранении княжеской “вакансии” в Новгороде. Теперь же киевский князь мог рассчитывать только на свой авторитет – как выяснилось, недостаточный.

Противоположный пример являли северо-восточные земли, где княжеская власть смогла подавить сопротивление городских общин и принять наиболее авторитарные формы. Вероятно, об этом мечтали все князья, но в старых городах, возникших на месте племенных общинных центров – Чернигове или Смоленске, не говоря уже о Новгороде или Киеве, – авторитет городской общины был очень силен. Северо-восток был малонаселенным лесным краем, большей частью племенной территорией мери, которая колонизовалась пришлым славянским населением. Древнейшим городом был Ростов с одной из старейших епархий Роуськой земли, учрежденной еще в 991 г. Однако остальные города были основаны сравнительно поздно: Суздаль впервые упоминается в

летописи под 1024 годом, Владимир был заложен Владимиром Мономахом в 1108 г. (по крайней мере, в современном смысле “города”, а не укрепленного гарнизона), пограничный городок Москва на землях вятичей впервые упоминается под 1147 г. Тем примечательнее, что правивший краем князь Юрий Долгорукий (сын Владимира Мономаха) перенес в 1125 г. свою столицу из древнего Ростова в Суздаль, которому едва исполнилось сто лет. В 1157 г. его сын и наследник Андрей Боголюбский вновь переносит столицу – во Владимир, которому не было тогда и полувека. Все неудобства переезда княжеского двора, все дальше на юг, ближе к “дикому полю”, и необходимость приведения все меньших по размеру городов в соответствие с новым столичным статусом компенсировались одним преимуществом: городская община в каждой новой столице была моложе и слабее, чем в предыдущей. Уже Владимир был заложен князем, а потому не мог противопоставлять себя княжеской власти так, как делали города, возникшие на основе прежних племенных центров. Москва же с самого своего основания развивалась уже в условиях сложившейся монополии князей на власть, и когда она стала столицей удельного княжества в XIII в., а позже – и всего бывшего Владимирского княжества, городская община Москвы самостоятельным политическим фактором не являлась. Впрочем, усиление княжеской власти само по себе вовсе не означало консолидации государственности: в отличие от республиканской Новгородской земли, которая только расширяла свою территорию, северо-восточные земли демонстрировали мощные центробежные тенденции, в них постоянно нарастало внутреннее дробление.

Смоленское княжество, несмотря на старинную городскую общину, в которой активную роль играло купечество (подобно Новгороду), – а может быть, как раз благодаря ей – стало образцом преемственности княжеской власти, как она виделась участникам Любечского съезда. Княжество отличалось большей внутренней стабильностью в XII–XIII вв., чем многие соседи, не дробилось на уделы, и власть передавалась напрямую от отца к сыну на протяжении многих поколений. При этом Смоленские князья вели активную внешнюю политику в интересах безопасности и торговых нужд княжества. Поэтому можно предположить, что в Смоленске удалось интуитивно найти взаимовыгодное разделение полномочий между княжеской властью и местными общинными лидерами, по образцу более радикального новгородского сценария (князья не слишком вмешиваются в дела самоуправления), и сохранять достигнутое равновесие много десятилетий.

...Оборотной стороной территориального разделения Роусьской земли между династиями Рюриковичей парадоксальным образом стало сплочение этого рода-сословия князей. Как и в прежние времена, князья представляли собой внешнюю силу по отношению к городской общине, только теперь они перемещались с престола на престол на более ограниченной территории, что в перспективе должно было способствовать установлению более тесных связей с местной знатью. Немедленным же результатом размежевания стало изменение брачной политики в княжеской среде: представители разных династий Рюриковичей начали систематически вступать в брак друг с другом, в то время как прежде супруги выбирались за пределами Роусьской земли.

Так, матерью Ярослава Мудрого (одной из жен Владимира Святославича) была полоцкая княжна, представительница другого варяжского рода Рагнеда. Сам Ярослав в 1019 г., после победы в борьбе за киевский великокняжеский престол, женился на Ингегерде, дочери короля Швеции Олава Шётконунга. Его старшие сыновья – члены “триумvirата Ярославичей” – женились на сестре польского короля Казимира I (Изяслав), австрийской принцессе, дочери графа Леопольда (Святослав), и дочери византийского императора Константина IX Мономаха (Всеволод). Дочери же вышли замуж за норвежского короля Харальда Сурового (Елизавета), венгерского короля Андраша I (Анастасия) и французского короля Генриха I (Анна). То же мы видим и в следующем поколении – детей “триумvirов”: Владимир Мономах был женат на внебрачной дочери английского короля Гарольда II, а после, вероятно, на византийке, его соперник Олег Святославич был женат первым браком на византийской патрицианке, а вторым – на дочери половецкого хана. Святополк Изяславич также был женат дважды: первый раз, вероятно, на дочери чешского князя, а второй – на дочери половецкого хана.

В следующем поколении наступает перелом: в начале XII века заключаются первые браки между представителями разных княжеских династий Роусьской земли. Особенно ярким примером может служить сын Владимира Мономаха и его наследник на киевском престоле Мстислав. За три года до Любеческого съезда его женой стала шведская принцесса, а после ее смерти он женился в 1022 г. на дочери новгородского посадника: не только не “иностранке”, но представительнице местной знати, а не княжеского сословия. А с середины XII века исключениями уже становятся браки с представителями династий за пределами Роусьской земли (не считая половецких ханов).

Рассматривая брак как инструмент налаживания союзнических отношений, представители княжеских семей выбирали супругов за пределами своего политического пространства. С этой точки зрения очевидно, что после Любечского съезда князь действительно начал воспринимать чужие “отчины” как другие страны – а потому и вступать в брак с друг другом. Это важное обстоятельство, свидетельствующее о начале процесса оформления самостоятельных политических центров на общем пространстве Роуськой земли. Это пространство не было однородным или монолитным и раньше, новым было то, что теперь фрагментация фиксируется в сравнительно постоянных границах, реальность которых больше подтверждается восприятием со стороны (признанием другими династиями), чем внутренней политической консолидацией. Но это также означает, что реальные сети близких родственных отношений между князьями начинают складываться только в XII в., в то время как к середине XI в. большинство представителей княжеских семей были связаны лишь через одного общего и зачастую отдаленного предка.

Таким образом, к началу XIII в. Роуськая земля как единое культурное и политическое надплеменное пространство прошла существенную эволюцию. Первоначальная политическая система по сути воспроизводила в масштабах огромной территории модель, сложившуюся еще в конце IX в., с некоторыми усовершенствованиями. Она основывалась на сосуществовании двух полуавтономных структур власти – местных городских (прежде племенных) общин и корпорации князей-Рюриковичей. Род Рюриковичей претендовал на монополию на княжескую власть на всей территории Роуськой земли, однако право на конкретный княжеский престол обуславливалось победой в конкурентной борьбе с наиболее легитимными претендентами, что включало в себя и завоевание поддержки со стороны городской общины (часто в буквальном – военном – смысле слова). Управлять обширной страной с разношерстным населением, ориентирующимся на местные центры власти, из столицы было невозможно, а обеспечить лояльность местных князей центральной власти – нереально. Единственной технологией делегирования полномочий верным наместникам, имевшейся в распоряжение Рюриковичей, были семейные отношения отца и сыновей – но даже они не гарантировали от конфликтов, а удержать власть в руках одной семьи было нереально. Поэтому в 1097 г. было решено отказаться от попыток выстраивать единую систему власти для всей Роуськой земли – принявшей христианство по византийскому обряду

и признавшей законность власти сословия-рода князей Рюриковичей. На протяжении XII и начала XIII в. исходная общая модель двойной системы (власти пришлых князей – местной городской общины) совершенствуется и трансформируется в соответствии с разными сценариями, в разных княжествах: от республики в Новгороде, где верх одержала городская община, до Владимиро-Суздальского княжества, где князья последовательно добивались полного подчинения местной общины, в том числе путем переноса столицы в города с наиболее слабыми вечевыми традициями.

Роуськая земля, когда-то названная по имени единственного связывающего разные территории института – варяжской (позже великокняжеской) дружины, никогда не существовавшая в роли централизованного государственного единства, теперь и формально разделилась на отдельные “страны”, правители которых считали возможным заключать между собой “международные” браки. Но вместе с тем несколько веков общей политической истории, религии и письменной культуры способствовали тому, что Роуськая земля все в большей степени становилась категорией культурной идентификации. До сих пор остается спорным, насколько “многослойной” являлось ощущение культурной принадлежности в разных уголках средневековой Роуськой земли: известно, что православие уживалось с пережитками языческих верований и обрядов, но неясно, насколько полной была ассимиляция представителей балтских, финских или тюркских племен, насколько различались местные разговорные диалекты – дошедшие до нас письменные источники в основном написаны на литературном древнерусском языке, что создает впечатление культурной унификации. Вероятно, это впечатление не более корректно, чем предположение о культурном единстве королевств Западной Европы, которое можно было бы сделать на основании чтения тестов на средневековой латыни.

Впрочем, в некотором смысле Роуськую землю действительно можно сравнить с “Европой” – еще более двусмысленным и неопределенным конструктом ментальной географии более позднего периода. В отличие от “Европы”, Роуськая земля не одно столетие действительно являлась единым политическим пространством, в котором перемещались претенденты на княжеские столы, выкраивая княжества почти без оглядки на границы исторических земель и племен. Но точно так же, как и воображаемое пространство “Европы”, общность Роуськой земли была общностью близкого и понятного – но вовсе не обязательно дружественного – социального мира, общего пространства

взаимодействия и конфликта. Эта общность не делала столкновения между княжествами менее кровавыми, чем войны с иноверцами, и не мешала одним “роусьским” привлекать варягов, половцев или поляков в качестве союзников против других “роусьских”. Она могла послужить основой новой политической интеграции на каком-то этапе истории, но также стимулировала размежевание с соседями, чья культурная близость требовала принятия дополнительных мер для укрепления своей политической особенности и отдельности.

3.2. Политическая интеграция степи

Роусьская земля смогла сформироваться и эволюционировать на протяжении нескольких столетий как общее политическое и культурное пространство, включенное на равных в общую картину мира окружающих культур – от Скандинавии до Византии, – не в последнюю очередь потому, что не испытывала серьезной угрозы извне. За исключением южной лесостепной зоны, Роусьская земля была территорией лесов, связанных сетью рек как главными транспортными артериями. Этот лесной край, к тому же, по большей части соседствовал со сравнительно малочисленным и менее организованным населением. Лишь на юго-западе, на границе с королевствами Польши и Венгрии, существовала зона конкуренции и кооперации с политически развитыми обществами. Связанные семейными узами с польскими и венгерскими владыками, князья Вольтинских и Галицких земель воевали с ними за пограничные города или приходили на помощь в качестве союзников, однако в масштабах всей Роусьской земли реальной угрозы со стороны западных соседей до XIII века не существовало. Настоящее беспокойство вызывали степные кочевники на юге: печенеги, торки и сменившие их половцы. Однако и здесь речь не шла о глобальной угрозе. Несколько раз случались осады степняками Киева, они регулярно совершали набеги на южные земли – Переяславль, Чернигов, а еще чаще привлекались в качестве союзников в многочисленных межкняжеских конфликтах. Против кочевников предпринимались экспедиции в степь, строились заградительные линии – например, “змиевы валы” Владимира Святославича (протянувшиеся на много сотен километров земляные валы со сплошным частоколом и системой сторожевых застав). При этом отношения с кочевниками не сводились к войне, а интеграция половцев в политическое и культурное пространство Роусьской земли была столь глубокой, что некоторые историки считают возможным признание их равноправными участниками этого пространства. Часть половецких

ханов и их подданных приняли христианство, и едва ли не большинство Роуських князей начиная с середины XII века хотя бы раз вступали в брак с половчанками.

По сравнению со многими своими соседями – прежде всего, с Византией – Роуськая земля на протяжении трех столетий находилась в тепличных условиях отсутствия серьезных внешних угроз. И консолидация этого пространства, и последующее его усложнение, и наметившаяся дифференциация проходили в основном под влиянием внутренних причин, а не под внешним давлением. Однако в XIII веке Роуськая земля утрачивает свое исключительное положение самой интегрированной политически и культурно (как внутри, так и с внешним миром) части Северной Евразии и относительный иммунитет от вторжений извне. На северо-западе колонизация побережья Балтики рыцарями Немецкого (Тевтонского) ордена и шведскими рыцарями привела к прямому столкновению интересов с Новгородом, который также рассматривал населенные финскими и балтскими язычниками территории как свои колонии. На западе “буферные” лесные территории трансформировались в важнейшую самостоятельную политическую силу, когда в XII веке происходит консолидация балтских племен “литвы”. Однако главной угрозой Роуськой земле стало монгольское нашествие с юго-востока, со стороны степи. Впрочем, в XIII веке политика в Северной Евразии окончательно выходит за рамки, установленные экологическими нишами, и “лес” перестает служить непреодолимой преградой для “степи”. Новые политические образования возникают в результате манипулирования отличиями и солидарностью между различными группами населения, а не благодаря однообразию природных условий.

Еке Монгол улус (более известный как Империя Чингисхана), возникший в начале XIII в. в Юго-Восточной Сибири, в определенном отношении оказался политическим и культурным феноменом, аналогичным Роуськой земле, сформировавшейся в X в. на востоке Европы. Оба политических образования стали важными этапами в процессе трансформации Северной Евразии из географической абстракции во внутренне структурированное культурное и политическое пространство, интегрированное в окружающий мир. Как и Роуськая земля, Еке Монгол улус являлся самобытным и во многом беспрецедентным экспериментом по консолидации крайне культурно разнообразного населения в единое целое. Их столкновение и борьба были конфликтом разных культур, экономических систем и политических сценариев.

Даже самоназвание западной и восточной версии самоорганизации “неисторической” части Северной Евразии характерным образом отличались: “Роуськая земля” подразумевала политическое оформление определенной территории, а “Еке Монгол улус” – “Великий монгольский улус” – подчеркивал единство населения (улус – монг. *люди, племя, народ, отряд, войско*, и лишь в переносном значении *государство*). Однако итогом их продолжительной борьбы стал определенный синтез разных традиций государственности и постепенная интеграция западных и восточных окраин.

Кочевники восточной части континента не однажды принимали активное участие в исторических процессах в его западной части. Мигрируя из-за Урала, отдельные племенные объединения переправлялись через Волгу, пересекали степи северного Прикаспия и Причерноморья и перебирались дальше на запад через Карпаты в долину Дуная, или на юго-запад – в Малую Азию или на север Балкан. В описываемый в прошлой главе период этот путь проделали венгры – угорские племена, родственные таежным охотникам ханты и манси, которые оставили леса и занялись степным скотоводством. В XIII в. они уже являлись христианами-католиками, оседлыми обитателями Венгерского королевства, возникшего на территории, прежде занимаемой кочевым Аварским каганатом, а до того – западным крылом кочевого Тюркского каганата.

За венграми последовали печенеги – конгломерат тюркских, ираноязычных и угорских племен. Около столетия они терроризировали подвластное киевским князьям население лесостепной зоны, но с середины XI в. начинают оседать на южных границах Роуськой земли в качестве союзников местных князей. Они известны по летописям как “черные клобуки” (черные капюшоны) и являются одними из вероятных предков запорожских казаков позднейшего времени. Часть печенегов, продолжавшая кочевать в степях Придонья, вытесняется новой волной пришельцев и мигрирует дальше на запад – в Чехию и Венгрию, где печенежские ханы занимают высшие государственные должности и даже получают в управление область города Пешт.

Пришельцы, потеснившие печенегов – торки, представители западной группы тюрков-огузов. Племена огузов участвовали в процессе тюркизации старинных культурных центров Центральной Азии, заложив основу каганатов Караханидов и Газневидов, упоминавшихся в начале этой главы, а в дальнейшем распространили тюркский язык и культуру на значительную часть Ближнего Востока и Закавказья.

Однако торки, пришедшие в восточноевропейские степи, сами разделили судьбу печенегов: менее чем через столетие им самим пришлось покинуть свои кочевья и бежать в Византию, приняв ее подданство, или осесть в Роуськой земле, влившись в состав полуседлых дружественных пограничных племен.

Торки отступили под натиском половцев – представителей тюркоязычных кипчаков. Название “половцы”, наиболее вероятно, происходит от древнеславянского “половый” – желтый и, скорее всего, является переводом самоназвания “желтых кипчаков” (сары кипчак): то ли из-за цвета волос, то ли из-за южного (“желтого”) расположения исходной родовой территории. Десятки разрозненных племенных союзов кипчаков в XI веке доминировали на обширной степной территории от Алтая до Дуная, что дало основание персидскому автору Насиру Хосрову назвать всю эту обширную территорию Дешт-и-Кыпчак – “кипчакская степь”. Кипчаки не представляли политического или хозяйственного единства: часть вела оседлый образ жизни и населяла большие торговые города, часть кочевала, между племенами вспыхивали острые конфликты. Однако примечательно, что именно с кипчаками связано появление самого представления о единстве и самобытности Великой степи. Впервые вместо образа отдельных хищных орд, появляющихся “из ниоткуда”, из враждебного и неведомого внешнего мира, на универсальную культурную карту наносится степь как упорядоченное пространство с населением, живущим по своим законам и обычаям.

Вслед за печенегами и торками половцы прошли стадию экспансии и острой конфронтации с южными княжествами Роуськой земли, сменившуюся установлением более тесных контактов и даже союзнических отношений между отдельными князьями и ханами. Точно так же, как торки и печенеги, кипчаки оказались сметены новой кочевой силой, пришедшей с востока, – монголами. Однако монголы кардинальным образом отличались от всех своих предшественников, и последствия их нашествия для политических образований, оказавшихся на их пути, были совсем иными.

К началу XIII в. ничто не предвещало, что спустя всего несколько десятилетий монголы встанут во главе самой обширной империи в истории человечества. Первоначально монголоязычные племена обитали в долинах, стиснутых горными хребтами Южного Забайкалья, между реками Аргунь и Онон. В VIII в. большая часть монгольских племен откочевывает на юг, расселяясь по соседству с тюркскими и тунгусскими племенами, и в последующие три

столетия демонстрируют тенденцию к разрозненности и взаимным конфликтам.

Степи к востоку от Алтая, в которые переселились монголы, к этому времени вот уже более тысячи лет находились в сложном симбиозе с оседлой китайской культурой. Собственно, именно благодаря развитию мощной китайской цивилизации этот регион и смог превратиться в своеобразный “инкубатор” кочевых племен, “излишки” которых в результате политических или экологических кризисов выталкивались на запад по евразийскому степному коридору в виде все сокрушающих на своем пути кочевых орд, доходящих до западных окраин континента – и в конце концов мирно оседающих и ассимилирующихся там. Как уже не раз подчеркивалось в этой книге, высокоспециализированное кочевое скотоводство не может существовать без постоянного получения продуктов земледельческой экономики, осуществляющегося путем набегов, торговли или сбора дани. Развитие китайской цивилизации оказалось мощным экономическим и культурным магнитом, буквально притягивавшим северных кочевников, ряды которых росли за счет миграции оседлых и полuosедлых племен с севера (из лесов Сибири) и севера-востока (из Маньчжурии). Экономический успех Китая означал расширение возможностей для кочевых народов, которым доставалось все больше добычи. Политическое объединение Китая заставляло объединяться и кочевников, кризис и разруха в Китае приводили к распаду мощных кочевых конфедераций. Само пространственно-политическое воображение кочевников структурировалось той ролью, которую играл для них Китай: традиционная дуальная организация кочевых конфедераций предполагала деление на левое и правое крыло, и левое (старшее) крыло располагалось на востоке, а правое – на западе. Таким образом, союз кочевников был развернут “лицом” на юг, к Китаю, имея в тылу далеко не всегда дружественные тюркские и тунгусские племена Сибири.

Первое централизованное китайское государство было создано в 221 г. до н.э., а первая “кочевая империя” хунну (сюнну) возникла в 209 г., 12 лет спустя. Могущественный Тюркский каганат сформировался к 552 году, что уже, в свою очередь, дало толчок к объединению находящегося в раздробленном состоянии Китая под династией Суй в 581 г., а пришедшей на смену династии Тан пришлось иметь дело с Уйгурским каганатом на севере. В эти эпохи, когда объединенному Китаю противостояли многоплеменные кочевые конфедерации, в степи не оставалось места для неприсоединившихся племен, и граница с

Китаем четко разграничивала “кочевников” и “оседлых” (“варваров” и “цивилизацию”). В периоды политической раздробленности в Китае на севере возникали “гибридные” государства: приграничные племена (в основном, маньчжурские) устанавливали политический контроль одновременно над кочевым населением степи и оседлым китайским населением. Им удавалось сохранять управление своими государствами благодаря разделению системы управления на китайскую и кочевую. Китайцы подчинялись китайским чиновникам и китайским традициям, однако верхушка государства состояла из представителей племенной аристократии захватчиков. Эти государства стремились обезопасить себя от конкурентов по выкачиванию ресурсов из Китая и поддерживали в степи состояние анархии и племенной раздробленности. В отличие от собственно китайских династий, игнорировавших кочевой мир до того момента, пока он не начинал представлять открытую угрозу, тюркские и маньчжурские правители Китая активно вмешивались в хорошо знакомую им степную политику. Они старались не допустить усиления какого-либо племенного союза и стремились уничтожить наиболее успешных кандидатов на образование новой степной конфедерации – самостоятельно или руками их противников в степи.

Именно в такой период поддерживаемой извне раздробленности степи и фрагментации Китая монголы и оказались вовлеченными в большую степную политику. В 840 г. распался Уйгурский каганат – последняя значительная конфедерация кочевников, а в 907 г. пала некогда могучая китайская империя Тан. На смену ей в Китае (по красноречивому определению тамошней историографии) пришла “эпоха пяти династий и десяти царств”. К началу XIII в. на территории бывшей империи Тан существовали три крупных государства: империя Цзинь, созданная чжурчжэнями – тунгусскими племенами, которые присоединили обширные территории Северного Китая к своим владениям в Маньчжурии и Приамурье; Си Ся (Западное Ся) – государственное образование тангутов, народа тибето-бирманской языковой группы, к западу от Цзинь; и собственно китайская империя Сун к югу. Из них доминирующее положение занимала империя Цзинь, проводившая агрессивную политику как на юге, против Сун, так и в степи. После того, как в первой половине XII в. Хабул-хаган – прадед Чингисхана – впервые объединил большинство монгольских родов в “Хамаг монгол улус”, разгромил карательную экспедицию империи Цзинь и начал совершать набеги на земли империи, чжурчжэньские правители серьезно обеспокоились. Хотя монгольская конфедерация

распалась после смерти Хабул-хагана, с середины XII в. императоры Цзинь начали проводить в степи политику “сокращения совершеннолетних”. Каждые три года армия чжурчжэней вторгалась в степи Восточной Монголии для проведения карательных экспедиций: мужское население кочевников истреблялось или угонялось в рабство. При этом в качестве союзников против угрожающе усилившихся племен чжурчжэни привлекали более слабые племена, награждая их вождей имперскими титулами. Бывшие титулованные союзники могли стать целью следующей карательной экспедиции, а бывшие разгромленные враги – мстительными помощниками имперских сил. Например, в 1196 г. цзиньские войска выступили против племен центральноазиатских (вероятно, монгологоворящих) татар и предложили предводителю небольшого монгольского улуса Темучину (будущему Чингисхану) принять участие в экспедиции. Темучин принял это предложение, тем более что считал татар виновными в смерти своего отца. В результате удачного похода Темучин усилил свой авторитет среди монголов, однако уже в 1198 г. последовала новая экспедиция чжурчжэней в степь – на этот раз против родственного клана Темучина монгольского племени.

Такова была обстановка в степи, когда в 1180-х годах Темучин начал собирать вокруг себя преданных последователей. Данные о дате его рождения противоречивы: по одним сведениям это был 1155 г., по другим – 1162. Подростком он потерял отца, а вслед за этим и родовые земли и стада. Семья бедствовала, Темучин едва спасся от преследовавших его убийц, и лишь поддержка вождя родственного племени – бывшего побратима отца – спасла Темучина и его семью. История его двадцатилетнего восхождения к вершинам власти над степью – это история бесчисленной череды коалиций с дружественными племенами против враждебных. Причем целью столкновений являлось не уничтожение или разорение соперников, а включение их в состав собираемой конфедерации племен – поэтому побежденным, вопреки обычаям степи того времени, обычно сохраняли жизнь. В 1206 г. в верховьях реки Онон, на родовых землях монголов, был созван съезд представителей знати всех племен (курултай), на котором Темучин был провозглашен правителем всех кочевников с новым титулом – Чингисхан. (До сих пор не вполне понятно, что означает этот титул, во всяком случае ясно, что Чингисхан хотел подчеркнуть свое отличие от всех предыдущих степных владык.)

В 1211 г. Чингисхан начинает полномасштабное наступление на империю Цзинь. В 1219 г. следует поход в Среднюю Азию против госу-

дарства тюркского правителя хорезмшаха, которое к 1200 г. превратилось в огромную империю, поглотившую большую часть владений Караханидов и Газневидов, простираясь от западного Ирана и Азербайджана до восточной Индии. Победоносная война растягивается до 1224 г., но сам хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед II уже в 1220 г. бежал от монголов, и Чингисхан отправляет на его поиски 30-тысячный экспедиционный корпус под командованием военачальников Джэбэ и Субэдея. В 1220–1224 гг. этот отряд прошел огромный путь. Дойдя до южного побережья Каспийского моря, преследователи узнали о смерти Ала ад-Дин Мухаммеда. Чингисхан приказал продолжить поход – очевидно, с разведывательными целями. Войска Джэбэ и Субэдея вторгаются в Закавказье, одерживая победы над силами армянских князей и армией грузинского царя Георгия IV Лаша, и пробиваются на Северный Кавказ. В степях Северного Прикаспия монголы разгромили силы оседлых алан и кочевников-половцев, а на реке Калке в Приазовье – объединенное войско роусьских князей, пришедшее на помощь половцам. Отправившись было вслед за остатками разбитого противника к Киеву, Джэбэ и Субэдей повернули свой поредевший в походах отряд обратно, на восток. Переправившись через Волгу, монголы потерпели жестокое поражение от Волжских булгар – в результате, по некоторым данным, лишь 4000 воинов вернулись из похода. Тогда же, в 1224 г., Чингисхан возвращается с войском на восток, продолжить войну в Китае. На этот раз он повел свое войско против западного

соседа Цзинь, тангутского царства Си Ся, опасаясь заключения союза между этими старыми соперниками, что затруднило бы его главное дело – победу над чжурчжэнями. Во время кампании в западном Китае Чингисхан и умер в конце лета 1227 г.

Какие цели преследовал Темучин-Чингисхан? С одной стороны, биографические сведения о нем, записанные младшими современниками Чингисхана, параллельно с идеей его “богоизбранности” особо подчеркивают его личное непримиримое отношение к предателям и предательству – независимо от того, в чьих интересах оно было совершено. Ему пришлось столкнуться с предательством в раннем возрасте (татары отравили отца, который был их гостем, глава родственного монгольского клана разорил его семью и едва не убил его самого). С тех пор он методично мстил за предательство – преследуя ли татар, или вторгаясь в среднеазиатскую империю хорезмшаха Ала ад-Дин Мухаммеда II после того, как тот приказал казнить мирное монгольское посольство (что являлось проявлением вероломства с точки зрения

Чингисхана). Последний случай может показаться особенно иррациональным решением, поскольку ради спонтанного похода на огромное государство Хорезмшаха Чингисхан прервал длительную войну против Цзиньской империи, к которой он готовился много лет, и перебросил почти все свои силы за тысячи километров на запад. А после бегства Ала ад-Дин Мухаммеда отправил на его поимку значительную часть своей армии, ослабив силы, подавлявшие сопротивление хорезмской армии. Можно предположить, что стремление установить справедливость и закон в подвластном степном мире сделало Чингисхана особенно нетерпимым к случаям вероломного нарушения правил и договоренностей. “Непропорциональной” реакцией на эти нарушения стало начало масштабной военной экспансии, когда погоня за одним вероломным политиком (хорезмшахом) привела монгольские войска за много тысяч километров на запад, в Восточную Европу и на Кавказ.

С другой стороны, анализируя политическую ситуацию в степи в период возвышения Чингисхана, приходится признать, что он действовал наиболее прагматичным образом, пытаясь нейтрализовать главные угрозы себе и своему клану. Рассматривая чжурчженей как главную опасность, он начал объединение кочевников. Однако вместо традиционной политики консолидации родственных монгольских племен – неизбежно вызывающей опасения и противодействие со стороны тюркских и тунгусских народов – Чингисхан провозгласил возрождение Тюркского каганата полутысячелетней давности. Память о нем сохранялась только в китайских хрониках и преданиях степняков, однако идея объединения “народов, проживающих за войлочными стенами” (то есть в юртах кочевников) оказалась популярной. Готовясь к столкновению со считавшейся непобедимой Цзиньской империей, Чингисхан сумел в основном мирным путем подчинить своей власти не только многочисленных обитателей степей, но и племена Южной Сибири, включая лесных жителей (бурят-монголов, тюркоязычных енисейских киргизов). Чтобы эта сложносоставная конфедерация племен не рассыпалась, в 1203–1206 гг. Чингисхан ввел единую систему деления населения новой конфедерации племен на десятки, сотни и тысячи. Само по себе десятичное деление было традиционным принципом организации войска кочевников Северной Евразии, однако Чингисхан распространил его и на семьи: отныне “сотней” называлось такое количество населения, которое выставляло сотню воинов. Тем самым создавалась единая социальная структура, не совпадающая с границами традиционных родоплеменных иерархий кочевников.

На высшие посты Чингисхан назначал, главным образом, особенно доверенных и доказавших эффективность сподвижников, а не представителей родовой знати. Наиболее четко приоритет новой структуры над старой родовой организацией проявился в армии: командирами назначались не старшие родичи, а заслужившие продвижение бойцы, в отряды сводили представителей разных племен, переходить из отряда в отряд было запрещено, действовала жесточайшая дисциплина, которая регламентировала даже порядок грабежа захваченных городов.

Что бы ни двигало лично Чингисханом – иррациональное стремление к власти и установлению справедливости или прагматичный расчет, он сыграл ключевую роль в создании принципиально нового типа кочевого общества с высокоразвитой государственностью. В отличие от традиционных степных конфедераций, центральная власть скрепляла его не только “снаружи”, в сфере взаимодействия с внешним миром, но и “изнутри”, дублируя или даже замещая традиционные иерархии родства. Впервые созданная кочевниками политическая организация оказалась настолько прочной, что позволила поглощать огромные территории высокоразвитых оседлых обществ без автоматического заимствования местных политических институтов и немедленной культурной ассимиляции. То, что эта политическая организация была использована для небывалых по своим масштабам и разрушительности завоевательных походов, являлось результатом стечения обстоятельств, но также и свойств созданного Чингисханом государства. Завоевания “монголов” – отныне это племенное наименование начинает обозначать политическое многоязычное сообщество – принципиально отличались от прежних набегов кочевников.

Начиная с первых веков н.э., после распада первой “кочевой империи” хунну, волны кочевников-переселенцев из восточных степей достигали долины Дуная или разбивались у границ Византии. После распада очередной степной конфедерации их гнала на запад междоусобица и “перепроизводство” кочевников в монгольских степях, достигнутое благодаря повышенной норме “прибавочного продукта”, который удавалось получать из Китая в предшествующий период. Кочевники не умели осаждать крепости, плохо противостояли организованной регулярной армии, поэтому они продвигались на запад мимо укрепленных городов-оазисов Средней Азии, пока не попадали в плодородные Заволжские степи. Приход следующей волны с востока толкал их дальше, через Волгу, Дон, Днепр... Пока они не сталкивались со столь же организованной государственной силой, как и Китай далеко

на востоке – с Византией. Возникшая со временем Роуская земля, несмотря на отсутствие жесткой централизации и координации политического пространства, оказалась достаточно сильным противником для кочевников-переселенцев, которого им не удавалось систематически эксплуатировать.

Монгольскую же армию не останавливали городские укрепления государств оседлого населения. В результате завоеваний в Китае и Средней Азии они переняли от побежденных противников сложные стенобитные и осадные орудия, которые широко использовали в дальнейшем. Но и до получения военных машин армия Чингисхана успешно справлялась с захватом крепостей, причем сравнительно недорогой для себя ценой. Разоряя окрестные деревни, воины Чингисхана сгоняли местных жителей с мест, сея панику в тылу противника, а здоровых мужчин использовали для рабского труда и в качестве живого щита: безоружных, их толпами гнали на приступ городских стен под страхом смерти. Гарнизон растрачивал стрелы и камни на отражение атак отчаявшихся рабов, их тела заполняли рвы. В результате сами монголы шли на приступ уже обессиленного и деморализованного гарнизона.

Отличались от предшественников и действия основы монгольской армии – конницы. Конное войско кочевников включало в себя всех дееспособных мужчин, которые вступали в битву под командованием старшин рода, и сражение распадалось на множество индивидуальных стычек без единого плана и руководства. Жесткая организация монгольской конницы по четкому принципу формальной армейской иерархии, а не родовым группам, создала из нее регулярное войско, превосходящее сражавшиеся преимущественно в пешем строю регулярные армии оседлых государств. Действия монгольских воинов были гораздо более скоординированными и управляемыми на всех этапах сражения, чем действия других кочевников. Командир отряда всегда находился на возвышении позади войск, управляя боем.

Наконец, в отличие от стихийного грабежа имущества противника, практиковавшегося обычно во время набегов кочевников, ради которого воины могли забыть о преследовании врага или замешкаться с отступлением, в армии Чингисхана распределение добычи четко регламентировалось. Запрещалось заниматься грабежом до завершения сражения, а по окончании фиксированная доля изымалась в пользу великого хана и военачальника, а около четырех пятых награбленного распределялось между воинами. Причем в расчет принимались и погибшие – их доля отправлялась семьям домой. Эта схема полностью переворачивала

традиционную “политэкономия” набегов, когда львиная доля добычи доставалась хану, который перераспределял ее среди знати, а те далее, по цепочке родовой иерархии, что и создавало материальную основу властных отношений в кочевой конфедерации. Рядовые воины старались урвать себе часть добычи до того, как она попадет к хану, во время или даже вместо битвы. Чингисхан создал институты власти, независимые от традиционной экономики пожалований, а потому отдавал львиную долю награбленного войску, создавая колоссальную дополнительную мотивацию к сражениям и новым завоеваниям.

Так что первоначальная экспансия монголов в Китай и Среднюю Азию под руководством Чингисхана, за которой далеко не всегда следовала оккупация (как и в случае набегов предшествовавших кочевых конфедераций) могла объясняться разными причинами, подчас даже случайными обстоятельствами. Однако перечисленные выше новшества, введенные Чингисханом, создали иную логику и даже иную экономику войны. Целенаправленная военная экспансия оказывалась выгоднее пастушеского скотоводства для большинства кочевников, а не только для верхушки знати. Захват власти на завоеванных территориях и оккупация позволяли забирать все, не довольствуясь больше подачками, которыми откупались оседлые государства от набегов кочевников в прошлом.

Весной 1235 г., через восемь лет после смерти Чингисхана, был созван великий курултай на берегу Онона (в районе современного Нерчинска), который должен был подвести итоги войн против империи Цзинь и государства Хорезмшахов и принять решение о дальнейших действиях. Главная угроза кочевникам монгольских степей – чжурчжени – была устранена, не было по соседству больше и могучих земледельческих государств, для эксплуатации которых требовалось бы объединение кочевников в единую конфедерацию. Однако созданное Чингисханом надплеменное государство, центральным элементом которого являлась наступательная военная машина, уже обрело собственную логику существования. Если по соседству не оставалось процветающих земледельческих держав, следовало доставить военную машину монголов к тем, что были на расстоянии. На курултае было принято решение продолжить наступление сразу на четырех фронтах: на восток – против королевства Корё на Корейском полуострове; на юг – против китайской империи Сун; на юго-запад – против Аббасидов и далее на Ближний Восток; и на запад – против Дешт-и-Кыпчак и его соседей (включая Волжскую Булгарию и Роуськую землю, специально

упоминавшиеся среди целей агрессии). В отличие от прежних волн кочевников, расходившихся из монгольских и центрально-азиатских степей, монгольское нашествие было не массовой миграцией вооруженных беженцев, а целенаправленной экспансией организованных захватчиков.

Вопреки распространенным представлениям, монгольские завоевания не были молниеносным “блицкригом” или нашествием бесчисленных орд. К моменту смерти Чингисхана в 1227 г. монгольская армия насчитывала около 130 тысяч воинов и, вероятно, лишь вдвое больше спустя тридцать лет, когда под властью наследников Чингисхана оказалась половина Евразии. Несмотря на нередкие случаи, когда города буквально стирались с лица земли и опустошались целые провинции, основой монгольской экспансии было политическое подчинение местных правителей на договорной основе.

Так, монгольские войска совершили шесть походов в Корею, прежде чем в 1258 г. правители Корё сдались и был подписан договор 1270 года, по которому Корё признавалась данником и вассалом новой (монгольской) династии Юань в Китае.

Само Великое Юаньское государство было основано в Китае внуком Чингисхана Хубилаем после завершения разгрома южнокитайской империи Сун в 1271 г. Покорение Сун началось сразу после курултая 1235 г. и также растянулось на несколько десятилетий.

Экспансия на Ближнем Востоке началась еще в ходе затяжной войны с Хорезмшахом, когда монголы начали завоевывать одно за другим вассальные государства огромной империи. После курултая 1235 г. был захвачен Исфахан в центральном Иране, а затем экспедиционный корпус нойона Чормагана повернул на северо-запад, вторгшись в Анатолию и на Южный Кавказ. Однако и на этом фронте монгольская экспансия развивалась постепенно на протяжении десятилетий, во многом по причине недостаточности людских ресурсов для покорения и контроля обширных густонаселенных территорий. Даже с привлечением войск вассальных и союзных правителей армия не сильно увеличивалась из-за потерь и необходимости оставлять гарнизоны в завоеванных городах. Когда в октябре 1253 г. внук Чингисхана Хулагу возглавил новый масштабный поход в Иран, его войско насчитывало лишь 70 тысяч человек. Правда, в дальнейшем вместе с ранее высланным авангардом и союзными частями общая численность монгольской армии могла быть в полтора-два раза больше. Лишь к концу 1257 г. армия Хулагу подчинила большую часть Ирана, в начале 1258 г. захватила и

жестоко разграбила Багдад, халиф которого отказался признать подчинение власти великого хана. После этого в союзе с христианскими государствами – Киликийской Арменией и Антиохийским княжеством крестоносцев – Хулагу занял Сирию и вторгся в Палестину, однако в 1260 г. отступил, узнав о смерти великого хана Мункэ. Монголам так и не удалось закрепиться в Сирии, хотя в 1300 г. внук Хулагу Газанхан довел войска до Газы и, по некоторым данным, занял Иерусалим, который обещал даже передать крестоносцам – но в итоге монголы были отброшены за Евфрат египетским султанатом мамлюков.

Лишь монгольский поход на запад 1236–1242 гг. поражает своей динамичностью, особенно по сравнению с растянувшимися на десятилетия попытками завоевания Кореи, Южного Китая или Ближнего Востока. За шесть лет завоеватели прошли в непрерывных сражениях восемь с половиной тысяч километров, от Алтая до Адриатического моря.

Задача завоевания Дешт-и-Кыпчак и соседних земель была поставлена самим Чингисханом еще в 1224 г., когда он разделил подвластные ему территории между сыновьями. Младший сын от первой жены, Толуй, получил родовые территории – “коренной юрт”. Третий сын, Угэдэй, должен был стать преемником отца. Второй сын Чагатай получил в удел уже завоеванные центральноазиатские владения, от уйгурских земель на востоке до Мавераннахра на западе, а старший – Джучи – получил Среднюю Азию и территории к северу (Западную Сибирь), а также все земли на запад, которые “будут завоеваны”. Передав под власть Джучи 9000 юрт (порядка 54 тыс. человек), Чингисхан приказал ему завоевать весь Дешт-и-Кыпчак за Уралом. Однако Джучи уклонился от этой задачи – по свидетельству одного персидского историка, возмущившись “безрассудством отца в отношении земель и людей”. Их отношения с Чингисханом настолько обострились, что против Джучи было снаряжено войско, и только его смерть при невыясненных обстоятельствах остановила карательную экспедицию. В 1229 г. новый великий хан Угэдэй направил экспедиционный корпус на запад, который дошел до Волжской Булгарии, вероятно, подчиняя Приуралье, но затем вернулся. Полномасштабное наступление за Урал силами всех монгольских улусов началось только после курултая 1235 г., зимой 1236 года.

Первоначально армия монголов насчитывала, вероятно, около 40 тыс. воинов, однако осенью она получила подкрепление, переброшенное из Ирана, а также к ней присоединились признавшие власть монголов народы (башкиры, племена кипчаков и часть мордвы). По

некоторым оценкам максимальный размер объединенного войска в западном походе достигал 120-150 тыс. воинов, хотя наиболее реалистичной выглядит цифра в 70 тыс., тем более что одновременно велись боевые действия еще на трех фронтах. Общее командование походом принял Бату (ок. 1209–1255/56), сын и наследник Джучи, к которому присоединились сыновья владетелей всех остальных улусов.

В 1236 г. монголы покоряют Волжскую Булгарию, опираясь на подчиненные уже территории Приуралья. Сначала правители эмирства добровольно подчинились завоевателям и даже получили подарки, но осенью произошло восстание булгар. Восстание было жестко подавлено, главные болгарские города были сожжены. Бежавшие от нашествия жители Булгарии были приняты великим князем Владимирским Юрием Всеволодовичем и расселены в волжских городах.

В 1237 г. монгольские войска устанавливают полный контроль в Заволжье, вплоть до низовий Волги, вытеснив половцев за Дон. Разделившись на четыре корпуса, монгольская армия нацеливается тремя корпусами на Роуськую землю, в районе Суздаля, Рязани и на юго-востоке, из половецкой степи на Дону, на Чернигов. С окончанием осенней распутицы в декабре 1237 г. монголы вторгаются в Рязанское княжество, разбивают его войско и 21 декабря захватывают и сжигают Рязань. В сражении принимает личное участие будущий великий хан Мункэ.

В начале января 1238 г. войска Батыя выдвигаются от Рязани в направлении Коломны на юго-запад, намереваясь взять в клещи сильное Владимиро-Суздальское княжество. В сражении у Коломны с войсками княжества погиб Кюльхан, сын Чингисхана от второй жены. Скорее всего, это значит, что в какой-то момент княжеская дружина смогла пробиться к командному пункту в тылу монгольских войск. Тем не менее владимирское войско было разбито, Коломна захвачена. 20 января после упорного сопротивления пала Москва, после недельной осады 7 февраля был захвачен и сожжен Владимир, затем армия Батыя прошла через княжество с востока на запад, от Переяславля до Твери. После двухнедельной осады 5 марта пал Торжок на юго-востоке Новгородской земли. Одновременно (4 марта) корпус под командованием темника Бурундая, совершавший рейд по северным районам Владимиро-Суздальского княжества, разгромил остатки войск великого князя Всеволода на реке Сить, к северо-западу от Углича.

В этой лесистой и заболоченной местности Всеволод назначил место сбора войск, посланных ему на подмогу братьями – Киевским

великим князем Ярославом и князем Юрьева-Польского Святославом, а также местным ополчениям. Не ожидая столь скорого появления монгольских войск, собравшиеся войска расположились на постой по деревням, разбросанным вдоль стокилометровой долины реки Сить. Лишь с запада – со стороны Твери и осажденного Торжка – лагерь прикрывал сторожевой отряд в 3000 воинов. Основной удар корпус Бурундая нанес с юга, смяв не успевшие построиться в боевые порядки полки. Разгром на реке Сить положил конец организованному сопротивлению монголам Владимиро-Суздальской земли, погиб и великий князь Юрий Всеволодович.

После захвата Торжка и битвы у Сити войска Батия выступили в сторону Великого Новгорода. Однако, не дойдя около 200 км до Новгорода, монголы резко повернули на юг. Возможно, их испугала вероятность встретить весну в центре заболоченной Валдайской возвышенности, а может быть, понесенные тяжелые потери и усталость людей и лошадей делали рискованным столкновение со свежими силами Новгородского княжества. Есть основания предполагать, что речь вообще шла только о преследовании беженцев из Торжка небольшим авангардом, и задача наступления на Новгород даже и не рассматривалась.

В условиях дефицита кормов ранней весной отступление в южные степи велось широким фронтом, отдельными туменами (дивизиями), двигавшимися разными маршрутами, через Смоленское, Рязанское и Черниговское княжества. В результате рассредоточенности войск, падения их боеспособности и приближения распутицы монголы избегали крупных городов на своем пути. Когда же они попытались захватить небольшой удельный город Козельск в Черниговском княжестве, осада растянулась почти на два месяца. Козельск удалось захватить ценой огромных потерь (до 4000 убитых осаждавших) только в мае, когда под его стенами соединились основные силы Бату.

После летней передышки, обеспечив себе безопасный тыл со стороны Волжской Булгарии и Рязани, осенью 1238 г. монгольская армия обрушивается на Дешт-и-Кыпчак: против черкесов, аланов и половцев в Северном Причерноморье и Приазовье. Зимой карательные экспедиции вновь доходят до Средней Волги, покоря не подчинившуюся ранее часть мордвы, заодно разоряя уцелевшие от разгрома поволжские города Владимиро-Суздальской земли. Новый набег был совершен и на Рязанское княжество.

В марте 1239 г. монголы захватили Переяславль на левобережье Днепра, прикрывавший путь на Киев с юго-востока, но основные

действия велись против оказывающих упорное сопротивление и высокоомобильных половцев. Осенью войска Бату вторгаются дальше на север через переяславские земли, в Черниговское княжество, 18 октября захватывают хорошо укрепленный Чернигов. В целом, был повторен маневр кампании против Владимиро-Суздальской земли: удар наносится не с восточных рубежей, уже занятых монголами, а с юга, рассекающий и берущий противника в клещи. После взятия Чернигова отряды Батия повернули на восток, к Путивлю, уничтожая форпосты на границе со степью. В конце декабря монголы занимают большую часть Крыма, где укрылись бежавшие от них половцы, дойдя до Сурожа (Судака). Еще 40 тыс. половцев во главе с ханом Котянном бежали от монголов в Венгрию.

В начале 1240 г. хан Мункэ во главе войска появился у стен Киева, очевидно, с целью рекогносцировки. Штурмовать город он не стал, лишь отправил князю послов с предложением мира. Зато весной объединенные силы ханов Мункэ и Гуюка направились на юг для захвата Дербента – “ворот” на Северный Кавказ. Монгольские войска стремились ударом с севера соединиться с наступавшим с юга корпусом Чормагана, который в 1239 г. захватил Карс и Ани в Закавказье – к тому времени вошедшими в состав Грузинского царства. Особых усилий потребовало взятие крупного аланского торгового города Манас, который монгольская армия осаждала три месяца.

После завершения покорения Кавказа и причерноморских степей летом 1240 г. великий хан Угэдэй отозвал обратно старших представителей улусов Чагатая и Толуя – Байдара и Мункэ, а также своего сына Гуюка, смертельно рассорившегося с Бату, вместе с их войсками. С владельцем Джучиева улуса и командующим походом на запад, Бату, остались лишь его братья, а также младший (шестой) сын великого хана Угэдэя (Кадан), внук Чагатая (Бури) и младший сын Толуя (Бучек). Таким образом, вторжение на запад, начатое как объединенный поход всех монгольских улусов под командованием наследников престолов, теперь оказалось преимущественно внутренним делом Джучиева улуса.

Кроме того, уход из половецких степей старших ханов должен был еще сильнее ослабить армию под командованием Бату. Потери монголов в результате кампании 1236–1240 гг. неизвестны, но они должны были быть очень тяжелыми. Монгольской армии пришлось штурмовать десятки хорошо укрепленных и отчаянно защищавшихся городов, сражаться в открытом поле с хорошо вооруженными армиями, совершать длинные изматывающие переходы. Если из четырехлетнего

похода корпуса Джэбэ и Субэдея (избегавшего крупных крепостей) вернулись домой лишь 13% воинов, вряд ли четырехлетняя кампания к западу от Урала была отмечена существенно меньшими потерями. Однако к осени 1240 г. под командованием Бату числилось лишь примерно в два раза меньше войск, чем в начале нашествия (от 40 до 70 тыс. человек по разным оценкам), а не 10-20 тыс. воинов, как можно было бы предположить (тем более после ухода старших ханов в Монголию). Единственным источником пополнений для монгольской армии были покоренные народы: известно, что мордовский контингент армии Бату дошел до Германии, с самого начала кампании на стороне монголов сражались башкиры. Булгары, половцы и, вероятно, аланы, не успевшие уйти от нашествия, вливались целиком в ряды армии Бату, когда их предводители погибали или принимали власть монголов. Вероятно, какое-то количество воинов предоставляли и те роуськие города, которые добровольно покорялись монголам, традиционно требовавшим “десятую часть во всем”, в том числе и воинские контингенты. Если в начале западного похода значительная часть полиэтничной монгольской армии состояла из тюркских, иранских и угорских племен завоеванной Средней Азии, то к концу 1240 г. большинство войска должно было уже быть укомплектовано разноплеменными уроженцами Восточной Европы.

Возвращение в Монголию “царевичей” могло стать поводом к прекращению экспансии на запад, но Бату решил продолжить поход с личными силами. С самого начала кампании он ставил конечной целью покорение Венгерского королевства и даже отправлял десятки посланий королю Беле IV с требованиями подчиниться. Возможно, покорение степей Паннонии должно было ознаменовать окончательное завоевание Дешт-и-Кыпчак и воплотить давнее обещание Чингисхана возродить великий Тюркский каганат, объединяющий всех кочевников. Кроме того, кочевая экономика требовала соседства с мощными и богатыми оседлыми обществами, способными концентрировать значительные ресурсы для выплаты дани. Бату отправлял угрожающие послания и императору Священной Римской империи Фридриху II, который явно больше подходил на роль эксплуатируемого оседлого партнера-соседа, чем враждующие правители дюжины роуських княжеств с общим населением меньше германских земель (ок. 6 млн.), к тому же разбросанным по необъятной территории.

Продолжение степного похода – за Днепр, Дунай и Карпаты – требовало безопасных флангов, и в ноябре войско Батыя нанесло удар по

Киеву, основной потенциальной угрозе у границ степи между Днепром и Днестром. Как и прошлые рейды в лесостепную зону, нападение было совершено не с уже завоеванных ближайших плацдармов на востоке (в случае Киева – от Переяславля и Чернигова), а берущим противника в клещи ударом с юга. Переправившись на правый берег Днепра (вероятно, у порогов), уничтожив пограничные поселения черных клобуков – осевших вдоль реки Рось и крестившихся печенегов и торков, – войска Батыя осадили и 6 декабря захватили Киев. Затем последовало покорение Галицко-Волынских земель, князья которых не оказали организованного сопротивления (некоторые бежали в Польшу и Венгрию). Часть городов удалось взять без боя, некоторые – Галич и особенно Владимир Волынский – пали после осады, а такие, как Кременец, не удалось захватить. Правители соседней Болоховской земли, напротив, вступили в переговоры с Бату и откупились от разорения предоставлением фуража для его армии. После передышки, в начале января 1241 г., армия Бату начала завоевание Венгерских земель.

Главным стратегом Западного похода считается Субэдей, старый полководец Чингисхана. Его тактика клещевых ударов с постоянной заботой о безопасности флангов, проявившаяся в кампаниях 1237–1240 гг., предопределила план захвата Паннонии, отгороженной от остальной степной полосы Дешт-и-Кыпчак стеной Карпатских гор, а с севера и запада граничившей с сильными потенциальными союзниками в Центральной Европе. Напрямую, через заснеженные горные перевалы, перегороженные засеками, в Венгрию отправился с небольшой частью армии сам Бату. Обходя Карпаты с юга, через Трансильванию и Валахию (традиционным путем всех переселенцев-кочевников) отправились отряды под командованием Кадана и Бучека. Субэдей остался с резервом. Главные же силы (два или три тумена) возглавил Байдар, обходя самые высокие горы с севера, через Польшу. Уже к середине марта 1241 г., разбив венгерский заслон, отряды Бату подошли к Пешту, где собиралось войско короля Белы IV. В это время корпус Байдара пробивался через польские земли, вынужденный вступать в неоднократные тяжелые сражения с отрядами польских воевод и князей. 9 апреля в сражении у Легницы была разбита польско-немецкая армия, командовавший ею князь Кракова Генрих Благочестивый был убит. После двухнедельной передышки остатки корпуса Байдара резко повернули на юг, в Венгрию. Почти одновременно, 11 апреля, соединившиеся с отрядом Бату силы Субэдея разгромили венгерскую армию на реке Шайо. Король Бела IV

бежал в Австрию, а затем в Далмацию, на берега Адриатики, куда в погоню за ним поспешил отряд Кадана, достигнув в марте 1242 г. самой западной точки монгольской экспансии.

Трудно сказать, насколько реалистичными были планы Бату утвердиться в Венгрии. С одной стороны, с лета 1241 г. на занятых территориях начинает устанавливаться монгольско-китайская система управления: назначаются наместники (даруги/баскаки), даже начинается чеканка ханской монеты. С другой стороны, взяв Пешт и небольшие города на юге, монгольской армии и спустя год после начала вторжения не удалось захватить два десятка укрепленных городов – чего никогда прежде не случалось. Собственно, монгольской армия Бату была лишь в политическом смысле, так как укомплектована была в основном выходцами из Русьской земли, Булгарии и половецких степей. (По словам хрониста, писавшего на лагыни, в ключевой момент битвы при Легнице кто-то из “монгольских” рядов “ужасным голосом” закричал “byegaucze, byegaucze” – искаженная транскрипция не позволяет понять, то ли по-польски “бегите”, то ли по-русски “убегайте”, – и польские рыцари запаниковали.) В какой-то момент убьель монгольских командиров могла стать критичной для боеспособности и управляемости армии. Расчет численности армий монголов обычно ведется по числу туменов – номинально насчитывавших по 10 тысяч воинов, но в реалиях затяжной войны могущих иметь лишь несколько тысяч боеспособных всадников. После тяжелых потерь в Польше и Венгрии наличных сил на удержание обширной территории, которую не удавалось даже полностью подчинить, могло не хватать. Рейд через Польшу позволил разбить венгерские силы, не опасаясь удара с тыла, но это было лишь временное тактическое достижение. Уже осенью 1241 г. происходят пограничные сражения с чешско-австрийскими, баварскими и германскими войсками, заставлявшими “монголов” отступать. Спустя год после начала вторжения, в марте 1242 г., когда ни одна из стратегических целей завоевания Паннонии не была полностью достигнута – не завоеваны ключевые города и не убит или хотя бы принужден к подписанию мира законный правитель – Бату получает весть, что 11 декабря умер великий хан Угэдэй. Учитывая, что Гуюк, старший сын Угэдэя и главный недруг Бату, уже полтора года находился в Монголии и был наиболее вероятным наследником, Бату мог оказаться в ловушке, запертый Карпатами от ресурсов Дешт-и-Кыпчак в малонаселенной Венгрии. Монгольская армия срочно оставляет Венгрию, отступая самым южным путем, через еще не разоренный север Балкан,

по территории Болгарского царства (заодно принуждая его правителя признать себя вассалом монгольской державы).

Отказавшись от планов обосноваться в Паннонии у границ Священной Римской империи (подобно кочевым конфедерациям монгольской степи у границ китайских царств), Бату делает центром своего улуса Нижнюю Волгу, как и другие правители Дешт-и-Кыпчак до него. Это позволяло контролировать традиционные торговые пути и степи от Северного Кавказа до Урала. (Восточные “коренные” территории улуса за Уралом и до Иртыша управлялись соправителем Бату, его старшим братом Орду.) Опасения Бату по поводу прихода Гуюка к власти полностью оправдались: после периода междуцарствия на курултае 1246 г. он был избран великим ханом, а в 1248 г. повел войско против Бату. Первая гражданская война в Великом монгольском улусе закончилась, едва начавшись, поскольку Гуюк внезапно умер в походе. В 1251 г. великим ханом был избран друг Бату Мункэ. Его поддержал не только Бату (пославший три тумена для придачи весомости своей поддержки), но и многие представители других улусов – ветераны Западного похода. Однако смерть Мункэ в 1259 г. положила окончательный конец единству монгольской империи. В 1260 г. один за другим созываются два курултая – один в завоеванном Китае, другой в столице империи Каракоруме – на которых преемниками Мункэ провозглашаются младшие сыновья младшего сына Чингисхана, Толуя: ведущий завоевание Южного Китая Хубилай и хранитель родовых земель Ариг-Буга. Последовавшая война между Хубилаем и Ариг-Бугой переросла в конфликт всех четырех улусов, поддерживавших разных претендентов на великое ханство. Фактически монгольская империя распадается и погружается в гражданскую войну. Прекращение открытых столкновений между улусами и формальное признание всеми в 1304 г. великим ханом Тэмура – владыки империи Юань в завоеванном Китае – принесло формальное примирение. Однако империя на деле представляла собой теперь полусвободную конфедерацию фактически самостоятельных улусов. В XIV в. улусы начинают все сильнее дробиться, новые династии постепенно утрачивают даже формальные связи с монгольской политической традицией, а в 1368 г. в результате Восстания Красных повязок приходит конец фактически общекитайской Юаньской династии и формальному титулу монгольского великого хана.

Возникновение и экспансия Монгольской империи превратили Северную Евразию – от Тихого океана до Адриатического моря – в единое пространство политического и культурного взаимодействия как в опыте

нескольких поколений современников, так и в воображении позднейших историков и философов. Беспрецедентные по масштабу перемещения разнокультурного населения и обмен технологиями хозяйствования и управления радикально трансформировали карту континента. В то же время перекраивание границ в ходе монгольских завоеваний оказалось во многом ограниченным контурами старых исторических регионов. С одной стороны, это объяснялось тем, что пространственное воображение монголов само было структурировано в категориях древних “земель”. С другой стороны, монгольская экспансия основывалась на подчинении существовавших династий и правительств, с установившимися административными и хозяйственными связями и границами. Так, изначально улус Джучи включал в себя земли Хорезма и весь Кавказ, однако в результате гражданской войны 1260-х гг. границы между улусами Джучи и Чагатая (т.н. державой Ильханов) оказались удивительно близкими границам великих ближневосточных держав былых эпох, включавших в себя как Мавераннахр на северо-востоке, так и Южный (а иногда и Северный) Кавказ на северо-западе. Вот только территория к северу от древних оседлых местностей была уже не просто полосой степей, поделенных кочевыми племенами, а политически высокоорганизованным обществом, объединенным общей культурной средой, основанной на письменности и (начиная с XIV в.) монотеистической религии.

Интеграция внутренних степных и таежных регионов континента в общее культурное пространство в результате политической самоорганизации и последующего вторжения привела к колоссальным социальным потрясениям от Китая до Европы. Однако трудно дать однозначный и одинаково применимый ко всем случаям ответ на вопрос, в какой степени монгольское нашествие оказалось деструктивным фактором, а в какой – конструктивным. Вероятно, сама постановка вопроса является некорректной, так как предполагает некое исходное статичное состояние, которое монголы “ухудшили” или “улучшили” с некой объективной точки зрения “исторического прогресса”. Конкретный пример западной части Джучиева улуса, известной как Золотая орда, демонстрирует всю двусмысленность вопроса о роли монголов.

Сохранившиеся свидетельства, включая археологические данные, до сих пор питают взаимопротиворечащие и в основном спекулятивные выводы о том, насколько губительно оказалось воздействие монгольского завоевания для государственных образований к северу от степной зоны – Волжской Булгарии и Роусьской земли. Можно лишь

констатировать, что в середине XIII в. Волжская Булгария была включена в состав Золотой орды, а часть княжеств Роуськой земли – прежде всего, северо-восточные земли – стали вассалами ханов орды (широко известное “татаро-монгольское иго”). При этом полностью исчезают даже следы возникавших в степях Северного Кавказа и Причерноморья политических образований кочевников (половцев, алан, черкесов), которые в это время создавали сложные общества с диверсифицированной экономикой. Лишь из монгольских источников известно о больших торговых городах в степи, которые войска Бату захватывали с большим трудом после многих недель осады. Судя по хронологии походов в рамках кампании 1236–1240 гг. и удельной доле упоминаний разных направлений экспансии в текстах, созданных в монгольском лагере (в том числе европейскими путешественниками), главные усилия и время были затрачены на покорение населения Дешт-и-Кыпчак, которое оказывало захватчикам ожесточенное организованное сопротивление. В отличие от “обычных” поглощений одной кочевой конфедерации другой, более сильной, с переподчинением сохранившихся родовых иерархий новому хану, для полуоседлого населения степи с элементами формальных государственных институтов монгольское вторжение означало уничтожение всего жизненного уклада.

По контрасту с этой тотальной катастрофой степного общества кажется примечательной реакция правителей Роуськой земли на монгольскую угрозу. Дело не только в том, что эта угроза не подтолкнула князей к сплоченному выступлению против агрессора – на что традиционно сетует национацентричная историография, воспринимающая Роуськую землю как политически раздробленную единую этнокультурную нацию. Нет никаких свидетельств и того, что появление в степи армии Бату и даже проведенные им рейды воспринимались как главная проблема момента. Судя по русским летописям, монголы никак не изменили обычную политическую жизнь Роуськой земли.

К примеру, между 1235 г., когда на курултае было принято решение о западном походе, и захватом монголами Киева в 1240 г. Киев четыре раза менял правителей, каждый раз в результате вооруженного столкновения, наносящего урон укреплениям и защитникам города. Особенно разрушительным был штурм города 1235 г. князем Изяславом Черниговским, но и он произошел после того, как в 1203 г. Киев – включая церкви и монастыри верхнего города – был разграблен и сожжен смоленским князем Рюриком Ростиславовичем, а жителей угнали в плен его половецкие союзники. Причем сменявшиеся на киевском престоле

князя ничуть не беспокоились об укреплении города, а последний из них до завоевания Бату, Даниил Галицкий, вообще лично не находился в городе, оставив вместо себя тысяцкого Дмитра. Один из киевских князей времен монгольского нашествия – Ярослав Всеволодович, брат убитого на реке Сити великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича, – принял владимирское княжение после смерти Юрия. Спустя всего год после разорения Владимиро-Суздальского княжества монголами, зимой 1239 г., Ярослав Всеволодович смог собрать значительное войско и отправиться в завоевательный поход на Смоленск.

Таким образом, хотя монгольские рейды 1237–1240 гг. могли быть гораздо более разрушительными, чем междукняжеские набеги, и приводить к большим жертвам в силу большей численности участвующих войск, они не воспринимались современниками как принципиально новая угроза. Монгольское вторжение или соседство не становилось стимулом для политического объединения – или хотя бы поводом отказаться от очередного набега на соседнее роусьское княжество. Монголы захватывали и сжигали города (в большинстве которых население не превышало 1 тыс. человек) – но это же регулярно делали и соседние роусьские князья. Оккупация лесной и даже лесостепной территории не интересовала кочевников, и после нанесения ударов по владениям, граничившим с Улусом Джучи (включая Владимиро-Суздальское княжество, соседствовавшее с булгарскими землями, включенными в улус), сколько-нибудь масштабных столкновений новых правителей степи с северными соседями не было более десятилетия. Монголы оказались включены в давно сложившуюся политическую реальность всеобщей конкуренции и временных альянсов Роусьской земли, в которых фактор этнокультурной солидарности всегда играл минимальную роль.

В этой ситуации часть князей сделали важный стратегический выбор и признали себя вассалами монгольской империи. Это означало, что великий хан (а после 1266 г. – хан Золотой орды) являлся верховным арбитром в любых спорах между князьями (прежде решавшихся военным путем), а его представителем становился великий князь, чей титул подтверждался выданным ханом ярлыком (ярлык – монг. *zarlig*, указ, распоряжение). Как и в период складывания Роусьской земли, политическое подчинение выражалось в уплате фиксированной дани и предоставлении воинских контингентов, взамен монгольский правитель гарантировал справедливый суд и военную помощь. Нельзя сказать, что князья Владимиро-Суздальской земли, которые первыми признали верховную власть монголов (Ярослав Всеволодович и его сын Алек-

сандр Невский), сделали это без всякого принуждения со стороны Бату. Однако правитель непосредственно граничившей с Ордой Галицко-Волынской земли, князь Даниил Галицкий, смог избежать формального подчинения, несмотря на сильное давление, установив скорее союзнические отношения с Бату. Смоленское княжество подпало под власть Орды лишь после 1274 г., однако уже в 1340 г. предпочло перейти под сюзеренитет Великого княжества Литовского. Ряд княжеств находился в прямой зависимости от Орды, однако местные князья не претендовали на право представлять власть хана лично.

Оказалось, что монгольское присутствие может приводить к разным результатам, в значительной степени зависевшим от приоритетов взаимодействовавших с монголами политических сил. Представляя надплеменную империю с нейтральной конфессиональной политикой, Золотая Орда являлась воплощением высшей политической и военной силы, не менее, но и не более чуждой, чем любой другой кандидат на доминирование в регионе, будь то соседнее роуськое княжество, Польское королевство, Волжская Булгария или недавно возникшее Великое княжество Литовское. Изначальная патриархальная модель управления Роуськой землей (великий князь-отец и подчиненные ему князья-сыновья) делала в принципе невозможной политическую консолидацию отдельных земель после исчезновения отцовской фигуры старшего правителя: многочисленные княжества управлялись “братьями” с одинаковыми правами на наследие Рюрика. Как показывает калейдоскоп сменяющихся правителей Киева, не существовало одной легитимной “королевской” династии, представители которой могли бы бороться за подчинение младших аристократических родов по праву первородства или завоевания – важнейших принципов легитимации верховной власти в средневековом обществе. Признание главенства монгольской империи предлагало универсальное политическое решение, которым воспользовались многие правители в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Закавказье – и Владимирские великие князья в Роуськой земле.

Правители Северо-Восточных земель смогли использовать монгольскую поддержку для установления господства над своими соседями – давними соперниками, но также и для окончательного подчинения городских общин, для подавления которых использовались ордынские войска. Включение в политическую иерархию монгольской империи, ханов которой начали называть царями (подобно византийским императорам), повышало статус утвержденных ордой великих князей и создавало предпосылки для появления династии, стоящей выше всех

прочих наследников Рюрика. В перспективе эта династия могла претендовать на политическое наследство Золотой орды как ее наиболее жизнеспособная часть...

Однако одновременно с попыткой владимирских князей преодолеть системный кризис легитимности верховной власти в Роусьской земле за счет авторитета внешней и “нейтральной” власти монгольской империи в XIII в. появляется новая политическая сила, претендующая на господство в Восточной Европе на иных основаниях, – Великое княжество Литовское.

3.3. Литва: зарождение лесной монархии

Жаркие споры национальных историографий (особенно литовской и белорусской) о “национальной принадлежности” земель и племен, на основе которых возникло Литовское княжество, лишний раз подчеркивает непремennую поликультурность и полиэтничность любого успешного автохтонного политического объединения (то есть не имевшего предшествующей государственной традиции). Подобно Роусьской земле и Великому государству монголов, Литовское княжество возникло, когда стало невозможно продолжать использовать родовые связи в качестве социальных институтов для решения вставших перед обществом задач. Если находится способ наладить управляемое взаимодействие разных “племен” (то есть групп, не связанных общими иерархиями родства), то создается основа для построения государства почти любого размера. Как показывает сравнительно хорошо документированная история Роусьской земли или монгольской степи, в основе этого политического объединения должны лежать общие интересы местных властей (князей, родовой знати), а также умение использовать окружающую политическую и экономическую обстановку для общего блага. С этой точки зрения история стремительного возвышения Литовского княжества представляет особый интерес как пример политической и культурной самоорганизации земель, первоначально находившихся на периферии наиболее интенсивных исторических процессов своего времени. Поначалу не привлекая даже особо враждебного внимания соседей (точно не сравнимого с чжурчженской угрозой монгольским кочевникам), будущее литовское княжество во многом само создало острую политическую ситуацию в регионе. Преодоление кризиса сопровождалось становлением нового государственного образования, сумевшего в короткое время занять лидирующее положение в Восточной Европе.

Население юго-восточного побережья Балтийского моря, представленное преимущественно балтскими племенами – племенным союзом, который соседи называли пруссами, куршами (куронами), и пр., – в конце I тысячелетия н.э. постоянно подвергалось набегам викингов (данов и шведов). Начиная с XI в. курши и некоторые соседние племена сами начали совершать набеги на скандинавское побережье и заниматься морским пиратством на Балтике. Дальше на северо-восток – на землях финно-угорских племен ливов и эстов – начинались стратегические торговые пути: Балтийско-Волжский (через Финский залив и Неву) и Балтийско-Днепровский, наиболее южный маршрут которого проходил по Западной Двине / Даугаве (от Рижского залива до Полоцка). Эти земли также испытывали влияние пришельцев – купцов и варяжских дружин, а потому тоже нашли упоминание в исторических источниках. С другой стороны, на юге и юго-востоке балтские племена к концу I тысячелетия н.э. граничили с Польским княжеством (с 1025 г. королевством) и Роуськой землей. И лишь земли в средней части этого региона, в лесистом и озерном краю вдоль среднего и верхнего течения Немана, оказались в стороне от бурных событий конца I – начала II тысячелетия. Берега верхнего течения Немана Аукштайтии (от лит. *aukštas* – “верхний”) – Верхней земли – населяли балтские племена, а также славянские колонисты. Значительная часть территории была заселена чересполосно, аукштайтские племена доминировали в западной части, славянские – на востоке.

Но и считающиеся преимущественно славянскими территории Верхнего Принеманья вошли в политическую систему Роуськой земли сравнительно поздно: тамошние князья (прежде всего, напрямую зависимого от Киева Городенского княжества) упоминаются летописями только со второй четверти XII века, то есть уже после Любечского съезда, когда основной проблемой было не “окняжение” свободных общин, а регулирование отношений разросшегося рода-сословия князей. Литва – основные пуши к северо-западу – являлась периферией этой периферии, населенной типичными “лесовиками” Северной Евразии.

В первый раз о “границе Руси и Литвы” (*confinio Rusciae et Lituae*) упоминается в германской хронике под 1009 годом: где-то в районе современной Западной Беларуси был убит пруссами немецкий проповедник Бруно Кверфуртский. Он успел снискать славу, обращая в христианство венгров, затем через Киев проследовал к печенегам и крестил несколько семей, оставив им даже особого епископа. Однако оседлые пруссы, которые стали очередным объектом отважного проповедника,

оказались гораздо опаснее и агрессивнее кочевников. Вероятно, роковой для Бруно оказалась встреча с ятвягами, входившей в прусский союз племен группой, как раз и обитавшей между польскими, роуськими и литовскими землями. Ятвяги не раз попадали в хроники, совершая набеги на соседей или становясь жертвами ответных походов (так, еще в 983 г., едва утвердившись в Киеве, на ятвягов ходил Владимир Святославович, в 1038 г. на них напал Ярослав Мудрый).

В 1040-х годах Литва – обособившаяся территория или население, так себя называющее, – оказывается вовлеченной в пограничную политику Ярослава Мудрого, помогавшего польскому королю подчинить Мазовию на севере страны. Совершив поход на Мазовию через Литву,

Ярослав включил ее в сферу влияния Полоцкого княжества, что выразилось, как обычно, в установлении даннических отношений. Почти на полтора столетия перипетии истории Полоцкого княжества становятся основным внешним фактором для населения Литвы. Судя по всему, происходит постепенная интеграция литовских земель и западных окраин княжества на основе взаимодействия в торговле, военном деле и повседневных контактах.

Само Полоцкое княжество после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. входит в продолжительную конфронтацию с триумvirатом Ярославичей, которые в 1067 г. сумели захватить в плен неугомонного полоцкого князя Всеслава, совершавшего разорительные набеги на соседей. Однако удача улыбнулась полоцкому князю в 1068 г., когда киевляне изгнали разочаровавшего их Изяслава Ярославича, а освобожденного из заточения Всеслава провозгласили своим князем. В 1071 г. Всеславу удалось вернуть себе полоцкое княжение, которое он удерживал до своей смерти в 1101 г. Вражда с претендующими на главенство киевскими князьями перешла по наследству преемникам Всеслава Полоцкого, но это была уже эпоха после Любеческого съезда. Само Полоцкое княжество было разделено между 6 или 7 сыновьями Всеслава на удельные княжества, которые продолжали дробиться. В это время, видимо, и появляются в восточных пределах Аукштайтии роуськие княжества вроде Городенского (Городцовского), в поисках расширения территории и подданных, распространявших свое влияние на литовские земли.

Конфликты полоцких князей с соседями вовлекали литовцев (в качестве вассалов, участвующих в походах сюзеренов) в набеги на соседние Новгородское, Смоленское и Волыньское княжества, а также в отражение ответных нападений. В 1127–1130 гг. Киевский князь

Мстислав (сын Владимира Мономаха) предпринял несколько походов, пытаясь подчинить Полоцкую землю. Разделившаяся на несколько удельных княжеств, она больше не контролировалась из общего центра, и, чтобы окончательно сломить сопротивление клана удельных полоцких князей, Мстислав пошел на такой нетривиальный шаг, как высылка всех местных князей в Византию. Правителем Полоцкой земли он посадил своего сына. Однако смену династии, очевидно, не признали литовские земли, и в 1132 г. Мстислав Киевский возглавил специальный поход с целью подчинить Литву. Земля была разорена, были захвачены пленники, но на обратном пути арьергард киевского войска был разбит литовцами.

В середине XII столетия литовцы принимают уже активное участие в борьбе за власть в княжестве между вернувшимися из константинопольской ссылки внуками Всеслава Полоцкого от разных сыновей – “Глебовичами” и “Борисовичами”. Поддерживая то одну, ту другую партию, литовцы начинают выступать в роли важного союзника. Так, в 1159 г. предводитель княжеского клана “Борисовичей” Рогволод изгнал из Полоцка князя Володаря Глебовича и принудил его брата, Минского князя Ростислава Глебовича признать свою победу и заключить мир. Победенный же Володарь по сообщению летописца мир не заключил, “ибо ходил в лесах под предводительством литовцев”. Вероятно, это значит, что Володарь Глебович бежал к литовским союзникам, при помощи которых утвердился князем в пограничной с Аукштайтией Городне. Спустя три года туда привел свое войско изгнавший Володаря из Полоцка князь Рогволод Борисович, пытаясь добиться окончательного подчинения соперника, но был разбит литовскими союзниками Володаря.

Результат постепенного втягивания населения Аукштайтии, занимавшегося земледелием, рыбной ловлей и лесным промыслом, в политическую систему Русьской земли с ее конкуренцией претендентов на княжение и экономику набегов на соседей не заставил себя долго ждать. Видимо, на протяжении десятилетий в XII в. в Литве формировался слой профессиональных воинов, которые после завершения военной тревоги не возвращались к обычным занятиям (в отличие от большинства участников всеобщего ополчения), а немедленно находили новое применение своим боевым навыкам. Еще в 1180 г. литовские отряды принимали участие в военном походе против Смоленского князя в качестве союзников полоцких князей. Однако уже зимой 1184 г. литовцы совершают самостоятельный рейд: против Полоцка и

дальше на север, разграбив Псковскую землю. Этот рейд стоил места Новгородскому князю Ярославу Владимировичу, в чьи обязанности входила и оборона вассального Пскова: Новгородская городская община изгнала его. По сути, этот поход ознаменовал полноценное вхождение Литвы в политическую систему Роусьской земли как самостоятельной силы: литовцы действовали по общепринятым правилам и в рамках “своих” (роусьских) территорий. Ничего экстраординарного не было и в изгнании новгородцами Ярослава Владимировича: после этого он еще дважды возвращался на новгородский стол и дважды изгонялся по разным поводам. Такова была политическая ситуация в обширной Роусьской земле, в которой основную угрозу суверенитету отдельных земель и городских общин представляла конкуренция внутри княжеского сословия, организованного по сетевому принципу, без развитой иерархии абсолютного старшинства одного из родов. Повышение статуса внутри “сети” проявлялось путем вторжения на территорию соперника в соседних “ячейках”. Усиление же власти на собственной территории не было напрямую связано с ростом статуса в Роусьской земле, а предполагало установление хороших отношений с местными городскими общинами или их силовое подчинение.

Единственная преграда на пути интеграции литовцев в Роусьскую землю заключалась в том, что их предводители не принадлежали к разросшемуся княжескому роду-сословию Рюриковичей, а потому не могли претендовать на признание их власти легитимной. Впрочем, эта загвоздка при желании легко решалась династическим браком, проблема была скорее в том, что сложившееся в Литве собственное военное сословие не кристаллизовалось еще настолько, чтобы выдвинулся один бесспорный лидер – главный князь. На первоначальном этапе развития Роусьской земли отдельные края сразу получали “готовых” князей-предводителей дружин (варяжских или посланных из Киева), Литва же проходила процесс формирования княжеской власти совершенно самостоятельно.

В 1185 г. литовцы совершили набег на земли ливов – данников Полоцкого княжества (в Ливонию). Этот набег также являлся “домашним” – литовцы по-прежнему действовали в политическом пространстве Полоцкого княжества или Роусьской земли, а не, допустим, в “балтском” межплеменном контексте или “Прибалтийском” территориальном. Однако последствия этого набега, выражающего явные претензии на долю в политическом наследии дробящегося Полоцкого княжества, оказались куда более масштабными.

Незадолго до литовского вторжения в Ливонию прибыл немецкий проповедник Мейнард фон Зегеберг. Он обосновался в фактории торговавших с ливами купцов в Икшкиле (нем. Икскюль) на берегу Даугавы (Западной Двины), в 30 км от моря, и начал проповедовать христианство – причем заручившись предварительным разрешением Полоцкого князя. Поначалу проповедь Мейнарда пользовалась скромным успехом, ему удалось крестить лишь несколько человек. Зато после разорительного набега литовцев ливы сразу согласились на строительство на своих землях не только первой каменной часовни, но и двух каменных замков: в Икшкиле и на острове Мартиньсала на Даугаве (Кирхгольм), примерно на полпути к морю. Очевидно, что номинальные подданные Полоцкого князя не рассчитывали на его способность предоставить защиту от литовцев. В 1186 г. Мейнард становится епископом Икскульским, а Римский Папа Клемент III разрешает любому монаху присоединяться к миссии Мейнарда в Ливонии. В 1193 г. новый Папа Целестин III призвал верующих присоединяться к ливонской миссии, обещая за это индульгенцию (официальное отпущение грехов) и послабления в соблюдении требований монашеского устава. Таким образом, спустя всего несколько лет после литовского вторжения политическая ситуация на юго-востоке Балтики резко изменилась: на месте торговых факторий частных лиц – купцов – возникла епархия католической церкви под особым покровительством папства.

В 1190-х годах параллельно разворачиваются два процесса: литовцы утверждаются как ключевая сила на северо-западе Роусьской земли, а немецкие миссионеры расширяют свое влияние в Ливонии.

Литовцы совершали систематические набеги на владения Новгорода в Карелии и на саму Новгородскую землю. Причем в 1198 г. они принудили принять участие в нападении на новгородские Великие Луки и полоцкого князя – подобно тому, как еще двумя поколениями раньше сами вынуждены были участвовать в полоцких походах. Где-то на рубеже веков был заключен брак удельного Ерсикского (Герцикского) князя Всеволода (правившего на северо-западе Полоцкой земли) с дочерью литовского князя Даугерутиса (Довгерда) – свидетельство того, что началась интеграция роусьских полоцких и литовских знатных родов.

В это время ливы, спохватившись, попытались изгнать немецких миссионеров: ведь церковная десятина являлась гораздо более тяжелым бременем, чем принятые в Северной Евразии размеры дани. Происходит массовое отпадение от христианства, восставшие ливы захватывают замок Кирхгольм. В ответ на восстания новый епископ

Ливонии Бертольд Шульте для подавления сопротивления и защиты миссионеров в 1198 г. привозит из Германии отряд вооруженных монахов-воинов – крестоносцев и первых немецких колонистов-крестьян. Мирная проповедь христианства переходит в насаждение религии и ее политических и экономических институтов силой меча, с переменным успехом. В 1198 г. войско Бертольда разбило ливов, попытавшихся воспрепятствовать его высадке, но в 1199 г. победу одерживают ливы, в битве погиб сам епископ Бертольд Шульте. Гибель епископа от рук язычников послужила мощным толчком для расширения экспансии немецких колонистов. Третий епископ Ливонии Альберт Буксгевден приплыл из Германии в сопровождении уже полутора тысяч “пилигримов”-крестоносцев. В 1201 г. в устье Даугавы начинается строительство города Рига, где в 1202 г. был основан духовно-рыцарский орден Братство воинов Христа, известный также как орден меченосцев. Христианизация ливов полностью обрела характер планомерной военно-экономической колонизации: продвигаясь от побережья вглубь страны, крестоносцы строили замки на завоеванной территории, при этом две трети захваченных земель оставались под властью ордена, а одна треть передавалась епископу.

Так, консолидация Литвы как самостоятельной региональной силы на западе Роусьской земли нарушила существовавший баланс сил в регионе и в известной степени спровоцировала появление нового фактора: военной и хозяйственной колонизации крестоносцев, преимущественно выходцев из немецких земель. Первоначально отделенные друг от друга территориями балтских и финских племен, сферы интересов крестоносцев и литовцев все чаще начали пересекаться, и в конце 1201 г. в Риге литовцы заключили первый мирный договор с епископом Альбертом – они отправлялись в поход на балтское племя земгалов на левом берегу в нижнем течении Даугавы и хотели обезопасить себя от угрозы нападения с тыла. С этого момента и более чем на два столетия история литовских земель оказывается тесно переплетенной с историей крестоносцев в Прибалтике.

Можно добавить, что синхронно, с середины 1180-х гг., на противоположном краю Евразийского континента происходила консолидация власти Темучина над племенами монгольской степи. Помимо этого случайного хронологического совпадения, складывание Монгольского улуса и Литовского княжества роднит то обстоятельство, что оба политических объединения достигли успеха, не порывая с “языческой” религией предков. Вероятно, как и в случае “окняжения” Роусьской земли

тремя веками ранее, создание масштабных политических конфедераций на основе элементарных “племенных” союзов скорее облегчалось отсутствием универсалистской нормативной картины мироздания. Это придавало территориальной экспансии сугубо “политический” характер “чистых” властных отношений, почти не связанных с доминированием чужого и чуждого культурного кода. По крайней мере, про монголов известно, что, глубоко почитая собственный шаманистический культ, они с уважением относились ко всем религиям. Оформление границ Роусьской земли также произошло до принятия христианства в качестве официальной религии, когда местные языческие культы уживались друг с другом и не препятствовался переход в монотеистические религии даже отдельным представителям княжеских семей. Другое дело, что в определенный момент и киевский великий князь Роусьской земли, и правители улусов монгольской империи обнаружили необходимость принятия монотеистической религии в качестве официальной – “государственной” и государствообразующей. Это произошло тогда, когда внешняя торговая и военная экспансия перестали играть роль главного фактора, сплачивающего разнокультурное подвластное население, когда возникла необходимость создания внутренней мотивации единства и общего языка для выражения и распространения идей о смысле совместного проживания на определенной территории. До этого момента основным структурирующим фактором оставались внешние, чужие обстоятельства: границы провинций покоренных стран, уже существующие административные и экономические структуры и сети и т.п.

Этим объясняется то, что формирующееся Литовское княжество начинает действовать в рамках Роусьской земли – христианской и, предположительно, даже на своих западных окраинах славяноговорящей, а не в “естественном” балтском племенном контексте. В том-то и дело, что, несмотря на необходимость преодолевать сопротивление более высокоорганизованных в военно-политическом и экономическом отношении роусьских княжеств, они предлагали для литовской политической самоорганизации готовую структуру и логику мобилизации ресурсов, а соседние балтские племена – нет. Гипотетическая культурная и языковая близость не является существенным аргументом в пользу объединения в этой ситуации. Солидарная “балтская” политика начинается лишь после появления нового фундаментального внешнего фактора – экспансии крестоносцев. До этого литовцы скорее подталкивали соседей к союзу с крестоносцами своими набегами – собственно, само появление вооруженных крестоносцев (вместо мирных пропо-

ведников) в регионе Даугавы и было вызвано литовской агрессией против ливов. Позднее, испуганные литовским набегом 1201–1202 гг., и земгалы немедленно заключили союз с Рижским епископом, помогая ему подавлять сопротивление ливов, а в 1205 г., в свою очередь, получили от него военную помощь против литовцев. В 1207 г. предводитель Кукейносского княжества (очевидно, полунезависимого форпоста на северо-западе Полоцкой земли) Вячко настолько отчаянно нуждался в защите от литовцев, что картинно пообещал Рижскому епископу в обмен на помощь половину своей земли и замка (чем тот не преминул вскоре воспользоваться).

Начало XIII века в этом регионе отмечено хаотической сменой альянсов и выбора противника. Как можно понять из скурых описаний конфликтов в немногочисленных хрониках, на территориях современных Литвы, Латвии и Эстонии происходило радикальное переформатирование политико-культурной карты. Вместо разнообразия политических траекторий разных финских и балтских объединений (прибрежные племена, ориентированные на заморские военные и торговые отношения, племенные и межплеменные союзы внутренних территорий, земли, вошедшие в орбиту Полоцкого и Новгородского княжества и частично обращенные в православие) постепенно формируются два враждебных центра. К 1220-м гг. крестоносцы и литовцы возглавляют два противоборствующих лагеря добровольных и вынужденных союзников в борьбе за господство в Прибалтике. Или, что было актуальнее для местного населения, – в борьбе против немецкой колонизаторской и христианизирующей или литовской грабительской экспансии. Появление в Балтийском регионе “третьей силы” (захватчиков из-за моря или из лесной окраины), объединяющей некогда равные по статусу независимые земли по праву завоевания, на несколько десятилетий опередило сходное развитие в Роуськой земле.

После окончательного подчинения ливов, в 1207 г., покоренная крестоносцами территория вдоль Даугавы была провозглашена княжеством в составе Священной Римской империи – Терра Мариана (лат. *Terra Mariana*: Удел Богородицы, но также и “Морская земля” в буквальном переводе). После этого их экспансия была обращена на север, против эстов. В союзе с дружественными им латгалами (находившимися прежде в орбите Роуськой земли и даже в какой-то части перешедшими в православие) крестоносцы начинают атаковать одну за другой обособленные земли (мааконды) эстов. В решающем сражении при Вильянди в 1217 г. (в день Св. Матфея)

коалицией войск крестоносцев, рижского епископа и ополчений ливов и латгалов эсты были разбиты, вождь объединенного сопротивления Лембиту погиб. В результате был открыт путь для включения южной и центральной территории современной Эстонии в состав Терра Мариана. (Незадолго до того, в 1215 г., статус княжества был повышен: оно перешло в прямое подчинение папскому Святому Престолу.) Северная часть современной Эстонии находилась под властью датского короля, но в 1227 г. и ее завоевали меченосцы.

С некоторым отставанием проходило наступление крестоносцев и на юго-западных землях Прибалтики. Еще в 1206 г. римский папа Иннокентий III объявил крестовый поход против язычников пруссов – балтоговорящих племен, населявших территорию вдоль Балтийского моря от Вислы до Преголи, которая впадает в море у современного Калининграда. Однако, как и в случае с учреждением Ордена меченосцев и Рижского епископства, главным фактором экспансии послужили местные противоречия, а не организованная интервенция извне. Проблемы возникли от того, что на юге земли прусских племен граничили с польским Мазовецким княжеством (спустя несколько столетий центром этой территории станет Варшава). Еще в конце 1040-х гг., помогая подчинить земли Мазовии польскому князю Казимиру I (женатому на его сестре), Ярослав Мудрый прошел через Аукштайтию и подчинил литовцев Полоцкому княжеству. Спустя полтора столетия, Мазовецкое княжество – самостоятельный удел под властью одного из представителей княжеской династии Пястов, причем не самый привлекательный и престижный. Стремясь расширить свои владения, князь Конрад Мазовецкий попытался захватить прусские территории к северу, используя папскую буллу, провозглашавшую необходимость обращения пруссов в христианство, как оправдание своим захватам. Пруссы не остались в долгу, ответив разорительными набегами и захватами территории: вероятно, север Мазовии также имел значительное прусское население, поэтому христианской миссии Конрада пруссы могли противопоставить борьбу за объединение одноплеменников.

Как и во многих других случаях, когда исторические земли (“племена”) обретали сложную политическую организацию и вступали в “государственный” конфликт с соседями, разрешить противостояние было невозможно в принципе. Достичь компромисса через частные соглашения соседних родов и других мелких коллективов, как прежде, не получалось из-за того, что стороной конфликта теперь оказывалось целое княжество как коллективная политическая организация. Шансов

победить врагов, находившихся примерно на таком же уровне политического и экономического развития, тоже было немного. Пруссы не могли (и вряд ли намеревались) завоевать всю Мазовию, а Конрад не имел ресурсов для покорения сильных и многочисленных племен прусской конфедерации. В этой ситуации Конрад после двух десятилетий безрезультатной борьбы решил прибегнуть к помощи третьей силы – подобно тому, как нередко поступали польские и чешские князья того времени, обращаясь к авторитету императора Священной римской империи, а опасавшиеся литовцев ливы – к помощи немецких миссионеров-колонистов. Конрад выбрал некий средний вариант: в 1225 г. призвал рыцарей Тевтонского (Немецкого) ордена для защиты северных границ княжества от набегов язычников. Для этого он уступил им на 20 лет спорную Хелмненскую землю, из-за которой и конфликтовал с пруссами.

Тевтонский орден, основанный в 1190 г. в Палестине, несмотря на свое название, в 1220-х годах не воспринимался как прямое орудие германского императора. В 1211 г. венгерский король Андраш II передал во владение ордена местность на юго-востоке Трансильвании с просьбой перекрыть южный путь в обход Карпат из Дешт-и-Кыпчак, по которому постоянно проникали в Паннонию все новые племена половцев. Рыцари были освобождены от всех налогов и пошлин и королевского суда, не признавали они и власти местного епископа. На полученной орденом малозаселенной территории были возведены пять крепостей и земляные валы, под защиту которых переселялись колонисты из венгерских и германских земель. Таким образом, Тевтонский орден воспринимался как буферное военизированное самоуправляющееся образование, выполняющее функцию пограничной стражи, – наподобие казачьего войска или граничар (на границе с Османской империей) позднейших времен. Неудивительно, что Конрад Мазовецкий поспешил пригласить тевтонских рыцарей, едва узнал, что новый венгерский король изгнал их в 1225 г. под давлением знати и церковных иерархов, завидовавших привилегиям ордена. Так что на границу с пруссами рыцари прибыли из Трансильвании, а не из Германии.

Однако если в пустынном краю на границе со степью они не выказывали особых стремлений к завоеванию новых территорий, то прежде чем прибыть на берега Вислы в 1231 г., тевтонские рыцари заручились гарантиями признания права владения всеми покоренными землями. Это право было подтверждено Золотой буллой императора Фридриха II 1226 г., а в 1234 г. папа Григорий IX (боровшийся с Фридрихом II за вли-

яние) переподчинил все прошлые и будущие земельные приобретения Тевтонского ордена напрямую папскому престолу. Формально считаясь крестовым походом ради насильственного обращения в христианство язычников-пруссос, возглавляемая Тевтонским орденом экспансия на деле уделяла минимальное внимание культурной трансформации покоренного населения: крещению и германизации. Не только в распорядке ордена было слишком мало человеческих ресурсов для этого, но и сама логика покорения обширных земель с многочисленным воинственным населением делала колонизаторов заинтересованными в использовании уже сложившихся социальных иерархий – их только надо было переориентировать на подчинение ордену. Поэтому, подобно Ордену меченосцев, тевтонские рыцари старались подчинять племенные объединения поодиночке. Как и в Ливонии, господствующие над округой замки строились на месте прежних племенных центров, перенимая их административные функции. В результате подчинение племенной знати вело к подчинению всего племени, а принятие христианства вождем обезглавливало местный языческий культ и открывало впоследствии дорогу к крещению большинства.

Так, в начале 1230-х гг., когда северо-восток Прибалтийского региона – к северу от Даугавы – в целом перешел под контроль Ливонского ордена и Рижского епископа, рыцари Тевтонского ордена и присоединившиеся к ним крестоносцы из германских, польских, чешских земель и Дании начали его покорение с юго-запада. От польских княжеств и имперских земель вдоль моря, к окраинам новгородских владений, через земли пруссов, куршей, ливов, латгалов и эстов протянулась огромная дуга возникающего единого пространства противостояния крестоносцам или союза с ними. Это никогда прежде не существовавшее единое поле – ни в виде политического объединения, ни в качестве культурного единства – постепенно расширялось и охватывало все новые земли, затрагивая уже частично земли и ятвягов, и жемайтов, превращая литовскую Аукштайтию из дальней глухой окраины в центр земель, не затронутых еще новой политической реальностью.

Поначалу, судя по списку литовских походов, литовцы рассматривали свое изолированное положение просто как преимущество, обеспечивающее свободу маневра. Так, после того, как в набегах 1213 и 1214 гг. на Ливонию (теперь защищенную замками рыцарей) погибли литовские предводители, походы литовцев в Ливонию почти прекратились. В то же время на следующее десятилетие приходится по меньшей мере шесть походов в Роуськую землю: в основном в сторону Пскова

и Новгорода, но также в дальнейшем Черниговское княжество (1220 г.) и на Смоленск (1225 г.). Трудно провести грань в XIII веке между грабительскими рейдами и регулярными политическими отношениями по форме: и княжества Роуськой земли, и их соседи в половецкой степи или литовских лесах делали одно и то же – угоняли в плен жителей, вывозили ценности (в том числе церковные). О том, что литовские рейды были элементом внешней политики (а не просто грабежом) свидетельствует договор о мире, заключенный с Галицко-Волынским княжеством в 1219 г. (в 1215 г. по летописной хронологии).

Прежде всего, очевиден стратегический характер выбора союзника: Галицко-Волынское княжество граничило на севере с удельным Городенским княжеством Полоцкой земли. Если исчезновение упоминаний этого княжества в русских летописях после 1183 г. означает его поглощение Литвой – наряду с другими полоцкими территориями, соседствовавшими с Аукштайтией или даже включавшими часть ее, – то это значит, что вожди Литвы были озабочены безопасностью своих новых южных границ, заключая договор с Галицко-Волынским княжеством. Со всех других сторон Литва была окружена сравнительно пассивными соседями: балтскими племенами на западе, полузависимым от нее Полоцким княжеством на востоке. А на север и северо-восток (в Ливонию и новгородско-псковские земли) была направлена собственная литовская экспансия. Другим важным отличием договора 1219 г. было то, что его подписал не один князь – предводитель похода (как было в случае договора с Рижским епископом в 1201 г.), а более двух десятков, распределенных по старшинству и территориям (наподобие того, как подписывались договоры роуських князей с Византией). Первыми перечисляются пять князей, очевидно, из Аукштайтии, при этом упоминается “старейший” – Живинбуд. За ними следуют два князя из Жемайтии (“низовых” литовских земель к западу от “верхней” Аукштайтии, ниже по течению Немана), потом представители клана Рушковичей (семь имен), клана Булевичей (трое) и четыре “князя из Дяволты” (Девялтовского княжества вдоль реки Швентойи (*Šventoji*) к северо-западу от современного Вильнюса). В позднейшие эпохи Булевичи (Биллевичи, *Billewicz*) были известны как древний белорусский шляхетский (дворянский) род, Рушковичи (Рушкевичи) тоже могут идентифицироваться с белорусскими именами и топонимами, известными по более поздним временам.

Многочисленные попытки доказать “исконно славянское” или “типично литовское” происхождение имен князей, упомянутых в договоре,

не привели ни к каким однозначным выводам, поскольку достаточно близкие индоевропейские корни взаимодействовавших на протяжении столетий языков не позволяют с уверенностью говорить о том, в каком направлении шло заимствование в каждом конкретном случае. Скорее всего, подписавшие договор 1219 г. князья представляют Литву как широкую конфедерацию земель и различных балтских и славянских племен, сохранивших языческие верования. Типичная для Северной Евразии ситуация кооперации разнокультурных сообществ, исповедующих разные племенные культы, когда человек, “дома сидя, знал пять языков” (как в Роуськой земле), делает бессмысленным вопрос о “национальности” Литвы как политического образования. Литва этой эпохи – это не народ, а “земля”, населенная сотрудничавшими разнокультурными группами (наподобие Роуськой земли). Отсутствие единой официальной религии и книжной культуры не мешало, а помогало Литве расширяться за счет соседних территорий – точно так же, как культурная общность роуських княжеств не препятствовала их дроблению и жестокому противоборству друг с другом. Уже к 1230-м годам Полоцкое княжество практически целиком перешло под контроль литовцев, и точно известно, что литовцы начали править княжеством, формально заняв полоцкий престол, по крайней мере с начала 1240-х гг. Даже если до этого полоцкими правителями еще оставались потомки рода Рюриковичей, им приходилось учитывать фактор литовского присутствия по соседству и даже на территории княжества. Таким образом, вдобавок к языческим славянским кланам, проживавшим в Аукштайтии и Жемайтии, к поликультурному населению Литвы присоединилось преимущественно православное и, видимо, славяноговорящее население будущей Беларуси, что не отменило политическое главенство балтских княжеских родов. Заключение договора с Владимиро-Волынским княжеством, постепенное поглощение Полоцкого княжества и попытки установить контроль над Торопецким княжеством на стыке смоленских и новгородских владений, приводящие к конфликтам с ними, в верховьях Даугавы – Западной Двины свидетельствуют о том, что Литва утверждалась как полноправный член Роуськой земли.

Однако изменение ситуации на западе, в Прибалтике, не позволило Литве полностью переориентироваться на восточную политику. В том же 1219 г., когда литовские князья заключили договор с Галицко-Волынским княжеством, земгалы разорвали давний союз с Орденом меченосцев и Рижским епископом. Это произошло после того, как

крестоносцы, установив контроль над землями к северу от Даугавы, взяли за территории к югу. Земгалы обратились за помощью к своим прежним врагам – куршам на побережье и жителям Жемайтии в глубине страны. В 1228 г. земгалы и курши совершили поход на Ригу: город захватить не удалось, но был разграблен монастырь-крепость Дюнамюнде в устье Двины. А 9 февраля 1236 г. папа римский Григорий IX объявил крестовый поход против Литвы. В Жемайтию вторглось войско, костяк которого составляли силы Ордена меченосцев и около 2000 прибывших для участия в походе немецких рыцарей, однако большинство воинов были выставлены подчиненными племенами (ливами, латгалами и эстами), а также христианскими союзниками – Новгородом и Псковом. 26 сентября 1236 г. крестоносцы попали в засаду объединенных сил жемайтов и земгалов в местности Сауле – то ли на территории современной Литвы (у Шяуляя), то ли Латвии. В ожесточенном сражении погиб великий магистр и 48 рыцарей Ордена меченосцев, из 200 псковских дружинников, участвовавших в походе, погибли 180. Разгром был настолько масштабный, что все завоевания Ливонского ордена предшествующих десятилетий оказались под угрозой. Немедленно восстали недавно замиренные орденом северные курши, союзные литовцам селы на Даугаве и подчиненные области земгалов. Неспособный справиться с понесенным уроном самостоятельно, 27 мая 1237 г. Орден меченосцев влился в состав Тевтонского ордена, которому перешла вся собственность и власть ливонских рыцарей в северной Прибалтике. Аукштайтия, Жемайтия и пока не занятая крестоносцами часть земель соседей (прусссов, куршей, земгалов и селов) оказались в сплошном полукольце экспансионистского государства Тевтонского ордена.

**ГЛАВА 4. ОТ ЛОКАЛЬНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
К ИЕРАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ МЕСТНЫХ
СЦЕНАРИЕВ ВЛАСТИ (XIII–XIV вв.)**

Итак, к 1237 г. происходит радикальное переформатирование политического пространства Восточной Европы – к востоку от Священной Римской империи, на огромной территории между Вислой и Уралом, причем одновременно на северо-западе и юго-востоке. До этого в результате политической самоорганизации локальных сообществ, более или менее глубоко интегрированных культурно в окружающий мир, восточноевропейская часть Северной Евразии оказалась почти полностью включенной в “горизонтальную” систему примерно равных по своему могуществу княжеств. Но экспансия крестоносцев в Прибалтике и монголов в Дешт-и-Кыпчак создала принципиально новую ситуацию консолидации отдельных, прежде независимых политических образований через подчинение единой центральной власти.

4.1. Переформатирование Роуськой земли

Наиболее обширная политическая система региона – Роуськая земля – к этому времени уже более столетия находилась в таком же состоянии неустойчивого равновесия, как и племенные союзы Прибалтики или Дешт-и-Кыпчак. По сути, повсюду мы видим враждебные удельные княжества или “племена”, неспособные победить друг друга или окончательно отказаться от взаимных претензий, коль скоро между ними не существовало четких “государственных границ” и была неизвестна концепция “внешней политики” в современном понимании (отдельной от внутренней политики, экономики или частной жизни династий). Бесконечные столкновения с соседями являлись результатом не столько особой агрессивности людей того времени, сколько слабого влияния такой абстрактной категории, как “граница”, и торжества конкретно-ситуационного, а не абстрактного и безусловного разделения на “своих” и “чужих”. Новые обстоятельства – часто совершенно непропорциональные абстрактным “объективным интересам” (например, зависть к военной добыче соседа) – могли моментально поменять представление о союзниках и противниках. В то же время возникающие локальные конфликты было теперь труднее погасить, потому что политическая самоорганизация земель и племен в княжества вводила принцип заочной коллективной солидарности и ответственности. То есть конфликт теперь касался не только непосредственных участников столкновения и их близких родичей, но всех подданных местной княжеской власти. В этом и заключается причина постоянной войны “всех против всех”, которая ассоциируется с эпохой “феодальной раздробленности”: сложившиеся исторические земли (обособленные территории с населением, разделяющим чувство общности) самим фактом своего существования доказывали свою отдельность от соседей и устойчивость к стиранию границ. Получив единое военно-политическое руководство (упрощенно – князя с дружиной и наместниками в общинных центрах), они не стали сильнее соседей, находившихся примерно на таком же уровне политического и экономического развития. Их трения и конфликты стали систематичнее и масштабнее, но никому не удавалось занять безусловно главенствующее положение.

На этом фоне практически одновременное появление сразу трех претендентов на доминирование в регионе – Тевтонского ордена, Улуса Джучи и Великого княжества Литовского – представляло три альтернативных варианта политической централизации и консолидации.

Тевтонский орден, распространив свою власть на Ливонию, превратился в крупное государство с централизованной административной структурой. К 1241 г. пять из семи основных племенных объединений пруссов признавали власть ордена. Орден не стремился уничтожить местную родовую аристократию и племенных вождей, но и не передавал им право представлять интересы центральной власти на положении вассалов. Субъектами правовых и экономических отношений с орденом вообще признавались только принявшие христианство – предпочтительно по католическому обряду. Впрочем, православные подданные Новгорода и Пскова рассматривались как полноценные партнеры, что делало союз с орденом реальной альтернативой в глазах некоторых, особенно в Пскове.

В это время складывается сложная система политических и торговых отношений между основными региональными центрами: Псков и Новгород представляют систему Роуськой земли, но при этом их экономика в значительной степени зависит от балтийской торговли с немецкими свободными городами (объединившимися в XIII в. в Ганзейский союз) через посредничество ливонских купцов (в Риге, Дерпте). При этом правящие круги Пскова опасались усиления влияния Новгорода и Владимиро-Суздальской земли и поддерживали более тесные контакты с Орденом. Новгород, также заинтересованный в торговле с Ливонией, соперничал за огромные “колонии” в Карелии с Тевтонским орденом и скандинавскими рыцарями и миссионерами. И Псков, и Новгород все чаще привлекали литовских князей в качестве союзников друг против друга и против Ордена. Этот клубок противоречивых отношений привел к обострению ситуации в начале 1240-х гг. В июле 1240 г. в устье Невы произошло столкновение войска новгородского князя Александра Ярославича (прозванного за нее Невским) со шведской карательной экспедицией против восставших финских племен. Это столкновение было одним из эпизодов борьбы Новгорода за контроль над Ижорской землей как колонией. А после того, как изгнанный из Пскова сторонниками “владими́ро-суздальской партии” князь Ярослав Владимирович вернул себе власть над городом при поддержке Тевтонского ордена, Александр Невский выступил в поход против него и поддерживавших его рыцарей. 5 апреля 1242 г. произошло сражение новгородцев с войсками Тевтонского ордена у Чудского озера. Несмотря на ожесточенность, эта битва, в результате которой погибли 20 рыцарей и шестеро попали в плен, была воспринята Орденом как пограничная стычка (особенно учитывая масштаб

потерь, не сопоставимый с понесенными в боях с литовцами), вызванная второстепенным политическим конфликтом.

Главной проблемой Тевтонского ордена оставалось сохранение контроля над завоеванными землями язычников. Продолжительные восстания пруссов 1240-х и 1260-х–1270-х гг. только усиливали политику военной оккупации, а масштабная колонизация земель выходцами из христианской Северной Европы, человеческие потери и ассимиляция пруссов и их массовая миграция в Литву быстро смещали баланс в численности населения в пользу колонистов. Предполагается, что к началу XV в. пруссы составляли лишь около трети населения государства Тевтонского ордена. За это же время там возникло более 90 городов, основанных колонистами – беспрецедентный темп урбанизации для Европы этого времени. Под защитой городских стен развивались ремесла и торговля, все больше земель обрабатывалось переселенцами-крестьянами. Орденская политическая централизация и интеграция некогда самостоятельных земель и племен предполагали создание на их территориях совершенно нового общества с жесткими культурным и правовыми сценариями немецкоязычного христианского средневековья, просто игнорировавшими существование аборигенов и их права на землю и имущество. Пропуском в это общество, обеспечивающим возможность правовой защиты и социальной интеграции, являлось крещение.

Во многом параллельный процесс унификации аборигенных обществ происходил и на юго-востоке региона. Западный поход монголов привел к расширению Улуса Джучи до Венгрии, а в дальнейшем к учреждению Золотой Орды как самостоятельного ханства, претендовавшего на верховную власть от Средней Азии до Карпат. Установление на покоренной территории административной системы Чингисхана – деление населения на тысячи и тумены, невзирая на родовые и племенные границы, – также вело к централизации и интеграции прежде независимых племен и территорий. Однако, в отличие от Тевтонского ордена, монгольская централизованная государственность распространялась на всех, никого не дискриминируя – но и не оставляя предоставленными самим себе. В соответствии с провозглашенной Чингисханом программой объединения всех кочевых народов (“народов, проживающих за войлочными стенами”) разноплеменное население Дешт-и-Кыпчак было напрямую включено в состав лишь номинально “монгольского” государства. Урбанизированные земли Волжской Булгарии и Северного Кавказа также были присоединены –

вероятно, благодаря сочетанию возможности вести кочевое скотоводство и наличию необходимых кочевникам развитых центров земледелия и ремесла, а также важных торговых путей. Перспективы вхождения в состав Улуса Джучи обширной Роуськой земли после нанесения монголами ударов по основным стратегическим центрам на границе со степью в 1237–1240 гг. оставались неясными.

С одной стороны, никаких попыток завоевания Роуськой земли и оккупации по образцу политики Тевтонского ордена в Восточной Пруссии и Ливонии монголы не предпринимали. Вероятно, для них не представляла практического интереса не только лесная северная, но и южная лесостепная полоса Роуськой земли. С другой стороны, сразу после разорения южных княжеств в них были назначены монгольские наместники – даругачи (баскаки русских летописей), а по некоторым данным, они были оставлены и в тех городах Северо-Востока, которые добровольно сдались во время рейда 1238 г. (например, в Угличе). Впрочем, присутствие представителей Джучиева Улуса само по себе еще не определяло статус этих княжеств.

Втягивание Роуськой земли в орбиту будущей Золотой Орды растянулось на два десятилетия. Этот процесс имел неодинаковые последствия на разных территориях и, несмотря на неравенство сил, носил двусторонний характер. Начиная с 1243 г. к Бату, вернувшемуся из похода на Венгрию, начали приезжать князья Роуськой земли – добровольно или по настоятельному приглашению. После подтверждения своей лояльности Джучиеву улусу они, как правило, получали санкцию на сохранение своей власти и возвращались в свои княжества. Это еще не были формальные вассальные отношения “подданства” – именно потому, что о выплате дани речи пока не шло. Монгольская империя налагала дань на покоренные территории только по итогам переписи населения, поэтому первым шагом формального политического подчинения являлся не победоносный военный рейд, а появление ханских переписчиков. К 1246 г. переписи прошли в Киевской и Черниговской земле (как, вероятно, и в других южных княжествах на границе со степью). Это означало, что при сохранении местной княжеской администрации под контролем наместников Бату южные княжества становились вассалами монголов.

Князь Галицко-Волинского княжества Даниил Романович долго уклонялся от встречи с Бату и отправился засвидетельствовать свою лояльность только после того, как пригрозили отобрать у него Галич, хотя до реальной карательной экспедиции дело так и не дошло. Из-

вестно, что в начале 1250-х гг. он изгнал монгольских наместников из своих земель, однако отправлял Багу ежегодно дары и участвовал в совместных военных экспедициях с монголами. Судя по всему, переписи в Галицко-Волынской земле не проводились и дань рассматривалась прежде всего как знак символического признания сюзеренитета.

К этому времени Полоцкое княжество окончательно входит в состав Литвы. Его, как и земли Новгорода и Пскова, монгольское нашествие никак не затронуло. В стороне от новой политической ситуации на юге оставалось и Смоленское княжество – для него куда актуальнее было выстраивание отношений с соседней Литвой. Включение Смоленска в сферу влияния Золотой орды происходит только в середине 1270-х гг., когда через земли княжества прошло монгольское войско, отправленное на помощь воюющему с литовцами Галицко-Волынскому князю Льву. После этого в 1275 г. в Смоленском княжестве проходит перепись населения и устанавливается обложение ордынской данью.

Обширная Владимиро-Суздальская земля с ее многочисленными уделами и сложной внутренней политикой оказалась в промежуточном положении. Подобно южным княжествам, она пережила разрушительное монгольское вторжение в 1238 г. и граничила с Улусом Джучи (по Волге). Однако, в отличие от лесостепной зоны, интереса для кочевого скотоводства княжество не представляло, наместников в главные города монголы не посылали и перепись не проводили. Скорее, особую заинтересованность в установлении тесных связей проявили сами владимирские князья: великий князь Ярослав Всеволодович первым из роуських князей отправился к Батью в 1243 г. и был признан старшим князем в Роуськой земле (“старей всем князем в Русском языке”). Возможно, этот визит был подготовлен его сыном Александром Ярославичем (Невским), который, по некоторым данным, посетил Бату в 1242 г. Поэтому сложно сказать, кто был инициатором этой встречи и самой идеи не просто подтвердить право князя Ярослава на власть во Владимиро-Суздальской земле, но и наделить его статусом Великого князя всей Роуськой земли. То ли Бату начал именно с него вызывать роуських князей для проверки лояльности, то ли сам Ярослав предложил Бату форму взаимодействия с князьями.

Как бы то ни было, само по себе звание старшего князя имело небольшой практический вес (помимо права на владение разоренным Киевом): к тому времени уже почти два столетия (после смерти Ярослава Мудрого) Роуськая земля не подчинялась одному старшему князю, почти в каждом княжестве был свой “великий князь”. Поскольку Бату сам

был лишь одним из правителей одного из улусов Монгольской империи, то официально подтвердить расширение полномочий владимирского князя как вассального монгольской империи верховного правителя всей Роуськой земли мог лишь великий хан. (Если бы Ярослав Всеволодович претендовал только на подтверждение своей власти над княжеством, ему было бы достаточно одобрения Бату.) Поэтому в августе 1246 г. Ярослав Всеволодович приезжает в монгольскую столицу Каракорум, где становится свидетелем избрания нового великого хана Гуюка. Его статус главного роуського князя был подтвержден, но на обратном пути Ярослав Всеволодович умер. Наиболее распространенной является версия об отравлении по политическим мотивам: Гуюк ненавидел Бату и считал (вероятно, небезосновательно) князя Ярослава его верным сторонником. Не подтвердить предварительно одобренный в Сарае статус владимирского князя значило дискредитировать местного монгольского правителя в глазах вассалов, отпустить Ярослава с титулом главы роуських князей значило усилить Бату, против которого Гуюк готовился выступить войной...

Тогда в 1247 г. в Каракорум отправились сыновья Ярослава Всеволодовича – старший Александр (Невский) и третий сын Андрей. На этот раз Гуюк должен был сам принять решение о назначении главного роуського князя, и он выбрал не старшего и тесно связанного с Бату Александра, а Андрея. И без того достаточно условная, власть Андрея Ярославича была заведомо скомпрометирована обидой обойденного вопреки старшинству Александра. Вернувшись во Владимир, Андрей не поддерживал тесных контактов с монголами: в 1248 г., собравшись в поход против Бату, неожиданно умер великий хан Гуюк, назначивший Андрея, а с правителями Джучиева улуса отношения были натянутыми и формально ни к чему не обязывающими. Зато Андрей Ярославич сблизился с великим князем Даниилом Галицким и даже женился в 1250 г. на его дочери (в средние века междинастические браки являлись куда более “официальным” подтверждением политического союза, чем договоры). Многие историки видят в этом сближении подготовку антимонгольского сопротивления двух наиболее могущественных роуських князей. Во всяком случае, вероятно, что Андрей пытался следовать примеру Даниила, который дистанцировался от монголов настолько, чтобы только не спровоцировать новое нашествие. Однако как только в 1251 г. закончилось междуцарствие в Каракоруме и новым великим ханом был избран при поддержке Бату его друг Мункэ, обойденный великокняжеским титулом брат Андрея Ярославича, Александр Не-

вский отправился к сыну и соправителю Бату, Сартаку. Он пожаловался на нелояльность великого князя (брата Андрея) монголам и незаконность его назначения не по старшинству. Назад он вернулся с большой карательной экспедицией, снаряженной монголами.

Так, в 1252 г., впервые после Западного похода объединенных сил монгольской империи, значительное войско было отправлено против Владимиро-Суздальского княжества. По сообщениям летописей, во главе войска стоял некий высокопоставленный Неврюй: некоторые историки склонны видеть в нем самого Александра Невского (Неврюй – от искаженного монгольского произношения Невы как “Невры”), другие – Нюрына (Нуурина), прибывшего из внутренней Монголии военачальника, в дальнейшем сделавшего стремительную карьеру при Мункэ. Несмотря на расхождения в оценках масштабов и целей похода “Неврюевой рати”, важны его непосредственные результаты: войско Андрея Ярославича было разбито у Переяславля, город разграблен, а сам он бежал в Новгород, а оттуда в Швецию. Ярлык на великое княжение был передан Александру Невскому. Сам же бывший великий князь Андрей по сообщению летописи так отреагировал на действия своего брата: “Доколе нам между собой ссориться и наводить татар; лучше бежать в чужую землю, чем дружиться с татарами и служить им!”

Этот же сценарий был использован Александром Невским для подчинения могущественной и своевольной Новгородской земли. Новгородцы изгоняли и его самого с поста князя (в 1240 г.), а в 1255 и 1256 гг. восставали против его ставленников. Своевольное поведение новгородской городской общины было давней традицией, и в рамках политического устройства Роуськой земли ей противопоставить было нечего. Но в 1257 г. Александр Невский привел в Новгород монгольский отряд и, действуя от имени монголов, расправился с лидерами оппозиции (одним отрезали носы, другим выкалывали глаза). А в 1259 г., вновь угрожая монголами, он заставил новгородцев подчиниться проведению переписи – таким образом, Новгород признал себя вассалом Монгольской империи, обязанным регулярно выплачивать дань. Теперь двусторонний конфликт между городской общиной и принятым князем переводился в плоскость подчинения или неподчинения утвержденному монголами порядку. Тем самым создавался прецедент борьбы с городскими общинами, в дальнейшем широко использованный владимирскими (а после московскими) великими князьями. Если прежде роуськие князья регулярно прибегали к помощи кочевников (печенегов или половцев) в качестве военных союзников, чтобы добыть себе власть, то теперь

сама княжеская власть в Северо-Восточных землях переосмысливается как представляющая высшую власть монгольской империи. Отныне она основывается не на соглашении с городской общиной, а на праве завоевателя (монголов), делегированном вассалам-князьям, чьи полномочия подтверждались официально ярлыком на княжение. Постепенно статус “великого князя” из пустого формального титула начал превращаться в наполненный реальным содержанием ранг правителя в иерархии централизованной власти монгольской империи, а с 1266 г. – самостоятельной Золотой Орды.

Таким образом, во второй половине XIII века происходит окончательное распадение Русьской земли на различные политические системы, развивающиеся в разных направлениях. Юго-западные территории (вокруг Галицко-Волынского княжества) сохраняют самостоятельность на правах младшего союзника Золотой Орды. Полоцкая земля поглощается Литвой. Владимиро-Суздальское княжество активно встраивается в политическую систему Золотой Орды и втягивает в сферу ордынского – а значит, и своего – влияния соседние территории (Рязань, Муром и вовсе удаленную от степи Новгородскую землю). Этот процесс сопровождался и языковой дифференциацией, в том числе в отношении названия расходящихся территорий. Население Северо-Востока бывшей Русьской земли начинало называть себя “русскими” (“русскими”), населения Юго-Запада – “русьскими”.

4.2. Становление Великого княжества Литовского

Для Литвы, которую впервые в 1238 г. упоминают в летописи как территорию, подвластную Миндовгу (лит. Миндаугас), казалось бы, наступили хорошие времена. Орден меченосцев потерпел сокрушительное поражение, Владимиро-Суздальская и Черниговская земля подверглись сокрушительным ударам монголов. Политическая система Русьской земли действовала в логике “игры с нулевой суммой”: проигрыш одного участника автоматически означал выигрыш другого. В 1239 г. литовцы захватили Смоленск – давнего соперника за контроль над Полоцким княжеством, союзники которого на северо-востоке и юге только что были разгромлены монголами. Однако спустя всего лишь год после монгольского нашествия новый владимирский князь Ярослав Всеволодович смог собрать значительную армию и изгнать литовцев из Смоленска. Сколь разрушительным ни был нанесенный монголами удар, он пришелся главным образом по тонкому слою

политически организованной части общества: городам (население большинства не превышало тысячу человек) и профессиональным дружинам (также несколько тысяч или даже сотен человек во всем великом княжестве). Это объясняет катастрофичность восприятия образованными современниками масштабов вражеского вторжения, даже если силы противника исчислялись несколькими сотнями или тысячами воинов, но также и парадоксальный факт стремительного восстановления после очередной военной катастрофы: рассеянное на огромной территории по деревням из дюжины дворов, население сохраняло достаточный человеческий и экономический потенциал для восстановления слабой политической инфраструктуры даже после разорительного набега.

Главная же проблема для Литвы, которая в 1240-х гг., после окончательного присоединения всех обширных полоцких земель, начинает именовать себя великим княжеством – согласно принятой в Русьской земле номенклатуре – заключалась в изменении принципов политики в регионе. Вместо “горизонтальной” сети политических объединений в результате экспансии крестоносцев и монголов начинают кристаллизоваться “вертикальные” иерархически организованные политические структуры. (Возможно, именно нераспространённость иерархических отношений вассалов и сюзеренов в прошлом вызвала столь болезненную реакцию на установление относительной политической зависимости русьских княжеств от монголов, позже названной “игом”.) Победа над отдельным княжеством больше не меняет общий расклад сил, если за ним стоит сюзерен, связанный обязательствами взаимной поддержки с вассалом. Разбитый Орден меченосцев реорганизовался в Ливонское ландмейстерство Тевтонского ордена (часто называемое просто Ливонским орденом), и в результате угроза с запада и северо-запада только возросла. Признав себя вассалами монголов, разбитые владимирские князья только усилили, а не ослабили свое влияние на соседние княжества. Галицко-Волынские князья напрямую получали военную помощь от монголов в походах против литовцев начиная с 1258 г. Очередной поход литовцев против ордена в 1244 г. закончился поражением. Походы 1245 г. на Торжок и 1248 г. на границу Владимиро-Суздальской земли также окончились разгромом. Русьская земля как формат взаимодействия возникших в результате политической самоорганизации княжеств распалась, и вместо быстрых рейдов в разных направлениях в войне “всех против всех” залогом успеха теперь становилось обладание могущественными союзниками.

В этой ситуации естественным партнером Литвы оказался южный сосед по распавшейся Роусьской земле – Галицко-Волынское княжество: не подчиненное могущественному сюзерену и, в отличие от польских князей, не чурающееся тесных контактов с “язычниками”. Заключенный в середине 1240-х гг. союз был скреплен женитьбой в 1248 г. князя Даниила Романовича Галицкого на племяннице Великого князя литовского Миндовга. Затем последовал разрыв и несколько лет нового противостояния, новый мир в 1254 г., подтвержденный женитьбой сына Даниила Шварна на дочери Миндовга, и новый виток конфронтации после 1255 г. Согласно стандартам того времени, столь тесное и регулярное взаимодействие ближе всего соответствовало современному нам понятию “союзники”, а систематическое заключение династических браков закладывало основу для возможного будущего объединения.

К тому же, воюя с Миндовгом, Даниил Галицкий не обязательно воевал со всей Литвой: первый великий князь литовский постоянно сталкивался с соперничеством других литовских князей, особенно со стороны своего племянника Товтивила (Таутвиласа) и князя Жемайтии Викинта (Викинтаса). Даниил Галицкий был женат на родной сестре Товтивила, поэтому, когда Товтивил в 1249 г. поссорился с Миндовгом и бежал, опасаясь за свою жизнь, Даниил принял его и поддержал в борьбе с дядей. Таким образом, именно вовлеченность галичан в литовскую политику привела к конфликту Миндовга и Даниила.

В 1250 г. дела Миндовга приняли угрожающий оборот: против него одновременно выступили крестоносцы, поддерживающие Викинта жемайты и Товтивил во главе галицких войск. Тогда Миндовг принял неординарное решение: он обратился напрямую к ландмейстеру Тевтонского Ордена в Ливонии, сообщив о своем желании креститься. Миндовг отказался от притязаний на земли куршей, земгалов и селов и весной 1251 г. принял крещение по католическому обряду, а ценой уступки части Жемайтии и Ятвягии добился полной нормализации отношений с Орденом: 6 июля 1253 г. он получил корону Литовского короля Священной Римской империи. В новом качестве христианского короля Миндовг ввел натуральный налог по типу церковной десятины с урожая – дякло (лит. *doklas*, ср. древнерус. *тягло*), который доставлялся в местные укрепленные общинные центры и использовался для содержания дружин.

Теперь в сложной ситуации оказался Даниил Галицкий. В 1252 г. его союзник, великий князь Владимирский Андрей Ярославич, был свергнут своим братом Александром Невским при поддержке приве-

денной им монгольской “Неврюевой рати”. Одновременно правитель западной области Джучиева улуса беклярбек Курумиши (Куремса русских летописей) вторгся в южные владения Даниила – в Познание и Южную Волинь. Союз Миндовга с Орденом и польскими князьями оставлял галицкого князя в полной изоляции. В этой ситуации Даниил соглашается принять корону короля Священной Римской империи и в январе 1254 г. (через полгода после Миндовга) коронуется как Король Руси (*Regis Rusie*). Считается, что предложения короны поступали и раньше, начиная с 1246 г., но Даниил отказывался, так как коронация предполагала переход из православия в католичество. Трудно сказать, насколько это требование действительно вызывало принципиальное неприятие Даниила Галицкого, который тесно взаимодействовал и вступал в родственные отношения как с литовскими язычниками, так и с польскими и австрийскими католиками. Во всяком случае, после коронации он не сделал ничего для распространения католичества в своих землях.

Так почти одновременно на развалинах Русьской земли возникли два королевства – Литовское и Русьское, ориентированные на союз с крестоносцами и католической Священной Римской империей. Соответственно, их общим противником стал Улус Джучи и его вассал – владимирский великий князь Александр Невский, которому по ярлыку принадлежал и Киев, все еще по инерции воспринимавшийся как символ главенства в Русьской земле. Совместные действия литовского и русьского королей против монголов вскоре привели к соперничеству и новому разрыву, чем не замедлили воспользоваться монголы, ревниво относившиеся к усилению своих соседей. В 1258 г. сменивший Курумиши в качестве беклярбека темник Бурундай (тот самый, что в марте 1238 г. разгромил на реке Сить войско Владимиро-Суздальской земли) сделал Даниилу Галицкому предложение, от которого нельзя было отказаться: присоединиться к монгольскому походу против слишком усилившейся Литвы. Характерно, что возглавил галицкое войско не сам Даниил, а – по его просьбе – его младший брат и соратник Василько Романович: несмотря на конфликты с Литвой, Даниил пытался понизить значимость выступления своих войск на стороне монголов. Русьский король лично не пошел войной против литовского короля по призыву монгольского беклярбека. Разбив при помощи галицких войск Миндовга, на следующий год Бурундай пришел с войском в Галицко-Волинскую землю и потребовал срыть укрепления нескольких городов, в том числе Владимира Волинского и Львова.

Рейды Бурундая, который применил традиционный монгольский прием разгрома противников поодиночке с последующим ударом по бывшему союзнику, восстановили главенствующее положение Джучиева Улуса в регионе. Тем более что одновременно, в 1257–1259 гг., при помощи Александра Невского монголы подчинили Новгородскую землю в качестве формального вассала. Однако даже тяжелое поражение, нанесенное Литовскому и Руському королевствам, не привело к абсолютно катастрофичным последствиям: их короли сохранили власть (предусмотрительный Даниил в 1259 г. на время вторжения уехал в Польшу), земли не подверглись полному опустошению, в них не были оставлены монгольские гарнизоны. Очевидно, существовали пределы возможностям (и желаниям) правителей Джучиева улуса осуществлять господство над соседними территориями.

В то же время обладание королевским титулом не помогло ни Миндовгу, ни Даниилу Галицкому, которым не пришли на помощь союзники из Ордена или Польши. Напротив, отношения Миндовга с Орденом после этого только обострились. Жемайтия, уступленная Тевтонскому ордену Миндовгом в обмен на коронацию, отказывалась признавать власть ордена. После нескольких лет военного противостояния Тевтонский орден попытался сломить сопротивление жемайтов и собрал армию в 3000 человек. Значительную часть войска составляли дружины куршей и эстов, а костяком являлись 200 рыцарей (в основном, члены ордена, а также датчане и шведы). 13 июля 1260 г. возле озера Дурбе (на западе современной Латвии) состоялось сражение крестоносцев и примерно 4000 жемайтов, вероятно, под командованием племянника Миндовга Тройната. В начале битвы курши вышли из подчинения рыцарей и ударили им в тыл. Остальные вспомогательные войска покинули поле битвы. В результате Тевтонский орден пережил самое тяжелое поражение в XIII веке: в бою погибли 150 рыцарей, включая тевтонского ландмейстера в Ливонии. Пятнадцать рыцарей попали в плен, и восемь из них были сразу замучены жемайтами. После разгрома крестоносцев при Дурбе вспыхнули восстания покоренных балтских племен: восстание куршей было подавлено только в 1267 г., пруссов – в 1270-х гг., земгалов – в 1290 г.

Однако победа жемайтов ударила и по литовскому королю Миндовгу – ведь он не сражался против крестоносцев за Жемайтию, которую официально передал под их власть, приняв от них религию и корону. Союз с Орденом, спасший Миндовга в 1251 г., теперь компрометировал его власть в глазах подданных. В 1261 г. Миндовг объявляет об отре-

чении от христианства (а значит, и сложении королевского титула) и начинает активно действовать против Ордена. Видимо, новая резкая смена курса ему не помогла: в 1263 г. он был убит в результате заговора удельных князей. Короткое время великим князем Литвы был один из заговорщиков, князь Жемайтии Тройнат, а в 1264 г. великим князем стал старший сын Миндовга Войшелк.

Не намного пережил Миндовга и русский король Даниил Галицкий – он умер в 1264 г., и королевский титул не перешел его ближайшим наследникам. В промежутке между кончинами Миндовга и Даниила, 14 ноября 1263 г., возвращаясь от своего монгольского сюзерена Берке (брата и наследника Бату), умер великий князь владимирский Александр Невский. Не будет большой натяжкой сказать, что он также пытался наполнить старинный титул великого князя реальным политическим весом (князь князей), вполне соответствующим званию короля Священной Римской империи. А в 1266 г. умер и Берке – последний правитель Улуса Джучи, лично принимавший участие в Западном походе и формально считавшийся лишь наместником великого хана Монгольской империи. Распад империи был закреплен формально в 1269 г., и преемник Берке – внук Бату, Менгу-Тимур, стал первым ханом самостоятельной Золотой орды, возникшей на месте Улуса Джучи.

Так закончилась на востоке Европы растянувшаяся на четверть века переходная эпоха, начавшаяся с Западного похода монгольской империи и объединения Тевтонского ордена с остатками Ордена меченосцев. На развалинах Роуськой земли и соседних образований – Волжской Булгарии, половецких ханств и частично втягивавшихся в сферу влияния соседей союзов балтских, финских и языческих славянских племен – сформировалась совершенно новая политическая конфигурация.

4.3. Золотая Орда и ее русский улус

Обособление Золотой Орды, включившей в себя степи Дешт-и-Кыпчак, Булгарии, а также пограничные территории южных роуських княжеств, привело к повышению статуса ее северного вассала – Северо-Восточной Руси. Орда уже не могла рассчитывать на помощь из Монголии и сама остро нуждалась в военной поддержке русских князей. Русские дружины участвовали в походах Золотой Орды против государства Ильханов (бывший Чагатаев улус) в 1260-х гг., Византии (около 1270 г.), Литвы (1274 г.), на Северный Кавказ против аланов (1277 г.). В ответ произошло повышение статуса вассальных русских

княжеств. В 1262 г., после череды городских восстаний, произошло изменение характера сбора дани: прежде дань собирали “бесермены” – мусульманские купцы, откупавшие у великого хана в Каракоруме право на сбор дани. (По распространенной в средние века практике откупщик вносил установленную сумму налогов из своих средств, а затем компенсировал свои расходы с большей или меньшей прибылью.) После смерти великого хана Мункэ в 1259 г. и начала гражданской войны в Монгольской империи в 1260 г. изгнание из русских городов купцов – выходцев из враждебного Золотой Орде Чагатаева улуса – не вызвало ответных карательных мер. Сбор дани был поручен местным князьям, что укрепило их власть и казну, а предназначенная для выплаты дани часть сборов целиком оставлялась в Джучиевом улусе. В августе 1267 г. вступивший на престол Менгу-Тимур, первый хан самостоятельной Золотой Орды, издал первый из дошедших до нас ярлыков, закреплявших привилегии православной религии, прежде всего – освобождение церкви и ее владений от выплаты дани. Так были заложены основы консолидации княжеской власти в вассальной Руси: княжеская власть окончательно встраивалась в монгольскую политическую иерархию, а пользующаяся фактически феодальной привилегией иммунитета (необложения налогами) церковь превращалась в важнейший политический фактор в борьбе за великое княжение. Это повышение статуса Северо-Восточной Руси в результате распада Монгольской империи не означало прекращения силового вмешательства монголов – коль скоро сами русские князья продолжали решать свои политические противоречия военным путем, да еще и с обязательным обращением за помощью к хану Орды. С момента образования самостоятельной Золотой Орды и до конца XIII в. монголы произвели не менее 14 рейдов на территорию Северо-Восточной Руси, от локальных набегов до крупномасштабной экспедиции силами фактически всех улусов Золотой Орды в 1293 г. (т.н. “Дюденева рать”) – однако практически все эти нападения были вызваны обращениями соперничавших русских князей. К хану Золотой Орды обращались как сюзерену, верховному арбитру в конфликтах вассалов – от мелких территориальных споров до претензий на получение ярлыка на великое княжение.

Одновременно, начиная с 1260-х гг., начинают еще теснее взаимодействовать (через конфликты и сотрудничество) сохранившие независимость осколки Роуськой земли – Великое княжество Литовское и Великое княжество Галицко-Волынское. Лишившись статуса королевств Священной Римской империи, они отказались от формального

включения в орбиту Тевтонского ордена и Польши. В 1264 г. великим князем Литвы становится сын Миндовга Войшелк (Вайшалгас), который до этого на несколько лет покинул княжеское поприще, постригшись в православные монахи. Его сестра была замужем за сыном Даниила Галицкого Шварном, и волынские войска помогли ему свергнуть заговорщиков – убийц отца. Войшелк правил совместно со Шварном, а Волынского князя Василька Романовича (брата умершего Даниила Галицкого) он называл “отцом и господином”, то есть признавал себя его вассалом. В 1267 г. Войшелк категорически отказался от власти и вновь удалился в монастырь на Волыни, а сын Даниила Галицкого Шварн стал единоличным правителем Литвы. Таким образом, Литва (уже давно включившая в себя Полоцкое княжество) и Волынь впервые оказались объединены формально, на основании личной унии правителей. Этот союз продолжался недолго: в апреле 1267 г. Войшелк, гостивший у Василька Романовича, был убит другим сыном Даниила Галицкого – Львом Даниловичем, унаследовавшим галицкую землю и также претендовавшим на власть в Литве. В 1269 г. умирают Василько Романович и Шварн, и основанный на близких семейных отношениях и религиозной солидарности альянс правителей Литвы и Волыни распадается. После этого на великокняжеском престоле в Литве представители клана Миндовга и их противники сменяли друг друга, альянсы с правителями Волыни чередовались с острыми конфликтами.

Неизменным оставалась лишь роль Великого княжества Литовского как главного противника Тевтонского ордена. В Литву бежали после поражения восстаний против ордена представители пруссов, ятвягов и других балтских и финских племен Прибалтики. 16 февраля 1270 г. в так называемой битве при Карусе на льду замерзшего Балтийского моря (у берега современной Эстонии) литовское войско разгромило объединенные силы Тевтонского ордена и датских рыцарей из Ревеля (Таллина): погибли 52 рыцаря во главе с ливонским ландмейстером и 600 пехих воинов. Еще более тяжелые потери орден понес 5 марта 1279 г., когда его войско возвращалось после победоносного рейда в Литву. Тогда вновь погиб ливонский ландмейстер и 71 рыцарь.

Несмотря на эти крупные победы, после подавления Тевтонским орденом восстания пруссов, к 1280-м гг., ситуация Литвы усложняется: начиная с 1283 г. борьба с крестоносцами ведется одновременно на два фронта, в Ливонии и на прежде защищенном юго-западе, со стороны покоренных орденом земель ятвягов и пруссов. В 1309 г. штаб-квартира Тевтонского ордена была перенесена из Венеции в Мариенбург в устье

Вислы в Пруссии, и Великое княжество Литовское – единственное преимущественно языческое политическое образование Восточной Европы – оказалось главным объектом орденской политики.

Настоящим испытанием сложившейся на обломках Роусьской земли системы политических образований – и самостоятельных (Литва, Во-лынь и Галич), и вассальных Золотой Орде – стали первые десятилетия XIV века. Да и сама Золотая Орда претерпела глубокую трансформацию, достигнув пика своего расцвета в первой половине XIV столетия.

В январе 1313 г. ханский престол Золотой Орды захватил племянник умершего хана Тохты, прибывший из Ургенча (на берегу Амударьи) Узбек. Убить прямого наследника Тохты (его сына Иксара) и стать ханом вместо него Узбеку помог эмир Ургенча Кутлуг-Тимур (туркм. Святой Тимур), ставший беклярбеком (визирем) при нем. Накануне захвата Чингисханом в 1221 г. Ургенч называли “сердце ислама”, и спустя столетие его монгольские правители не только сами тюркизировались и исламизировались, но и, подобно Кутлуг-Тимуру, должны были поддерживать репутацию ревнителей Ислама и даже “святых”. Захват ханской власти Узбеком, опиравшимся на среднеазиатские кланы и исламскую партию, означал не просто очередную смену правящей группировки. Сломив ожесточенное сопротивление кочевой аристократии, в 1320 г. Узбек принял ислам как официальную религию Улу Улуса (Золотой Орды). Согласно хронисту первой половины XV в., недовольные исламизацией представители монгольской знати (среди которой был и правитель столичной области, Сарая) заявили:

Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясык) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?

Эта позиция совершенно типична для идеологии господства монгольской империи, которая отделяла политическое доминирование и экономическую эксплуатацию от культурной экспансии. Судя по его действиям, Узбек опасался, что сугубо “политическая” конструкция власти размывает внутренние и внешние границы государства, проявлением чего становилась “кипчакизация” знати и растущая интеграция с русскими княжествами. Действительно, еще в 1261 г. в столице – Сарая – была учреждена епархия православной церкви. Помимо “деловых” отношений налаживались родственные связи: князь белозерский и ростовский Глеб Василькович (1237–1278) был женат на внучке Бату; его ровесник князь ярославский и великий князь смоленский Фёдор Ростиславич Чёрный (ок. 1240–1299) женился на

дочери хана Менгу-Тимура; князь ростовский Константин Борисович (1255–1307 гг.) в 1302 г. также женился в Орде. Эти браки не только укрепляли связи между русской и ордынской знатью, но и подрывали отношения господства и подчинения (сюзерена и вассала), поскольку династические браки предполагали равенство сторон. Передача сбора дани напрямую русским князьям предоставила в их распоряжение мощные экономические и политические рычаги, что представляло потенциальную опасность для сохранения доминирования Орды.

Поэтому Узбек попытался пресечь процессы “конвергенции” (смешивания) и усиление русских князей. Хронист сообщает, что по приказу Узбека казнили 120 чингизидов, противившихся принятию ислама. В отношении вассальных русских земель были предприняты энергичные попытки предотвратить политическую консолидацию. Не отказываясь от принципа сбора ордынской дани самими князьями, хан Узбек попытался ввести новый порядок: каждый князь должен был собирать дань на территории *соседнего* (обычно соперничающего) княжества. Для подтверждения его полномочий князя сопровождали монгольские послы и военный контингент. (Так, в 1315 г. Тверской князь при поддержке ордынского эскорта собирал дань в Ростове и Торжке, в 1317 г. Московский князь при поддержке ордынцев совершил рейд на Кострому и пытался попасть в Тверь, но потерпел военное поражение.) Тем самым не просто усиливалась вражда между княжествами, но и подрывалась усилившаяся было легитимность княжеской власти: источником княжеского авторитета вновь становилась центральная монгольская власть, олицетворяемая послами и вооруженным отрядом.

В этот период происходит усиление Тверского княжества, поэтому Узбек выдал ярлык на великое княжение более слабому (и менее легитимному) московскому князю Юрию (Георгию), игнорируя такие традиционные политические центры, как Владимир или Ростов. Между 1315 и 1327 гг. историки насчитывают по крайней мере 9 экспедиций по сбору дани с участием монгольских войск. В 1326 г. при весьма драматических обстоятельствах ярлык на великое княжение передается тверскому князю, а в 1327 г. в Тверь прибывает со свитой посол, двоюродный брат хана Узбека Шевкал (Щелкан русских летописей): очевидно, получение дани с великого князя оставалось прерогативой самого хана и осуществлялось по указанию Узбека в наиболее унижительной форме, подчеркивающей подчиненное положение вассала. Шевкал вселился в терем тверского князя Александра Михайловича, его свита притесняла горожан, на жалобы которых недавно назначен-

ный великий князь отвечал советом “потерпеть”. Вспыхнуло восстание городской общины, Шевкал и его свита были убиты, чем немедленно воспользовался московский князь Иван I Калита: он отправился к хану Узбеку и вернулся в 1328 г. во главе карательного войска в составе 5 туменов (т.е. номинальной общей численностью до 50 тыс. человек). Это войско совместно с присоединившимися московской и суздальской дружинами подвергло Тверское княжество разгрому. Московский князь вывез из Твери Спасский колокол (символ вечевой власти), князь Александр бежал, а ярлык на великое княжение был разделен ханом Узбеком между Московским и еще более незначительным в этот период Суздальским княжеством (которому достался в том числе и стольный Владимир).

Как ни странно, итогом масштабного ордынского нашествия и разделения великокняжеского титула между двумя владельцами стало усиление Северо-Восточной Руси. В течение последующих сорока лет не произошло ни одного значительного набега ордынских войск на земли Великого княжества (“тишина великая”), а московский князь Иван Калита (1283–1340 или 1341) в полной мере воспользовался ярлыком на великое княжение, чтобы повысить статус своего княжества. Репрессии хана Узбека подавили политическую конкуренцию на северо-востоке, устранив всех наиболее сильных и амбициозных правителей, кроме абсолютно лояльного московского князя. Через несколько лет он остался единственным держателем великокняжеского ярлыка, уполномоченным собирать ордынскую дань во всех подвластных орде землях Северо-Восточной Руси. Это был следующий шаг в направлении политической и экономической консолидации русских княжеств, которую изначально пытался пресечь хан Узбек: теперь дань собирали не все князья, а лишь великий князь, чей титул в результате обрел реальный вес. Очевидно, система сбора дани князьями-соперниками при поддержке ордынских контингентов оказалась слишком хлопотной и затратной, и Ивану Калите удалось убедить Узбека в том, что он способен справиться со сбором дани один, в полном объеме и без напоминаний (в виде карательных экспедиций). При Иване Калите Москва становится постоянной резиденцией митрополита Киевского и всея Руси, что имело огромное политическое и экономическое значение.

Начиная с 1330-х годов складывается новый политический сценарий развития Северо-Восточной Руси: титул великого князя вбирает в себя все полномочия по представительству верховной власти Золотой Орды на вассальных территориях. В то же время великий князь получает до-

полнительную санкцию от православной церкви как местный законный правитель (а не назначенный иноземный “вице-король”). Закрепление великокняжеского титула за московскими князьями положило начало особой великокняжеской династии, стоящей выше “обычных” князей-Рюриковичей, и превращению ее семейных удельных территорий в основу Московского великого княжества (ВКМ) как территориального государства.

4.4. Великие княжества Литовское, Галицко-Волыньское и их соседи

Практически одновременно (с середины 1310-х гг.) происходят глубокие изменения на западных окраинах бывшей Русьской земли – Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Галицко-Волыньских земель. Как и в случае отношений Северо-Восточной Руси с Золотой Ордой, отношения Литвы с христианскими соседями в Прибалтике не сводились к непримиримому противостоянию с Тевтонским орденом. Так, очень долго по меркам той эпохи (1298–1330 гг.) просуществовал союз между городом Ригой (прежним оплотом Ордена меченосцев) и Великим княжеством Литовским, направленный против Тевтонского ордена. Сам же орден, несмотря на свою общую экспансионистскую политику, активно поддерживал часть политических группировок внутри ВКЛ (парадоксальным образом – партии язычников и православных против католиков). Случай ВКЛ наглядно показывает, что даже в эпоху средневекового “религиозного фанатизма” политическая и экономическая рациональность решительно преобладала в отношениях рижского архиепископа и литовских язычников (или мусульманского хана Узбека и православного московского князя).

Можно заметить определенный зеркальный параллелизм между развитием восточных и западных земель в XIV веке. Так, Литва переживает период подъема и экспансии в 1320-е гг., которые были временем межкняжеских распрей и беспрецедентного внешнего давления в Северо-Восточной Руси, зато вместо наступившей на четыре десятилетия после 1328 г. на Руси “тишины великой” 1329 г. ознаменовал для ВКЛ начало длительного периода тяжелых войн. В 1316 г. великим князем Литовским становится Гедемин (Гедеминас, 1275–1341), правивший практически одновременно с московским князем Иваном Калитой и так же, как и Калита, ставший родоначальником отдельной династии великих князей. Впрочем, в отличие от Ивана, Гедемин правил не как вассал могущественного, хоть и далекого сюзерена, а как самостоятель-

ный государь, проводивший активную экспансионистскую политику. В 1322 г. Гедемин объявил в письмах Папе Римскому и немецким городам о своем желании креститься в католичество, в результате чего Папа Иоанн XXII настоял на приостановке военных действий Тевтонским орденом. Хотя противодействие язычников и православных в его окружении заставило Гедемина отказаться от этой идеи (прибывшим в 1324 г. посланцам Папы Римского заявили, что вся история с крещением – недоразумение, вызванное ошибкой писца), перемирие с Орденом по настоянию Иоанна XXII продлилось до 1328 г. Эта продолжительная передышка позволила Гедемину распространить свою власть на большую часть современной Беларуси и установить протекторат над Смоленском и Псковом. Браки детей Гедемина упрочили союзнические отношения со всеми соседями и даже позволили в дальнейшем унаследовать важные территории. Так, его сын Ольгерд (Альгирдис) женился на дочери витебского князя, другой сын – Любарт – женился на дочери галицко-волынского короля Андрея Юрьевича, в результате чего со временем правителями этих земель стали литовские князья. Одна дочь Гедемина (Альдона) стала женой сына польского короля, будущего Казимира III Великого; другая (Мария) вышла замуж за тверского великого князя Дмитрия Михайловича Грозные Очи; третья (Айгуста) вышла замуж за сына Ивана Калиты, будущего великого князя московского Симеона Гордого. Литовские князья играли важную роль в политической жизни Пскова еще начиная с 1260-х гг., а в 1333 г. сын Гедемина Наримунт был приглашен князем и на северные новгородские земли. В первой половине 1320-х гг. (точная датировка вызывает разногласия) литовская армия под командованием Гедемина у реки Ирпень (к северо-западу от Киева) разгромила войско Киевского княжества (вероятно, поддержанного ордынскими силами) и заняла Киев и пограничные с Ордой города левобережья Днепра (включая Переяславль, Путивль и Белгород). Последовавший ответный рейд Золотой Орды против Литвы и проведенные по итогам демонстрации силы переговоры уточнили статус занятых ВКЛ земель на ближайшие десятилетия: они оставались в общей вассальной зависимости от Орды (в Киеве сохранялись ханские баскаки), однако непосредственное управление переходило к наместникам Гедемина. Таким образом, Киев окончательно вышел из номинального подчинения Великому князю Владимирскому. Эта обширная экспансионистская политика вдохновила Гедемина уже в своих письмах 1322 г. называть себя “королем литовцев и многих русских и проч.”

Однако перемирие с Орденом закончилось в 1328 г., и Гедемину стало не до территориальной экспансии. После многолетней подготовки в 1329 г. Тевтонский орден возобновил наступление на Литву, занимая один за другим ключевые укрепленные пункты Жемайтии. В 1337 г. в среднем течении Немана был основан Байербург (Баварский замок, названный в честь участвовавшего в походе герцога Генриха Баварского). Крестоносцы получили важный плацдарм для рейдов вглубь Литвы, который литовцы безуспешно пытались разрушить в течение многих лет. При очередной осаде Байербурга Гедемин и погиб в 1341 г. – почти одновременно со смертью хана Узбека и Ивана Калиты.

После смерти Гедемина обширная территория ВКЛ оказалась разделенной на 8 частей между его семью сыновьями и братом, однако распада княжества удалось избежать благодаря личным отношениям сыновей Гедемина и политическим способностям двух из них – старших братьев Ольгерда (Альгирдаса) и Кейстута (Кестутиса). К 1345 г., при общем согласии литовских князей, сформировалась система двоевластия: Ольгерд стал великим князем, занимавшимся, в основном, землями бывшей Роуськой земли и отношениями с Ордой, а Кейстут правил Жемайтией и отвечал за противостояние Тевтонскому ордену. Ольгерд был православный христианин, женатый сначала на витебской, а потом на тверской княжне, а Кейстут оставался язычником. Дополняя друг друга, братья выстраивали параллельные иерархии служебной и культурной лояльности, объединяя разнокультурных подданных и конвертируя личные качества и отношения в политические факторы. Как и во многих других подобных случаях, оборотной стороной политического успеха, основанного на личных качествах и родственных связях, являлась полная зависимость выстроенной политической системы от конкретных исторических личностей.

Двоим Ольгерду и Кейстуту удавалось поддерживать ВКЛ в роли самостоятельной политической силы, несмотря на усиление давления со стороны могущественных соседей. 2 февраля 1348 г. войско ВКЛ на льду реки Стревы недалеко от Каунаса потерпело тяжелое поражение от армии крестоносцев, в битве погибли два князя-Гедеминовича (Наримунт и Монвид). Боевые действия теперь велись уже на территории Аукштайтии. Весной 1362 г. крестоносцы осадили и разрушили каменный замок в Каунасе. В последующие два десятилетия они совершили до 70 походов против ВКЛ, продвигаясь все дальше на восток. Параллельно, с конца 1340-х гг., продолжалась затяжная война с Польшей за “Волынское наследство”: Галицко-Волынское княжество унаследовал в

1341 г. сын Гедмина Любарт, но польский король Казимир III Великий (прежде женатый на сестре Любарта, умершей в 1339 г.) захватил Галич. В ходе войны Галицко-Волынское княжество исчезло, поделенное между ВКЛ (большая часть Волыни) и Польшей. В 1362 г. в сражении у реки Синие Воды (Синюха, в современной Кировоградской области Украины) армия под командованием Ольгерда разгромила войска трех нойонов (князей) хана Золотой Орды Мурада. В результате из Киева были изгнаны ордынские баскаки и посажен правителем сын Ольгерда, а Киевщина, Северщина (вокруг Чернигова) и Подолия перестали считаться вассальными территориями Орды. В 1368–1372 гг. Ольгерд совершил несколько походов против Москвы, вмешавшись в очередной виток противостояния между тверским и московским князьями на стороне Твери.

Впечатляющие успехи Великого княжества Литовского в присоединении бывших роусьских земель во многом объяснялись глубоким политическим кризисом в Золотой Орде (“великой замятней” русских летописей): в результате дворцового переворота в 1359 г. прервалась династия прямых наследников Бату, и за следующие 30 лет на престоле в Сарае сменились 25 ханов. Иногда одновременно правили два “альтернативных” хана, многие улусы фактически вышли из подчинения центральной власти. Не оказывали существенного противодействия литовской экспансии и наследники Ивана Калиты на Московском великокняжеском престоле: у литовских правителей были в целом союзные отношения с его сыном Симеоном Гордым (1317–1353), другой сын, Иван II Красный (1326–1359) был достаточно пассивным правителем, а сменивший его на престоле внук Калиты Дмитрий Иванович Донской (1350–1389) взошел на престол после смерти отца малолетним. Однако именно стремительное расширение ВКЛ на юго-восток создало самую большую проблему для этого политического образования: как примирить задачи политики на западе (противостояние Ордену, чьи войска уже доходили до Вильнюса) и на востоке (перспективы превращения в главного наследника Роусьской земли, противостоящего Золотой Орде)? Ордынцы были союзниками в борьбе против рыцарей, а Орден поддерживал антиордынскую политику. Партнерские отношения соправителей Ольгерда и Кейстута сглаживали эти структурные противоречия, но в 1377 г. Ольгерд умер, передав власть великого князя своему младшему сыну Ягайле (Йогайле).

Передача власти Ягайле в обход старшего сына Андрея породила тяжелый политический кризис в ВКЛ и осложнила отношения с со-

седами: в результате интриг Ягайлы был убит Кейстут и едва избежал смерти его сын Витовт (Витаутас). Опора соперничавших группировок Гедиминовичей на поддержку Тевтонского Ордена привела к тому, что войска Ордена заняли почти всю Аукштайтию (так что Великое княжество Литовское оказалось в основном на территории бывших роуських земель). Сын тверской княжны, Ягайло, вступил в конфликт с давним соперником Твери – ВКМ, которое поддерживало его брата Андрея как легитимного претендента на престол. В результате победы Ягайло его братья перешли на службу Великому князю Московскому, признав его сюзеренитет и тем ослабив ВКЛ.

Острый кризис власти 1377–1384 гг. поставил ВКЛ на грань исчезновения как самостоятельное политическое образование, лишившееся легитимных правителей и даже определенной политической линии. Одновременно рассматривались два сценария спасения княжества. В 1384 г. мать Ягайло, княжна Иулиания Тверская, заключила договор с Московским великим князем Дмитрием Донским, предусматривавший брак Ягайло с дочерью Дмитрия, крещение ВКЛ в православие и подчинение ВКЛ великому князю московскому как сюзерену. А 14 августа 1385 г., не дождавшись реализации московского сценария, сам Ягайло подписал Кревскую унию (союз) с Польским королевством. Приняв католичество и имя Владислав, он женился на 11-летней дочери умершего польского короля Ядвиге, пообещав крестить ВКЛ в католичество и навсегда присоединить свои литовские и русские земли к Королевству Польскому. Понятно, что польский сценарий был гораздо более выгодным для Ягайло: он становился самостоятельным королем, а не вассалом великого князя – улусника Золотой орды. Однако для самого ВКЛ не было большой разницы между двумя сценариями преодоления кризиса государственности, в равной степени предусматривавшими крещение и утрату суверенитета, и характерно, что оба варианта рассматривались одновременно и вполне серьезно.

Очевидно, Великое княжество Литовское достигло такого уровня политического развития, когда оправдание существования государственности (как формально-юридическое, так и идейное, разделяемое большинством населения) должно было быть найдено внутри общества, а не во внешних и сиюминутных политических обстоятельствах. Династический кризис и потеря родовых территорий Жемайтии и части Аукштайтии сделали особо проблематичными притязания литовских князей-язычников на власть над преимущественно православным населением бывших роуських земель. Возможности дальнейшей активной

внешней экспансии были практически исчерпаны, так как границы ВКЛ подошли вплотную к территориям сильных соседей (Польша, ВКМ, Золотой орды, не говоря уже о Тевтонском ордене). Сугубо “политический”, культурно-нейтральный характер власти правителей ВКЛ обеспечил быстрое подчинение огромных территорий с крайне разнообразным населением, однако делал проблематичным сохранение единства страны с прекращением активной экспансии (одновременно важнейшего политического и экономического ресурса). Традиционное для средневековья решение этой проблемы – принятие единой монотеистической религии как общего культурного и идеологического кода – означало размывание границ с соседями-единоверцами (католичества – с Польшей, православия – с ВКМ, гипотетическое обращение в ислам – с Ордой) и, вероятно, зависимое положение новообращенных от духовной “метрополии”.

ВКЛ удалось избежать растворения в Королевстве Польском, как это предусматривалось подписанной Кревской унией, благодаря сохранению дуализма власти. После продолжительной борьбы Ягайло и его двоюродного брата, сына Кейстута Витовта, в 1392 г. между ними было заключено соглашение, по которому Витовт становился великим князем литовским, а польский король Ягайло получал номинальный титул “верховного князя Литвы”. Вместо неформального разделения полномочий братьями-соправителями Ольгердом и Кейстутом спустя четверть века было установлено формальное разграничение юрисдикции между их сыновьями. Таким образом, ВКЛ было реформировано, получив единые идеологические, правовые и экономические нормы (христианство, Магдебургское право в городах, распространение привилегий польской шляхты на принявших католичество бояр ВКЛ), при этом сохранив политическую самостоятельность. Несмотря на то, что договор 1392 г. предполагал временное разделение Польского королевства и ВКЛ (лишь до конца жизни Витовта), политическое объединение ВКЛ и Польши состоялось лишь много поколений спустя, в результате Люблинской унии 1569 г., создавшей конфедеративное государство с единым монархом – Речь Посполитую (польск. *Rzeczpospolita*, перевод лат. *Res Publica* – “общее дело”).

Преодолев династический и политический кризис, ВКЛ под управлением Витовта вновь становится ведущей силой в Восточной Европе. Во второй половине 1390-х гг. Витовт в союзе с Тевтонским орденом пытается сокрушить Золотую орду. Разгромленный среднеазиатским эмиром-завоевателем Тимуром (Тамерланом) и потерявший власть

бывший ордынский хан Тохтамыш в 1396 г. бежал под защиту Витовта в Киев. В 1397 и 1398 гг. Витовт совершил два похода в степь, дойдя до Черного моря и Крыма, откуда привел с собой и поселил в Тракайском княжестве несколько сот семей лояльных Тохтамышу татар и караимов. В 1399 г. он добился статуса крестового похода для новой кампании против ордынского хана Тимур-Кутлуга: Витовт намеревался вернуть ханский престол Тохтамышу в обмен на признание им сюзеренитета ВКЛ, что автоматически превращало бы ВКМ и остальные русские княжества в вассалов ВКЛ. Этим планам не суждено было сбыться: в решающей битве на реке Ворскле (приток Днепра примерно в 350 км от Киева) союзное литовско-польско-татарско-тевтонское войско потерпело тяжелейшее поражение от Золотой Орды.

Спустя десять лет Витовт вступил в т.н. “великую войну” с Тевтонским орденом за возвращение в состав ВКЛ Жемайтии – которую сам же уступил Ордену по договору 1398 г., собираясь в крестовый поход в степь (не говоря уже о нескольких договорах, подписанных с Орденом им и Ягайло в период борьбы за власть, а также о договоре Ягайло с Орденом 1404 г., также подтверждающим передачу Жемайтии). 15 июля 1410 г. состоялась решающая Грюнвальдская битва этой войны у немецкой деревни Грюнфельд (*Grünfelde*). В одном из самых масштабных и ожесточенных сражений средневековья примерно 11-тысячное войско Ордена (которое также включало наемников из Западной Европы и полки польских князей Конрада Белого Олесницкого и Казимира Щецинского) было разгромлено примерно в полтора раза превосходящей по численности союзной армией Витовта (ВКЛ), Ягайло (Польского королевства) и татарских отрядов под предводительством сына Тохтамыша Джелал ад-Дина. В битве погибли 205 орденских братьев-рыцарей, включая все руководство ордена, многие попали в плен. Грюнвальдская битва подорвала могущество Тевтонского ордена: после многолетних переговоров, в 1422 г., Тевтонский орден полностью отказался от Жемайтии, а в результате новых военных поражений в середине XV в. признал вассальную зависимость от Польского королевства.

Сменив юго-восточную политику на западную, Витовт не отказался полностью от планов распространить свою власть на все бывшие роусьские земли: его дочь Софья была замужем за великим князем московским Василием Дмитриевичем (Василием I), который в завещании 1423 г. отдавал жену и детей под защиту Витовта. В 1427 г. овдовевшая Софья Витовтовна по согласованию с боярами передала ВКМ под по-

210

кровительство отца как регента при 12-летнем наследнике Василии II, после чего вассалами Витовта признали себя тверской, рязанский и пронский князья.

Вершиной признания значимости Витовта и ВКЛ стал беспрецедентный для средневековой Европы съезд государей в Луцке на Волыни, принадлежащей теперь ВКЛ, в январе 1429 г. В город с населением в несколько тысяч человек съехалось до 15 тысяч гостей, включая слуг и вооруженный эскорт. Королевство Польское представлял сам король Владислав II Ягайло, высшее духовенство королевства и главы аристократических родов. Из ВКМ прибыли великий князь Василий II и митрополит Фотий, кроме того, присутствовали великие князья из Твери и Рязани. От Тевтонского Ордена был командор комтурства Бальга (в 30 км от Кенигсберга), а от Ливонского – сам ландмейстер Зигфрид Ландер фон Шпонхейм со старшими рыцарями. Золотую орду представляли три улусных хана, контролировавшие земли от Крыма до Средней Волги. Из Византийской империи прибыли послы императора Иоанна VIII Палеолога, Папа Римский Мартин V прислал легата Андрея Хрисоберга (доминиканца, архиепископа Родосского). Самыми важными гостями был римский король (то есть еще не коронованный Римским Папой избранный император Священной Римской империи), король чешский и венгерский Сигизмунд I Люксембург с женой Барбарой. Кроме того, на съезд прибыл король датский и шведский Эрик VII Померанский. Гости встречал и принимал Витовт в окружении представителей княжеских родов ВКЛ, католических, православных и армянских епископов, а также лидеров иудейской и караимской общин.

Хотя обсуждение главных тем съезда (отражение османской угрозы на юге и урегулирование торговых конфликтов на Балтике, достижение унии католической и православной церкви и коронация Витовта) не привело к осязаемым результатам, сам факт того, что католические, православные и мусульманские правители собрались вместе и провели несколько недель в совместных переговорах, охотах и пирах, имеет огромное значение для наших представлений о средневековой Северной Евразии. Оказывается, несмотря на многочисленные идейные и культурные барьеры (которые склонны были абсолютизироваться теми, кто обосновывал политику государей в то время), правители “политически самоорганизованной” части Европы – от Дуная до Волги, и от Балтийского до Черного морей – воспринимали себя как участников единого политического и культурного мира. Ожесточенные битвы и

непрочные союзы, династические браки и торговля в равной степени служили каналами взаимодействия, еще не осмысленными в рамках групповых интересов “народов”. Даже конфессиональные разногласия, составлявшие, казалось бы, основу средневекового представления о “своих” и “чужих”, никак не проявили себя в Луцке: католики, православные, мусульмане, иудеи и караимы на равных принимали участие в официальных церемониях.

Не случайно, что именно ВКЛ под властью Витовта, мечтавшего об объединении церквей, стало местом проведения Луцкого съезда как демонстрации политической общности и пренебрежения культурными различиями: именно эти принципы лежали в основе стремительного возвышения Великого княжества Литовского. Однако в XV веке не существовало политических форм, способных совместить культурно-религиозные различия населения и принцип сакральности власти (как дарованной от бога) – а именно этот принцип начинает доминировать при определении легитимности правителя в эту эпоху. Одной принадлежности к местной родовой знати оказывается недостаточно, тем более (как показал кризис власти 1380-х годов) в государстве с разноплеменным населением, а право завоевателя на власть переставало действовать в следующих поколениях, в случае наследственной передачи власти. Наследственный правитель должен был обосновывать свою легитимность, опираясь на авторитет лишь одной религии, подтверждавшей “божественность” его полномочий. Языческая толерантность становилась исчезающим анахронизмом – и сам Витовт был последним европейским монархом, воспитанным в язычестве. Постепенное усиление влияния Королевства Польского способствовало ослаблению традиций терпимости к различиям в ВКЛ, которые сохранялись в большей степени на уровне повседневных практик и отношений, нежели как сформулированные идеи.

Были периоды, когда ВКЛ было практически полностью независимым от Польши и даже воевало с ней (к примеру, перед своей смертью в 1430 г. Витовт собирался короноваться самостоятельным королем Литвы), были периоды более тесной интеграции двух государств, но общим вектором развития было их постепенно сближение. Этому способствовала, во-первых, двусмысленная ситуация личной унии между ними, когда великий князь литовский мог избираться польским королем, а наследник польской короны становился великим князем литовским. Вместе с представителями общей династии между Польшей и ВКЛ происходил взаимный обмен знати и духовенства, идей и практик.

Во-вторых, усиление ВКМ и его активный экспансионизм толкали ВКЛ к укреплению стратегического союза с Польшей, что в ту эпоху гарантировалось только формальным объединением государств.

4.5. Великое княжество Московское и соседи: первая попытка обретения самостоятельности

Если ВКЛ в XIV веке начинает свою долгую трансформацию от самого могущественного политического образования Восточной Европы к положению младшего партнера Польско-Литовского содружества, то Великое княжество Московское (ВКМ) демонстрирует обратную историческую динамику. Центр небольшого удельного княжества, Москва впервые становится столицей Великого княжества Владимирского только в 1318 г., когда князь Юрий Данилович получил от хана Узбека ярлык на великое княжение. Ярлык на великое княжение был отозван уже в 1322 г., и с тех пор московские князья включаются в борьбу за господство над восточной частью бывших роусьских земель. В отличие от самостоятельного и независимого ВКЛ, Московское княжество являлось улусом Золотой орды, интегрированным в ордынскую политическую систему, поэтому отношения с соседями и само понятие господства с точки зрения правителей Москвы обуславливались положением во внутриордынской иерархии. Это обстоятельство в значительной степени предопределило историческую эволюцию Московского княжества, которое возникло как отдельная политическая единица лишь в последней трети XIII в., уже в рамках ордынской политической системы: основателем Московской династии считается сын Александра Невского, Даниил (1261–1303). Актуальным политическим контекстом для московских правителей была уже не Роусьская земля (как для ВКЛ), а Улус Джучи (Золотая орда), и их политическое воображение в значительной степени структурировалось политическим пространством Орды.

Получение московским князем Иваном Калитой права на сбор дани для Орды наполнило новым политическим содержанием древний и давно ставшим уже скорее символическим титул “великого князя”. Помимо контроля над денежными средствами соседних княжеств, сбор дани от лица хана означал политическое представительство верховной власти в качестве ханского наместника или “вице-короля”. Великий князь становился не просто “первым среди равных” русских князей, одним из улусных правителей, но поднимался на одну ступеньку вверх:

в качестве представителя хана (но только в этом качестве) он оказывался “князем князей”, то есть практически королем Владимиро-Суздальской земли. По сути, перед наследниками Ивана Калиты вставала двойная задача сохранения этого высокого политического статуса при одновременном дистанцировании от контроля со стороны Орды. Это была, к тому же, внутренне противоречивая задача: великокняжеский статус даровался ханским ярлыком и существовал только благодаря верховному сюзеренитету хана (то есть не имел смысла вне ордынской политической системы), однако дальнейшее повышение этого статуса и закрепление его за Москвой, превращение в наследственный титул требовало освобождения от ордынской зависимости.

Сыновья Ивана Калиты, Симеон Гордый и Иван II Красный начали с того, что старались не допускать привлечения хана к разрешению внутрикняжеских споров в качестве верховного арбитра, как это было принято прежде, и наказывали попытки привлечения карательных экспедиций из Орды. Доказательством успешности этих усилий служит сорокалетняя “великая тишина”, наступившая в отношениях русских земель с Ордой после 1327 г. (совместной ордынской и московской карательной экспедиции против восставшей тверской городской общины). Великий князь (в основном это был теперь московский князь) оказался эффективным и полноценным представителем верховной ханской власти, способным самостоятельно разрешать локальные конфликты.

Начавшаяся после дворцового переворота 1359 г. в Сарае “великая замятня” в Орде ознаменовала начало распада этого крупнейшего средневекового государства Северной Евразии. Распадение Орды на самостоятельные улусы ослабляло центральную власть, а калейдоскопическая смена ханов означала, что многие из них не успевали выдать ярлыки вассальным правителям (по заведенному правилу каждый новый хан должен был заново подтверждать или изменять все назначения своего предшественника). Впервые сложилась парадоксальная ситуация, когда вассал (великий князь) обладал более легитимной властью, чем его номинальный сюзерен (хан Золотой Орды), и московский князь нередко сохранял этот титул без санкции очередного хана, а иногда даже вопреки ей. Так впервые великокняжеский титул начал растождествляться с авторитетом верховной ордынской власти.

“Великая замятня” совпала с восшествием на великокняжеский престол в Москве внука Ивана Калиты князя Дмитрия Ивановича (1350–1389). Одиннадцатилетнему Дмитрию, позже заслужившему прозвище Донского, пришлось отправиться в Орду, где он сначала по-

лучил ярлык на великое княжение от контролировавшего Сарай хана Мурада, а потом – от Абдуллаха, “альтернативного” хана, правившего в западной части Золотой Орды. В конечном счете, поддержка последнего имела большее значение, поскольку он являлся креатурой Мамаю (1335–1380) – беклярбека и зятя последнего хана-наследника Бату (Бердибека), убитого в 1359 г. Не принадлежа к роду Чингизидов, Мамай сам не мог претендовать на ханский престол, однако он являлся ключевой политической фигурой в Орде на протяжении всего кризиса, правителем ее западной части, периодически приводя на ханский престол своих ставленников.

Хана Мурада не устроило, что Дмитрий получил санкцию на власть и от его соперника, поэтому он передал свой ярлык на владимирское великое княжение суздальскому князю. Спустя чуть больше недели войско Дмитрия изгнало суздальского князя из Владимира, сохранив великое княжение за московским князем силовым путем. В 1365 г. сменивший Мурада хан Азиз-шейх вновь выдал ярлык на великое княжение владимирское суздальскому князю, но тот добровольно отказался от притязаний на престол. В 1371 г. Тверской князь Михаил перекупил ярлык на великое княжение у очередного хана – московский князь Дмитрий встретил его с войском и не пропустил во Владимир, а сам уладил возвращение себе ярлыка в ханской ставке, многократно перебив цену, уплаченную за ярлык тверским князем. В 1375 г., столкнувшись с единодушной поддержкой Дмитрия остальными удельными князьями Владимиро-Суздальской земли, тверской князь Михаил навсегда отказался от притязаний на великое княжение. В результате в своем завещании весной 1389 г. Дмитрий Донской впервые передает великокняжеский титул по наследству своему сыну – владимирское великое княжение становится наследственным титулом московских князей.

Подчеркивая свое исключительное положение среди остальных князей Владимиро-Суздальской земли, Дмитрий в 1367 г. начал строительство белокаменного кремля в Москве – вместо уничтоженного пожаром деревянного. В 1374 г., после очередной смены власти в Сарае (ханом стал эмир Черкес, враждовавший с Мамаем), Дмитрий перестал выплачивать дань. Это решение явно связано с ростом самостоятельности и могущества московского князя, но также и с кризисом легитимности верховной ордынской власти: в 1374–1375 гг. на престоле в Сарае сменились четыре хана, двое из которых, к тому же, захватывали власть по нескольку раз. Примечательно при этом, что московский князь продемонстрировал свою самостоятельность и мощь не попыткой вернуть

Киев или иные из бывших роуських земель, не подчиненных Орде, а победоносным походом на другой улус Золотой Орды – Булгар. В марте 1376 г. объединенное московское и нижегородское войско разбило болгарскую рать. В Булгаре были посажены московский таможенник и даруга (наместник) и взята огромная контрибуция в 5000 рублей, фактически равная размеру годовой дани всех русских княжеств Орде (по тысяче каждому князю и три тысячи воинам и воеводам). Из города также была вывезена артиллерия, с которой тогда впервые столкнулись русские. Эта операция стала возможной благодаря тому, что эмир Булгара к этому времени фактически вышел из подчинения центральной ордынской власти. Кроме того, он был ставленником сарайского хана Азиз-шейха, врага Мамаю, давно уже свергнутого в результате заговора. Таким образом, московский князь Дмитрий действовал как легитимный улусник против нелегитимного сепаратиста, и если и не по поручению тогдашнего сарайского хана, то и не нарушая ханской воли.

В 1380 г. раздиравший Золотую Орду кризис был преодолен: единство было восстановлено, на ханский престол взошел прямой потомок Джучи Тохтамыш, а Мамай потерял власть и был убит. Значительную роль в воцарении Тохтамыша и восстановлении верховной власти в Орде сыграл великий князь Московский Дмитрий.

Дело в том, что начиная с 1377 г. Тохтамыш предпринимал одну неудачную попытку за другой вторгнуться на территорию Золотой Орды и захватить Сарай, опираясь на поддержку правителя Мавераннахра эмира Тимура (Тамерлана). Одновременно обострилась обстановка на границе подвластных ВКМ территорий с Ордой. Скудость дошедшей до нас информации об ордынской политике этого периода и намерениях князя Дмитрия оставляет место для двойственных толкований. Известно, что 2 августа 1377 г. ордынское войско под командованием царевича Араб-шах Музаффера (Арапша летописей) разгромило на реке Пьяни в 100 км от Нижнего Новгорода объединенное войско вассальных Москве княжеств. То ли командовавшие войском нижегородские князья готовили нападение на лежавшие за рекой вассальные Орде мордовские земли и Араб-шах остановил агрессию, в наказание разорив Нижний Новгород. То ли русское войско было собрано для защиты от ордынцев, которые готовили карательный набег за прошлогодний поход на Булгар (однако ограничились лишь разгромом Нижнего Новгорода). Также непонятно, стал ли Араб-шах уже в это время ханом в Сарае (известны отчеканенные им монеты) при поддержке Мамаю и выполнял его волю, то ли еще был улусным правителем и действовал по собственной инициативе.

Весной 1378 г. Тохтамышу удалось захватить восточную часть Золотой Орды, и он вступил на территорию к западу от Волги, контролируруемую Мамаем. Несмотря на эту угрозу, летом Мамай счел необходимым отправить корпус из 5 туменов (номинальной численностью в 50 тыс. человек) под командованием мирзы Бегича против ВКМ. Вопреки обычаю, князь Дмитрий не стал дожидаться врага за стенами нового каменного кремля или пытаться откупиться. Он выступил с войском навстречу и на реке Вожа (приток Оки, в 25 км от Рязани) 11 августа разгромил ордынский корпус, все пять темников погибли. В отличие от грабительского рейда Араб-шаха 1378 г., в этот раз поведение обеих сторон позволяет говорить о войне как политическом противостоянии (а не экономическом предприятии). Вероятно, установление контроля над ВКМ (более плотного, чем существовавшие вассальные отношения) в глазах Мамаю должно было обеспечить победу над Тохтамышем.

К апрелю 1380 г. Тохтамыш занял практически всю территорию Золотой Орды, включая столицу Новый Сарай. Подконтрольная Мамаю территория сократилась до междуречья Волги и Дона и причерноморских степей. Поражение при Воже существенно ослабило вооруженные силы Мамаю, а битва 8 сентября 1380 г. с войском под командованием князя Дмитрия на Куликовом поле (в междуречье Дона и Непрядвы, в 300 км к югу от Москвы) принесла ему окончательный разгром и поражение в противостоянии Тохтамышу. Мамай бежал в Крым и через несколько недель был там убит.

Точно неизвестно, кто был инициатором войны Мамаю с Москвой: традиционно считается, что Мамай собрал армию для наказания своевольного московского князя и подчинения ВКМ. Однако в этом случае он должен был действовать невероятно медленно и пренебрегать скрытностью: против него успели собрать союзное войско практически всех северо-восточных княжеств, вассальных московскому князю, и даже соперников Москвы: Суздальского, Тверского и Смоленского княжеств. По дороге на Дон к армии русских князей присоединились отряды литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, враждовавших с братом Ягайло и перешедших на московскую службу, а также войско из Новгорода (где наместником был также литовский князь Юрий Нариманович). Сбор союзных войск был назначен в Коломне (чуть более 100 км к югу от Москвы) на 15 августа – это означает, что переговоры о совместных действиях, за которыми последовало выдвижение союзных войск за сотни километров к пункту сбора (к примеру, отстоявшего свыше 500 км от Твери), должны были начаться многими неделями

раньше, а весть о планах Мамаю должна была и вовсе прийти не позже начала лета. После сбора союзное войско за три недели преодолело около 200 км на юг, переправилось через Дон на территорию “дикого поля” – “вотчину” Мамаю – и только там встретилось с его армией. Мамаю планировал усилить свои поредевшие силы за счет наемной пехоты из генуэзских колоний в Крыму, а также полков литовского великого князя Ягайло. Однако точно известно, что войска Ягайлы не успели к началу Куликовской битвы (в отличие от полков литовских князей, поддержавших Дмитрия), и есть основания сомневаться в том, что в сражении успели принять участие генуэзцы. Трудно объяснить, почему Мамаю так плохо подготовился к вторжению за несколько месяцев и даже не успел перейти границу с русскими землями если он и вправду замыслил нападение на ВКМ. Зато понятно, почему Дмитрий повел войска не кратчайшим путем на юг навстречу предполагаемому удару из степи, а огывая с запада Рязанское княжество и требуя, чтобы и волос не упал с головы рязанца. Сомнительно, что таким образом можно было сохранить нейтралитет Рязани, которую московские войска разоряли едва ли не каждый год как накануне, так и после Куликовской битвы (а в 1376 г. еще и отобрали часть территории). Но то, что выдвигание союзного войска явно застало Мамаю врасплох, не в последнюю очередь связано с тем, что оно проводилось скрытно от враждебных Москве рязанцев.

Куликовская битва была во многом решающей для русско-ордынских отношений, а ее символическое значение в качестве ключевого эпизода патриотической, а позже национально-исторической мифологии трудно переоценить. Под влиянием этого фактора историки реконструировали обстоятельства сражения в масштабах, совершенно невероятных для военного дела и демографического потенциала средневековья: численность противоборствующих армий оценивалась в сотни тысяч человек. Недавние исследования археологов и палеогеографов позволили реконструировать предполагаемое место битвы как большую лесную поляну, зажатую между оврагами: не более 800 метров по фронту и до двух километров в глубину. На этой площади могли сражаться достаточно крупные по меркам того времени силы – несколько тысяч человек с каждой стороны. Скорее всего, речь идет о конных профессиональных воинах-дружинниках. Схватка – встречный конный бой – могла продолжаться около получаса.

Позже в сентябре остатки войска Мамаю встретились с войском Тохтамыша (то ли у левых притоков Днепра в районе порогов, то ли на

реке Калке в Приазовье) и, не вступая в бой, перешли на его сторону и присягнули новому хану. Одержав победу над Мамаем, Тохтамыш отправил послов русским князьям, благодаря за помощь в победе над узурпатором (Мамаем) и сообщая о восстановлении в Орде законной центральной власти. Великому князю московскому напоминалось о его вассальных обязательствах перед ханом (включая возобновление выплаты дани), за что Тохтамыш по традиции обещал милость и защиту от врагов. Князья признали власть Тохтамыша, отпустили его послов “с честью и дарами” и отправили ответные посольства с дарами. Причем первым это сделал московский князь Дмитрий – его “киличей” (такой тюркский термин упоминает летопись) отправились в Орду уже 29 октября 1380 г. “Киличей” князей вернулись от Тохтамыша “со многою честью и пожалованием от хана”, что означало окончательное установление дружественных отношений.

Поспешив соблюсти дипломатические приличия, великий князь Московский Дмитрий не торопился отправлять Тохтамышу дань и вел себя скорее в духе Даниила Галицкого по отношению к Бату: как младший союзник, но не зависимый вассал. Осенью 1381 г. он даже приступил к чеканке собственной серебряной монеты “денги” (от тюрк. *tänkä* – монета). На одной стороне изображался вооруженный воин в профиль с надписью по кругу “Печать князя великого” (имя князя не указывалось), а на другой содержалась надпись арабской вязью с именем хана Тохтамыша. Вес денги также весьма символически соответствовал двум третям ордынского дирхема. Очевидно, разрешение на чеканку монеты было одной из “милостей” хана, и монета фиксировала верховный суверенитет Тохтамыша и зависимый и неперсонифицированный характер великокняжеской власти, дарованной по ханскому ярлыку. Однако летом 1382 г. начинается выпуск новой московской монеты: на ней к изображению вооруженного князя добавляется еще и фигура, держащая за язык змею, а надпись с великокняжеским титулом получает имя – “Дмитрий”. В то же время на оборотной стороне написанное по-арабски имя Тохтамыша заменяется на имя Узбека. По сути, происходит символический политический переворот: монеты отныне чеканятся от имени конкретного великого князя (Дмитрия Донского), а высшим источником его суверенитета признается не нынешний хан Золотой Орды Тохтамыш, а умерший еще в 1341 г. хан Узбек, впервые передавший ярлык на великое княжение дедам Дмитрия (Юрию Даниловичу, а после Ивану Даниловичу Калите): как предполагает этот символический жест – раз и навсегда.

Неизвестно, сопровождалась ли эта символическая акция практическими политическими шагами. Понятно лишь, что этим был обозначен поворотный момент в отношениях ВКМ с соседями и, как выяснилось вскоре, недовольство Тохтамыша демонстративным московским сепаратизмом было не самой большой проблемой князя Дмитрия. Оказалось, что, в отличие от событий двухлетней давности, периода противостояния с Мамаем, теперь он не может опереться на поддержку не только соседей, но и собственных вассалов.

Еще в 1381 г. Тохтамыш отправил пышное посольство в Москву, пытаясь зазвать князя Дмитрия в Сарай. Однако по неизвестной причине посольство остановилось в Нижнем Новгороде, а потом вернулось в Орду, а Дмитрию было отправлено лишь письмо. В августе же 1382 г. Тохтамыш во главе высококомобильного войска (то есть без осадного снаряжения и пехоты) совершает нападение на Булгар, грабит тамошних русских купцов и на конфискованных у них кораблях переправляется через Волгу. Навстречу стремительно продвигавшегося с востока Тохтамышу из Москвы выводит войско князь Дмитрий – как уже не раз делал прежде в ответ на ордынскую угрозу. Однако, по общению летописца, уже выступив в поход,

... тут начали совещаться князь Дмитрий и другие князья русские, и воеводы, и советники, и вельможи, и бояре старейшие... И обнаружилось среди князей разногласие, и не захотели помогать друг другу, и не пожелал помогать брат брату... так как было среди них не единство, а недоверие. И то поняв, и уразумев, и рассмотрев, благоверный князь пришел в недоумение и в раздумье и побоялся встать против самого царя [т.е. верховного хана]. И не пошел на бой против него, и не поднял руки на царя, но поехал в город свой Переяславль, и оттуда — мимо Ростова, а затем уже, скажу, поспешно к Костроме.

Судя по маршруту поспешного бегства князя Дмитрия от собственного войска, неповиновение и разногласие выявилось не сразу, но и не далее как в 50 км (одном-двух дневных переходах) от Москвы: Дмитрий не рискнул по дороге в Кострому сделать крюк и забрать с собой из Москвы жену с детьми. Они присоединились к нему позже, бежав из города, охваченного беспорядками и паникой. Перед тем, как войско Тохтамыша окружило Москву, в город приехал некий молодой литовский князь Остей, который взял на себя наведение порядка и обороны. Сообщение летописца настолько расплывчато, что не позволяет идентифицировать эту фигуру или даже понять, к какому

лагерю враждующей знати ВКЛ (Ягайло или Кейстута и Витовта) он принадлежал.

23 августа 1382 г. передовые разъезды Тохтамыша показали под стенами Москвы. Подъехав к стенам, разведчики первым делом заинтересовались у горожан:

“Есть ли здесь князь Дмитрий?” Они же из города с заборол отвечали: “Нет”.

Вместо того чтобы отправиться в погоню за великим князем на северо-восток (как сделали отряды Бату во время кампании 1238 г.), войско Тохтамыша окружило Москву. Трехдневная осада не увенчалась успехом: ордынское войско, переправившееся через Волгу налегке на купеческих ладьях, явно не было готово к планомерной осаде каменной крепости (что ставит под вопрос изначальную цель похода за 850 км). Тогда сопровождавшие Тохтамыша сыновья Нижегородско-Суздальского князя вступили с осажденными в переговоры, обещая им почетную капитуляцию. Отворившие ворота горожане были атакованы, город подожжен. Считается, что в результате осады и последовавшей резни погибли 24 тысячи человек. После этого войска Тохтамыша совершили рейды по удельным княжествам в радиусе примерно 140 км от Москвы. Наткнувшись на дружину двоюродного брата князя Дмитрия, Владимира Андреевича, стоявшую на западной границе княжества у Волока Ламского (“не ведая о нем и не зная, наехали на него”) и потерпев ощутимое поражение, войска Тохтамыша начали отступать на юг, по дороге разорив Рязанское княжество.

В этом походе Тохтамыша, традиционно рассматриваемом как месть за победу русских войск на Куликовом поле, очень много странного. Имеющиеся сведения о нем слишком скудны для того, чтобы с уверенностью реконструировать намерения Тохтамыша, но вполне достаточны для того, чтобы сделать важные промежуточные выводы. Так, уже понятно, что набег не имел прямого отношения к Куликовской битве, которая принесла огромную выгоду Тохтамышу и за которую, по сообщениям летописцев, он отблагодарил участников. Кроме того, изначальное его походы не был направлен на русские княжества “вообще”: Тохтамыш напал на Булгар, минуя соседнее Нижегородское княжество, и спешно двинулся дальше – так что когда нижегородский князь *сам* отправил двух своих сыновей к Тохтамышу, они не застали его и вынуждены были догонять, а потом добровольно присоединились к его походу. Переправившись через Волгу, Тохтамыш был встречен рязанским князем Олегом за пределами его княжества, Олег сам указал

ему удобные броды через Оку, и ордынцы проследовали на Москву, не заходя на рязанские земли.

Обращают на себя внимание два обстоятельства: полное отсутствие поддержки князя Дмитрия (если не предательство) со стороны тех, кто выступил под его знаменами всего двумя годами ранее на Куликовом поле, и необычность направления удара и спешка войска Тохтамыша. Не только традиционные соперники Москвы (например, тверской князь), участвовавшие в Куликовской битве, не пришли на помощь Дмитрию; против него вызвался действовать по собственной воле его тесть, нижегородско-суздальский князь. Его ближайший соратник, двоюродный брат серпуховский князь Владимир Андреевич оказался на противоположном от вторжения краю Московского княжества (что помешало ему защитить от разорения и собственный город Серпухов). Спешно выведенное из Москвы навстречу Тохтамышу войско (вероятно, московская дружина и полки ближайших удельных княжеств) отказалось подчиняться пришедшему от этого “в недоумение и раздумие” Дмитрию. В оставленной Москве наместники князя и даже прибывший митрополит Киприан не смогли справиться с неожиданно вспыхнувшим восстанием – совершенно нетипичной реакцией на приближение внешней угрозы.

И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев.

Есть сведения, что возвращаясь в Орду, Тохтамыш оставил нижегородскому князю ярлык на великое княжение, которым тот не рискнул воспользоваться. Затем за ярлыком к Тохтамышу приехал тверской князь, и Дмитрию Донскому пришлось возвращать ярлык себе, приложив специальные усилия и немалые деньги. Таким образом, даже если нельзя с уверенностью утверждать о существовании прямого заговора против московского князя, ясно, что лояльности Дмитрию Донскому среди других князей больше не было. Видимо, никто не был заинтересован в конфликте с верховным сюзереном (“царем” по терминологии русских летописей), ханом Золотой Орды Тохтамышем, и не был рад перспективе превращения Дмитрия Донского в суверенного правителя. Возвышение Дмитрия никак не отменяло вассального положения остальных русских князей, только вместо далекого правителя в Сарае, не имевшего к ним территориальных притязаний, они

получали господина в лице соседа с богатой предысторией личных конфликтов и территориальных споров. Кроме того, теоретически раньше любой князь мог получить ярлык на великое княжение от ордынского хана, а в случае обретения московским князем полного суверенитета великокняжеский титул навсегда оставался в его семье. С точки зрения политических представлений эпохи, Тохтамыш был легитимным правителем – вполне возможно, именно по его призыву дружно вышли на бой против “узурпатора” Мамай. Недавние соперники и даже противники. Дмитрий же выглядел ничуть не более законным узурпатором великокняжеского титула, чем Мамай: как стало наглядно ясно по оформлению его новых монет, он отказывался признавать временный характер своего титула.

Конечно же, Тохтамыш более всех не был заинтересован в сепаратизме Дмитрия, что было чревато утратой важного источника поступления финансовых и человеческих ресурсов. Впрочем, существовал широкий спектр оттенков зависимости, и формально самостоятельный статус галицких князей в XIII и начале XIV вв. не мешал им выплачивать регулярные “подарки” в Орду и принимать участие в военных походах ханов. Если же Тохтамыш решил провести демонстративную карательную акцию против вышедшего из подчинения вассала и “перезавоевать” Московское княжество, то логичнее было привести большое войско традиционным маршрутом набегов с юга, из степей: Дмитрий Донской был могущественным военным противником, а путь от Волги на Москву (от Булгара) едва не втрое дальше пути от Дона. Вместо этого Тохтамыш переправляется через Волгу явно с очень небольшим войском: типичное волжское торговое судно того времени типа ушкуя вмещало до 30 человек. Тохтамыш же, который, как подчеркивает летопись, наступал очень быстро (“изгоном”) должен был еще переправлять лошадей (по крайней мере, по две на воина). В источниках того времени редко когда упоминается больше ста речных судов у одной волжской пристани, но даже если в Булгаре удалось реквизировать несколько сотен ладей, переправиться на них могли сотни, но не тысячи вооруженных всадников. (Единственная вооруженная стычка с отдельной русской дружиной у Волока Ламского обращает ордынцев в бегство.) Явившись к Москве и выяснив, что Дмитрий покинул город, Тохтамыш не делает попыток найти его; напротив, настойчиво штурмует каменную крепость явно недостаточными силами, а хитростью выманив жителей из города, устраивает массовую резню. Романтическая историография начала XIX века не видела ничего странного в таком

поведении “татар”, но известные случаи массовых убийств горожан ордынцами редки и связаны, в основном, с наказанием вероломства (как правило, убийства послов). Кроме того, массовая резня является трудоемким делом, а в эпоху целенаправленного захвата пленных в рабство еще и экономически невыгодным. Возвращаясь в Орду “обычным” южным путем, Тохтамыш разграбил Рязанское княжество – и это было странно, учитывая, что рязанский князь добровольно помогал ему переправиться через Оку на пути к Москве (за что его княжество на следующий год еще сильнее, чем ордынцы, разорил князь Дмитрий).

Все эти обстоятельства действий Тохтамыша и маршруты движения его войск указывают на то, что рейд на Москву был, скорее, экспромтом: отправившись в поход на Булгар налегке (может быть, чтобы окончательно изгнать московских чиновников и восстановить прямую юрисдикцию Орды), Тохтамыш уже на месте принял решение с личными силами срочно идти к Москве. Мы можем только гадать, что именно заставило его совершить почти тысячекилометровый бросок на запад: знакомство в Булгаре с новой продукцией московского монетного двора? Полученные там сведения о заговоре против московского князя? Существует гипотеза, что Тохтамыша вообще беспокоила не самостоятельность доказавшего свою лояльность московского князя, а исход политического противостояния в сильнейшей державе региона – ВКЛ. Как мы помним, после смерти великого князя Ольгерда в 1377 г. унаследовавший ему сын Ягайло начал исподволь бороться против брата-соправителя отца Кейстута и его сына Витовта. Кейстут в целом ориентировался на ВКМ и Орду (в свою очередь, и Тохтамыш впоследствии нашел прибежище у его сына Витовта), Ягайло в 1380 г. поддерживал Мамай против Москвы (а значит, и Тохтамыша). Ставки для соседей в противостоянии антиордынской и проордынской партий в ВКЛ были исключительно велики. Осенью 1381 г. Кейстут захватил Вильнюс и сместил Ягайло – в условиях дефицита информации в имеющихся источниках можно вообразить, что победа Кейстута могла послужить причиной возвращения большого посольства Тохтамыша из Нижнего Новгорода в Орду, не доходя до Москвы (если оно было отправлено в это время и если его целью было сподвигнуть московского князя на экспедицию в помощь Кейстуту). Однако 12 июня 1382 г. сторонники Ягайло совершили переворот в Вильнюсе, через несколько недель Кейстут и Витовт были захвачены в плен, Витовт бежал, а Кейстут был заключен в Кревский замок. Сведения об этом могли достичь Булгара к концу июля и находившийся там Тохтамыш

мог принять решение отправиться на спасение Кейстута (и туда же отправить Дмитрия с войском). В принципе, Москва лежала на полпути прямого многодневного перехода к Крево (через Можайск, Вязьму и Смоленск). Выведенные ли против Тохтамыша или против Ягайло, войска Дмитрия отказались повиноваться, Москва восстала, и Дмитрий бежал в Кострому. Авангард Тохтамыша прибыл под стены Москвы 23 августа, а Кейстута убили в Кревском замке 15 августа, и эта новость об окончательной победе Ягайло к тому времени уже преодолела 830 км до Москвы (а может быть, пришла и раньше, спровоцировав восстание). Тохтамышу оставалось лишь покарать заговорщиков против власти великого князя среди московской верхушки и вернуться обратно, предоставив войску возможность грабежом вознаградить себя за трудный поход. Лично к Дмитрию этот поход не имел прямого отношения.

Как бы то ни было, немедленно по возвращении в Орду Тохтамыш отправляет мирное посольство в Москву (а не Дмитрий пытается умиловить грозного хана!). Восстанавливается статус-кво в отношениях Москвы и Орды (Дмитрий отпустил посольство Тохтамыша, так и не начав выплачивать дань), но не в отношениях с соседями. Авторитет московского князя оказался подорван, и уже осенью 1382 г. за ярлыком на Великое княжение Владимирское отправился Михаил Тверской. И только тогда, когда стало ясно, что Дмитрий не в состоянии самостоятельно утвердить свою власть над остальными русскими князьями (кроме ослабленного многократными разорениями Рязанского князя), 23 апреля 1383 г. он отправляет к Тохтамышу своего старшего сына, одиннадцатилетнего Василия, и соглашается возобновить выплату дани. Юридически и политически это означало признания себя вассалом Золотой Орды: на московских монетах изображение вооруженного князя заменяется рисунком “петуха и маленького четвероногого существа над ним” (с сохранением упоминания “великого князя Дмитрия”), а на реверсе вновь появляется имя Тохтамыша. В обмен хан как верховный сюзерен передает ярлык на великое княжение Дмитрию и признает наследственность этого титула в роду московских князей. В то же время он понижает весомость великокняжеского титула, выводя Тверское княжество из подчинения Владимирскому великому княжению (теперь уже официально – Московскому великому княжеству).

Так первая попытка бывшего улуса Золотой Орды – Великого княжества Московского – освободиться от вассальной зависимости выявила неожиданную проблему: авторитет великого князя не признавался соседями и даже собственными вассалами (удельными князьями), если за

ним не стояла поддержка ордынского хана. Необходимо было осмыслить и сформировать такую систему легитимации великокняжеской власти, которая могла бы обходиться без опоры на ордынский авторитет и признаваться законной не только путем принуждения. Стихийный поиск решения этой ключевой политической и культурной проблемы занял большую часть XV столетия.

ГЛАВА 5. НОВЫЕ ВРЕМЕНА: ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА И ЕГО ГРАНИЦ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ МОСКОВСКОМ (XV–XVI вв.)

5.1. Формирование модели безордынской легитимности великокняжеской власти

Мы так подробно остановились на перипетиях отношений московского князя Дмитрия с Мамаем, Тохтамышем и соседними русскими княжествами, поскольку они оказали определяющее влияние на историю региона в следующем XV в. События 1370–1380-х гг. остро поставили вопрос перед московскими князьями: как обосновать призывания на верховную власть на Руси – северо-восточной части бывших роуських земель – без санкции золотоордынского хана? Сходная проблема чуть позже стала и перед правителями ВКЛ в бывших западных роуських землях: как упорочить легитимность власти языческих и “безродных” князей?

Как оказалось, после начала “великой замятни” (1359–1380) Золотая Орда была уже не в состоянии силой держать в подчинении Московское княжество, которое с конца 1320-х фактически монополизировало право на Владимирское великое княжение. Московский

князь Дмитрий Донской прекратил даннические (а значит, вассальные) отношения с Золотой Ордой еще в 1374 г., и даже разорение Москвы восстановившим единство Орды ханом Тохтамышем само по себе не заставило Дмитрия вновь признать верховную власть хана. Однако, как и в случае с его предком, владимирским князем Александром Невским, оказалось, что лишь авторитет и военная поддержка ордынского хана может утвердить старшинство князя над равными ему по статусу соседними князьями. Ради сохранения титула великого князя русских земель Дмитрий Донской признал верховную власть ордынского хана, но это было временное решение. Золотая Орда находилась в глубоком кризисе и не могла служить, как прежде, доминирующей региональной силой и верховным арбитром русским князьям.

В 1395 г. Тохтамыш потерял власть в Золотой Орде и бежал к Витовту в Великое княжество Литовское, после того как проиграл в десятилетней борьбе с эмиром Тимуром (Тамерланом) за восточные территории Золотой Орды. Тимур совершил опустошительный поход по степным районам Золотой Орды, после которого она уже не смогла оправиться. Правда, на короткое время в начале XV в. произошло ее временное усиление, связанное с личностью решительного политика и талантливого полководца эмира Едигея (Идигея), фактически правившего от имени нескольких золотоордынских ханов. В декабре 1408 г. Едигей даже попытался захватить Москву, чтобы восстановить прежние отношения реального подчинения и выплату дани, которую перестали выплачивать в Орду еще с 1395 г., после падения Тохтамыша. Простояв три недели под стенами города, он не смог его взять; приказал тверскому князю явиться для помощи в осаде, но тот фактически проигнорировал приказ. Войска Едигея разорили округу (как это случалось во всех военных конфликтах того времени) и отступили, получив выкуп 3000 рублей (прежде годовая дань составляла 5000 рублей). Вскоре после этого Золотая Орда погрузилась в новую череду внутренних конфликтов, а после смерти Едигея (1419) распалась навсегда. Окончательно отделилось восточное крыло – (Синяя) Кок-Орда в востоку от Волги, которая немедленно продолжила делиться: в начале 1420-х гг. был провозглашен хан Сибири в Тюмени, фактически обособилась Ногайская орда в степях между Волгой и Уралом. Западная часть бывшего Улуса Джучи все чаще стала называться Большая Орда (или Волжская Орда), ее территория фактически сократилась до междуречья Волги и Дона. В 1438 г. от нее отделилось Казанское ханство (в основном на территории Волжской Булгарии), в 1441 г. – Крымское ханство (претендовавшее

также на контроль над Северным Причерноморьем). Каждое из ханств представляло серьезную силу в политическом и военном отношении, но даже Большая Орда не могла уже претендовать на прежнюю роль империи (“царства царств”).

В этих условиях в 1425–1453 гг. в Великом княжестве Московском разразился тяжелейший политический кризис (известный как феодальная война второй четверти XV века). Власть Василия II, десятилетнего внука Дмитрия Донского, взошедшего после смерти отца (1425) на великокняжеский престол, оспаривалась разнообразными претендентами. Соперники широко использовали военную силу, нарушение присяги, отравление и даже ослепление (с древности воспринимавшееся как клеймо, закрывавшее путь в правители) – весь арсенал политической борьбы Северной Евразии этого времени. Основной же причиной затяжного кризиса, при наличии дееспособного и совершенно законного прямого наследника престола, было отсутствие представлений о том, как выстраивать новый образ суверенного русского правителя. Соответственно кризис представлял собой череду попыток нащупать новую логику власти.

Сначала право Василия Васильевича на престол оспорил Юрий Дмитриевич, младший брат умершего великого князя Василия I. При этом он ссылался на неверно истолкованный пункт завещания Дмитрия Донского, а по сути, апеллировал к лестничному принципу престолонаследия (передача власти младшему брату, а не сыну). Понять мотивы использования этого аргумента в борьбе за власть можно, только учитывая задачу, вставшую перед московскими правителями, – обосновать суверенную легитимность великокняжеской власти. Юрий Дмитриевич, говоря современным языком, “изобретал традицию”, апеллируя к доордынским порядкам. Как мы видели, лестничный принцип весьма нечасто применялся на практике в Роусьской земле, и никогда прежде в Московском княжестве (которое само было продуктом уже ордынской эпохи).

Конфликт Василия II с дядей не выходил за рамки юридических споров до 1430 г., когда умер литовский великий князь Витовт, официальный покровитель малолетнего московского князя и его матери. Но в 1431 г. спор выносится на суд хана Большой Орды Улу-Мухаммеда (Улуг Мухаммеда): по сути, возрождалась старая практика выдачи ханского ярлыка на великое княжение, только теперь за ярлык боролись не правители разных княжеств, а члены одной княжеской династии. Ярлык достался Василию II, но так как авторитет Орды в реальности

уже не признавался источником великокняжеской легитимности, решение хана не прекратило споры о правомерности московской власти.

В 1432 г. на свадебном пиру Василия II мать великого князя Софья Витовна оскорбила Василия, сына Юрия Дмитриевича, – сорвала с него золотой пояс Дмитрия Донского, один из компонентов великокняжеских регалий, который должен был бы теперь перейти Василию II. Личное оскорбление вместе с тем прочитывалось как заявление о патрилинейном (от отца к сыну) принципе передачи власти, поэтому реакция на скандал с поясом была острой: в 1433 г. Юрий Дмитриевич пошел войной на Василия II, разбил его войско за городом и занял Москву, а племянника сослал в Коломну. Этот эпизод напоминал порядок передачи власти в Рюсской земле через княжеское завоевание, когда одержавший верх в “соревновании” князь приглашался городской общиной. Однако о добровольном принятии победившего князя москвичами речи не шло: самоуправляющейся городской общины с периодическими вечевыми сходами в Москве давно (или даже никогда) не было, а бояре и служилые люди, представлявшие городской привилегированный класс, начали перебегать в Коломну к Василию II (“голосуя ногами”). Когда туда же отъехали поссорившиеся с отцом сыновья Юрия Дмитриевича, ему пришлось примириться с племянником и в 1434 г. вернуть ему престол. В короткое время этот акт междоусобного конфликта повторился еще раз: вернувший было себе власть Василий II поссорился с двоюродными братьями Юрьевичами, его войско было разбито. Юрий Дмитриевич вновь занял Москву, завещал престол Василию II, но вскоре умер при странных обстоятельствах,

Вопреки завещанию Юрия Дмитриевича, великокняжеский престол пытался занять его сын Василий, что лишний раз подчеркивает естественность патрилинейного наследования для русских князей того времени. Однако московские бояре и младшие братья Василия Юрьевича принимают сторону Василия II и прибегают к другой древней форме передачи власти – приглашению на стол. Поскольку городской общины как коллективного правового субъекта не существовало в Москве XV в., приглашение оформлялось как серия частных договоров с князьями и боярами, членами временной коалиции, что существенно снижало престиж полученной таким образом власти. В результате установился фактически режим соправительства Василия II и Дмитрия Юрьевича Шемяки, младшего брата согнанного с великокняжеского престола и разгромленного в 1436 г. сына Юрия Дмитриевича – Василия (Василий II приказал ослепить его, за что Василий Юрьевич получил

прозвище Василия Косого). Известны монеты, на которых выбиты два имени – “князя великого Василия” и “князя великого Дмитрия”. В отличие от соправительства в Роуськой земле или в монгольской империи (или в ВКЛ при Ольгерде), в Московском княжестве XV в. не существовало отчетливого представления о разделении полномочий и территориальных зон ответственности. Двоевластие двоюродных братьев лишь ослабляло систему управления атмосферой взаимного недоверия и споров дуумвиров.

Ослабление великокняжеской власти проявилось и в неспособности выстроить отношения с Улу-Мухаммедом, который в 1436 г. был смещен с ханского престола Большой Орды, бежал в Крым, а потом вынужден был покинуть и его. Всего с 3000 всадников в конце 1437 г. он попытался утвердиться в городе Белев на Оке. Белев был пограничной территорией под властью ВКЛ, и Улу-Мухаммед предлагал установить дружественные отношения создаваемого им нового княжества с Москвой. Тем не менее против него было двинуто большое московское войско, которое потерпело сокрушительный разгром от многократно уступавшего по численности противника. Улу-Мухаммед не стал дожидаться нового похода московских или литовских войск и ушел на Среднюю Волгу, где основал Казанское ханство (1438). Подорванный военный авторитет Москвы и испорченные личные отношения привели к тому, что новое Казанское ханство сразу повело себя агрессивно по отношению к соседним русским землям. Уже весной 1439 г. казанский хан захватил Нижний Новгород и сжег посады вокруг Московского кремля. В 1444–1445 гг. Улу-Мухаммед предпринял еще один большой рейд на Москву. Возглавивший поход против него Василий II проиграл сражение у Суздаля 7 июля 1445 г. и попал в плен.

После этого соправитель Василия II Дмитрий Шемяка объявил себя единственным великим князем. Он выпускает деньги с амбициозным титулом “осподарь всея Руси” (т. е. уже не довольствуясь собственно Московским великокняжеским титулом) и отправляет к Казанскому хану своего дьяка Федора Дубенского с доносом (“со всем лихом”) на Василия II. Поняв, что выкупать из плена его никто не собирается, Василий II поклялся Улу-Мухаммеду собрать выкуп самостоятельно, и 1 октября 1445 г. хан его отпустил в Москву в сопровождении эскорта в 500 человек. Так начал реализовываться новый политический сценарий вассальных отношений, хотя трудно определенно сказать, кто же именно играл роль вассала, а кто синьора. С одной стороны, Василий II изгоняет Дмитрия Шемяку из Москвы и начинает княжить с санкции

хана Казани (даже не Золотой Орды). С другой стороны, формальная зависимость от Казанского ханства приняла форму вассальных отношений казанцев от Москвы: огромный выкуп за великого князя выплачивали в значительной мере “натурой”, передав в “кормление” казанским князьям многие города. А сыну Улу-Мухаммеда Касиму был отдан целый Мещерский край (в 300 км к юго-востоку от Москвы), где он основал Касимовское ханство в вассальной зависимости от ВКМ. Получалось, что Казанский хан использовал свое превосходство, чтобы добиться вассального статуса от Московского князя...

Тем не менее контраст между демонстративными претензиями Дмитрия Шемяки на самодержавие во всех русских землях и формальными уступками Василия II по отношению к Казанскому ханству был разителен. Дмитрий Шемяка начал распространять слухи, что Василий II готовит передачу всех русских земель под власть хана. Ему удалось заручиться поддержкой князей можайского и тверского и некоторых недовольных московских бояр и совершить государственный переворот – новшество в московской политической традиции. В ночь на 13 февраля 1446 г. войска Дмитрия Шемяки без боя заняли Москву, а в ночь на 14 февраля Василий II с семьей был захвачен в Троицком монастыре, ослеплен и сослан в Вологду, причем он присягнул Шемяке как великому князю.

Казалось бы, на шансах вернуть себе великокняжеский престол Василий II мог поставить крест: сосланный в отдаленный удел, ослепленный и “целовавший крест” Дмитрию Шемяке как правителю, он стал наименее вероятным претендентом на власть. Тем не менее уже через год, в феврале 1447 г., Василий II торжественно въехал в Москву – не тайно среди ночи и не после неожиданного удара заговорщиков, а как законный правитель. Оказалось, что Василий пользовался широкой поддержкой московского боярства и населения многих городов, ключевую роль в его возвращении сыграл тверской князь, прежде участвовавший в его свержении. Некоторые историки видят в окончательном утверждении на московском престоле Василия II прообраз “приглашения всей землей” и народного движения начала XVII в. Василий II прибыл в Тверь, куда к нему стали стекаться сторонники из разных городов Московского княжества. Одновременно из ВКЛ выступили укрывавшиеся там с войсками московские бояре, сохранившие верность Василию. Они соединились у Ельни (в 50 км к востоку от Москвы) с воинами татарских царевичей Касима и Якуба – сыновей Казанского хана, ставших вассалами Василия II. Пока Дмитрий Шемяка пытался блокировать

врага на западе Московского княжества, посланная по приказу Василия конная сотня ворвалась в Москву на Рождество 1446 г. (25 декабря). Этот небольшой отряд без сопротивления занял Кремль и привел горожан к присяге Василию II. Дмитрий Шемяка вынужден был отступить в свой удел, проиграл несколько сражений, растерял почти всех сторонников, но отчаянно боролся за власть до 1453 г., когда по приказу Василия II был отравлен на “нейтральной территории” – в Новгороде. Даже имена персонажей этой политической драмы вполне шекспировского масштаба звучат вполне театрально. Повара, насыпавшего мышьяк в приготовленную для Дмитрия Шемяки курицу, звали Поганка, подьячего (мелкого чиновника), который доставил новость Василию II и был за то сразу произведен в дьяки, – Василий Беда.

Решающим фактором заключительного этапа затянувшегося противостояния стала политическая поддержка церкви: по дороге из ссылки в Тверь Василий II остановился в Кирилловском монастыре, игумен которого Трифон снял с него данную Дмитрию Шемяке при “крестоцеловании” клятву (взяв грех нарушения данной под принуждением священной клятвы на себя и монахов). А вскоре после перехода Москвы на сторону Василия, 29 декабря 1447 г., все православные епископы в землях в сфере влияния ВКМ, несколько архимандритов и игуменов отправили послание Дмитрию Шемяке. В послании обосновывалось право на власть Василия II, а Дмитрий обвинялся во многих грехах и выставлялся нелегитимным правителем.

Вернув себе власть, Василий II заново заключил договоры со всеми основными политическими субъектами: удельными князьями ВКМ, соседними русскими князьями и великим князем литовским и польским королем Казимиром IV. Можно сказать, что произошла “перезагрузка” политического ландшафта в восточной части бывших роусьских земель. Формально расстановка сил не изменилась, скорее ВКМ даже стало слабее после четверти века внутренней смуты и разорения. Однако гражданская война внутри ВКМ имела важные последствия для становления великого княжества как самостоятельного государства. Произошла консолидация удельных княжеств внутри ВКМ: в затянувшемся конфликте, нельзя было сохранять нейтралитет, и череда заключающихся и перезаключающихся договоров удельных князей с претендентами на московский престол укрепили их связь и зависимость от великого князя. Прояснились отношения с соседями: с ВКЛ (договор 1449 г. детально фиксировал границу и урегулировал территориальные претензии, ограничивал вмешательство во внутренние дела друг друга,

т.е. отдавал приоритет государственному суверенитету над частным владельческим, княжеским); с возникшим в ходе конфликта Казанским ханством (ВКМ уступило территорию для создания Касимовского ханства, но обрело в лице касимовцев верных вассалов); в 1456 г. по Яжелбицкому договору Новгород фактически признал вассальную зависимость от ВКМ. Главное же, стихийно была выработана новая формула великокняжеской власти. Дмитрий Шемяка и Василий II в равной степени участвовали в формировании этой новой формулы, но последнюю роль при этом сыграли обстоятельства гражданской войны, атмосфера вероломства и предательства.

Возобладало представление о наследственной передаче власти как отчинного наследия, от отца к сыну (не по завещанию иным родственникам и не по легендарному лестничному принципу). Власть великого князя исходила из его природного права, опиралась на поддержку бояр и служилых людей, а высшую санкцию получала не от сюзерена (хана Золотой Орды), а от Церкви. В 1448 г. по настоянию Василия II митрополитом был избран русский епископ Иона, родившийся в деревне под Костромой, и впервые посвятил его в митрополиты не константинопольский патриарх, а собор русских архиепископов, что положило начало независимости русской православной церкви от константинопольского патриархата. Таким образом, возникшее некогда как удельное княжество Владимиро-Суздальского великого княжества – вассала хана Золотой Орды, ко второй половине XV в. Великое княжество Московское обретает собственную легитимность. Даже церковь, заменившая хана Орды в роли инстанции, дающей высшую санкцию власти московского князя, была “собственная”, независимая от внешних сил.

5.2. Пространственные границы суверенитета

В этой новой политической реальности формальная зависимость ВКМ от Большой Орды уже воспринималась как избыточный архаизм. Если авторитет хана Золотой Орды был еще нужен даже такому амбициозному правителю, как Дмитрий Донской, для сохранения его великокняжеской власти над другими русскими князьями, то начиная с 1450-х гг. Орда – тем более в ее сильно ослабленной форме – больше не могла быть ничем полезной бывшим московским вассалам.

Не случайно, Большая Орда и ее хан Кичи-Мухаммед (1435–1459) (“младший” Мухаммед, свергший предшественника – “старшего”

Улу-Мухаммеда) практически не фигурируют в событиях, связанных с династическим кризисом ВКМ второй четверти XV в. В 1431 г., лишь в самом начале кризиса, когда спор за великокняжеский престол между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем был вынесен на суд хана Большой Орды, московские власти вынуждены были отправить в орду дань в знак признания сюзеренитета хана (а значит, и легитимности его решения). В дальнейшем выплаты были нерегулярными, а реальной проблемой для Москвы было финансовое обеспечение выкупа из казанского плена Василия II. Орде тоже хватало собственных проблем: в 1453 г. попытка подчинить Крымское ханство закончилась тяжелым военным поражением на Днепре; в 1459 г. в низовьях Волги от Орды откололось самостоятельное Астраханское ханство. Несколько набегов на ВКМ (обычно игравших роль “напоминаний” о необходимости платить дань) были отбиты в 1450-х гг.

Став единоличным правителем после смерти Василия II в 1462 г., его сын, великий князь Иван III (1440–1505), сразу изменил внешний вид московских монет. Теперь на обратной стороне (реверсе) монеты арабской вязью было написано: “это денга московская” – вместо имени хана Орды. Однако больше, чем окончательным разрывом с Большой Ордой, правительство Ивана III интересовалось расширением власти Москвы на русские княжества, а также на русские (бывшие роусские) земли под властью ВКЛ. Это была новая тенденция: еще в 1395 г. князь Василий Дмитриевич, дед Ивана III, передал Смоленск по договору своему тестю, князю ВКЛ Витовту. В политическом воображении Московского княжества, возникшего уже в условиях вассальной зависимости Владимиро-Суздальской земли от Золотой Орды, бывшие роусские земли не воспринимались как актуальная часть общего политического и культурного пространства. Смоленск или Киев не были настолько же “своими”, как Вологда (отстоящая от Москвы на 70 км дальше, чем Смоленск), за которую уже в конце XIV в. разгорается борьба Москвы с соседями. По мере того как на протяжении XV в. происходила окончательная эрозия ордынской легитимности, в Москве получало все большее распространение переоткрытие и даже “переизобретение” доордынского прошлого как времени легендарного единства русских земель. Так, в “Задонщине”, самом известном литературном памятнике этого периода, масштабном поэтическом рассказе о Куликовской битве 1380 г., московский князь Дмитрий так призывает князей других земель на совместную борьбу с Мамаем:

Братья и князя русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!

Это был естественный процесс конструирования собственной легитимности, не от хана Узбека (как во времена Дмитрия Донского) и даже не от Бату, а от “домашней” традиции государственности. Сформировавшееся в результате политического кризиса второй четверти XV в. обоснование власти Московского великого князя как защитника православия и всех русских земель хорошо соответствовало новому историческому мифу, в котором центральную роль заняли, зачастую сливаясь, фигуры Владимира Святославича (“крестителя”) и Владимира Мономаха (мудрого правителя, связанного с Византийской империей). При этом московские книжники и политики представляли себе Роуськую землю по аналогии с ВКМ второй половины XV в. – как стремящуюся к централизации иерархическую систему с единой столицей (в Киеве). Эта внутримосковская эволюция политического и культурного воображения неизбежно вела к внешнеполитической конфронтации с ВКЛ, которое само претендовало на роль наследника Роуськой земли (и с куда большим основанием, чем ВКМ; по крайней мере, сам Киев принадлежал ВКЛ). Договор между великими княжествами 1449 г., казалось бы, исключал взаимные территориальные претензии и конфликты – но лишь в рамках традиционного разделения роуських земель на вассальные Золотой Орде русские княжества и вошедшие в ВКЛ русские земли. Теперь же речь шла не о спорных пограничных территориях, а о переделе наследия Роуськой земли: в московских текстах к началу 1470-х гг. формируется концепция “Москва – третий Киев”. В 1471 г. Иван III сообщил новгородцам, попытавшимся перейти в вассальную зависимость от ВКЛ:

Отчина есте моя, люди Новгородстии, изначала от дед и прадед наших, от великого князя Володимера, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрикава, перваго великого князя в земли вашей. И от того Рюрика даже и до сего дне знали есте один род тех великих князеи, прежде Киевских, до великого князя Дмитрия Юрьевича Всеволода Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене, род их, мы владеем вами и жалуем вас и бороним отसेле, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрити начнете. А за королем никоторым, ни за великим князем Литовским не бывали есте, как и земля ваша стала.

А в 1490 г. он уже заявил в послании императору Священной Римской империи Максимилиану I о прямых претензиях к ВКЛ: "...если, даст Бог, когда начнем отвоевывать свою отчину Великое княжество Киевское, которым владеет Казимир, король Польский, и его дети...".

Идея исторического и культурного (языкового и религиозного) единства государства была революционной в Европе середины XV в. Она подрывала фундамент политической легитимности, стоящей на вассальных отношениях князей и королей. Само ВКМ номинально считалось вассалом мусульманской Большой Орды с преимущественно тюрко-кыпчакским населением, в свою очередь, верным вассалом Москвы было Касимовское ханство, с преобладанием мусульман-тюрок среди привилегированных слоев. Если внутри Великого княжества Московского предпочитали разделять риторику (формализованные в словах идеи) и реальную политическую практику (никто не воспринимал Касимовское ханство как враждебную силу и не требовал крещения касимовцев), то возникающая в результате освобождения от сюзеренитета Орды внешняя политика оказалась пропитана новыми идеями, и этот идеологический подход был чреват далеко идущими последствиями.

Первым поводом к противостоянию формально дружественных ВКМ и ВКЛ стало решение судьбы Новгорода. Попытка Новгорода избежать усиления контроля со стороны Москвы переходом под сюзеренитет ВКЛ (которое также могло претендовать – через Киевское наследие – на власть над Новгородом) вызвала поход московского войска летом 1471 г., поражение новгородцев, разгром "литовской партии" среди новгородского патрициата и заключение вассального договора с Москвой. В это же время к польскому королю и великому князю Литвы Казимиру IV прибыло посольство от хана Большой Орды Ахмата, среди прочего поддержавшее притязания ВКЛ на Новгород. Узнав о подчинении Новгорода Москве, хан Ахмат воспринял это как прямой вызов своему авторитету и летом 1472 г. организовал масштабный поход на Москву. В Москве сочли претензии номинального сюзерена незаконными (Новгород формально издавна считался "отчиной" московских князей – во всяком случае, новгородское княжение никогда не требовало санкции Орды) и выслали войско навстречу Ахмату. Ордынцам не дали переправиться на территорию ВКМ через Оку, и Ахмат вынужден был вернуться назад ни с чем. Это событие в Москве оценили как решающую победу над Ордой: отказались от выплаты дани и сообщили иностранным державам о прекращении формальной вассальной зависимости ВКМ от Большой Орды.

В практическом плане после этого решения изменилось немного: дань в Орду и прежде платили нерегулярно. Размер дани, вероятно 7000 рублей со всего ВКМ, был в два с лишним раза меньше, чем должен был по договору 1471 г. заплатить Новгород Москве в качестве контрибуции (т. е. тягостным, но вполне посильным). С прекращением выплаты дани платежи ханам – наследникам Золотой Орды в рамках поддержания дружественных отношений не прекращались и в XVI в. и достигали нескольких тысяч рублей в год.

В 1476 г. хан Ахмат начал систематически восстанавливать былую силу Золотой Орды, пытаясь подчинить бывшие улусы – Крым, Астрахань, в 1480 г. очередь дошла до Москвы. Летом 1480 г. он снова двинулся на Москву, в конце сентября два войска встали друг против друга, разделенные пограничной речкой Угрой (приток Оки): Ахмат пришел со стороны ВКЛ. 26 октября Угра замерзла, а 11 ноября Ахмат приказал своим войскам отступить, так как они не были готовы к зимней кампании. Ни одна из сторон не решилась начать сражение, поскольку от его исхода зависело слишком многое. Впрочем, отступив, Ахмат фактически признал отказ от попыток подчинить Москву, что привело к падению его авторитета и гибели в 1481 г. Однако спустя двадцать лет, в 1502 г., Иван III сам направил посла в Большую Орду к хану Шейх-Ахмеду (сыну Ахмата) с изъявлением покорности и годовой данью. Это был тактический маневр, разрушавший союз противников Москвы (ВКЛ и Орды) и усыплявший бдительность хана: одновременно Иван III договорился с крымским ханом о нападении на Шейх-Ахмеда. В том же 1502 г. Большая Орда пала под ударом крымчаков и навсегда прекратила свое существование. Таким образом, любая дата между 1462 (изменение дизайна московских монет Иваном III) и 1502 гг. может быть выбрана как символ окончания вассальной зависимости Москвы от Орды. На самом деле этот процесс растянулся на десятилетия, и формальная сторона не играла решающей роли для московских правителей, больше заинтересованных в стратегической стабильности.

Совсем иначе повлияла война с Ордой 1472 г. на изменение политического воображения в Великом княжестве Московском: радикальные перемены последовали незамедлительно. Впервые в текстах летописей и церковных деятелей появляются уничижительные характеристики “царей” – ордынских ханов. Предыдущего хана Большой Орды Кичи Мухаммеда начинает называть “безбожным”, нынешнего хана Ахмата – “злочестивым”. В древние летописи делаются вставки, в которых даже хан Бату получает эпитеты “безбожный” и “окаянный” – прежде ничего

подобного не допускалось даже в самых антиордынских произведениях. Верховный правитель был вне критики, поскольку олицетворял основы миропорядка, социального и политического. В 1470-х гг. происходит десакрализация ордынской власти и фактически растождествление фигуры хана и “царя”. В результате практической (политической) и символической эмансипации ВКМ от сюзеренитета Орды роль “царя” оказывается вакантной: падение Византии под ударами турок-османов в 1453 г. не позволяло вернуться к доордынским представлениям о византийских императорах как царях. Неудивительно, что после 1472 г. эту роль начинают примеривать на себя великие князья московские в качестве “государей всея Руси”, претендуя одновременно и на владения ВКЛ, и на бывшее наследие ордынских “царей” (в том числе и за пределами северо-востока бывшей Роуськой земли).

Женитьба в 1472 г. Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софии Палеолог стала и следствием этой внутренней эволюции политического воображения, и мощнейшим стимулом к дальнейшей ориентации Ивана III на принятие роли царя. Сама идея замужества дочери морейского деспота – правителя провинции на территории Пелопоннеса в Греции Фомы Палеолога и брата императора – с овдовевшим московским великим князем была выдвинута Римским Папой Павлом II в 1469 г. После занятия турками Константинополя (1453) и Пелопоннеса (1460) семья Софии, перешедшая в католичество, жила в Риме на скромные субсидии от Ватикана. Сначала Софию пытались выдать замуж за кипрского короля, затем – за неаполитанского графа Караччиоло (*Caracciolo*), наконец, в попытке склонить московского правителя к признанию унии между православием и католичеством, родовитую, но небогатую невесту предложили Ивану III.

С одной стороны, характерно, что Иван согласился на династический брак, не суливший никаких практических дипломатических выгод, – исключительно ради символического значения этого поступка. Уж слишком очевидной казалась параллель женитьбы на племяннице Константина Палеолога с культивируемым в Москве мифом о Владимире Мономахе (сыне племянницы византийского императора Константина IX) как о прямом предке московских князей и общем правителе всех современных русских и руських земель. С другой стороны, София, вероятно, послужила причиной открытого разрыва московского правительства с ханом Ахматом и последовавшим переосмыслением статуса московского великого князя. По свидетельству прибывшего в Москву в ноябре 1472 г. в свите Софии Дмитрия Траханиота, вырос-

шую в Риме аристократку шокировал дипломатический ритуал приема ордынских послов – формальность, сохранившаяся с XIII в., которая уже не раздражала даже фактически суверенных московских правителей. Австрийский дипломат и путешественник барон Сигизмунд фон Герберштейн со слов сына Дмитрия Траханиота записал рассказ о том, почему Иван III после 1472 г. перестал поддерживать даже видимость почтительного отношения к хану (что позволило бы сохранить статус-кво еще не на одно десятилетие):

Впрочем, как он ни был могуществен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга так негодовала на это, что повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным.

Таким образом, окончательный разрыв с Большой Ордой был вызван в большей степени внутримосковскими факторами, прежде всего формированием нового образа великокняжеской власти как суверенной и даже “царской”. Развернувшееся в результате противостояние с ВКЛ из-за Новгорода (в дальнейшем и собственно литовских территорий, включая Смоленск), а также символическое принятие политического наследия Византийской империи в результате брака Ивана III и Софии Палеолог привели к обострению отношений с Ордой, которого в Москве предпочли бы избежать. Ни в 1472 г., ни в 1480 г. не произошло решительных сражений (противники ограничились “стоянием” по берегам рек). После отказа от выплаты дани в середине 1470-х гг. Иван III отправил несколько примирительных посольств к хану Ахмату, в 1480 г. в Москве были сильны настроения пойти на уступки требованиям хана. В военном отношении ВКМ невозможно было победить и тем более подчинить, но прагматически гораздо дешевле было сохранять стабильность на обширных южных границах малой ценой периодических посольств с подарками и соблюдением древнего этикета почтительного принятия ордынских послов.

Действительно, после окончательного разгрома Большой Орды в 1502 г. стратегическая ситуация на границе со степью сильно осложнилась. Бывший союзник, крымский хан, стал непосредственным соседом и противником. В отличие от Большой Орды с Крымским ханством и Ногайской ордой у Москвы не было освященных традицией и ритуализированных дружественных отношений (пусть и оформленных

в виде номинального вассального подчинения сюзерену). Военные столкновения и разорительные набеги с юга стали одной из главных проблем в XVI в., сохранив остроту и в XVII в., не уменьшившись, а многократно усилившись после ликвидации формальной зависимости от Большой Орды. Набеги крымчаков стали практически ежегодными после 1507 г., в 1521 г. они осадили Москву, в 1571 г. разграбили и сожгли город. Ничего подобного по интенсивности агрессии не наблюдалось со стороны Золотой Орды с начала XIV века – да и то главной движущей силой ордынских рейдов тогда были сами соперничавшие русские князья. Поддержание отношений с Большой Ордой было много выгоднее постоянного противостояния с ее многочисленными наследниками.

Дуализм прагматической политической практики и идеологически мотивированной политической риторики был характерен для правления Ивана III и его наследников в XVI в. Столь же типичными были и противоречия между альтернативными идеологическими источниками обоснования великокняжеской власти. Так, с одной стороны, Иван III взял курс на собирание наследия Владимира Мономаха как православного государя “всёя Руси”. Это привело к конфронтации с ВКЛ: сначала к заочной борьбе за Новгород, затем к необъявленной пограничной войне за буферные территории в верховьях Оки (1487–1494) и открытой войне (1500–1503, по итогам которой ВКЛ потеряло огромные территории на юго-востоке включая Чернигов) и бесконечной череде войн в XVI в. при сыне и внуке Ивана III. Однако одновременно Иван III развернул экспансию в отношении территорий, никогда не входивших в состав Роуськой земли. С начала 1470-х гг. начинается подчинение Москве Великой Перми на северо-западе Урала – дальней колонии Новгорода, в которую новгородцы периодически отправлялись за сбором дани (фин. *permaa* – “окраинная земля”). Оттуда начинается проникновение за Урал, на Югру (в нижнем течении Оби), населенную хантами, манси и татарами. Эти земли никогда не входили в орбиту Роуськой земли.

Еще более значительным по последствиям было систематическое вмешательство в дела Казанского ханства, часть аристократии и претендентов на престол которого постоянно находились на московской службе. Еще в 1467 г. московские войска попытались поддержать претензии на Казанский трон Касима – хана вассального Касимовского царства. После серии военных конфликтов московские войска заняли Казань (1487), лидеры антимосковской партии были казнены, очередной выходец из ВКМ стал казанским ханом, а Иван III принял титул князя Болгарского. Волжская Булгария никогда не была частью Роуськой

земли, и потому фактическое подчинение созданного на ее территории Казанского ханства не могло оправдываться восстановлением наследия Владимира Мономаха. Ни при чем тут была и все более захватывающая воображение московской верхушки идея преемственности с “православным царством” – Византийской империей: Казанское ханство не было православным, и идея обращения в христианство его жителей никому и в голову не приходила в XV веке. Зато приняв титул князя Болгарского, Иван III присваивал себе часть политического наследия ханов Золотой Орды, которые являлись сюзеренами Булгарского эмирства. Московский великий князь не претендовал ни на территорию Казанского ханства, ни на выплату дани, однако политически по отношению к Казани он занял то же положение, что было у сарайских ханов относительно Булгара.

В результате идеал “царской” власти московского великого князя испытывал зачастую противоречивое влияние трех сценариев: наследия доордынской “Киевской Руси”, Византийской империи и Золотой Орды. Кроме того, важную роль играли прагматические соображения политической тактики (будь то вопрос о престолонаследии и взаимоотношения с удельными княжествами или соседними государствами), которые также помогали сглаживать конфликты между различными идеологическими сценариями.

При Иване III различные сценарии царства использовались без оглядки на возможные противоречия, поскольку сама концепция власти великого князя как царской власти была новой и нуждалась в обосновании. В договоре с Ливонией (1481) Иван III и его сын и соправитель Иван Иванович называли себя “царями”, в договоре Новгорода со Швецией (1482) Иван III упоминался как “русский кайзер”, в договоре 1487 г. – как “великий король, кейзер всех русских, великий князь”. В июне 1485 г. Иван III применил титул “великий князь всея Руси”. Во время коронации (1498) своего внука Дмитрия (сына умершего Ивана Ивановича) великим князем и соправителем Иван III официально использовал в отношении себя титулы “царя” и “самодержца” (последнее – калька с византийского “автократора”, означающего старшего из императоров-соправителей). Растущее могущество и претензии на высокий политический статус московского великого князя побудили императора Священной Римской империи Фридриха II предложить в 1489 г. Ивану III королевскую корону. В XIII веке такое предложение было бы пределом мечтаний правителей княжеств, возникших на роуських землях (Литовского или Галицко-Волынского), реальное по-

вышение их статуса, – но Иван III уже претендовал на гораздо более высокий статус царя (“кесаря”, т. е. императора или великого хана). Он довольно высокомерно отверг это предложение, заявив:

мы Божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы... а поставления, как прежде, ни от кого не хотели, так и тепер не хотим...

Типично для эпохи Ивана III, и в этих его словах содержатся существенные противоречия: “прародители” московского великого князя в доордынский период царем считали византийского императора, роусьские великие князья воспринимали себя по рангу равными европейским королям. А позже в качестве вассалов Золотой Орды владимирские великие князья правили по ярлыку, выданному ханом. Обоснование же власти ее божественным происхождением делало излишними ссылки на наследственные права и закон, основанный на традиции, тем более что Иван III эти традиции последовательно нарушал. Сформулировав эклектичный идеал верховного правителя, с 1470-х Иван III сосредоточился на “собирации земель”: Московское княжество включает в себя сохранившие самостоятельность княжества прежней Владимиро-Суздальской земли (Ярославское, Ростовское). В 1480-х гг. Москва поглотила давнего соперника – Тверское княжество, подчинило Рязанское княжество. Одновременно происходила консолидация удельных княжеств внутри Московского. Многие князья, потерявшие власть, переходили в состав служилой знати. В результате походов 1471 и 1477–1478 гг. Новгород утратил независимость, вечевой колокол и архив были увезены в Москву. Фактически полностью подчинен был Псков. В серии войн были отобраны обширные территории у ВКЛ, предприняты неудачные попытки вернуть территории на Карельском перешейке, уступленные Новгородом еще в 1323 г. шведскому королю.

Действуя сразу во всех направлениях, Иван III пытался, опираясь на военную силу, претворить на практике расплывчатый идеал “царя”, навязывая свою волю там, где это позволяли обстоятельства. Успеху Ивана III способствовал не только его бесспорный политический дар, но и то, что ему удалось нащупать политическую программу, которая вызывала поддержку подданных и подкупала колеблющихся в соседних княжествах. В последней четверти XV в. остальные региональные державы переживали не лучшие времена: Большая Орда была скована противостоянием с соседними ханствами, ВКЛ испытывало некоторое раздвоение между получавшими все большее распространение

социальными и политическими институтами Польского королевства и традициями роуських (теперь уже руських) земель. “Руська мова”, развившаяся на базе диалектов местных роуських земель, оставалась языком официального делопроизводства ВКЛ до XVII в. (его также называют “старобеларуским”), большинство населения исповедовало православие. В 1458 г. была учреждена Киевская православная митрополия с центром в Вильне, с 1470 г. находившаяся в подчинении вселенского патриарха Константинополя. В то же время становящееся ведущей политической силой шляхетство (дворянство) являлось польским культурным феноменом и католическая церковь пользовалась повышенным престижем и властью. Дуализм между политической “польскостью” и местным “литовским” патриотизмом затруднял противодействие активному экспансионизму Москвы, проводившемуся под лозунгами возвращения роуського (“древнерусского”) наследия и защиты православия.

Вообще лишь неразвитость литературно-публицистической сферы в ВКМ по сравнению с ВКЛ или Польшей, ритуализированность языкового аппарата и отсутствие навыков размышлений на социально-политические темы помешало Москве в полной мере воспользоваться революционным открытием, сделанным в эпоху Ивана III: политические границы, совпадающие с культурной (религиозно-языковой) общностью и исторической территорией, создают особый тип общества. В XIX веке именно так определяли “народ” как субъект исторического процесса, и это понимание послужило основой беспрецедентной по масштабам и интенсивности политической мобилизации: созданию национальных государств, привело к двум мировым войнам... Пожалуй, лишь Реконкиста на Пиренейском полуострове, завершившаяся в конце XV в., также проходившая под лозунгом возвращения исторических территорий, могла сравниться с стихийно и непоследовательно сформулированной в Москве программой “возвращения исторического наследия”. Однако на Пиренеях отвоевывание земель у арабских правителей до заключительного этапа проводилось одновременно несколькими католическими монархиями; речь шла не столько о воссоединении некогда разделенного населения, а об изгнании “захватчиков” и фактически повторной колонизации полуострова. До 1492 г. королевство Испании формально считалось “монархией трех религий”, так что мотив “католического населения” был приглушен. Ни Английское королевство, ни Французское, ни Священная Римская империя, ни итальянские княжества и республики не знали концепции

единства религии, культуры и государственности в неких исторических границах. В условиях распада старых средневековых политических отношений, основанных на иерархиях вассального подчинения, и поиска новых форм политического единства идея возрождения Роуьской земли под властью православного великого князя Москвы опережала свое время. Впрочем, последовательное развитие этой концепции крайне затруднило бы реализацию двух альтернативных сценариев власти: византийского наследия (претензии на “неисторические” территории) и наследия Золотой Орды, доставшегося ее бывшему улусу по праву завоевания (власть над “нерусским” и нехристианским населением). Но даже в своей зачаточной форме эта концепция способствовала деморализации и маргинализации ВКЛ как государства-наследника роуьских земель, что повлекло за собой грандиозное переосмысление ментальной карты региона Северной Евразии – от Дуная до Урала.

Средневековое пространственное воображение затруднялось проводить непреодолимые границы внутри христианского мира. Большинство населения было неграмотным и обычно не принималось в расчет как определяющий местную специфику фактор, а аристократическая элита была достаточно “интернациональная”, часто переходившая на службу – и даже на трон – в соседние страны. Политические границы определялись межличностными отношениями вассальной зависимости правителей и потому скорее зависели от индивидуальных черт правителя и его отношений с вассалами, чем от языка подданных или общей истории. Луцкий съезд правителей Европы (1429) наглядно продемонстрировал условность языковых и даже конфессиональных границ. ВКЛ воплощало нормальность сосуществования католиков и православных, язычников и мусульман в общих политических границах (что вовсе не означало автоматически взаимную терпимость и мирный характер этого сосуществования). Спустя столетие в Европе, расколотой Реформацией, широкое распространение грамотности на местных “национальных” языках и зависимость правителей и религиозных лидеров от массовой поддержки населения сделали невозможным “съезд монархов”, подобный Луцкому, и не было уже страны, в которой власть могла игнорировать религиозные и культурные различия подобно ВКЛ при Витовте. В 1555 г. Аугсбургский мир между протестантскими князьями Германии и императором Карлом V провозгласил принцип “*cuius regio, ejus religio*” – “чья власть, того и вера”, распространившийся по всей Европе. Стало само собой разумеющимся воспринимать границы государства как границу между культурами и “народами”. Вскоре

заключается Люблинская уния (1569) между ВКЛ и Польским королевством, окончательно объединившая два государства в общее политическое образование Речь Посполитую. Сохраняя административную и судебную системы, собственную армию и деньги, ВКЛ передавало польской стороне огромные территории, в том числе Воынь и Киевское княжество. Объединение с Польшей встретило сильное сопротивление в Литве, но альтернативой являлось еще более агрессивное поглощение Великим княжеством Московским. В новом пространственно-политическом воображении европейской части Северной Евразии не оставалось места самостоятельным странам, не отличавшимся по языку или религии от соседей. Ускорившаяся полонизация ВКЛ и усиление позиций католической церкви не в последнюю очередь были результатом политического выбора, создающего эффективную границу с преимущественно русскоязычной и православной Московией.

Используя новое представление о политическом единстве говорящих на одном языке единоверцев, объединенных легендарной государственной общностью в прошлом, Иван III не только расширял границы своей власти, но и создавал предпосылки для возникновения новых, более непроницаемых культурных границ. Еще в середине XV в. этих границ не существовало. Предложение королевской короны Ивану III в 1489 г. свидетельствовало о том, что ВКМ и ее правитель еще не воспринимались соседями принципиально иначе, чем князья Воыни или Литвы, хотя московские князья и были менее “космополитными” по своему образованию, кругозору и языковым навыкам. Если правители ВКЛ, как правило, владели русским, литовским, польским и немецким языками, то московские князья, видимо, кроме родного языка, говорили только на диалекте тюркского (татарского) языка. Однако на протяжении XVI в. создается и распространяется миф о культурной (“цивилизационной”) инаковости обитателей Московии, чуждой христианским народам еще больше, чем турки-мусульмане. Примечательно, что инициаторами и основной движущей силой пропаганды этих взглядов являлись польские публицисты, и их активность нарастала с каждой новой московско-литовской войной (1500–1503, 1507–1508, 1512–1522, 1534–1537, “ливонской” войной 1561–1582 гг.) и уступок все новых территорий ВКМ. К середине века почти половина прежней территории ВКЛ перешли под власть Москвы, именно население этих земель, ставших плацдармом для войн и тесных контактов в мирное время, теперь воспринималось польскими публицистами как чуждое и “варварское”, хотя оно ничем не отличалось от жителей земель, по-прежнему входивших в ВКЛ.

Так, Гнездинский архиепископ (наиболее авторитетный среди польских архиереев) и бывший коронный канцлер Ян Лаский по поручению короля Сигизмунда I выступил на Латеранском соборе в Риме (1514) с докладом о “О племенах рутенов и их заблуждениях”, в котором особое внимание уделялось православию. Он, в частности, рассказал – будто речь шла о неведомых пришельцах из космоса, а не о представителях в том числе и большинства населения ВКЛ:

...их священники впадают в несправедность, когда убивают воробья или какую-либо птицу, и они не прежде достигнут праведности, пока эта птица не сгниет совершенно у них под мышками. Таково у них наказание, которое не бывает столь суровым, если кто убьет христианина...

Каковы бы ни были реальные структурные и культурные различия между обществами ВКМ и Польского королевства (а позднее и других европейских стран), распространение образов чужака и варвара имело собственную логику и динамику. В ситуации кризиса средневековых принципов политической легитимности (вассальных и даннических отношений с конкретными правителями с подвижными территориальными границами) главной задачей становилось обоснование пределов собственного и чужого суверенитета. Попытки ограничить право вассалов на “отъезд” к другому сюзерену в договорах второй половины XV в. (например, между ВКМ и ВКЛ) оказывались малоэффективным способом стабилизировать территориальные границы. Культурно-идеологические проекции как основа нового понимания государственного суверенитета (не “государя”, а “страны”) были куда более эффективным инструментом. По крайней мере, по степени владения этим инструментом (благодаря большей грамотности и развитию светской литературы) Польша точно опережала Московию. Поэтому граница между ними выстраивалась не столько “изнутри” (со стороны переосмысливавшего свою историческую миссию ВКМ), сколько “снаружи”, через идеологические проекции польской стороны.

Целенаправленно пытаясь расширить свои пределы в западном направлении за счет ВКЛ, Великое княжество Московское было не в состоянии одновременно провести четкие границы на востоке и юге – со стороны многочисленных осколков бывшей Золотой Орды. Растянувшийся на столетие процесс обособления Владимиро-Суздальской земли от сюзеренитета ханов Орды сопровождался созданием буферных зон с соседними ордынскими улусами, населенных разнообразными “татарами”, перешедшими на службу русским князьям. Так, на грани-

це с Булгаром, недалеко от Нижнего Новгорода, проживали и несли караульную службу курмышские татары – тюркоязычные потомки древнего местного населения (булгар, буртасов, мордвы и чуваш). На юго-востоке, в районе города Кадом (250 км к востоку от Рязани), часть ордынского населения перешло на службу Москве и стали известны как кадомские татары. В то время как переходившие на великокняжескую службу в индивидуальном порядке ордынские аристократы, как правило, принимали крещение, служилые татары, проживая на собственной территории, исповедовали ислам. При Василии II этот процесс создания буферных пограничных зон принял масштабные размеры: наиболее известный пример – основанное неподалеку от Кадома вассальное Касимовское ханство. Иван III, по сути, пытался добиться того же статуса от Казанского ханства. Таким образом формировалась размытая граница с соседними правителями – и размытая граница суверенитета московского великого князя, постепенно сокращающегося по мере дистанцирования от Москвы: от удельных княжеств к зависимым территориям, затем к вассальным княжествам и ханствам, а после к временным союзникам.

Но попытка перевернуть прежние отношения Москвы и Орды, заняв место хана и переподчинив себе бывшие ордынские улусы примерно на тех же условиях, на которых ВКМ подчинялось Орде со времен Великой Замятни, оказалась малоэффективной. Уже во второй половине XIV в. московские князья смогли занять достаточно независимую позицию от правителей в Сарае, а в XV в. кризис средневековой политической системы, основанной на личных отношениях вассала и сюзерена, охватывает практически все старые политии Северной Евразии. В одних случаях, – например, в Священной Римской империи, – ослабление старых вассальных связей привели к концу XV в. к фактической самостоятельности князей империи, все более напоминавшей свободную конфедерацию. В других случаях: в Англии после войны Плантагенетов и Ланкастеров (Война Алой и Белой розы, 1455–1485), во Франции после завершения столетней войны (1453), в Испании после завершения Реконквисты Пиренейского полуострова – происходит консолидация власти. По сути, та же историческая динамика в результате “феодалной войны” второй четверти XV в. наблюдается в ВКМ. Великий князь Московский последовательно переводит бывшие независимые княжества в положение подчиненных (удельных), большинство удельных напрямую подчиняет своей власти; ликвидирует частные армии, назначает коронных представителей для управления

даже формально самостоятельными землями – вроде Новгорода или Пскова. Удельные княжества сохраняются как доля в наследстве членов семьи великого князя. С одной стороны, тем самым сохраняется потенциальный источник политической нестабильности и барьер на пути централизации, с другой – все же правителями уделов становились члены одной семьи и общей тенденцией являлось дальнейшее сокращение самостоятельных уделов. В 1497 г. был составлен свод законов (судебник) Ивана III, единый для всей территории ВКМ, чеканка монеты сделалась привилегией великого князя. Подчинение великому князю теперь осуществлялось через нарождающийся государственный аппарат коронных представителей и чиновников, а не путем личной договоренности с местным правителем.

5.3. Институциональные границы суверенитета: Казанское ханство и кризис вассальных отношений

Неэффективность вассальной зависимости как политического института особенно наглядно проявилась в отношениях с Казанским ханством. В XV в. собирать ежегодную дань с вассальных земель, признаваемых равными по уровню политического развития, было уже не принято, потому что нереально (как показал опыт ВКМ и Большой Орды). Для обеспечения поступления дани необходимо было держать на месте такой аппарат принуждения, что ни о какой самостоятельности “вассала” речи идти не могло. Решающим фактором сохранения вассальных отношений становилась не решительность сюзерена, а готовность вассала поддерживать эти отношения. За неполные 70 лет (между 1484 и 1552 гг.) Москва восемь раз добивалась утверждения казанским ханом собственного кандидата, обычно выходца из Касимовского ханства. Одна за другой при Иване III и его сыне и наследнике Василии III (1479–1533) отправлялись военные экспедиции на Казань для возведения на престол лояльного Москве правителя, подавления вспыхнувшего против него мятежа или отражения набега казанцев. Хотя многие экспедиции заканчивались безрезультатно или разгромом московских войск, и в общей сложности открыто враждебные правители (ориентировавшиеся на Крымское ханство) занимали казанский престол почти столь же продолжительное время, что и признававшие зависимость от Москвы, политика в отношении Казани не менялась многие десятилетия. Ставка делалась на личную лояльность очередного казанского хана, мысль о прямом подчинении ханства ВКМ, кажется, даже не приходила в голову московским властям.

Установка на решение “казанской проблемы” традиционным назначением верного вассала не сразу изменилась даже после того, как к власти в Казани в 1521 г. в результате переворота пришел Сахиб Гирей (Сахиб Герай), младший брат крымского хана Мехмед Гирея (Герая), переориентировавший Казань на Крым. Тем же летом он вместе с огромной армией брата вторгся в пределы ВКМ, захватив и разорив Нижний Новгород и Владимир. Объединенные крымско-казанско-литовские силы осадили Москву, разграбили округу и отступили, лишь вытребовав у Василия III официальную грамоту с признанием его данником и вассалом крымского хана! (Эту грамоту хитростью отобрал у возвращавшихся с добычей крымцев воевода Переяславля-Рязанского Хабар Симский: Мехмед Гирей потребовал сдачи гарнизона на основании признания себя сюзереном Василия III; дотошный воевода потребовал предъявить подтверждающий документ, а когда послы хана принесли грамоту, забрал ее и приказал артиллерии рассеять неприятеля.)

В 1523 г. казанский хан приказал казнить московских послов и купцов, арестованных двумя годами ранее, во время захвата власти, и Василий III организовал новый военный поход. В отличие от многих прошлых карательных экспедиций, помимо разорения земель ханства и военных столкновений, в этот раз русские войска применили новую тактику: в сентябре 1523 г. был построен город Васильев Новгород (Васильев, Васильсурск) при впадении реки Суры в Волгу, примерно на половине пути от Нижнего Новгорода до Казани. Крепость была возведена у подножия горы, на которой находился разгромленный русскими город Цепель – столица горных мари, а неподалеку – священная роща мариЙцев, посвященная верховному богу Кого Йьмы (*лугома-рийск.* – Кугу Юмо). Впервые был создан форпост ВКМ на территории Казанского ханства и установлен контроль над частью территории и подданного населения Казанского ханства. Примечательно, что это решение вызвало широкую критику в Москве: высказывалось опасение, что теперь будет трудно установить дружественные отношения с Казанью, которые по-прежнему рассматривались как стратегическая цель. Да и сам Василий III снарядил поход 1523 г. по двум причинам: во-первых, из-за убийства московских послов и купцов, во-вторых, поскольку Сахиб Гирей “стал царем без ведома великого князя”. То есть сам факт игнорирования воли бывшего сюзерена воспринимался столь же значимой причиной для войны, как и конкретные враждебные действия. Задача аннексии Казанского ханства – подобно тому, что происходило параллельно на западе, где одна за другой присоединялись к

250

ВКМ земли ВКЛ, – не ставилась. В следующем, 1524 г., на Казань были отправлены еще более крупные силы, которые осадили город, но не могли его взять. Во главе похода стоял бывший хан Казани Шах-Али, свергнутый Сахиб Гиреем в 1521 г.; очевидно, в случае успеха осады он должен был вернуть себе казанский трон в качестве лояльного вассала Москвы.

Традиционализм в отношениях с Казанским ханством (ставка на вассальные отношения) контрастирует с последовательной жесткой “модернистской” централизацией власти, проводившейся Василием III. В начале 1510 г. была окончательно упразднена самостоятельность Пскова, вечевой колокол увезен из города, 300 семей местных нотаблей (бояр и купцов) были переселены во внутренние земли Московии, на их место прибыли московские жители. (Подобным образом его отец Иван III в 1478 г. при окончательной ликвидации самостоятельности Новгорода переселил тысячу семей знатных новгородцев, взамен прислал семьи московских служилых людей.) В 1517 г. Василий III вызвал в Москву князя Рязани и арестовал его, а княжество забрал под свою власть. Так же он поступил с удельным Стародубским княжеством на северо-востоке и с недавно отобранным у ВКЛ Новгород-Северским княжеством и их правителями. В очередной войне с ВКЛ был захвачен Смоленск, и вновь Василий III применил тактику насильственного переселения: жителей Смоленщины отправляли на восток, а на их место селили людей из пограничных земель ВКМ. (Вероятно, не вполне доверяя “исконной русскости” населения Смоленска, который стал литовским менее ста лет назад, Василий III прибегал к более практическим способам гомогенизации подданных.) Договор 1522 г. подтвердил передачу Смоленска Москве. Великий князь Московский активно вмешивался в дела православной церкви, своей волей смещал и назначал митрополитов, в результате церковь становилась лояльной опорой и проводником верховной власти. Одновременно совершенствовался и аппарат собственно государственного управления. Назначаемые великим князем еще во времена Ивана III чиновники среднего и младшего ранга – дьяки и подьячие – при Василии III получают постоянный штат, собственную канцелярию и начинают специализироваться по отдельным поручениям, формируя специализированные *приказы*.

На фоне этой целенаправленной деятельности по централизации власти кажется особенно примечательным, что Василий III, который последовательно усиливал свой суверенитет внутри ВКМ и расширял его на запад за счет Великого княжества Литовского, даже не ставил

задачу распространить эту практику на отношения с Казанью. Между тем, признав себя вассалом крымского хана, а с 1524 г. – османского султана, Казанское ханство демонстративно разорвало вассальные отношения с ВКМ и заручилось покровительством наиболее грозного врага Москвы – Крымского ханства. Это означало, что в случае нового масштабного набега из Крыма (с юго-запада) Казань открывала боевые действия в тылу московских войск (с востока, как в 1521 г.), при этом вмешательство самой Москвы в казанскую политику грозило вызвать осложнения с Крымом. К 1530-м гг. прежняя политика косвенного суверенитета над Казанью полностью доказала свою несостоятельность. Казанское ханство с его традициями государственности, уходящими вглубь веков, в болгарский домонгольский период, и обширными политическими амбициями было слишком большим и самостоятельным: его не удалось превратить ни в подобие “внутреннего улуса” – Касимовского ханства, ни в верного вассала. Никаких других способов взаимодействия с инокультурными политическими образованиями Великое княжество Московское прежде не знало. С военной точки зрения завоевание Казани было возможно (что и происходило уже несколько раз), но что еще можно было сделать с завоеванным противником, было не ясно. В отличие от аннексированных территорий ВКЛ, практически безболезненно включавшихся в состав Московии, тут речь шла о мусульманском и языческом населении со своим духовенством и системами управления, которые не сочетались с сословно-конфессиональным социальным пространством ВКМ.

Перед московскими правителями было два примера того, как можно совместить институты централизованного государства и принцип божественной власти государя с реалиями инокультурного населения (подлинно законный монарх не может править “неверными”). Христианские правители Пиренейского полуострова применили в XV веке политику этноконфессиональных чисток, изгнав мусульман и иудеев, в результате чего возникло единое Испанское королевство – католическое и стремящееся к монокультурности на основе кастильского языка. Одновременно расширение Османской империи за счет покорения христианских стран Южной и Центральной Европы продемонстрировало другой подход: все население было распределено по конфессиональным общинам (миллетам), подчиненным собственным духовным лидерам, которые также пользовались правом собственной юрисдикции и сбора собственных налогов. Система обложения и повинностей в целом дискриминировала немусульманские миллеты, однако насильственного

обращения в ислам или прямых репрессий не происходило. Правящий класс империи, включая высших чиновников, в значительной степени состоял из представителей немусульманских миллетов (греков, армян, иудеев). Послом Османской империи в Московии при Василии III был грек Скиндер. Система миллетов позволяла султану оставаться подлинным мусульманским халифом (который не мог быть правителем иноверцев) и в то же время удерживать государственный контроль над немусульманским населением. Собственно, именно эта сложносоставная конструкция власти и делала державу султана империей, а не просто обширной конфедерацией земель, подобно номинальным владениям германского императора: в единое политическое, экономическое и в значительной степени правовое и культурное пространство были объединены территории и группы населения, сохранявшие собственные религиозные, юридические и бытовые традиции и самоуправление. Еще в 1566 г. французский политик и философ Жан Боден риторически вопрошал:

Может быть, более справедливо называть империей Турецкий султанат [чем Священную Римскую империю]? Управление такой величайшей монархией должно осуществляться султаном. Он распространил свою власть на богатейшие земли Азии, Африки, Европы, и он управлял как отдаленными, так и внутренними владениями, а также несколькими островами. ... Возможно, было бы правильнее к бывшим римским провинциям отнести владения султана Турции, который захватил Византию, землю древнего Вавилона, принадлежавшую персам, если судить по книге Даниила?

Видимо, не случайно, московское правительство резко изменило политику по отношению к Казанскому ханству лишь после того, как в 1547 г. наследник Василия III, его сын Иван IV, венчался на московский престол как царь – первым из московских правителей, претендующих на преемственность с Русьской землей. Титул царя примеривал на себя уже в конце XV в. Иван III, дед Ивана IV. Отец, Василий III, также имел царские амбиции и даже добился того, что в 1514 г. в одном из посланий император Священной Римской империи Максимилиан I назвал его “божиею милостью цесарем”. Но все они венчались на престол “великими князьями”, т. е. символический момент божественной санкции на власть фиксировал ее великокняжеский статус. Шестнадцатилетний Иван Васильевич стал первым московским царем, чин (распорядок церемонии) венчания был разработан митрополитом Макарием, поскольку готовых образцов не было и деталей венчания византийских

императоров никто не знал. (В результате некоторых недоразумений и недопонимания, церемония венчания на царство русских царей обрела важные смысловые различия не только с западноевропейской, но и с собственно византийской традицией.)

Первым делом после венчания царем (и последовавшей затем женитьбы) Иван IV готовит большой поход на Казань, который был отложен на зиму из-за драматических событий лета 1547 г. – большого пожара Москвы и масштабного бунта горожан. Обретение царского статуса, видимо, предполагало подчинение Казанского ханства. После смерти Василия III (1533), в период правления соперничавших боярских группировок, отношения с Казанским ханством зашли в тупик: хан Сафа Герей, правивший с 1524 г. с небольшими перерывами на воцарение промосковских ханов, проводил дерзкие набеги на Муром и Нижний Новгород, но под давлением Крыма Москва на эти набеги не отвечала военными походами, пытаясь вести переговоры. Набеговая экономика служила важной вспомогательной статьёй дохода для казанской знати и воинов, особенно в неурожайные годы, поэтому для отказа от них нужна была добрая воля или внешнее принуждение – ни того ни другого московское правительство не смогло добиться путем переговоров. В декабре 1547 г. молодой царь лично выступил с войском из Владимира на Казань с большим обозом артиллерии для штурма города. В феврале, пройдя Нижний Новгород, войско остановилось на ночлег в селе Работки, в 60 км вниз по Волге. Артиллерию на ночь оставили на льду, но в аномально теплую зиму 1548 г. подтаявший лед не выдержал веса орудий и они провалились под воду. Поняв, что штурм Казани стал невозможным, Иван вернулся в Москву, а воеводы привели войско под Казань, разбили в поле войско хана и неделю грабили окрестности.

Неудача не смутила Ивана: очевидно, победа над Казанью была для него абсолютным приоритетом, связанным с самим царским званием. Повторный поход 1549 г. полностью повторял предыдущий: войско выступило из Владимира 20 декабря, двигаясь по льду Волги, прошло Нижний Новгород и 12 февраля подошло к Казани. И вновь вмешалась погода: после одиннадцати дней осады наступила сильная оттепель с дождем, низины под крепостным холмом затопило, в русском лагере промокли продукты и порох; пришлось снять осаду. Из повторной неудачи был сделан рациональный вывод: использование зимнего санного пути не снимает проблему растянутых коммуникаций (250 км до пограничного Васильсурска), для взятия Казани необходимо создать базу в непосредственной близости от города. Следующей зимой в верховьях

Волги, под Угличем, была срублена крепость: стены, башни, церковь, дома, – затем разобрана и речным караваном доставлена в мае 1551 г. к месту впадения в Волгу реки Свияги, примерно в 30 км от Казани. Под прикрытием московской конницы за четыре недели крепость была собрана на новом месте и получила название град Свияжск.

Появление московской крепости на расстоянии однодневного перехода от столицы ханства резко изменило стратегическую ситуацию: марийские и чувашские племена “горного” (правого) берега Волги признали власть царя, доставка припасов в Казань водным путем оказалась под угрозой. Теперь уже казанская сторона проявила желание восстановить прежние вассальные отношения с Москвой: от лидеров “крымской партии” потребовали покинуть ханство (около 300 из них предприняли неудачную попытку прорваться из города в Крым), оставшаяся казанская знать в августе 1551 г. в третий раз признала ханом касимовца Шах-Али. По требованию Москвы, освободили русских пленных: по спискам на хлебное довольствие получается, что за неделю отпустили 60 тысяч человек!

Однако правительство Ивана IV больше не рассчитывало на вассальную лояльность казанцев. Судя по имеющимся сведениям, правление Шах-Али должно было подготовить установление смешанного порядка: ханское правление отменялось и вводилось прямое управление царским наместником, однако само ханство как отдельная административная единица с высокой степенью внутренней автономии сохранялась, во всяком случае на землях, населенных мусульманским населением. Признавался социальный строй ханства, татарские дворяне уравнивались в правах и привилегиях с московскими. Эта политическая конструкция во многом была аналогична турецкой системе миллетов: самоуправление большой иноверческой общины сочеталось с административным контролем со стороны централизованного государства.

План был практически реализован: 6 марта 1552 г. жителям зачитали царскую грамоту о ликвидации ханской власти и назначении наместником свияжского воеводы, 7 марта жители Казани были приведены к присяге новой власти, 8 марта временное казанское правительство приняло присягу в Свияжске. Утром 9 марта наместник, усиление гарнизона, казанское правительство и находившиеся в заложниках 84 казанских аристократа отправились в Казань. Когда процессия уже приблизилась к городским стенам, в городе произошел переворот: ворота заперли, находившиеся в городе русские стрельцы были разоружены (и позднее убиты). Новым ханом стал приглашенный из Астрахани Едигер

(Ядыгар-Мухаммед). План создания татарского “миллета” провалился, насильственное присоединение Казани стало неизбежным.

Летом и осенью 1552 г. Иван IV и его военачальники организовали и провели образцовую для своего времени по слаженности и продуманности военную операцию против Казани. Войска шли полтора месяца двумя параллельными колоннами, движение которых постоянно координировалось между собой, впереди колонн действовала разведка и отряды саперов, наводивших переправы и расширявших дороги. В результате войска подошли синхронно к месту сбора недалеко от Казани (пройдя почти 850 км) в хорошей боевой форме. В отличие от прежних походов, армия Ивана IV двигалась вдоль южной границы ВКМ с запада на восток, чтобы иметь возможность отразить нападение крымцев. Это решение стало залогом успеха всей кампании. Еще в 1551 г. османский султан Сулейман II Великолепный призвал враждующие мусульманские ханства, возникшие на обломках Большой Орды, сплотиться для защиты Казани. Назначенный им новый крымский хан Девлет Гирей (Девлет I Герай) поклялся возродить противостоящее московской экспансии единое – от Крыма до Казани – мусульманское государство. По сути, речь шла о возрождении Большой Орды и подчинении ВКМ как ее бывшего улуса. Нападение крымских войск с юга – на Коломну и Тулу – было отбито двигавшимся на Казань войском, захвачена артиллерия, переданная крымцам турецким султаном.

13 августа 1552 г. все войска и обозы собрались в Свияжске, 23 августа окружили Казань и приступили к планомерной осаде по всем правилам военного искусства того времени. В течение месяца велся обстрел города артиллерией с наземных позиций и осадных башен, велись подкопы под стены. Уже 30 сентября был взорван и взят под контроль московских войск участок городской стены, однако штурм не начинали до разработки детального плана. 1 октября защитникам предложили сдаться на милость победителя, 2 октября после их отказа упорное сопротивление было сломлено, город захвачен. Бывшие правители Казани (до и после похода 1551 г.) – регентша Сююмбике при малолетнем хане Утямыше (Отемиш Герае) и призванный восставшими казанцами Едигер – были переселены из Казани. Сююмбике стала женой касимовского хана Шах-Али; Утямыш воспитывался при дворе Ивана IV, был крещен, умер молодым и похоронен с царскими почестями в Архангельском соборе московского кремля; Едигер крестился в январе 1553 г., приняв имя Симеона, ему был дан в кормление город Звенигород под Москвой. После пяти лет восстаний в казанском крае,

в 1557 г., оставшиеся жители были выселены из Казани в пригородную слободу, а в Казань переселили 7000 семей из внутренних районов Московии. Для управления территорией бывшего ханства был создан приказ Казанского дворца – что-то вроде “министерства колоний”, в ведении которого находились все присоединяемые земли на востоке и юге. Хотя Казанское ханство не удалось сохранить в составе Московского царства как отдельную, пусть и подчиненную единицу, оно продолжило “виртуальное” существование в особой структуре государственного управления (приказ несуществующего больше “казанского дворца”), а также в новом титуле, принятом Иваном IV, – “царь Казанский”.

Завоевание Казанского ханства было воспринято в Крымском ханстве, в Ногайской орде, в Астраханском ханстве и, вероятно, в самой Москве через призму политического наследия Золотой Орды как претензию ее бывшего улуса на все это наследие. Сразу после подчинения Казани в 1554 г. тридцатитысячное русское войско было отправлено в низовья Волги – против столицы Астраханского ханства Хаджи-Тархан (Астрахань), располагавшейся в районе древних столиц великих кочевых держав: хазарского Итиля, ордынского Сарая. Московское правительство повторяло сценарий развития отношений с Казанью. Первоначально пытались превратить отдаленную территорию (около 1400 км вниз по Волге от только что завоеванной Казани) в лояльного вассала, посадив ханом правнука хана Ахмата Дервиш-Али, прошедшего несколько лет на московской службе. Его кандидатуру поддерживали и в Ногайской орде, кочевавшей между Волгой и Уралом. Однако Москва была далеко, а крымские владения совсем рядом, поэтому Дервиш-Али вскоре изгнал русских наместников. Повторная военная экспедиция разгромила войска Дервиш-Али, ханство было ликвидировано, а его территория подчинена приказу Казанского дворца (1556). В 1558 г. был основан новый город Астрахань, в 12 км от старого поселения и на другой стороне Волги, отделявшей теперь его от крымских земель.

Последовала цепная реакция перенесения вассальных отношений на нового сюзерена: бий Большой Ногайской Орды Исмаил признал вассальную зависимость от Ивана IV (1557). Правитель Сибирского ханства Едигер, который вел ожесточенную борьбу с родственником Бухарского хана Кучумом, на стороне которого воевали в том числе и ногайские отряды, в поисках союзника вынужден был также признать себя вассалом московского царя с выплатой ежегодной дани мехами; первоначально он обещал десятки тысяч шкурок в год, но затем был установлен реалистичный размер дани в 1000 шкурок. Одновременно

кабардинские (адыгские) князья на Северном Кавказе устанавливали вассальные отношения с Москвой. Кабардинские отряды участвуют в походах против Казани и Астрахани, за что получают военную помощь от Ивана IV, который после смерти первой жены (1561) женится на кабардинской княжне – все это несмотря на то что кабардинцы исповедовали ислам. Скорее, именно существенная пространственная и культурная дистанция предопределила выбор московского царя, который первую жену (Анастасию Романовну) выбрал в 1547 г. после личных смотрин полутора тысяч московских невест: его заочный и совершенно деперсонифицированный выбор Гошаней (Кученей) Темрюковны (в крещении Марии) из далекой Кабарды подчеркивал дистанцию самого Ивана IV от московской “земли”, которая становилась лишь одной из подвластных ему территорий.

5.4. Конструирование царской власти и проблема абсолютного суверенитета

Начало 1560-х гг. вообще ознаменовало новый этап во взаимоотношениях Ивана IV с его подданными, особенно боярской и церковной верхушкой. Он и прежде был скор на расправу, мог казнить за провинности и по подозрению в измене даже высокопоставленных приближенных. Впрочем, в этом он не сильно отличался от Василия III или сменяющихся у власти боярских правительств в пору его малолетства. Однако постепенно складывается режим террора как регулярной системы правления. Традиционно в этом видят разрыв с первым десятилетием правления Ивана IV. Причину находили в резком психологическом переломе, вызванном смертью любимой жены Анастасии Романовны, будто бы отравленной приближенными (1560), в разочаровании в бывших соратниках и советниках – царском духовнике протопопе Сильвестре и важном государственном деятеле неродовитого происхождения Алексее Адашеве, в нарастании напряженности в отношениях со знатью, сопротивлявшейся политике централизации и фактическому уравниванию вотчинных прав князей и бояр со служивым дворянством.

Эти наблюдения совершенно справедливы. Действительно, исследование останков царицы Анастасии Романовны (2000), выявило аномально высокое содержание мышьяка и особенно ртути, что подтвердило подозрения в ее отравлении (сам Иван обвинил в причастности к убийству Сильвестра и Адашева). Серьезны были и политические расхождения царя с его соратниками, благодаря которым в 1550-е гг.

были проведены важные преобразования. Земская реформа признавала все крестьянские и городские общины самостоятельными юридическими субъектами, выбирающими местную администрацию, судей, организующих сбор податей, в том числе на содержание коронных чиновников, которые должны были управлять и вершить уголовный суд по согласованию с земскими должностными лицами. Военная реформа, завершившаяся отменой кормлений (предоставление местности чиновникам в управление и неконтролируемый сбор податей) и введением Уложения о службе, создавала современное постоянное войско. Регулярная пехота – стрельцы – были профессиональными солдатами, ведущими хозяйство для самообеспечения. Основой конницы становилось служилое дворянство, получавшее поместье за службу (из расчета 100 четвертей – около 50 га – на одного воина), в том числе за счет вотчинных земель аристократии (“кто землю держит, а службы с нее не платит”). Эти меры наряду с изданием нового судебника и формированием системы органов центральной власти – приказов (челобитного, посольского, поместного, стрелецкого, пушкарского, разбойного, печатного, земского и др.) создавали “нормальный” тип государственности раннего Нового времени. Частью этой “нормы” являлась выборность императора Священной Римской империи германской нации и ограничение его власти рейхстагом (представительным органом имперских сословий); выборность короля дворянством (шляхтой) в Польском королевстве и ограничение его власти сеймом (выборным собранием шляхты); важная роль парламента в Англии, зависимость французских королей этого периода от аристократии. Реформы предоставили в распоряжение Ивана IV современную армию (вероятно, с лучшей артиллерией в Европе того времени) и эффективный государственный аппарат, но любые претензии на участие во власти со стороны аристократии или “земства” (представителей местного самоуправления) воспринимались им как покушение на царскую власть. А власть эта в результате ошибочного толкования обряда венчания на царство приравнивалась к божественной: над Иваном IV совершили ритуал, уподоблявший его Христу, которого “помазал... Бог Духом Святым”. Когда же Иван пытался отстаивать свое право абсолютного властителя, от него действительно начали перебегать к соседним правителям высокопоставленные бояре и военачальники, самый известный из которых бежавший в Литву князь Андрей Курбский (1563). Так что гибель жены, конфликт с реформистским окружением и измена приближенных были вполне реальными факторами, влиявшими на Ивана IV.

Вместе с тем с точки зрения мотивации самого Ивана IV никакого радикального перелома в начале 1560-х гг. не произошло. Он последовательно претворял в жизнь идею царской власти, и главная проблема состояла в том, что было неизвестно, как эта идея должна реализовываться на практике. Византийская империя пала столетием раньше, император Священной Римской империи лишь номинально носил “царский” титул, турецкий султан был неподходящим примером для открытого подражания. Незрелость специализированной политической и юридической мысли в Московии, отсутствие широких публичных дискуссий (и публицистики в целом) затрудняли артикулирование и обсуждение новых идей. Даже спустя два десятилетия после венчания Ивана IV на царство не существовало разработанного риторического (логически аргументированного) обоснования его притязаний на императорский титул. В 1569 г. русского посла в Константинополе инструктировали:

А нечто вспросят его про царское имя, почему государь ваш царем ся зовет? И ему молвити: аз паробок молодой, того аз не ведаю, почему государь наш царем ся зовет. Кто будет того похочет проведати, и он поеди во государя наше государство, и он, ехав, там проведает.

Таким образом, единственным аргументом в пользу легитимности царского титула Ивана являлся личный и непосредственный опыт, физическое столкновение с проявлениями его особой царской власти. В результате основной сферой идеологических поисков и формулирования концепций стала политическая практика. Содержание и границы нового типа суверенитета – царского, императорского – определялись в процессе деятельности в самых разных сферах: в личной жизни, внутренней и внешней политике.

Так, Иван IV начал царствование с подчинения Казанского и Астраханского ханств, однако резко разошелся с советниками, которые считали следующей целью Крымское ханство. С рациональной стратегической точки зрения это было бы правильное решение: Крым являлся главной военной угрозой Московии, упрочение в низовьях Волги, союз с Кабардой создавали хорошие предпосылки для удара по Крыму. Подчиняясь давлению приближенных (чего Иван не прощал), он санкционировал в 1558 г. и начале 1559-го набег перешедших на московскую службу казаков князя Дмитрия Вишневецкого на Азов и поход воеводы Даниила Адашева на Крымский полуостров, увенчавшийся временным захватом порта Гёзлёв (Евпатория). Однако одновременно

(январь 1558) Иван IV начал войну с Ливонским орденом, и с 1560 г. полностью сосредоточился на этом “западном фронте”, свернув наступление на Крым. Ливонская война, начавшаяся с разгрома Ливонского ордена, затянулась на 25 лет, втянув Московию в противостояние с ВКЛ и Польским королевством (объединившихся в 1569 г. в Речь Посполитую) и Швецией. В 1570-х гг. в завоеванной Ливонии было даже создано вассальное Московии Ливонское королевство, правителем которого стал датский принц Магнус Ольденбургский, женившийся на двоюродной племяннице Ивана IV (в русских летописях его называли Арцимагнус Крестьянович). Но итогом четвертьвековой войны стало возвращение к состоянию *status quo ante bellum*: возврат Московией всех завоеваний и восстановление в целом довоенных границ ценой разорения Московского царства. Историки привыкли считать Ливонскую войну попыткой Ивана IV завоевать выход к Балтийскому морю, однако в русских документах той эпохи эта идея не только не формулируется, но и даже не упоминается. Экономически и политически у Московии не было нужды менять сложившуюся веками систему балтийской торговли через Новгород и Ливонию. Официально же война началась из-за требования к Ливонскому ордену уплатить “юрьевскую дань” – упоминаемую в документах XV в. компенсацию за пользование пчельниками на спорной территории, равную пяти пудам меда в год. Таким образом, с практической стороны отказ от завоевания Крыма, как и решение начать войну в Ливонии, выглядит абсурдным.

Все предстает в ином свете, если исходить не из современной логики экономической и военной экспансии, а из символической географии господства. Иван IV был первым правителем Московии за много десятилетий, который не пытался аннексировать очередные территории ВКЛ, первым развязав войну. “Литовские” земли со времен Василия III рассматривались как историческое наследие московских великий князей, но Иван IV пытался обрести царскую, императорскую власть, поэтому его взгляд обратился сначала к завоеванию земель, не принадлежавших ему “по праву”. Завоевание чужих царств являлось самым очевидным признаком истинного “кесаря” (цезаря). Подчинение Казани и Астрахани, признание вассальной зависимости Ногайской орды и Сибирского ханства подтверждали царское достоинство Ивана, но создавали совершенно нежелательные и однозначные исторические параллели. А в эту эпоху исторические параллели, даже разделенные веками, воспринимались как тождество. Если Иван III уподоблял себя Владимиру Мономаху и был озабочен собиранием “русских” (роуських)

земель, то его внук Иван IV невольно предстал собирателем улусов Золотой Орды. Северо-Восточная Русь (Московия), Волжская Булгария (Казань), район Сарая (Астрахань), Ногайская Орда, Западная Сибирь и Северный Кавказ – оставалось завоевать Крым (и контролируемые им степи Причерноморья и Приазовья), чтобы восстановить наследие Бату. Именно так воспринял политику Московии крымский хан Девлет Герей, который сам претендовал на собирание земель бывшего Джучиева улуса, а потому после покорения Казани увидел в Иване IV прямого соперника. Девлет не преминул воспользоваться переориентацией Московии с южного на западный фронт. После серии набегов и нескольких неудачных походов и попыток вернуть Астрахань крымское войско сожгло Москву и увело десятки тысяч пленных (1571), а Девлет Герей принял многозначительное прозвище Взывший Трон (*Taht Algān*). На следующий год он собрал втрое большее войско (от 80 до 120 тыс. воинов), фактически все боеспособное мужское население ханства, и отправился в новый поход, объявив, что “едет в Москву на царство”. Сокрушительный разгром крымской армии в 50 км к югу от Москвы (битва при Молодях 30 июля – 2 августа 1572 г.) значительно меньшими московскими силами разрушил эти планы и на долгие годы подорвал могущество Крымского ханства. Но в случае если бы войско Ивана IV завоевало Крым и его степные улусы в древней Дешт-и-Кыпчак, то это ему пришлось бы называть себя “взввшим трон” – трон ханов Золотой Орды.

Вполне вероятно, что в Москве и вправду воспринимали свое царство правопреемником Джучиева улуса, на который Москва имела не меньше прав, чем Крым (тем более что и Гирей, скорее всего, были не Чингизидами, а потомками монгольского рода Кереев). Присоединение земель на востоке и юге обосновывали некими “наследственными правами” (Астрахань объявлялась древним владением киевских князей), но уподобляться ордынским ханам Иван явно не желал, в частности и как православный государь. Заинтересованный в достижении “истинной” царской власти, а не в успехе “государства” в современном понимании (экономическое процветание, защита от внешних угроз), Иван IV нашел единственный способ “описать” ее на языке захватов и побед как выходящую за пределы “наследственных” русско-литовских и ордынских владений. Покорение Ливонии (пускай даже в форме вассального королевства), никогда прежде не входившей ни в какие “русские” государства, придавало Московскому царству подлинно имперский статус и подтверждало истинно самодержавный характер

власти царя. Его власть и владения становились его личной заслугой как проявление божественной воли, а не восстановлением историко-юридической человеческой традиции.

Царское достоинство Ивана IV уже с 1554 г. начали признавать в Англии. В 1558 г. Константинопольский патриарх Иоасаф II писал Ивану, что “царское имя его поминается в Церкви Соборной по всем воскресным дням, как имена прежде бывших Византийских Царей; это повелено делать во всех епархиях, где только есть митрополиты и архиереи”. Учитывая, что православное духовенство ВКЛ находилось в каноническом подчинении Константинопольской патриархии, это означало, что православные жители Литвы (а позже Речи Посполитой) должны были почитать московского царя как верховного защитника веры и наследника византийских императоров. (В 1596 г. эта политическая коллизия станет одним из стимулов переподчинения части православных епископов Речи Посполитой Папе Римскому в рамках Брестской унии православной и католической церкви.) Формальное юридическое признание императором Священной Римской империи и Ватиканом царского титула Ивана IV (не сводящееся к титулованию в отдельных посланиях, как при Василии III) было затруднено самим пониманием империи как единственным в своем роде высшем отражении власти божественной в земной власти. Несмотря на это, император Максимилиан II в 1576 г. предложил Ивану IV именоваться “всходным цесарем [восточным императором]” и признал его “цесарем всероссийским”.

Однако международное признание особого статуса правителя Московии почти никак не отражалось на характере власти Ивана IV внутри страны, где он по-прежнему воспринимался великим князем московским. Как должна царская власть отличаться от великокняжеской по отношению к собственным подданным? Ответить на этот вопрос было труднее, чем в случае с отстаиванием царского титула на международной арене, тем более путем политической практики. Иван IV начал с усиления произвола, однако признаки тиранического правления вообще были характерны для европейских правителей раннего Нового времени, когда поиск новых форм легитимности власти толкал к демонстративному нарушению традиционных норм и ограничений власти государя. Еще Иван III – дед Ивана IV – заслужил прозвище Грозного, так что сама по себе жестокость наказания не выделяла московского великого князя из череды его предшественников и современников. Правившая Англией в 1553–1558 гг. Мария I Тюдор (“Кровавая Мэри”)

прославилась казнями аристократии и высшего духовенства (включая архиепископа Кентерберийского): около 300 видных сторонников протестантизма были сожжены на кострах менее чем за четыре года (из них не менее 56 женщин). Казни протестантов проходили в соответствии с принятой юридической процедурой, а проявившийся при этом уровень жестокости был вполне типичен для того времени.

Женившись в 1561 г. вторым браком на кабардинке Марии Темрюковне, Иван IV не приобрел дипломатических преимуществ или хотя бы символического капитала (в отличие от Ивана III, породнившегося с византийской императорской династией Палеологов). Зато этот брак подчеркивал дистанцию самого Ивана IV от московской “земли”, которая становилась лишь одной из подвластных ему территорий. Это же стремление очистить царскую власть от традиции “земли” как исторической территории со своей традицией и культурой проявилось в создании между 1560 и 1563 гг. Степенной книги – первого систематического официозного изложения истории Московии, в которой происхождение московских государей выводилось от легендарного римлянина “Пруса, брата кесаря Августа”. В результате исторической аберрации “родиной” предков московского царя объявлялась Пруссия и даже Ливония. Около 1565 г. Иван IV заявил мюнстерскому купцу Герману Писспингу, что “род его происходит из баварских владетелей и что имя наших бояр означает баварцев”, а в 1570 г. признался датскому принцу Магнусу: “...сам я немецкого происхождения и саксонской крови.” Важно не то, насколько сам Иван IV верил в свое “иностранное” происхождение, а то, что он сознательно дистанцировался от родовой московской – и в целом русской – аристократии. Царская власть не могла быть обусловлена общим происхождением с подданными!

Наконец, в январе 1565 г. Иван IV предпринимает самый радикальный шаг на пути конструирования опытным путем подлинно царской власти. Он применяет к собственной стране тот же подход, что использовал для легитимизации царского титула на международной арене: он выступает в роли безжалостного захватчика-завоевателя. В начале января 1565 г. в сопровождении придворных, прихватив государственную казну и лучшие иконы московских храмов, царь покинул свою резиденцию в Кремле и уехал в укрепленную Александровскую слободу в 125 км к северо-востоку от Москвы. Это было “опришное владение” его матери Елены Глинской – удел, доставшейся ей после смерти мужа, Василия III. Оттуда Иван IV объявил московской боярской думе и духовенству об отречении от власти, однако после слезных

уговоров согласился остаться царем, но *на своих условиях*. Прежде всего он заручился правом без согласования с боярской думой казнить “непослушных” бояр и конфисковать их имущество. Он также выделил часть территорий (в основном на северо-востоке) в свою “опришнину” (опричнину), личный удел. Остальное царство называлось “земством”, собственно обычной “русской землей”, которой правило московское правительство боярской думы и приказов. Александровская слобода стала фактически новой столицей государства. В опричнине дублировались все социальные институты и органы управления: были свои служилые люди, стрельцы, своя боярская дума, свои приказы. В “опричных” уездах была набрана первая тысяча членов опричного войска, число которого со временем выросло до 6000 человек. Опричникам запрещалось общение с земскими, земцам запрещалось проникновение на территорию опричнины. Даже митрополит Филипп, высший иерарх Русской православной церкви, вынужден был подписать обещание “не вступаться в Опричнину”. По сути, речь шла о безоговорочном подчинении земства “государству в государстве” – царевой опричнине.

С самого начала создания опричнины был развернут массовый – по меркам XVI в. – террор по отношению к земству, который затрагивал как высшую аристократию и духовенство (жертвой репрессий пал и сам митрополит Филипп), так и мелких служилых людей. Размах террору придала его децентрализация: Иван IV санкционировал инициативу опричников по искоренению “измены”, поэтому каждый сам находил жертв, которых можно было убивать и лишать имущества без суда. Понятно, что главными стимулами опричников становилось сведение личных счетов и обогащение, поэтому масштабы вскрываемой “измены” не сокращались в результате репрессий, а только увеличивались. В январе 1570 г. опричное войско совершило поход на Новгород и подвергло его страшному разгрому: людей топили в реке и расстреливали из пищалей, грабили имущество, а товары и запасы, которые нельзя было увезти, сжигали. Грабили церкви – вывезли даже знаменитые ворота Софийского собора, которые затем установили в Успенском соборе в Александровской слободе. Опричники вели себя в Новгороде и в других местностях земства как оккупанты, причем не реальные (например, ордынцы Бату), а словно выведенные пером склонного к патетическому преувеличению летописца или автора жития христианских мучеников. Возможно, именно книжное описание зверств прошлого вдохновляло на попытки воплотить их в реальности. Изошренность казней и пыток индивидуальных жертв террора, избыточность насилия

в Новгороде даже по сравнению с “обычной” резней военного времени выдает стремление скорее к воплощению собственных фантазий, чем к расправе над конкретными врагами. Это значит, что символическое значение опричного террора, по крайней мере для самого царя, было важнее его конкретного содержания (выбора жертв, мотивации приговора или способа казни).

Помимо персональных садистических наклонностей опричников и психопатических изменений личности (включая самого Ивана), опричный террор выдает осознанную идеологическую систему символического завоевания русской земли. Превосходство царской власти над обычной светской властью воплощалось не только в бесконтрольном и совершенно произвольном насилии, но и в особых обрядах и ритуалах, придуманных Иваном IV. Внутренний круг опричников составлял особую военно-религиозную организацию. Во главе ее стоял сам царь, который называл себя опричным “игуменом” (настоятелем монастыря). Его ближайший соратник князь Афанасий Вяземский назывался келарем (заведующий монастырским хозяйством), заслуживший репутацию главного палача и садиста Григорий “Малюта” Скуратов – параклисиархом (пономарь, привратник). В перерывах между кровавыми рейдами царь поддерживал режим монастырского благочестия: поднимал своих воинов-монахов к полуночной службе, к заутрене и обеду, звонил в колокола, молился, во время трапезы читал им Евангелие – богослужение могло занимать до девяти часов в день. Опричники носили черную, похожую на монашескую одежду и разъезжали верхом, приторочив к седлу метлу и мертвую собачью голову, что должно было символизировать выметание крамолы и собачью преданность царю и ненависть к чужакам.

Сама опричина как политика оккупации и режима “апартеида” (сегрегации населения страны) напоминает нормандское завоевание Англии или покорение крестоносцами Пруссии (или Реконкисты в Испании), когда местная элита ставилась фактически вне закона, лишалась захватчиками собственности и власти. Вряд ли сам Иван IV проводил такие параллели – они являются следствием структурной близости ситуации завоевания и оккупации, причем лишь в том случае, если захватчик убежден в собственном культурном превосходстве. Монгольское завоевание – единственное, испытанное северо-восточными роуьскими землями на практике – в реальности никак не напоминало террористический режим апартеида (и лишь в летописях, отредактированных в XVI в., стало изображаться именно в таком виде). Зато очевидно, что

идея царской власти как монашеского служения являлась совершенно сознательной импровизацией Ивана IV, попыткой имитировать католические духовно-рыцарские ордена – в меру его информированности и понимания. Не случайно, опричнина оформляется после разгрома Ливонского ордена и близкого знакомства с рыцарями – среди опричников было немало немцев, в том числе имевших отношение к ордену. На гербе широко представленного в Ливонии (а также в землях ВКЛ) ордена доминиканцев была изображена собака с горящим факелом, зажатом в пасти: так обыгрывалось неофициальное название ордена – “Псы Господни” (лат. *Domini canes*), созвучное названию официальному. У доминиканцев была устойчивая репутация инквизиторов: доминиканцами были и первый великий инквизитор Испании Томас Торквемада, и авторы знаменитого трактата по демонологии “Молот ведьм”, немецкие инквизиторы Генрих Крамер и Якоб Шпренгер. Таким образом Иван IV совместил в своем представлении об идеальной царской власти образы великого магистра и великого инквизитора, воина-монаха, наместника бога на земле, чья власть является прямым продолжением божественной.

Разорительный и унижительный набег крымского хана на Москву (1571) нанес удар по идее опричнины как прямого воплощения божественной царской власти. Мало того что царская власть не смогла защитить страну, так еще и опричники показали себя никудышными воинами перед лицом сильного противника – многие уклонились от службы, на войну набрался лишь один опричный полк (по контрасту с пятью земскими). В 1572 г. Иван IV распускает опричнину: проходят казни практически всех высокопоставленных опричников, а само упоминание опричнины запрещается под страхом бичевания. На следующий год царь настоял, чтобы касимовский хан Саин-Булат, заслуженный ветеран Ливонской войны, принял крещение под именем Симеона Бикбулатовича. Следуя своему обыкновению выражать идейные поиски в практических политических решениях, осенью 1575 г. Иван организовал официальное венчание Симеона Бикбулатовича на московское царство в Успенском соборе, а сам в очередной раз отрекся от престола, выделив себе удел и назвавшись Иваном Московским. Спустя 11 месяцев Иван вернулся на царство, пожаловав “царя Симеона” великим княжеством Тверским. Этот политический маскарад, обычно объясняемый прогрессирующим психическим расстройством Ивана IV, выглядит вполне логическим “высказыванием”: если опричная модель божественно-бесконтрольной царской власти потерпела по-

ражение от крымского хана – вассала турецкого “царя”, значит, власть победителя сильнее. В ответ Иван объявляет правителем представителя рода Чингизидов, правнука хана Большой Орды Ахмата. Этим он продемонстрировал как беспрецедентный произвол своей власти (способной назначать и смещать царей), так и попытку “осмысления” (посредством практического эксперимента) царской власти как основанной на ордынском наследии.

Каждый поворот в политике Ивана IV – и до создания опричнины и после ее формального роспуска – сопровождался казнями. Сложно отделить личную жестокость или даже психическое расстройство царя как мотив убийств от политической и идеологической мотивации. Еще в детстве он развлекался, сбрасывая кошек и собак с крыши теремов, по достижении совершеннолетия (в 15 лет) – еще до венчания на царство и начала собственно политической деятельности – отправлял не угодивших его капризу бояр на плаху. Так же трудно точно оценить масштаб проводимых им репрессий. Составленный по его повелению незадолго до смерти “синодик опальных” – список казненных во время опричнины – содержит около четырех тысяч имен. Однако надо учитывать, что список не полон и что убийства совершались по приказу царя на протяжении всего его правления.

Нельзя сказать, что масштаб убийств в царствование Ивана IV был беспрецедентным для его времени: в результате одной Варфоломеевской ночи (избиения протестантов католиками в Париже 23 августа 1572 г.) погибли от 5 до 30 тысяч человек. По некоторым сведениям, Иван IV в письме императору Священной Римской империи даже заявил по этому поводу, что каждый христианский государь должен оплакивать ужасную резню такого количества невинных жертв. Наступала эпоха массовых религиозных войн, в ходе которых счет жертв шел на десятки тысяч. Важным отличием опричного террора было то, что он был развязан вне контекста гражданской (религиозной или крестьянской) войны, в отношении собственных подданных, большей частью совершенно преданных: не было случая, когда опричникам приходилось подавлять открытое выступление против царя. Оплакивая жертв погрома, в который переросла взаимная ненависть и недоверие католиков и протестантов в ночь праздника Св. Варфоломея, Иван IV не вспомнил о проведенном под его командованием разорении Новгорода (1570), когда из 30 тысяч жителей были убиты от 5 до 15 тысяч, а остальные обречены на голодную смерть после уничтожения продовольственных запасов и имущества посреди зимы.

Именно структура и характер террора Ивана IV, а не количество убитых по его приказу или в результате его попустительства людей поражали современников и отличали ситуацию в Московии от других случаев массовых убийств того времени. Уничтожение собственного населения, сановников, церковных иерархов не было ответом не только на какие-либо действия с их стороны, но и в большинстве случаев даже на слова, сказанные в узком кругу. В то же время, в “безумии” Ивана IV прослеживается своя “система”: последовательная эмансипация от обуславливающих абсолютную власть государя факторов (политических институтов, социальной среды, традиций и моральных норм) и попытка опытным путем сконструировать “истинную” царскую власть. Глубинная идеологическая подоплека этой “системы”, несмотря на специфику случая Московии, делает Ивана IV типичным представителем политической сферы раннего Нового времени, когда во имя абстрактных идей и теоретических разногласий умерщвлялись десятки тысяч людей.

5.5. Кризис

Иван Грозный умер 19 марта 1584 года. С утра он приказал принести и прочесть составленное загодя завещание. Потом долго мылся в бане, оделся в чистую одежду и сел за шахматную доску. За игрой в шахматы он и умер, раздумывая над очередной комбинацией. Эта продуманность и сознательность встречи смертного часа разительно контрастирует с жизнью первого царя Московии, которая предстает как череда безумных злодейств, если подходить к ней с обыденными мерками, или как мистические поиски “истинной” царской власти, если пытаться понять его собственную логику. Итогом долгого правления Ивана Грозного стал глубокий кризис страны – которая, впрочем, вероятно, мало его интересовала, – и той конструкции власти, которой он посвятил свою жизнь. В припадке гнева (или неконтролируемой ревности к любому потенциальному сопернику) в ноябре 1581 г. он смертельно ранил своего сына и наследника Ивана Ивановича (1554–1581). По иронии судьбы после этого единственным наследником Ивана IV становился его слабоумный младший сын Федор (1557–1598), которому заведомо было не по силам принять царскую власть в том виде, как ее понимал отец. Экономика страны была серьезно подорвана изнурительными войнами, разорительным крымским набегом, но также и режимом опричной “внутренней оккупации”,

когда даже подати собирались в опричных уездах, как с вражеской территории: с убийствами, поджогами, сплошными контрибуциями. Социальная система Московского царства была разрушена постоянными конфискациями земель репрессированных (как в земстве, так и среди опричников) и перераспределением поместий. Начавший было складываться институт регулярной земельной собственности был скомпрометирован политическим произволом. Экономическое разорение, войны и эпидемии привели к сокращению крестьянских рук, в результате чего правительство начало вводить ограничения на свободное переселение крестьян на земли другого землевладельца, так называемые “заповедные годы” – решительный шаг на пути полного закрепощения крестьян, превращения их в собственность землевладельца. Политическая же система после десятилетий экспериментов Ивана IV находилась в состоянии полного разложения: наследник престола был недееспособным, при этом в живых был официально венчаный на царство Симеон Бикбулатович. Обоснование самодержавной царской власти путем принципиального произвола правителя лишило царскую власть традиционной легитимной основы: Иван IV доказал себе (и всем), что царю не писаны никакие правила; однако в результате не стало и правил, по которым можно было доказать законность царя. Московское царство, оставшись “без царя в голове”, стало перед необходимостью пройти практически с самого начала процесс формирования системы политических отношений, социальной структуры и самих представлений о смысле существования разных групп населения в едином государстве.

ГЛАВА 6. XVII ВЕК: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ, СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

Часть 1. Трансформация социального воображения в обществах Северной Евразии

6.1. Сценарии трансформации на перифериях региона

Конец XVI в. ознаменовал переломную эпоху в истории многих обществ Евразии – от Атлантики до Тихого океана. По классической исторической периодизации (создававшейся примерно в этот же период) ее можно соотнести с переходом от Средних веков к Новому времени. Трудно обозначить четкую временную границу этого исторического поворота, события развивались не вполне синхронно в разных частях континента и под влиянием разных факторов. Новым обстоятельством для всех стало широкое распространение огнестрельного оружия (сводящее на нет преимущества тяжеловооруженной аристократической конницы), а также поиск неких надличностных принципов и механизмов консолидации общества (т. е. вне традиционных родовых и племенных связей или феодальной иерархии). Эти обстоятельства, очевидно, были взаимосвязаны, и за последние два столетия им находили разные объяснения экономического, религиозного или политического характера. Для нас важно то, что в этих новых условиях извечные проблемы

эффективного контроля над мультикультурным населением и защиты от посягательств соседей находили новые решения, степень эффективности которых можно было оценить лишь спустя одно-два столетия.

На востоке континента, Великая Минская империя (пришедшая в 1368 г. на смену установленной монголами юаньской династии), которую мы привычно называем “Китаем”, клонилась к упадку. В конце XVI в. на северо-востоке, в Маньчжурии, происходила консолидация десятков различных чжурчжэнских племен под властью вождя Нурхаци (1559–1626). Ему и его сыну удалось подчинить Минскую империю и создать новое государство, объединившее прежние земли Мин, Манчжурию и завоеванную Корею (позже Монголию, Тибет, Синьцзян и др.), под названием Великое Чистое Государство (Да Цин го) – обычно его называют “династией Цин”. Казалось бы, повторился очередной цикл “китайской истории” (с точки зрения расхожих представлений о неизменности “Китая” и “китайцев”): как и после кризиса империи Тан, чжурчжэни завоевали и консолидировали Китай, сменив лишь правящую династию. Официальная идеология Цин также настаивала на преемственности с династией Мин. Однако, по существу, это был новаторский проект сознательного построения полиэтничной империи как “равноудаленной” от всех этноконфессиональных групп. Маньчжурская правящая элита не спешила ассимилироваться в местную ханьскую культуру, но и не выступала в роли иноземных захватчиков. Сферу политического попытались в принципе развести с традиционной ассоциацией с той или иной племенной аристократией, провозгласив Цинскую империю высшей и фактически единственной в мире, установив режим плотной самоизоляции. Изоляционистская “ментальная география” (поддерживаемая системой образования и пограничной стражей) выполняла важную политическую функцию. Если империя – единственная в своем роде, то нет нужды спрашивать, чья она (маньчжурская, ханьская, тибетская?). Изоляция от соседей позволяла абстрагироваться от привычной сегодня мысли о “национальной принадлежности” государственной власти и думать о ней совсем в другой логике – анациональной. Другими словами, не разрабатывая политическую теорию и юридическую систему универсального “гражданства” и не пытаясь создать модель единой светской надэтнической массовой культуры, правители Цин сумели в значительной степени нейтрализовать фактор этноконфессиональной пестроты населения, изолировав властные структуры от “племенной” логики мышления. Выбранная стратегия доказала свою эффективность на протяжении двух

веков: темпы роста населения и экономики в цинском Китае опережали другие страны Азии и Европы до середины или даже до конца XVIII в. Но секрет этого успеха – консервация определенной картины мира в строгой изоляции от внешних влияний – оказался и самым уязвимым элементом всей общественной системы. Насильственное разрушение цинской изоляции извне европейскими державами в середине XIX в. привело к радикальной смене картины мира в Китае: династия была осмыслена как “иностранная” (маньчжурская), против нее поднялось националистическое движение, свергнувшее династию Цин (1912) и провозгласившее Китайскую (фактически национальную ханьскую) республику.

К западу потомок Тамерлана Акбар (1556–1605) сумел впервые объединить территорию практически всего Индостана и прилегающих земель (современный Пакистан и юго-восточный Афганистан). Подчиненные мусульманские и индийские княжества стали провинциями или вассалами империи Великих Моголов (в XVIII в. так называли англичане это колоссальное образование), именовавшей себя по-персидски Гурканьян (“[держава] зятя хана”: Тамерлан породнился с ханским родом Чингизидов в результате женитьбы). Это была типичная средневековая евразийская империя-конфедерация в том смысле, что ее существование всецело зависело от сочетания военной мощи и толерантности государя. Акбар идеально подходил для своей роли: тюркский правитель исповедовавший ислам, он отменил налог на немусульман и назначал их на высокие должности чиновников. Персидская культура выступала в роли универсального медиума между локальными культурами и даже конфессиями: священные индуистские тексты и поэмы были переведены на персидский язык и получили распространение наряду с христианскими и исламскими текстами на персидском. Однако власть не опиралась на определенную систему или хотя бы принцип, которые сделали бы ее менее зависимой от личности правителя и его отношений с подданными: ни на родовые связи, ни на ислам как господствующую религию, ни на тюркскую культурную солидарность. Неустойчивое равновесие могло нарушиться в любой момент: если бы индийские раджи перестали довольствоваться толерантным отношением к своей религии, а мусульманские потребовали от падишаха “истинно исламского” правления без потакания неверным, сепаратисты с окраин нанесли бы поражение правительственной армии или наступил династический кризис. В общем, все эти факторы со временем проявили себя, и уже в начале XVIII в. начался распад империи Великих Моголов.

Дальше на запад находились Кызылбашское государство (персидская держава Сефевидов) и Возвышенная османская держава (традиционно называемая Османской империей). В отличие от восточных соседей, к концу XVI в. это были давно сложившиеся политические образования со стабилизовавшейся системой правления. Но и они столкнулись с проблемой формализации системы власти, отреагировав на нее по-разному.

После распространения власти шахов из азербайджанской династии Сефевидов на земли всего исторического Ирана в 1502 г. языком двора и войска был азербайджанский тюркский, а персидский оставался языком администрации. Столицей являлся Тебриз в иранском

Азербайджане, шахская власть опиралась на кочевую тюркскую знать конфедерации племен кызылбашей (“красноколпачников”).

Пика могущества сефевидский Иран достиг в начале XVII в. при шахе Аббасе I Великом (1571–1629), который около 1600 г. совершил радикальную перестройку системы власти. Он ликвидировал традиционное для средневековой Евразии “этноконфессиональное разделение труда”, когда язык культуры, кадры гражданских чиновников, состав знати и военачальников и основная масса податного населения представляли обособленные племенные и религиозные группы. Аббас перенес столицу в центр страны, в Исфахан (1598), создал постоянное войско и гвардию на надплеменной основе, разгромив верхушку знати кызылбашей, освободившись от их политического влияния и зависимости от военной силы кочевых тюркских племен. И хотя языком придворных оставался тюркский язык, персидский язык и культура приобрели официальный статус. Таким образом, кызылбашское государство (“династия Сефевидов”) утратило гибридный характер (по контрасту с империей Моголов) ценной идентификации с определенной культурно-языковой и религиозной нормой (в отличие от “анациональной” Цинской империи). Впрочем, этого оказалось недостаточно для того, чтобы сопротивляться давлению многочисленных враждебных соседей, и в 1722 г. династия Сефевидов пала под натиском пуштунских племен.

Османская империя пережила все великие державы своего времени, окончательно распавшись лишь после Первой мировой войны (1922). Главным отличием Возвышенной османской державы от соседей около 1600 г. было то, что никаких радикальных преобразований в ней не проводилось. Достигнутый сравнительно недавно (в 1560-х гг.) пик могущества империи, казалось, служил доказательством удачности найденного сочетания централизации и признания местных

различий. Причем различия признавались и закреплялись формально, однако одновременно сосуществовали и пересекались несколько разных систем отличий. К примеру, территориально империя делилась на четыре десятка эялетов (провинций), не считая вассальные страны. Как правило, население каждого эялета носило многоплеменной характер, а границы эялета не совпадали с прежними историческими территориями. Судебная система, основанная на исламском законе (шариате) сочеталась с местным правом. Кроме того, признанные иные конфессии (православные, католики, армяне, иудеи) пользовались судебной и религиозной автономией в рамках системы общеимперских миллетов. В сочетании со сложной сословной и экономической структурой населения общество оказывалось связано многоуровневым переплетением разных принципов классификации, ни один из которых сам по себе не являлся решающим (а значит, потенциальным основанием для распада страны). Османская система управления различиями не нуждалась ни в искусственной изоляции страны ради поддержания “правильного” восприятия подданными власти, ни в навязывании им единственно возможной культурной нормы как залога сохранения единства. Однако к началу XVII в. у беспримерной устойчивости сложившейся системы обнаружилась неприятная оборотная сторона: в сложно переплетенном османском обществе трудно было оперативно и эффективно концентрировать ресурсы (человеческие и материальные) и направлять на решение первостепенных задач. Огромное численное превосходство и высокий уровень военной техники долгое время позволял побеждать внешних врагов. Однако ситуация изменилась на рубеже XVII в.: несмотря на то что численность населения империи удвоилась за предшествующие полвека, постоянной экспансии османов наступил конец. За исключением кратковременных (пусть и крайне эффектных) наступательных успехов на разных фронтах, территория Османской империи более не расширялась, лишь сокращалась. Османская империя вступала в эпоху, когда стабильность не всегда являлась залогом успеха.

По сравнению с обширными и поликультурными державами, упомянутыми выше, политические образования Западной Европы кажутся почти однородными по составу населения и компактными: это сугубо христианские общества (с ничтожным иудейским меньшинством), гораздо более интегрированные в культурном отношении, чем империи Великих Моголов или Сефевидов. Лишь Священная Римская империя германской нации могла сравниться по пестроте населения

и размерам территории с великими державами континента. Однако и на западе и севере Европы наступление XVII века было отмечено кризисом прежней – “феодальной” – политической модели и поиском новых надличностных форм консолидации общества. Главным дестабилизирующим фактором стал раскол в католической христианской церкви – Реформация, начатая саксонским богословом Мартином Лютером (1483–1546). 31 мая 1517 г. Лютер вывесил на дверях церкви в замке Виттенберг “95 тезисов” – первый свод критического переосмысления доктрины и практики католической церкви. В отличие от диссидентских движений былых эпох, лютеранство и ряд возникших под его влиянием альтернативных течений получили широкую поддержку светских правителей и, несмотря на яростное противодействие официальной церкви, за несколько десятилетий распространилось по всей Европе (за исключением Апеннинского и Пиренейского полуостровов). Колоссальный успех Реформации объяснялся тем, что это было многогранное явление, оказавшееся востребованным разными частями общества.

Лютер стремился к “спиритуализации” христианства, к отделению личной веры и праведного поведения от всего, что превратило церковь в политический и экономический институт: собиранье богатств, продажа церковных должностей и прощения грехов, вмешательство в светскую политику и претензия на владение высшей (божественной) истиной. Решающее значение имела не столько сама богословская позиция протестантизма (так стали называть различные реформационные течения), сколько вытекающие из нее практические последствия.

Прежде всего, требование установить прямые отношения между верующим и богом (священными текстами), оставив церкви “техническую” роль или вовсе устранив ее посредничество, взрывало логику социального воображения, лежавшего в основе феодального порядка. Как уже говорилось в главе 1, в обществе, скрепленном вертикальными иерархиями личных взаимных обязательств и представительства (которое мы называем “феодальным” в расширенном понимании термина), ничего не делалось напрямую. Добавим, ничего напрямую и не говорилось в текстах и не рисовалось – вне изощренной системы аллегорий и “метонимии”, “представительства” одних идей и символов другими, из иного ассоциативного ряда. Монотеистическая религия воспринималась буквально как “идеальная модель” земного порядка, и так же, как в политике, в духовном отношении человек был связан с “верховным сувереном” через цепочку посредников-представителей, толкователей

высшей истины. Без этих представителей-толкователей латинский язык священных книг и церковных постановлений был непонятен большинству мирян в германских княжествах, в английском, французском или шведском королевствах. Кроме цепочки посредников, “непрямой” характер старой католической церкви и “феодального” порядка проявлялся в упоминавшемся уже смешении функций, кажущихся нам сегодня самостоятельными: судебной власти и экономической эксплуатации, военной защиты и отправления культа. Предлагая рассматривать христианство как “только” веру и требуя прямых отношений с богом, протестантизм совершал мировоззренческую революцию. Становилось возможным (а теперь и вынужденно необходимым) помыслить “власть”, “суд”, “войну”, а в перспективе и “хозяйство” как самостоятельные и отдельные феномены, подобно “вере”. Кроме того, возникала возможность помыслить прямые отношения подданства простолюдина с государем (без посредничества баронов, графов и герцогов) и открывалось широкое поле для предположений о том, как может поддерживаться и что означать этот небывалый еще прежде общественный порядок, основанной на чистой идее и абстрактных принципах.

На более прикладном уровне требование устранения посредников между верующим и богом выдвинуло на передний план “техническую” проблему “понимания”. В обществе, сотканном как сеть личных контактов, языковые и культурные барьеры не являются серьезной преградой. Каждый общается с теми, кто его понимает – и отдельные “круги общения” перекрываются в большей или меньшей степени. Каждая провинция (а зачастую и каждая деревня) говорит на собственном диалекте или даже языке, но связывающие их цепочки посредников снимают проблему отсутствия общего языка. Так и священники, совершавшие службу на непонятной большинству прихожан латыни, растолковывали потом основные догматы христианства на языке, понятном жителям швабских, саксонских или франконских деревушек. Но как только Лютер провозгласил верховенство авторитета Священного Писания (а не католической церкви, интерпретирующей его), сразу выяснилось, что без посредников латинский текст Евангелия просто недоступен для большинства. Поэтому первым делом уже в 1522 г. Лютер перевел за несколько месяцев Новый Завет на немецкий язык, а в 1534 г. издал перевод всей Библии. При этом никакого единого и даже нормативного литературного “немецкого языка” не существовало, и Лютер сделал первый шаг в направлении его создания. Во время работы над переводом он специально посещал городки и ярмарки в округе замка

Вартбург в Тюрингии, где он работал над переводом, – слушать живую разговорную речь и переводить в соответствие с ней. Таким образом, решая сугубо богословскую задачу, Лютер невольно способствовал осознанию проблемы единой национальной культуры и внес весомый вклад в формирование общенемецкой культуры и литературного языка.

В Средние века католическая церковь не поощряла переводы Библии на местные языки, а в отдельных случаях и жестоко преследовала такие попытки, хотя немало переводных опытов и не имели тяжких последствий. Эти ранние попытки отличались сугубо академическим или частным характером, в то время как перевод Лютера был изначально рассчитан на массового образованного читателя и тиражирование при помощи печатной машины. С сентября 1522 г., когда был отпечатан первый тираж Евангелия в переводе Лютера, начинается переводческий и издательский бум: первый полный голландский перевод Библии и шведский перевод Евангелия (1526), полная Библия Лютера на немецком (1534), французский перевод Библии (1535), первое издание Евангелия на испанском (1543), на финском (1548), Женевская Библия – первый полный перевод на английский (которым пользовался и Шекспир; 1560), Брестская Библия (на польском, 1563). Зачастую перевод священных текстов оказывался первой публикацией на местном языке, как это было с катехизисом на литовском (1547). Так, выделив веру в качестве самостоятельного фактора из средневекового переплетения отношений зависимости-подчинения, протестантизм одновременно сформировал новый труднорасчленимый феномен религии и национальной культуры.

Наконец, в сугубо политической плоскости Реформация как богословский протест против догматов римско-католической церкви получила поддержку тех государей, которые стремились ограничить влияние Римского Папы и его политических союзников (прежде всего, короля Испании Филиппа II). Причины разрыва с католическими властями могли быть самыми разными. Соперничество между императорами Священной Римской империи и папством уходило корнями в XII век, провинции Нидерланды стремились освободиться от власти испанского короля, английский король Генрих VIII решил порвать с папством, поскольку официальная церковь не разрешала ему развестись с законной женой ради нового брака. Торговая конкуренция, претензии на территорию, притязания на престол – протестантская вера (или борьба с ней) становилась легитимным оправданием для действий, не имевших иного благозвучного предлога.

Первоначальным полем ожесточенных столкновений католиков и протестантов стала Священная Римская империя, ее германские земли. В 1555 г. император, протестантские и католические князья империи заключили Аугсбургский религиозный мир по формуле “чья страна, того и вера”. Это значило, что имперские сословия, подчинявшиеся напрямую императору и имевшие представительство в рейхстаге (светские и духовные князья, свободные города и имперские рыцари) получали свободу выбора вероисповедания, а их подданные должны были принимать веру местного государя или эмигрировать. Еще более радикальным компромиссом закончилось противоборство католиков и протестантов-гугенотов во Франции (пиком конфликта стала Варфоломеевская ночь – резня гугенотов, 1572). В 1598 г. основатель новой королевской династии Бурбонов Генрих IV издал Нантский эдикт, гарантировавший права гугенотов. Как и в случае Аугсбургского мира, эдикт был сформулирован в средневековой логике корпоративных и общинных привилегий (а не индивидуальных прав и свобод). Вследствие этого гугеноты получали собственную систему образования, самоуправления и суда, специальных делегатов для лоббирования интересов при дворе и даже 200 крепостей и замков, гарнизоны которых оплачивались королем, но подчинялись гугенотским лидерам. Фактически внутри французского королевства вдобавок к герцогствам и провинциям, часто лишь номинально контролируемым короной, создавалось надтерриториальное полугосударственное образование. Таким образом, религиозный компромисс не смягчал, а укреплял и формализовывал внутренние противоречия, создавая угрозу существующей светской власти.

Вызванное распространением протестантизма движение католической контрреформации отстаивало прежние богословские принципы, однако разделяло революционизированное протестантизмом социальное мышление, используя для его насаждения колоссальные ресурсы католической церкви. Церковь перестраивалась: феодальная иерархия частичного делегирования “суверенитета” нижестоящим клирикам-“вассалам” превращалась в централизованную авторитарную структуру. Система взаимных личных обязательств, предполагающая большую степень гибкости и многочисленные частные компромиссы, под влиянием критики реформатов теперь воспринималась как коррупция. Отношения внутри церковной иерархии дифференцировались: абсолютное подчинение власти Римского папы даже периферийных священнослужителей, субординация местным церковным властям в

рутинных вопросах службы, формализация и стандартизация главных богословских принципов и обрядов у начала XVII в. начали вытеснять прежнюю систему непосредственной передачи знаний и опыта в межличностном общении клириков. Было принято решение в каждой епархии открыть семинарии для обучения будущих священников, расширялось число университетов как центров высшего богословского знания. Новую модель образования и новое понимание христианского служения распространял созданный в 1534 г. монашеский орден Иисуса (иезуитов). Иезуиты не жили в монастырях, а действовали среди мирян как профессиональные миссионеры. Созданные ими колледжи (коллегии) давали лучшее образование в Европе, сочетая преподавание гуманитарных предметов (включая античное культурное наследие) с современным и лишенным излишнего догматизма богословием. Внутренняя жесткая дисциплина ордена, беспрекословная субординация, подчинение частных интересов и “обычной” морали высшим интересам католической церкви и приказам Римского Папы полностью порывала с “феодалной” политической культурой. По сути, иезуиты создали универсальную модель современной политической власти, основанной на личном служении абстрактному закону (церковному) и прямому подчинению верховному суверену (Римскому Папе – через “оперативное командование” генерала ордена), о которой могли только мечтать светские государи.

Радикальный переворот социального воображения, осуществленный протестантами и их католическими противниками, не мог быть претворен в политической и социальной форме одним лишь разделом сфер влияния. Старый способ управления различиями и консолидации общества, который мы для краткости называем феодальным порядком, не справлялся с новыми представлениями о солидарности и чужеродности. Реформация актуализировала фактор культурного (языкового и религиозного) единства, прежде не игравшего особой роли, – ведь все были “христианами” и никто не говорил на унифицированном народном языке. Теперь сообщество “своих” могло совершенно не совпадать с границами владений князя или короля. Была поставлена под вопрос суть власти светских правителей: кем же они являются – синьорами признающих их авторитет вассалов, наследственными властителями определенных “земель”, государями всего населения в пределах их юрисдикции или только своих единоверцев? Если государь и подданные должны исповедовать одну религию, не значит ли это, что жители соседней страны той же веры являются, по сути, также его подданными?

Если власть больше не опирается на личные отношения сюзеренов и вассалов (значительная часть которых, как во Франции, могла перейти в другую веру), как понимать и осуществлять новый тип верховной власти? Эти противоречия и глубокий мировоззренческий кризис привели к долгой и чрезвычайно кровопролитной Тридцатилетней войне (1618–1648), в которую оказались вовлеченными практически все европейские страны. В результате войны во многих странах-участницах произошла консолидация власти государя на новых принципах (традиционно называемых абсолютизмом) или, напротив, усилилась дезинтеграция вдоль новых разделительных линий. Случай Речи Посполитой оказался особым: Польско-Литовское содружество, в отличие от другой сложносоставной политики – Священной Римской империи, сохранило внутреннее единство, однако на других основаниях, чем, к примеру, Французское королевство, и другой ценой.

6.2. Контрреформация в Речи Посполитой как отказ от “общего дела”

До начала Реформации земли ВКЛ и Польского королевства были населены разноконфессиональным населением (католиками и православными христианами, иудеями и мусульманами) в пропорциях, беспрецедентных на Западе Европы. Так что распространение протестантизма в середине XVI в. само по себе мало изменило сложносоставной характер местного общества. Куда большие последствия имела Контрреформация, активным проводником которой стал король Сигизмунд III Ваза (1566–1632). Политическое единство Речи Посполитой обеспечивалось солидарностью “граждан” “шляхетской республики” – католического и православного рыцарства, чьи права на собственность и политическое представительство в сейме гарантировались независимо от вероисповедания (по крайней мере, формально). Затяжное военное противостояние с православным Московским царством и высокий социальный и культурный престиж католичества (больше приспособленного к образу жизни и вкусам “феодалных” привилегированных классов) способствовали распространению влияния католической церкви за счет православия, однако этот процесс напрямую мало влиял на социально-политическую обстановку. Сигизмунд III решительно вмешался в межконфессиональные отношения, переведя их в политическую и экономическую плоскость. Основной мишенью стали не протестанты, чьи позиции в стране уже

были подорваны к концу XVI в., а православные, полноправный юридический статус которых защищался многочисленными привилегиями (жалованными грамотами), в том числе выданными уже после Люблинской унии Польского королевства и ВКЛ 1569 г. Постоянные конфликты с Москвой заставляли светские власти Речи Посполитой с особым подозрением относиться к православным подданным, подчинявшимся в каноническом отношении Патриарху Константинопольскому и воспринимавшим московского царя как главного светского заступника веры. Используя внутренний конфликт в польско-литовской православной иерархии, Сигизмунд сыграл ключевую роль в заключении Брестской церковной унии (1596), в результате которой большая часть православного духовенства Речи Посполитой приняла католическое вероучение и признала верховный авторитет Римского Папы, образовав греко-католическую (униатскую) церковь. Сигизмунд объявил не признавших унию православных священников вне закона, и до 1632 г. православные приходы находились на полуподпольном положении.

Спецификой Контрреформации в Польше-Литве по сравнению с другими европейскими странами было то, что Сигизмунд не восстанавливал утраченную гегемонию католической церкви, а сам нарушал сложившийся за столетия статус-кво, проводя наступательную политику. Эта политика стала возможной благодаря радикальной трансформации социального воображения, нашедшей свое выражение в Реформации (и Контрреформации), когда религия начала восприниматься как самостоятельное явление, отдельное от статуса и привилегий конкретных социальных групп и территорий. Другими проявлениями этой трансформации стало обособление понятия верховной власти и начало формирования представления о “национальных интересах” страны, отдельных от междинастических отношений (появление современной концепции международных отношений историки связывают обычно с окончанием Тридцатилетней войны).

Сигизмунд III действовал на всех трех направлениях: насаждал господствующее положение католической церкви, пытался укрепить королевскую власть за счет ограничения прав шляхты и сейма, стремился расширить владения (в Прибалтике). Однако из-за того, что главной формой нового социального мышления стала зацикленная на религии Контрреформация (а не теория политического суверенитета Жана Бодена, например), успешной была лишь конфессиональная политика Сигизмунда III. Точнее, практически добившись монополии католической церкви в Польше-Литве, Сигизмунд нанес непоправимый

урон политической стабильности и в скорой перспективе – территориальной целостности страны. Именно с его правлением традиционно связывают начало упадка политической системы Речи Посполитой.

Как уже подчеркивалось, политическое единство обширнейшей державы – Речи Посполитой – поддерживалось привилегированным положением многоконфессиональной шляхты, имевшей, кроме прочего, право выбора короля (и даже право предлагать свою кандидатуру на престол). Обладая формально равными полномочиями, шляхта была крайне неоднородна: в ее состав входили как простые воины (“пахолики”), которым едва хватало средств на покупку вооружения, так и немногочисленные “магнаты”, богатые землевладельцы, контролировавшие целые провинции и содержащие собственные дворы. Как показывает история Речи Посполитой XVI века, между рядовыми шляхтичами и магнатами существовало напряжение, и в определенных ситуациях шляхтичи были готовы поддержать короля ради ограничения всевластия магнатов. Сигизмунд III мог бы укрепить власть короля как собственно государственную власть, т. е. основанную на формальных институтах, укомплектованных профессиональными чиновниками на жаловании. Для этого он мог опереться на поддержку шляхты, как это делали другие монархи этой эпохи, ограничивавшие всевластие аристократии за счет опоры на мелкое служилое дворянство.

Однако в этом случае, действуя в логике нового социального мышления (отделявшей “власть” от “владений”, “веры”, “родовитости” и других атрибутов прежнего нерасчленимого феномена господства), Сигизмунд должен был бы смириться с тем, что, кроме католиков, среди шляхты на его службе были и протестанты, и православные. Столкнувшись с дискриминацией протестантов и православной церкви, православная шляхта литовских и украинских земель и верхи казачества на службе короны озаботились защитой и укреплением сословных привилегий как последней гарантии своего статуса. Попытки Сигизмунда III упрочить власть, не опосредованную поддержкой шляхты, окончательно разбились о Сандомирский “рокош” (восстание оппозиции, возможность которого допускалась в случае тиранических действий короля) (1606–1609). Во главе восставших были как католические, так и православные дворяне, включая литовского магната Януша Радзивилла. Оппозиция сформулировала свои требования в 67 пунктах, которые включали назначения высших чинов сеймом, а не королем, выборы шляхтой местных властей (а не назначения короной), а также изгнание из страны иезуитов (главных проводников Контрре-

формации) и защиту прав некаатолических деноминаций. И хотя формально король вышел победителем из противостояния, ему пришлось сохранить статус-кво, отказавшись от попыток консолидации власти короны, создания регулярной армии и полного запрета православной церкви. Впрочем, за внешней реставрацией порядков второй половины XVI в. скрывалась новая социальная реальность, в которой католическая религия и польская культура насаждались как обязательная норма, а шляхта оказывалась расколотой по конфессиональному принципу.

Не менее разрушительными результатами увенчались внешнеполитические амбиции Сигизмунда III. Его отцом был шведский король Юхан III, после смерти которого Сигизмунд предъявил свои наследственные права на трон и в 1592 г. был коронован шведским королем, объединив в личной унии две сильнейшие державы Балтийского региона. Это была распространенная практика со времен Средневековья, с личной унии государей Польши в ВКЛ начиналась история Речи Посполитой. Однако для своего успеха объединение двух стран под скипетром одного правителя должно опираться либо на традиционную логику династической легитимности (когда право престолонаследия в силу родственных связей не подвергается сомнению), либо на политическое и легалистское мышление, возникавшее в конце XVI в. и формализующее временный государственный союз в детальных договорах, конституционных актах и т. п. Сигизмунд же хотел действовать в старинной династической логике, но при этом проводить современную политику Контрреформации, т. е. с опорой верховной власти не на династическое право и посредничество сословий, а на абстрактную идеологию.

Это кажущееся теоретическим различие имело самые практические последствия: в протестантской Швеции яростный католицизм Сигизмунда стал вызывать нарастающие опасения. В свое время личная уния между языческо-православным ВКЛ и Польшей не встретила серьезных препятствий из-за религиозных различий. Однако в случае Сигизмунда III речь шла не просто о признании различий, а о политизации и эксплуатации их; он являлся не просто королем-католиком, но королем, проводившим Контрреформацию. Нарастающее недовольство Сигизмундом в Швеции и интриги дяди короля, назначенного регентом на время пребывания Сигизмунда в Речи Посполитой, привели к тому, что в 1599 г. риксдаг (парламент) низложил Сигизмунда III. Возмущенный Сигизмунд начал войну за возвращение короны, которая с перерывами продолжалась до 1629 г. Война окончилась в целом безрезультатно, подобно его попыткам установить централизованное монархическое

правление. И точно так же, как и в случае внутривосточной борьбы, кажущееся возвращение прежнего положения дел скрывало глубокие и бесповоротные изменения. Тридцатилетняя война со Швецией установила враждебные отношения между странами, вовлекла Швецию в спор по поводу владений Речи Посполитой в Прибалтике и позволила обернуть притязания на шведскую корону в обратную сторону: если польский король имеет право на шведский престол, не имеет ли и шведский король права на польский? По условиям перемирия 1635 г. военные действия прекращались на 26 с половиной лет, до весны 1652 г. Когда срок перемирия закончился, оказалось, что Речь Посполитая уже совсем не та страна, которая начинала войну со Швецией. Контрреформация сплотила часть общества, создав новую надрегиональную культурную солидарность полонизированных католиков, но при этом оттолкнула другую, и очень значительную часть.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО РУСЬКОГО РЫЦАРСТВА

К 1600 г. униатская иерархия стала единственно легальной церковью восточного ритуала в польско-литовском содружестве, одновременно признавая канон и старославянский язык православной церковной службы и верховенство Папы Римского. Наступление на православие сочеталось с постепенной культурной полонизацией православной шляхты. Шляхетский стиль жизни требовал образования, которое в Содружестве предоставляли католические коллегии и университеты. Польский язык был языком престижа, культуры и администрации на территории Польского королевства, куда по условиям Люблинской унии 1569 г. были переданы украинские земли ВКЛ. Знатные семьи Литвы, такие как Вишневецкие и Сапегы, еще пару десятков лет назад исповедовавшие православие, переходили в католичество. Шляхта как социальная категория все больше начинала ассоциироваться с католической верой и польской культурой, а православие становилось уделом крестьян и казаков, численность которых и значение многократно возросли к середине XVII в.

Появление вооруженных вольных поселенцев-колонистов (казаков) на границе со степью на рубежах Польского королевства, ВКЛ, ВКМ и будущего Крымского ханства отмечается в конце XIV в. Само слово “казак” происходит, вероятно, от тюркского *qazaq*, “свободный воин”. Возможно, основой казачества послужили общины воинов-земледельцев пограничья Русьской земли, но о том, как они пережили период господства в степи Золотой Орды, не сохранилось никаких свидетельств.

Первые упоминания о казачестве как раз относятся к периоду распада Джучиева Улуса на полунезависимые политические образования и возникновения определенного вакуума власти в степи. Тогда в казаки стали попадать беглые крестьяне, разорившиеся шляхтичи, монахи-расстриги, пленные ордынцы. Селясь на отдаленных, часто открытых для вторжения степных землях низовья Днепра, казаки промышляли военными грабительскими набегами на земли соседей от Москвы до Стамбула. Казаки охотно становились наемниками, продавая свои сабли разным государям. На острове Хортица, за порогами, в нижнем течении Днепра возникает Запорожская Сечь – крепость и примитивное политическое объединение на принципах военной демократии, со своими выборными атаманами (вероятно, от герм. *Hauptman*, глава). Ближе всего Запорожская Сечь находилась к землям Речи Посполитой, власти которой всерьез обсуждали две стратегии по отношению к буйным соседям – физическое уничтожение или частичную интеграцию. Практичнее было выбрать второй путь.

В 1572 г. король Сигизмунд II впервые предложил вступить на королевскую службу 300 запорожским казакам, что положило начало реестровому (т. е. внесенному в официальные списки) казачеству, получавшему жалованье за службу. Реестровых казаков приравнивали к безгербовой (неродовитой) шляхте. С одной стороны, они не имели тех политических прав, что остальная шляхта, с другой – они получили основания (и возможность) требовать эти права. Король и особенно сейм с недоверием относились даже к реестровому казачеству и периодически распускали его, однако к 1590 г. число реестровых казаков выросло до 1000 человек, в 1602 г. – до 4000, в 1609 г. в реестр на короткое время включили 50.000 казаков. Казачество было пестрым по происхождению и вероисповеданию, но преобладали православные. Нарастающая полонизация шляхты и желание казаков повысить свой правовой статус выдвинули казачество в авангард борьбы с Контрреформацией от лица нового формирующегося типа православного рыцарства. К середине XVII в. в среде казаков сформировалась достаточно многочисленная элита – наследственная “старшина”, из которой выходили сотники, полковники и гетманы Запорожского войска. Внесенная в реестр как служилое сословие, владевшее землями в Приднепровье, казацкая старшина отличалась всеми признаками дворянства, заменив в украинских землях полонизированную знать. В отличие от шляхты Речи Посполитой, казацкая старшина не была представлена в сейме и отличалась сравнительно незначительной полонизацией. Гербовая

шляхта смотрела на казацкую старшину с пренебрежением, не делая особой разницы между хлопами-крестьянами и казаками. Между ними пролегла одновременно социальная и культурная граница, взаимно усиливая изолирующее действие друг друга.

Одним из результатов политики Контрреформации Сигизмунда III стало объединение в социальном воображении сословного статуса с конфессиональной принадлежностью и языковой культурой. Это единство воспринималось и описывалось при помощи категории “нации” (как в смысле политического единства, так и особой народности). Во второй четверти XVII в. среди шляхты бывших земель ВКЛ в качестве самоописания получила распространение прежде сугубо книжная формула польского автора 1560-х гг.: “*gente Ruthenus natione Polonus*” (руського рода, польской нации). В это же время под пером русской образованной элиты (пока еще вне массового распространения) эта формула трансформировалась в более однозначное “*populus Ruthenus*” – русский народ. В результате единая “шляхетская нация” XVI века (в смысле полноправных граждан Польско-Литовского содружества, использующих латынь в качестве общего “политического” языка и “сарматский миф” общего происхождения от воинственных скифов) фактически разделилась на два “народа-нации” – польско-католическо-шляхетскую и русско-казацко-православную. Кристаллизация прежде неорганизованных различий в две упорядоченные “нации” (если не “народа”) внутри одного политического образования была чревата гражданской войной. Гражданскую войну могло бы предотвратить активное вмешательство короля, радикально уравнивающее реестровое казачество в правах со шляхтой или восстанавливающее равноправие православной церкви. Но королевский авторитет был потрачен в свое время Сигизмундом III на контрреформационную “культурную революцию”, и к середине XVII в. король был не в состоянии принять столь радикальные и непопулярные у шляхты меры. Оставалось ждать, когда накапливающееся взаимное раздражение и претензии взорвут политическую ситуацию. В начале 1648 г., накануне завершения Тридцатилетней войны, сыгравшей ключевую роль в формировании представления о политико-культурном единстве “наций” в масштабе всей Европы, давно назревавший конфликт в Речи Посполитой привел к взрыву. Разразившуюся гражданскую войну между двумя лагерями, сформированными в результате политики Контрреформации по систематизации социальных и культурных различий, обычно называют восстанием под руководством Богдана Хмельницкого.

Гражданская война казачества со шляхтой
и вмешательство Московского царства

Богдан Хмельницкий (1595–1657) происходил, по всей видимости, из незначительного православного шляхетского рода (хотя есть предположения, что он мог быть мещанином, и известно, что мать его была казачка). Его биография наглядно демонстрирует влияние Контрреформации на мелкую православную шляхту, когда появляется определенный единый культурный стандарт и даже православное образование строится по новому канону. Хмельницкий начал учиться в только что основанной в Киеве по иезуитскому образцу православной братской школе, затем продолжил учебу в иезуитской коллегии во Львове. Иезуиты фактически создали знакомую нам школьную систему: классно-урочный принцип организации учебы, стандартизация содержания курсов и методов преподавания, периодическая проверка знания (конкурсы сочинений). Особое внимание уделялось гигиене учебного процесса и бытовым условиям учащихся (появление специальной школьной архитектуры с чистыми и светлыми классами, ограничение учебы пятью часами в день и регулярными каникулами, постоянные занятия физическими упражнениями и здоровое питание). Пятилетнее обучение в коллегии посвящалось изучению семи “свободных искусств”: грамматике, риторике, диалектике (и богословию), арифметике, геометрии, астрономии, теории музыки, также давались начала географии, истории, археологии, природоведения. Решающее значение имело даже не само содержание образования (Хмельницкий позже вспоминал, что ему не составило труда вытеснить из головы католическое богословие, преподававшееся иезуитами), а его формирующее влияние на склад мышления. Классическое гуманитарное образование, основанное на риторике и светской, прежде всего античной, литературе, прививало навыки самостоятельного мышления, направленного не на божественные материи, а на повседневную социальную реальность. Осмысление этой реальности через призму текстов приучало воспринимать общество по аналогии с античными образцами, когда, как кажется из книг, население страны подчинялось единому правителю и разговаривало на одном языке (автора книги).

По окончании учебы Хмельницкий принял участие в войне против Османской империи; провел несколько лет в плену на галерах, выучил татарский и османский языки (вдобавок к польскому и латыни). В середине 1630-х воевал в составе польского войска против Московского царства (и даже, кажется, получил золотую саблю за спасение короля),

в 1637–38 гг. в должности войскового писаря участвовал в восстании нереестрового казачества под предводительством Павлюка. Восстание самого Хмельницкого против короны началось с частной ссоры представителя нижней прослойки казацкой старшины, чигиринского сотника Богдана Хмельницкого с его соседом, шляхтичем и местным коронным чиновником Юрием Чаплинским. В отсутствие Хмельницкого Чаплинский разграбил родовой хутор Хмельницких, похитил его сожительницу (впоследствии жену) и засек сына Хмельницкого до смерти. Хмельницкий попытался найти управу на обидчика в суде, но шляхетский суд отнесся к нему с пренебрежением, присудив всего пять процентов от требуемой компенсации. Воспринимая себя как лояльного гражданина-шляхтича, Хмельницкий обратился к королю, но лишенный полномочий вмешиваться в дела шляхты король Владислав IV, говорят, лишь посетовал, что, имея сабли за поясом, казаки не могут защитить свои права. Как бы то ни было, конфликт с Чаплинским как в капле отразил структурную ситуацию политически-культурного противостояния казачества и полонизированной шляхты, при нарастающем бессилии королевской власти.

Хмельницкий отправился на Сечь, откуда изгнал реестрового гетмана и был избран на его место. Заключив неформальный союз с крымским ханом и получив от него помощь, Хмельницкий выступил против Короны. Коронный гетман Николай Потоцкий отправил навстречу Хмельницкому своего сына Стефана, командовавшего как коронным войском, так и реестровыми казаками. Однако последние перешли на сторону Хмельницкого, и отряд Потоцкого был уничтожен в битве при Желтых Водах в начале мая 1648 г., а сам он погиб. В середине мая войско Хмельницкого прибыло под Корсунь и уничтожило армию под командованием двух коронных гетманов, нанеся огромный урон Содружеству. Осенью 1648 г. почти сорокатысячная армия Речи Посполитой потерпела сокрушительное поражение от объединенных сил казаков и крымских татар под Пилявцами на Волыни, оставив Хмельницкому огромные трофеи. Казаками был взят Львов. Вскоре начались переговоры с Короной, которые завершились в 1649 г. подтверждением гетманства Хмельницкого, но под впечатлением от побед казаков сейм объявил посполитое рушение (мобилизацию шляхты), и войско под предводительством короля Яна Казимира выступило против казаков. В битве под Зборовом в начале августа 1649 г. казаки с татарами опять одержали сокрушительную победу, едва не взяв в плен самого короля. Боевые действия сопровождались массовым мародерством и насилием

над мирным населением, особенно со стороны казаков и крымцев в отношении католиков и иудеев, пленных (включая православных) угоняли в Крым в рабство. За двадцать лет войн казаков с короной (1648–1667) были убиты тысячи евреев, общие демографические потери еврейского населения (с учетом умерших от эпидемий и голода, бежавших в другие края) оцениваются в несколько десятков тысяч человек. Казаки немногим лучше относились к презираемым им православным крестьянам, грабили их и продавали в рабство. В целом за это двадцатилетие общее население украинских земель сократилось почти в половину, жесточенность противостояния и колоссальные человеческие жертвы с обеих сторон напоминали только что завершившуюся Тридцатилетнюю войну на землях Священной Римской империи.

Сразу же под Зборовом начались переговоры, которые, впрочем, Корона провела очень успешно, перекупив союзников Хмельницкого – крымцев. В результате заключенные соглашения далеко не соответствовали ожиданиям казачества. В трех воеводствах (Киев, Брацлав и Чернигов) распространялась власть гетмана над местной администрацией, которая должна была набираться из православных. Евреи и иезуиты должны были быть изгнаны с этой территории. Был установлен небывалый постоянный реестр в сорок тысяч казаков. Однако этот договор, свидетельствующий о беспрецедентных успехах Хмельницкого, одновременно подрывал его репутацию бескомпромиссного лидера православного казачества. Даже сорокатысячный реестр не вмещал всех желающих оставаться казаками. Восстановление шляхетской власти над именными приводило к столкновениям, а за пределами трех воеводств – к массовым казням участников восстания. Сам Хмельницкий вынужден был участвовать в подавлении выступлений против шляхты, что сказывалось на его популярности.

Тем не менее к концу 1640-х годов Хмельницким было создано, по сути, автономное казацкое государство со своими налогами, администрацией и внешней политикой. Канцелярия гетмана (под руководством генерального писаря, интеллектуала и будущего гетмана Ивана Выговского) отправляла послов в Османскую империю, Москву, Трансильванию, Молдавию. Генеральная старшина включала в себя, помимо генерального писаря, генерального обозного, ведавшего материальным обеспечением армии, и двух генеральных судей, возглавлявших гетманский суд. В правительство входили также генеральные есаулы и хорунжие, выполнявшие разнообразные поручения гетмана. Гетманская

власть опиралась на полковников территориально определенных полков (подобно ордынским тысячам, обозначавшим население, выставлявшее такое количество воинов), которые выполняли как административную, так и военную функцию. Сам Хмельницкий, по всей видимости, мечтал о создании личного княжества. Об этом говорит как его риторика в переговорах с польскими послами в 1649 г. (“я есть единовластец и самодержец”), так и попытка вступить в династический союз с господарем Молдавии Василием Лупу, на дочери которого женился сын гетмана Тимофей в 1652 г. (в 1653 он погиб в войне Молдавии с Трансильванией). Причем, речь шла не “вообще” о княжеской власти (пределе мечтаний средневекового рыцаря), а о наследственном правлении над страной в новом понимании – с единым по вере и языку населением. Хмельницкий определял свою миссию в риторике “национальной” войны, как освобождение “русского народа” от католиков-ляхов.

В 1650–1651 гг. война гетманства с Коронай вспыхнула вновь. Сейм не утвердил Зборовский договор и не пустил на свои заседания киевского митрополита Сильвестра Коссова. Было вновь объявлено посполитое рушение. Продолжались погромы поляков и евреев на территориях, контролировавшихся гетманством, и карательные операции Речи Посполитой. В июне 1651 г. казаки Хмельницкого и крымские татары под предводительством хана Ислам-Гирея потерпели поражение от сил Короны. Вскоре шляхетская армия литовского гетмана Януша Радзивилла (дальнего родственника участника Сандомирского рокоша) взяла Киев, вынудив Хмельницкого заключить крайне невыгодное соглашение с Коронай (Белоцерковский мир). Положение Хмельницкого стало очень тяжелым. Условия соглашения заставляли его принимать непопулярные меры: теперь власть гетмана распространялась только на Киевское воеводство, а в Брацлавском и Черниговском воеводствах восстанавливалась власть Короны. Страна опустошалась военными действиями, единственной возможностью собрать войско, сопоставимое с силами Речи Посполитой, оставался либо союз с крымским ханом, за который приходилось платить живым товаром, захваченным на землях гетманства, либо с Московским царством. В регионе, деленном между тремя державами, не оставалось возможности для возникновения четвертого самостоятельного игрока, и ослабление одной из держав было возможно лишь за счет усиления другой.

В этих условиях Хмельницкий был вынужден активизировать контакты с Москвой. Первого октября 1653 г. Земский собор (собрание представителей разных земель царства) в Москве приговорил принять

гетмана Богдана Хмельницкого “под государеву высокую руку” (формула подданства в Московском государстве), с характерной добавкой: в противном случае казаки могут попасть под руку крымского хана или султана. Через два месяца, 8 января 1654 г., казацкая Рада в Переяславле утвердила переход гетманства под сюзеренитет Москвы. По условиям статей, составленных казачьей старшиной и утвержденных боярской думой в Москве, реестр казаков расширился до шестидесяти тысяч человек, подтверждались права и привилегии шляхты, а также все привилегии, данные королями. Устанавливались нормы пожалований полковников, писарей и иной старшины (офицеров) казачьего войска и право казаков избирать себе гетмана. Гетман получил право сноситься с зарубежными государствами, за исключением польского короля и османского султана, что было беспрецедентной уступкой со стороны московских властей. Впрочем, гибкость московской стороны имела свои пределы, и первый конфликт между договаривающимися сторонами произошел уже в церкви, где казачья старшина должна была принести присягу на верность царю. Хмельницкий потребовал, чтобы вначале послы принесли присягу от имени царя, что он не выдаст казаков польскому королю и не нарушит их вольности. Василий Бутурлин, глава московского посольства, в ответ на это заявил, что в московской державе не принято, чтобы государь присягал своим подданным. Хмельницкий со старшиной покинули церковь и вернулись для принятия присяги только после долгого совещания. Этот инцидент знаменовал столкновение двух разных политических культур. Для казачьей старшины как части политического общества Речи Посполитой, основанного на идее шляхетских вольностей, контракт с монархом представлялся делом обычным, тогда как для Москвы идея контрактных обязательств царя по отношению к новым подданным была неприемлема.

Гражданская война протестантов и литовских магнатов с короной и вмешательство Шведской империи

Приняв “под высокую руку” казаков и контролируемые ими территории, Московское царство фактически аннексировало часть земель Речи Посполитой; в этой ситуации истек срок перемирия со Швецией (1635). Королю и сейму было не до территориальных споров на Балтике, зато в Швеции, вышедшей из Тридцатилетней войны ведущей европейской державой (самопровозглашенной империей – *stormaktstiden*), накопились претензии к Польско-Литовскому содружеству. Впрочем, многие члены государственного совета Швеции были готовы оказать

поддержку бывшему противнику при условии территориальных уступок в Прибалтике и отказа короля Яна Казимира, младшего сына Сигизмунда III, от претензий на шведский трон (который занимал теперь его троюродный брат Карл IX).

Проблемное наследие, оставленное политикой Контрреформации Сигизмунда III в отношении Швеции, не исчерпывалось соперничеством за шведскую корону. В то время как казацкое “рыцарство” стремилось создать на части территории Речи Посполитой отдельное государство для православного “русского народа”, протестанты решили последовать их примеру. Победитель Хмельницкого великий гетман литовский Януш Радзивилл (1612–1655), крупнейший магнат ВКЛ, являлся главным покровителем протестантизма в стране. Он оказывал финансовую поддержку протестантским приходам и оплачивал обучение юношества в протестантских университетах Северной Европы. Кроме того, Радзивилл мечтал восстановить независимость ВКЛ, под своей властью, на новых принципах постреформационной эпохи: как государство одного народа – одной религии. В 1654 г. он с группой сторонников начал переговоры со шведским королем о выходе ВКЛ из Польско-Литовского содружества и заключении федеративных отношений с протестантским шведским королевством. По сути, все земли, входившие в состав ВКЛ до Люблинской унии, искали способ отложиться от Польского королевства. Объявив вне закона социальные группы, конфессии и культуры, не соответствующие идеалу полонизированного католического шляхетского общества, проект Контрреформации разрушил Речь Посполитую как гибридное политическое образование, основанное на толерантности и балансе интересов.

В декабре 1654 г. Швеция предложила помощь польскому королю Яну Казимиру в войне против Московского царства при условии уступок территорий на южном берегу Балтики. Ян Казимир на уступки не пошел и в ответ сам потребовал компенсации за отказ от претензий на шведский трон. Тогда, заручившись поддержкой протестантского вассала Речи Посполитой – герцогства Пруссии и клана Радзивиллов в ВКЛ, в июле 1655 г. шведская армия вторглась на территорию Речи Посполитой. Начался “потоп” – стремительная оккупация огромных территорий страны, включая Варшаву и Краков. В августе Радзивиллом был подписан договор о принятии Литвы под защиту Шведского королевства, осенью – “уния”, создающая шведско-литовскую федерацию. И хотя эти соглашения остались лишь на бумаге и колоссальным напряжением сил, оставшимся верным королю Яну Казимиру войскам удалось изгнать захватчиков (1656), Речи Посполитой был нанесен непоправимый удар.

Территориальные потери в результате шведского “потопа” и затяжной войны с Московским царством (1654–1667) были сравнительно невелики: по договору 1660 г. со Швецией Речь Посполитая формально отказывалась от Ливонии и Риги, которые и так давно были потеряны, а также признавала независимость бывшего вассального герцогства Пруссия. По Андрусовскому перемирию 1667 г. с Москвой Речь Посполитая теряла Смоленск, Черниговщину и украинские земли на левом берегу Днепра под властью гетманата. Куда тяжелее, особенно в краткосрочной перспективе, был эффект от потерь населения и разорения хозяйства в результате войны. Но главный невосстановимый урон Речи Посполитой был нанесен изнутри: общество и политический порядок, основанные некогда на идее компромисса и солидарности (несмотря на многочисленные частные различия), утратили способность объединять разнообразие. Если, начиная политику Контрреформации, король Сигизмунд III стремился подчинить “иных” (например, навязав Брестскую унию православной церкви), то потрясения середины XVII в. привели к политике отторжения всего, что не соответствовало шляхетско-польско-католической “монокультуре”. В 1656 г. коронное войско сожгло протестантский город Лешно за поддержку шведов; в 1658 г. сейм принял решение изгнать из страны протестантских “польских братьев”; с 1668 г. отступление от католицизма стало наказываться смертной казнью. В результате трансформации социального воображения, нашедшего выражение в процессах Реформации и Контрреформации, Польско-Литовское содружество фактически растворилось в Польском королевстве, точнее в королевстве “поляков” (в смысле культурной элиты). Поэтому когда в 1696 г. прежний официальный язык делопроизводства ВКЛ (западнорусский, или “старобеларуский”) был заменен на польский, это стало лишь констатацией случившейся трансформации. Но если русские на украинских землях защитились от ассимиляции благодаря отделению от Речи Посполитой, то русские на беларуских землях оказались лишены возможности организовать в современную “нацию” понимаемую как культурно отдельный народ-конфессию, объединяющий представителей всех сословий (но прежде всего – образованную элиту). Высокая русская (старобеларуская) культура была недоступна для большинства простолюдинов, а шляхта северо-западных земель ВКЛ вынуждена была выбирать нормативную польско-католическую культуру ради сохранения своего привилегированного социального статуса.

Наиболее ярким проявлением радикального разрыва с традициями толерантного отношения к многообразию стало распространение

практики *liberum veto* именно в середине XVII в. В перечне древних привилегий шляхты (юридически закрепленных в 1573 г.) было право любого депутата сейма или местного сеймика на “свободное вето”, блокирующее обсуждение неугодного ему вопроса или вообще работы парламента. Как ни странно, несмотря на острейшие конфликты интересов и противоречия, вызывавшие подчас вооруженное противостояние партий (рокош), никто не пользовался этим правом до 1652 г., когда его применили против нарушения регламента заседаний. И лишь в 1669 г. сейм в Кракове впервые был распущен досрочно после того, как правом *liberum veto* воспользовался один из депутатов. После этого использование *liberum veto* становится рутинным, а сам этот принцип начинает восприниматься как священный символ шляхетских свобод, выражающий саму суть “шляхетской республики” как правления равных и только по всеобщему согласию. Фетишизация *liberum veto* и совершенно невротическая фиксация на культе единодушия служат наглядным свидетельством разрыва с политической культурой Речи Посполитой XVI века. Речь Посполитая – “общее дело” – предоставляла полноценное членство в “шляхетской республике” любому представителю привилегированного сословия, из любых земель, входивших в ее юрисдикцию, независимо от личных пристрастий. В этом заключалась причина притягательности Речи Посполитой для дворян региона и, как следствие, сила этой крупнейшей политики Европы, способной удерживать обширнейшие территории под своей властью. Никому не приходило в голову воспользоваться правом личного вето и заблокировать совместную работу сейма, коль скоро смысл этой работы заключался как раз в нахождении общего компромисса и потому был в интересах каждого “гражданина”-шляхтича. Ко второй половине XVII в. представления о гражданстве изменились: православным, протестантам, литовцам, русским и другим “маргинальным” группам не было более места в политическом воображении новой Речи Посполитой. Высшей ценностью становился не компромисс, а единодушие и гомогенность, а потому все, что не удовлетворяло хотя бы одного депутата сейма, было не жалко заблокировать *liberum veto*.

Гомогенность и единообразие было новым социальным идеалом, кристаллизовавшимся в первой половине XVII в. в ходе Контрреформации и ожесточенной Тридцатилетней войны в Европе. Попыткой выразить эстетическими средствами идею заключения разнообразия в единые рамки, установленные на основе формализованных рациональных правил, стало барокко – доминирующий стиль искусства эпохи.

Как правило, политическим результатом этого переворота социально-го воображения становилось укрепление и централизация коронной власти. Переставая опираться на межличностные “феодалные” отношения сюзерена и вассала, а также на передачу властных полномочий всевозможным местным “заместителям” верховной власти (герцогам, епископам, городским советам), власть короны начинала приобретать черты современного государства как обезличенного механизма управления силами профессиональных чиновников. В Речи Посполитой наблюдалась обратная тенденция: полномочия королевской власти лишь уменьшались по мере насаждения господствующего положения одной категории участников “общего дела” (польско-католической шляхты) за счет остальных. В политическом сообществе, в котором права полноценного гражданства предоставлялись всем членам благородного сословия шляхты, от урезания прав одних граждан выигрывал не король, а другие граждане. Защищать свое исключительное положение и новую внутреннюю сплоченность они были готовы ото всех: протестантской шляхты, православного казачества, крестьян, а также короля. Признав невозможность реализовать политический идеал Контрреформации, т. е. попросту преодолеть постоянное сопротивление шляхты при управлении страной, король Ян Казимир отрекся от престола в 1668 г. и уехал во Францию, став аббатом в монастыре. Этот жест весьма символично подвел итог политике Контрреформации королей династии Ваза в Речи Посполитой: религия одержала верх над прагматичной политикой.

Утратив культурные навыки и политические механизмы примирения различий и признания разнообразия, Польско-Литовское содружество не обрело новой централизованной системы управления, позволявшей эффективную мобилизацию даже ограниченных человеческих и материальных ресурсов. Оставалось лишь вопросом времени, когда соседние страны, вышедшие из горнила потрясений Контрреформации с обновленной политической системой, начнут представлять смертельную угрозу для обширной, но нескоординированной “шляхетской империи” Речи Посполитой.

6.3. Крымское ханство: от европейской державы к “острову Крым”

К началу XVII в. Крымское ханство достигло пика своего могущества. Оно было ничуть не более деспотичным политическим образованием, чем Московское царство, и не уступало по уровню материальной

культуры и хозяйства Речи Посполитой. Его главной силой, становящейся постепенно основной слабостью, было идеальное приспособление к особой “политико-экологической” нише. Наследник одного из улусов Золотой Орды, Крымское ханство занимало буферную зону сразу в нескольких измерениях: между разными региональными державами, между экономикой кочевников и экономикой оседлых обществ, а также между хозяйственным и культурным миром Средиземноморья и Восточной Европы. Кроме того, правители Крыма являлись вассалами Османской империи (“Возвышенной османской державы”) и находились под плотным контролем султанов, свергавших неугодных ханов и назначавших новых. Некоторые ханы вступали на престол и теряли его по воле султана по два и даже по три раза. Вассальные отношения с Османской империей обеспечивали мощную поддержку, но в то же время не позволяли ханству целиком преследовать собственные интересы, в том числе приспособляться к меняющейся обстановке в регионе.

То, что внешнему наблюдателю в Москве или Кракове казалось единым и однородным “ханством татар”, изнутри виделось сложным и крайне пестрым микрокосмом. Османский путешественник Эвлия Челеби, объехавший весь Крым во второй половине 1660-х гг., рассказывал, что в ханстве разговаривают на двенадцати языках и общаются между собой при помощи переводчиков. Подданными Крымского ханства (в старом, данническом понимании) являлись адыги в Прикавказье и кочевавшие в Причерноморье ногайцы. Племенные группы под властью хана были вовлечены в сложные внутривосточные отношения. Местная знать пользовалась независимостью и такими привилегиями, как право голоса при выборе очередного хана (правда, он должен был обязательно принадлежать к роду Гиреев). Властвуя в Крыму, полностью контролируя бывшую “половецкую степь” и периодически доходя с войском до Москвы, Киева, Львова и Кракова, крымские ханы не формализовывали свое влияние ведущей региональной державы институционально (в смысле государственного строительства) и даже территориально – по крайней мере, за пределами собственно Крымского полуострова. Репутация грозного соперника Речи Посполитой и Московского царства (которое уплачивало периодическую дань ханству до 1685 г.) покоилась на средневековой практике военных набегов, приносивших добычу с разоренных территорий (главным образом, скот и пленных). Точные оценки затруднены, но по некоторым подсчетам за два столетия (XVI–XVII вв.) крымчаки продали в рабство три миллиона пленников, главным образом через невольничий рынок

в Кафе (Феодосии). Возможно, эта цифра многократно завышена, но имеющиеся отрывочные достоверные сведения говорят о том, что в результате одного большого рейда в плен угонялись десятки тысяч человек; еще в начале XVIII в. (1717) в Крыму ежегодно продавалось до 20 тысяч рабов. За вторую половину XVI в. на Московское царство было совершено 48 набегов; после существенного укрепления московских рубежей, за первую половину в XVII в. на земли Речи Посполитой – 75 набегов. Помимо больших “политических” рейдов, организованных ханом в рамках войн и для укрепления собственной власти (в логике кочевой легитимности), а также по приказу османского султана, самостоятельные набеги совершали аристократы (беки и мурзы) в сугубо “экономических” целях. Военная добыча была важным или даже основным источником дохода для многих крымчаков-скотоводов.

В XVII веке происходят важные перемены, которые, тем не менее, почти не отразились на принципах организации и управления Крымским ханством. Снаружи постепенно начинает сужаться сфера военного (а значит, и политического и экономического) влияния Крыма. Московское царство целенаправленно, десятилетие за десятилетием, сосредотачивало ресурсы на южной границе: поддерживало регулярную пограничную стражу, организовывало строительство грандиозных укрепленных линий, тянувшихся на сотни километров, преграждая пути для новых набегов. Каждая новая “засечная черта” пролегалась дальше к югу, чем предыдущая, отвоевывая у Крымского ханства новые пространства лесостепи и степи. После инкорпорирования украинских земель по левому берегу Днепра Московское царство начало возводить защитные линии от крымских набегов и там. Еще более важные перемены на протяжении XVII в. происходят внутри Крымского ханства: начинается переход к оседлому земледелию бывших кочевых скотоводов. Расширяется площадь пашни, садов, виноградников, появляются рисовые поля, плантации табака, бахчевых культур. Рабов, которых внутри Крыма оставляли сравнительно немного, стали переводить на положение крепостных крестьян. Продукты сельского хозяйства начинают играть все более значительную роль в торговле ханства, в дополнение к рабам и традиционным продуктам скотоводства (кожам, войлоку, шерсти и изделиям из них).

В общем происходит “нормализация” (с точки зрения политических представлений Нового времени) бывшей полукочевой державы, основанной на экономике набегов. При этом ханству не удалось конвертировать бывшее военное превосходство над соседями в экономиче-

ский потенциал, не была принципиально перестроена политическая организация в направлении централизации и развития формальных государственных институтов. Не происходило и территориального расширения, напротив, территория под контролем Крымского ханства все больше сужалась до размеров полуострова Крым. Оставаясь и в конце XVII в. грозным противником, Крымское ханство утрачивало статус одной из ведущих держав Восточной Европы – просто потому, что политическое влияние и военная мощь все в большей степени начинали определяться эффективностью системы управления, способной быстро сосредоточивать и направлять в нужное место человеческие ресурсы.

Начиная с последней четверти XVI в. ханство не раз подвергалось разорительным набегам казаков – обитателей той же политико-экономической “экологической ниши” степного пограничья, что и крымчаки (обычно они находились в нейтральных или даже союзнических отношениях). Но уже в 1687 г. московская регулярная армия впервые дошла до Перекопа, запирающего вход на полуостров. Эта и несколько последующих экспедиций не увенчались успехом по причинам скорее организационного, чем военного характера (преодоление безводной степи пешим войском с артиллерией и припасами, в отличие от набега по морю компактного казачьего отряда, требовало огромных организационных усилий). Тем не менее сам “технический” характер неудач московского войска указывал на то, что преодоление Перекопа и полноценное вторжение в Крым становилось лишь вопросом времени. Только постоянная поддержка со стороны великой державы, Османской империи, защищала Крымское ханство от посягательств крепнувших северных соседей, прежде всего Московского царства. При этом османское покровительство, навязывавшее политическую лояльность султану, тормозило формирование общей внутрикрымской надродовой политической солидарности, подобно той, что возникала в других европейских обществах в ходе Контрреформации и Тридцатилетней войны. В сочетании с универсалистской самоидентификацией в качестве “мусульман” эта политическая ориентация на Стамбул мешала развиваться сугубо крымской идее как мобилизирующему фактору (подобно польско-католическому эксклюзивному патриотизму).

На протяжении XVII в. конное войско ополчения кочевников-скотоводов окончательно утратило былой статус самой эффективной формы военной мобилизации, а степные просторы перестали служить надежной преградой для вторжения регулярного пешего войска. Одновременное сокращение возможности и самого экономического значения

работоторговли лишало Крымское ханство былых преимуществ. Новые времена не принесли с собой иной, более высокой внутренней сплоченности населения (по-прежнему говорившего на дюжине языков) и более эффективного управления (коль скоро родовая знать сохраняла широкую независимость от ханской власти). С сокращением сферы политического влияния ханства на сопредельные территории Восточной Европы Крым все больше превращался в “остров” – большой, все еще грозный, процветающий, но уже периферийный для региона Северной Евразии.

**ГЛАВА 6. XVII ВЕК:
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ,
СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА
Часть 2. Московское царство
в поисках “точки сборки”**

6.4. Революция политической сферы в Московском царстве

САМОДЕРЖАВИЕ БЕЗ САМОДЕРЖЦА

Смерть 19 марта 1584 г. Ивана IV, одряхлевшего и больного, вызвала приступ паники среди его приближенных: они поспешили объявить московским жителям, что остается надежда на выздоровление Ивана. Одновременно поступило распоряжение запереть ворота Кремля, готовясь к возможной осаде, на стены поднялись стрельцы и пушкари. Это типичная реакция ближайшего окружения на смерть диктатора, который разрушил политические институты в обществе, попытавшись “замкнуть на себя” все каналы управления страной. Несмотря на то что Иван с молодых лет был озабочен своим завещанием и регулярно редактировал его, оставив детальные распоряжения о наследнике, вся конструкция власти зависела от его личности и окончательно рассыпалась после его смерти. По завещанию Ивана Грозного ему должен был наследовать его сын Федор, которому он назначил совет опекунов.

Федор считался “слабоумным” и был известен нерешительностью и несамостоятельностью. Регентский совет (опекавший недееспособного правителя) был назначен из представителей двух враждебных группировок: выходцев из опричнины, представлявших “царский двор”, и родовитых бояр, представлявших “земство”. Неминуемо должна была разгореться борьба за власть, которая, в отсутствие четкой политической системы, могла вылиться в персональные интриги и попытку опереться на вооруженных сторонников.

Так и случилось: противоборство “дворовых” и “земских” спровоцировало восстание в Москве, перед угрозой которого расколотая правящая верхушка вынуждена была искать компромисс. От власти оттеснили наиболее одиозные фигуры прошлого царствования, и в обстановке “точечных репрессий” – когда лишались прежних позиций, а иногда и жизни отдельные наиболее влиятельные и непримиримые противники – начали формировать новый политический режим. Внешне он напоминал старый “доопричный” московский порядок: вновь вернула себе влияние и прежнюю многочисленность боярская дума, в состав которой вошли и “дворовые”, и “земские”. Была восстановлена “семибоярщина” – коллективный совет членов боярской думы, управляющий Москвой и всей страной во время отсутствия или болезни царя. После двадцатилетнего перерыва восстановили и должность конюшего – высшую в боярской думе.

Однако любое демонстративное “возвращение к традиции” всегда маскирует совершившийся разрыв с прошлым и изменившуюся ситуацию. Боярская дума при московском великом князе играла важную роль – но это был совещательный орган, необходимый для придания легитимности власти правителя: с точки зрения средневекового христианского политического мышления ближний круг бояр уподоблялся апостолам вокруг Христа. Они создавали “пространство власти” вокруг князя, подобно тому как апостолы создавали основу церкви вокруг исключительной фигуры Иисуса. Но после политических экспериментов с поиском “истинно царской” власти Иваном IV, при слабом (или даже номинальном) правителе Федоре Иоанновиче все изменилось. Боярская дума начинает функционировать как самостоятельный политический орган, из среды которого вышли и опекуны при царе, и конюший, занявший небывалую прежде должность “правителя”. Этим правителем с широчайшими полномочиями, включая право на внешнеполитическую деятельность, стал незнатный боярин, видный деятель опричнины и брат царицы, жены Федора Иоанновича (“царский шурин”) Борис

Годунов (1552–1605). Годунову удалось обойти могущественных и опасных соперников и заполучить беспрецедентный титул, представляющего его как царского

дородна и разумна шюрина и правителя, слугу и конюшего боярина, и дворового воеводу, и содержателя великих государств царства Казанского и Астраханского Бориса Федоровича.

“Содержатель великих государств” звучит полным неологизмом и структурно больше всего напоминает титул “лорда-протектора Англии”, который присваивался регенту (не рядовому члену регентского совета) при недееспособном английском короле. Эдуард Сеймур, герцог Сомерсет, дядя короля Эдуарда VI, в 1547–1549 гг. был регентом при малолетнем Эдуарде. В 1562 г. королева Елизавета, заболев оспой, назначила лордом-протектором своего соратника Роберта Дадли – человека не королевской крови. Интенсивные экономические и дипломатические контакты были установлены с Англией еще при Иване Грозном, включая деятельность Московской торговой компании (*Muscovy Trading Company*), а также личную переписку между Иваном и Елизаветой I и обмен посланниками, и были продолжены после его смерти. Титул Бориса Годунова отражал влияние английского дипломатического протокола (когда постоянно приходилось при переводе находить местные эквиваленты заграничным юридическим терминам), но куда важнее то, что этот титул был воспринят в Москве, и то, что он отражал определенную политическую реальность. Свидетельством авторитета Годунова – и мерой его дальнейшего укрепления – стало провозглашение в мае 1589 г. Московского митрополита Иова патриархом православной церкви, подобно Константинопольскому и Александрийскому.

Само обособление функции правителя от фигуры государя (легитимного господина – хозяина власти) было следствием не только недееспособности Федора Иоанновича, но и политической революции Ивана Грозного, вычленившей феномен “политического” из прежде нераздельного комплекса господства-владения (территорией, имуществом, властью, подданными, холопами и пр.). Возможно, этот синкретичный (неразделимый) комплекс достался Московскому царству по наследству, как бывшему улусу Золотой Орды. Иван Грозный расчленил его, по крайней мере, на “власть” и “владение”. Это не значит, что это разделение было зафиксировано юридически и на институциональном уровне. Но сам “нерациональный”, разрушительный и разорительный произвол Ивана Грозного продемонстрировал наглядно (пускай и без

теоретического осмысления) отдельность “власти” от “хозяйства”, “права владения”, “наследственных привилегий”. Как мы видели выше, эта трансформация была типичной для многих обществ Нового времени, ускорившейся в связи с борьбой вокруг реформации католической церкви. Там, где были развиты литература, общественная полемика и публицистика, вычленившаяся самостоятельная область “политического” уже становилась предметом теоретических размышлений. Одним из первых и наиболее знаменитых трактатов о природе власти стал “Государь” флорентинца Николо Макиавелли (1469–1527), опубликованный посмертно в 1532 г. (когда Ивану IV было два года, а Лютер заканчивал полный немецкий перевод Библии). Попытка рационализировать сакральную (божественную по своему происхождению) власть шокировала самых просвещенных современников Макиавелли, его сочинения были запрещены в 1559 г. католической церковью. Между тем Макиавелли всего лишь осмысливал опыт богатой политической жизни городских коммун Северной Италии, которая очень сильно отличалась от реалий Московского царства, и все же не настолько, чтобы не иметь никаких параллелей с другими обществами той эпохи. В частности, Макиавелли писал о ситуации правителя, порвавшего с “обычаями предков”:

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай. Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вождедения. Так же и народ, видя, что он не может сопротивляться знати, возвышает кого-либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту. Поэтому тому, кто приходит к власти с помощью знати, труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий. Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один, и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться. ...Сверх того, с враждебным народом ничего нельзя поделывать, ибо он многочислен, а со знатью – можно, ибо она малочисленна. ...И еще добавлю, что государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале.

Казалось бы, причем здесь Московское царство? Политический анализ Макиавелли обретает дополнительную глубину, если обратиться

к феномену московского “единовластия”. Поиски Иваном IV подлинно “царской” власти, помимо кровавых экспериментов с высшими степенями тирании, оставили его преемникам – царю-наследнику Федору Иоанновичу и его полновластному “правителю” Борису Годунову – также и наследие совершенно иного характера – земские соборы. Так стали называть собрания представителей разных (но обязательно лично свободных) слоев населения со всей страны, на обсуждение которых выносились важнейшие государственные вопросы. Впервые такой съезд под названием “собор примирения” созвал в 1549 г. недавно венчанный на царство Иван IV; тогда на протяжении трех дней обсуждались реформы “Избранной рады”, включая отмену кормлений, исправление Судебника и т.п. Первый список участников сохранился от собора 1566 г., обсуждавшего вопрос о продолжении Ливонской войны и созданного уже в эпоху опричнины. Из 374 участников, примерно по 8,5%, составляли духовенство, члены боярской думы, а также дьяки и приказные люди (“бюрократы”); 55% дали разные категорий дворян, 20% – купечество. Всего до конца XVII в. было созвано около шестидесяти соборов, на которых, в частности, происходило формальное избрание всех до единого царей Московского царства после Ивана IV, включая основателя Российской империи Петра Алексеевича (Петра I). Как же объяснить возникновение института земских (т. е. не церковных) соборов не просто одновременно с возникновением института царской власти, но и по воле первого и наиболее авторитарного из всех московских царей? Того самого Ивана IV, который в письме английской королеве Елизавете I в октябре 1570 г. презрительно писал о парламенте, роняющем достоинство монарха:

И мы чаяли [полагали] того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. ...Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших государских головах, и о честях, и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая [обыкновенная] девица...

Для чего же самодержцу и “господарю всея Руси” был земский собор? Никакой прежней местной политической “соборной” традиции не существовало. Как мы видели, князья северовосточных Русских земель с самого начала боролись с институтом городского вече. К тому же собрание представителей со всех концов большой страны не похоже на

вече. Не были земские соборы и заимствованием западноевропейских собраний сословных представителей – парламентов, “генеральных штатов”. В Северной Евразии к востоку от Карпат не существовало устойчивых самоорганизованных корпораций – сословий, пользующихся элементами собственной юрисдикции и представлявшими свои групповые интересы перед короной. Так что Иван IV не случайно с пренебрежением писал о “мужиках торговых”. Российский историк Василий Ключевский еще в конце XIX в. характеризовал участников земских соборов как “агентов для исполнения казенных поручений”:

Часть в составе собора 1566 г., имевшая, по крайней мере, некоторое подобие представительства, состояла из военных губернаторов и военных предводителей уездного дворянства, которыми были столичные дворяне, и из финансовых приказчиков правительства, которыми были люди высшего столичного купечества.

Скорее идею земских соборов заимствовали из своеобразно понятой практики соседа-противника – ВКЛ, где в XV и первой половине XVI в. (до заключения Люблинской унии 1569 г. с Польским королевством) созывался Вальный сейм (буквально “общий собор”: *sejm* восходит к общеславянскому **sъjěmь*, производному от **sъjěti* – “собрать”). Вальный сейм рассматривал примерно тот же круг вопросов (включая избрание великого князя), созывался монархом по мере надобности и отличался от земского собора прежде всего аристократическим составом (в нем не участвовали духовенство и купечество). Главное же не то, на что больше “был похож” земский собор, а зачем он понадобился Ивану Грозному и его преемникам. Не читая рассуждений Макиавелли, начинающий создавать особое – царское – единовластие Иван Грозный столкнулся с той же дилеммой, что и государи североитальянских княжеств той эпохи: оборотной стороной единовластия оказывалась столь же полная зависимость от тех, кто осуществлял его на практике. Выбирая между “знатью” и “народом”, Иван выбрал “народ”, точнее разные категории населения, связанные со складывающейся служебной иерархией.

Макиавелли почти не касался феномена “государства” как самостоятельной системы управления, “машины”: и потому, что государства в современном понимании еще нигде не существовало, и потому, что в сравнительно компактных итальянских герцогствах численность “профессиональных служащих” (чиновников) вообще была немногочисленна. Иван IV не просто “выбирал знать” (то в виде Избранной рады, то в виде опричнины), карал и миловал приближенных к трону.

Он фактически уничтожил прежнюю удельную систему как основу управления обширной территорией через посредничество удельных князей (уделы как форма землевладения просуществовали дольше). Достигнутое абсолютное единовластие царя осуществлялось не опосредованно через местных “владельцев” (землей и властью над ней), а через назначаемых чиновников-воевод и служилых людей (дворян), которые проживали в получаемых за службу поместьях и представляли царскую власть в своей округе. Собирая на земские соборы представителей боярства, приказных людей, дворян и зависимых от администрации купцов, Иван Грозный тем самым “утверждал единовластие” при помощи “народа” – только это был особый, “служивый” народ. Участники земских соборов представляли не магнатов-аристократов своего края и не особые сословия, а разные “участки” государственной службы. Все вместе они воплощали еще не “государство” как разветвленную систему профессиональных чиновников, но уже вполне определенно “власть” как самостоятельный феномен, описываемый в трактате Макиавелли.

Вот почему спустя несколько недель после воцарения Федора Иоанновича, наследника Ивана IV, в обстановке острого противостояния группировок знати (“земских” и “дворовых”) был созван земский собор, утвердивший Федора на царство и разрешивший конфликт между боярами. Это было первое формальное избрание царя собором, заложившее новую политическую традицию. Будучи, возможно, вынужденным шагом, созыв избирательного собора лишь подтвердил интуитивную правоту Ивана Грозного: единовластие для своей устойчивости должно опираться не на группировку знати, а на служивый “народ”. Иван Грозный умер, его наследник и номинальный царь был недееспособен, но это не повлияло на сам институт самодержавия (единовластия). Борис Годунов стал полноправным правителем с официально признанным статусом именно потому, что источником “единовластия” при Иване Грозном стало не предполагаемое божественное происхождение его полномочий, не поддержка группировкой влиятельных аристократов, а санкция коллективных носителей “государевой власти”. Каждый в отдельности из этих людей был всего лишь “холопом” царя, но все вместе они составляли “пространство власти”, саму власть как реализацию чьих-то полномочий на практике. Благодаря тому что в Московском царстве произошло вполне “макиавеллевское” осознание самостоятельности власти (отделенной даже от царского титула, которым Иван наделил на время вполне безвластного Симеона Бикбулатовича), собравшиеся на собор представители “служивого народа” не возражали

против возвышения Бориса Годунова. Когда в 1598 г. умер царь Федор, очередной земский собор избрал Бориса Годунова царем – решение, немислимое еще полвека назад: мало того, что правителя избрали подданные, так еще он не был не только великокняжеского рода, но и не потомком Рюрика!

“Гражданин холоп”

Феномен “служивого народа” объясняет специфическое понимание гражданства в политических системах типа Московского царства. Под гражданством обычно понимают юридически закрепленные права и обязанности класса людей, имеющих влияние на власть в стране, а также их осознание своей сопричастности власти и ответственности за страну. Парадоксальное положение “служивого народа” в системе московского “единовластия” приводило к тому, что входившие в него люди отдавали себе отчет в своей роли в конструкции власти – но могли играть эту роль только при подлинно самодержавном правителе. Чем больший произвол демонстрирует правитель (т. е. неограниченность власти), тем выше ощущение своей гражданской значимости у рядового исполнителя государевой воли. Жизнь обычного “сына боярского” (дворянина на службе) мало меняется от смены царя: поддержание хозяйства в поместье, данном на время службы, да участие в военных походах. Но как член “служивого народа” он оказывается гораздо значительнее, если выполняет свои рутинные обязанности по воле “великого государя”, чье “величие” равномерно распределяется на всех, кто обеспечивает отправление государевой власти на практике, даже если это сопровождается унижением и уничтожением части “служилого народа”.

С точки зрения учения о государственном суверенитете уже упоминавшегося Жана Бодена (в частности, его трактата “Шесть книг о республике”, 1576) власть государя абсолютна и неделима, и с этой точки зрения “единовластие” московских царей не является вполне самодержавным (т. е. суверенным), коль скоро опирается на коллективную санкцию исполнителей власти. А с точки зрения возобладавшей в XVIII в. теории народного суверенитета (“всякая власть исходит от народа”) московский “служивый народ” является не народом, а сборищем холопов, которые гордятся тем, как лихо ими помыкает самодержец. Но московские бояре (а тем более “дети боярские” – дворяне) не читали ни Макиавелли, ни Бодена, ни, разумеется, авторов грядущих столетий вроде Руссо. Как уже подчеркивалось в прошлых главах, сфера

светской публицистики была совершенно не развита в Московии, а о профессиональной социальной и юридической мысли и речи не могло идти. В лучшем случае, для описания политических явлений использовался язык Священного Писания, а основным форматом осмысления и конструирования новой реальности была политическая практика – что с особым драматизмом продемонстрировало долгое правление Ивана Грозного. Не зная о введущихся теоретических спорах, государи Московского царства продемонстрировали, что вполне обладают полным суверенитетом: их власть не зависела не только ни от какой внешней политической силы, но и от формального обладания царским титулом и даже от следования христианским заповедям. В то же время их “служивый народ” в совокупности выступал главным гарантом “единовластия” и источником легитимности царской власти – роль, недоступная обыкновенным “холопам”.

Удивительная ситуация “холопского гражданства” складывается тогда, когда единственным залогом обладания политической субъектностью (самостоятельной ролью в политике) является участие в условно-зависимых отношениях с верховной властью. “Самостоятельность через зависимость” – оксюморон (сочетание несочетаемого), характерный для ситуации успешно обособившейся сферы властных отношений, но не опосредованной развитыми институтами государства как анонимной и автономной “системы”. Политическая субъектность участников Вального сейма в ВКЛ или Генеральных штатов во Франции была связана с тем, что они представляли политический и экономический ресурс, существующий помимо короны и не полностью ей подвластный (владения местных аристократов или обособленные сословия-корпорации). Политическая субъектность гражданина современного государства – пускай даже неограниченной монархии – основана на законодательно оформленных правах и обязанностях более или менее обширной категории подданных. Сам феномен “государства” связан с установлением универсальных логических принципов (законов), которые регулируют сферу публичных отношений. Разумеется, законы устанавливались еще правителями древности, но “государственная машина” как самостоятельный феномен возникает тогда, когда все “пространство власти” – и правители, и рядовые исполнители их воли – оказываются “винтиками” внутренне согласованной структуры, все отношения в которой формализованы через публичные правила-законы, а не через личные (и частные) отношения. Коррупция и произвол отдельных чиновников, издание “несистемных” законов

правителем не могут изменить сам принцип формализации их ролей, а значит, независимость от конкретной личности и обстоятельств. Те, кто признаются гражданами (т. е. участниками) государства в этой системе, даже если это только немногочисленная знать, получают этот статус благодаря своему формальному участию в государстве, а не подчинению воле конкретного государя.

Если же власть государя уже наглядно и эффективно проявляется отдельно от частновладельческих отношений, а “государства”, опосредующего и “анонимизирующего” эту власть нет, то “граждане” – участники и проводники властных отношений – вынуждены ассоциировать себя всецело с фигурой самодержца. Его власть реально зависит от них, они создают “пространство” и сам “эффект” власти, но только до тех пор, пока они признают и ощущают себя “холопами” государя. Это своеобразное понимание гражданства сформировало определенную традицию, не раз дававшую о себе знать в последующие столетия. Впрочем, прямая преемственность с культурой “холопского гражданства” XVI в. необязательна для воспроизводства странного феномена гражданского самоутверждения через раболепие в позднейшие эпохи, для этого достаточно установления режима “единовластия” при отсутствующем или дисфункциональном (неработающем) государстве.

Опора царского “единовластия” на довольно широкую и аморфную среду “служивого народа”, не оформленного в формальную структуру государства и не разделяющего некой выраженной идеологии, придавала устойчивость политической системе Московского царства. Но в этом же заключалась и ее уязвимость в случае появления более чем одного реального претендента на верховную власть: “служивый народ” не может сам выдвинуть собственного кандидата на трон (потому что не является единой группой вне службы конкретному государю).

Эти особенности созданной Иваном IV парадоксальной политической системы Московского царства проявились в первые десятилетия после его смерти – и доказали ее жизнеспособность в самых неблагоприятных обстоятельствах. В своеобразной эпитафии Ивану, написанной англичанином Джеромом Горсеем (*Jerome Horsey*), прожившим в России почти двадцать лет с перерывами (с 1573 по 1591 гг.) в качестве представителя Московской торговой компании и дипломата, отмечено:

Столь обширны и велики стали его владения, что они едва ли могли управляться одним общим правительством (*regiment*) и должны были распасться опять на отдельные княжества и владения, однако под его единой державной рукой монарха они остались

едиными, что привело его к могуществу, превосходившему всех соседних государей.

Действительно, кажется совершенно удивительным, что Московское царство не только не распалось на несколько частей после смерти первого царя, но и продолжило расширяться. Именно в это время происходит реальное установление контроля над Западной Сибирью: в 1587 г. возле столицы Сибирского ханства Искера на правом берегу Иртыша был построен острог (укрепленный городок) Тобольск царским воеводой Даниилом Чулковым. Вдоль Иртыша и Оби возникают остроги, пока наконец Сибирское ханство не прекратило своего существования в результате разгрома становища хана Кучума в Барабинских степях (на территории современной Новосибирской области) (1598). В 1604 г. на восточном рубеже московских владений в Сибири был основан Томск – в трех с половиной тысячах километров от Москвы.

Одновременно продолжалась экспансия на юге, направленная на защиту от Крымского ханства, и установление контроля над казаками – на Дону и в низовьях Волги. В 1585 г. был заложен Воронеж в верхнем течении Дона, в 1586 г. началось строительство крепостей, позднее вошедших в Белгородскую засечную черту, перекрывающую Муравский шлях – важный караванный путь и излюбленный маршрут крымских рейдов. На этой линии укреплений за неполное десятилетие были основаны Ливны, Белгород, Оскол, Валуйки. В 1599 г. далеко в степи был основан Царев-Борисов (на территории современной Харьковской области). Параллельно устанавливался эффективный контроль над всем течением Волги: в 1586 г. основана Самара, в 1589 г. – Царицын (Волгоград), у переправы между Доном и Волгой, в 1590 г. Саратов. Обосновавшееся на Нижней Волге вольное казачество предпочло переселиться на Урал, на реку Яик, подальше от правительственных войск и воевод.

Успешна была даже экспансия на запад: начав войну со Швецией в 1590 г., Московское царство сумело вернуть себе земли, утраченные по итогам четвертьвековой Ливонской войны. Уже в мае 1593 г. был заключен мирный договор, по которому Москва получила обратно пограничные Ивангород, Ям, Копорье и Корелу. Для защиты от Речи Посполитой было предпринято грандиозное строительство 6,5-километровой Смоленской крепостной стены (1595–1602), одного из самых масштабных проектов в истории Московского царства. Прежде того (в 1584–1591 гг.) в Москве была построена 9-километровая белокаменная стена Белого города (вдоль современного Бульварного кольца) и еще

более длинная – деревянно-земляная (вдоль современного Садового кольца).

Очевидно, “единодержавная рука монарха”, не дающая рассыпаться собранным вместе обширным землям, не ослабела после смерти Ивана IV. Точнее, история полутора десятилетий номинального правления Федора Иоанновича показывает, что режим чрезвычайного (“царского”) деспотизма, осуществлявшийся его отцом, не являлся необходимым условием для удержания единства Московского царства. Куда важнее была готовность “служивого народа” признавать себя подданными царя и распространять его власть на округу, над которой они были поставлены править от его имени. Кроме того, несмотря на тяжелые экономические и демографические потери в результате правления Грозного, начавшаяся в середине 1580-х гг. широкомасштабная экспансия сразу в нескольких направлениях, удачная война со Швецией, а также осуществление амбициозных строительных проектов свидетельствуют о быстром восстановлении потенциала страны. Как и три с лишним столетия назад, во времена монгольских походов, глубокая катастрофа, быстро сменяющаяся новым ростом, была результатом низкой интенсивности хозяйства и социальных процессов. До формирования современного государства общество и экономика раннего Нового времени обладали очень низкой способностью “мобилизации”, она не позволяла быстро и многократно нарастить имеющиеся ресурсы (будь то количество воинов или запасы продовольствия). Внеочередной сбор податей или неурожай легко приводили к разорению огромные территории – но столь же быстро они и возвращались к неприятной “норме” после одного урожайного лета или однократного прощения недоимок. В обширном царстве всегда имелись люди для войска или строительства и хлеб для их прокорма, только нужно было уметь их найти и собрать. Как и с удержанием территории, одной царской воли, пусть даже выраженной в самой ожесточенной форме, было мало для этого. Нужно было, чтобы ее признавали служилые люди в Москве и на местах и, действуя от имени царя, наполняли его власть реальным содержанием.

Начало смуты

Девятнадцатого февраля 1600 г. на противоположной стороне земного шара, на юге современного Перу произошло извержение вулкана Уайнапутины, крупнейшее за всю историю американского континента. В атмосферу было выброшено огромное количество пепла, что вызвало эффект “вулканической зимы” и в сочетании с пониженной активно-

стью Гольфстрима, стало толчком к началу третьей, самой холодной фазы так называемого малого ледникового периода в Северной Евразии, растянувшейся до начала XIX в. Считается, что средняя температура на планете понизилась на 1-2 градуса, хотя наступление похолодания было не одномоментным и в разных регионах последствия изменения климата проявлялись по-разному, поскольку падение температуры – лишь один из факторов сложных погодных процессов. В Гренландии (норв. *Grønland* – Зеленая земля) пик похолодания был достигнут уже в первой трети XV в., когда почти вся территория оказалась занятой ледником. Очень холодные зимы отмечались в Московии, по крайней мере с середины XVI в., необычно суровые зимы отмечались и позже (1656, 1778, 1808). Возможным результатом “вулканической зимы”, наступившей после извержения Уайнапутины, на востоке Европы стали не столько небывалые зимние морозы, сколько холодное и дождливое лето. Год за годом (1601, 1602, 1604) летом над регионом устанавливался циклон: несколько недель подряд шли дожди, сменявшиеся заморозками (например, 28 июля 1601 г. в Москве, 31 августа в Пскове). Обширные территории постиг неурожай. Учитывая низкую интенсивность хозяйства, повторный неурожай привел к росту цен на хлеб и массовому голоду (1601–1603). Имеющиеся отрывочные сведения говорят о том, что в отдельных местностях цены на рожь выросли в 20-25 раз.

Одновременно резко ухудшилось здоровье недавно венчавшегося царем Бориса Годунова. Осенью 1600 г. он был в таком тяжелом состоянии, что на заседание боярской думы его приносили на носилках. Ожидая его смерти, бояре Михаил Никитич и Федор Никитич Романовы (племянники царицы Анастасии, любимой первой жены Ивана IV и вероятные претенденты на трон) собрали на своем подворье в Москве “частную армию” вооруженных слуг, которая должна была поддержать притязания одного из них на престол. Однако Борис Годунов оклемался и 26 октября 1600 г. отправил стрелецкий приказ (полк) штурмовать подворье Романовых. Бояре Романовы были подвергнуты опале (Михаил сослан, Федор пострижен в монахи), многие служившие им дворяне казнены. Среди тех, кто избежал казни, был сын стрелецкого сотника Юрий Богданович Отрепьев, срочно постригшийся в монахи и укrywшийся в провинциальном монастыре.

Голод и политическая нестабильность сопровождались массовым бродяжничеством и распространением разбойничьих шаек; одна из них, возглавляемая бывшим боевым холопом (т. е. лично зависимым

профессиональным воином) Хлопко Косолапом, разрослась до таких размеров, что была с трудом разгромлена под Москвой правительственными войсками (сентябрь 1603).

В то время эти события многими воспринимались как божья кара; в начале XIX в. – скорее как фатальное личное невезение Бориса Годунова; в XX в. историки были склонны видеть в них проявление структурного кризиса политической и экономической системы Московского государства – самодержавного царства, основанного на поместном землепользовании и эксплуатации закрепощенных крестьян. Такие объяснения казались исчерпывающими в свое время, отражая склад мышления данной эпохи, однако непонятно, почему кризис развился именно в первые годы XVII в. Вряд ли грехи Бориса Годунова и его подданных превышали грехи Ивана Грозного с опричниками, а предшествующее кризису пятнадцатилетнее правление Бориса и сам факт избрания его царем свидетельствуют как раз об исключительной удачливости. Социально-экономическая основа Московского царства при Годунове также никак принципиально не отличалась от предшествующих и последующих десятилетий. По-настоящему уникальным (и многозначительным) был не сам кризис первых лет XVII в., а его последствия, прежде всего появление самозванцев – претендентов на трон и реакция разных слоев общества на этот феномен.

Подобно тому как Борис Годунов стал первым выборным правителем в Москве, к тому же не будучи “царских кровей”, так и объявившийся в ВКЛ в 1603 г. претендент на московский трон, назвавшийся младшим сыном Иваном IV, стал первым самозванцем в истории региона. В 1582 г. у Ивана родился сын от шестой (или даже седьмой) жены, названный Дмитрием. Так как более трех браков православная церковь не признает, Дмитрий Иванович считался незаконнорожденным и не мог претендовать на трон. После смерти Ивана IV он был отправлен с матерью и небольшим двором в Углич, данный ему в удел (городок на берегу Волги в 100 км от Ярославля). Там он и погиб в мае 1591 г.: по официальной версии, страдавший судорогами (возможно, эпилепсией) Дмитрий играл во дворе с ребятами в ножички, забился в припадке и в конвульсиях заколол себя. Так как точный медицинский диагноз неизвестен, можно предположить, что он мог ударить себя ножом при наступлении судорожного синдрома неэпилептической природы или наткнуться шеей на выпавший нож, упав на землю в эпилептическом припадке. Клан матери Дмитрия – бояре Нагие, яростно боровшиеся за трон с Борисом Годуновым, – немедленно обвинил Годунова в ор-

ганизации убийства незаконнорожденного царевича. Объявившийся спустя 12 лет в ВКЛ “царевич Дмитрий Иоаннович”, – вероятнее всего, бежавший от репрессий слуга бояр Романовых Юрий (Григорий) Отрепьев, – заявил, что убийцам подсунули другого мальчика, а подлинного царевича тайно вывезли на север. Обе версии – организованного политического убийства и организованного спасения царевича Дмитрия – крайне маловероятны. Углич был маленьким городком с населением едва ли пару тысяч человек, где все знали друг друга в лицо и каждый чужак был замечен. Царевич погиб при свидетелях, и проведенное после его смерти масштабное следствие комиссией, в которую вошли как сторонники, так и политические соперники Годунова, не дает оснований для подозрений в фальсификации результатов. Так что человека, представлявшегося выжившим царевичем, с полным основанием могли называть Лжедмитрием.

Прежде о самозванных претендентах на великокняжеский (и даже просто княжеский) престол на бывших роуських землях не слыхали, и трудно представить человека, который выдавал бы себя за умершего наследника князя. Не то чтобы невозможно было в принципе обмануть родственников и знакомых, особенно в эпоху без фотографий и реалистических портретов. Хорошо известен случай, когда в конце 1550-х гг. в Лангедоке на юге Франции самозванец успешно выдавал себя за пропавшего восемью годами ранее крестьянина Мартена Герра. Сестры и сама жена Герра “узнали” в самозванце пропавшего крестьянина, она родила ему двоих детей, и только спустя три года и с известным трудом самозванец был разоблачен (причем он окончательно проиграл дело, только когда неожиданно объявился настоящий Мартен Герр). Современные историки спорят, искренне ли заблуждалась жена Мартена Герра, признав самозванца мужем, – однозначного ответа мы никогда не узнаем. Но ясно, что существовала сама структурная ситуация, допускавшая появление самозванца: и восемь лет спустя после пропажи мужа, жена Мартена Герра не могла выйти замуж за другого, так как смерть законного супруга не была подтверждена. И она сама, и хозяйство нуждались в “отце семейства”, но им мог стать только Мартен Герр, реальный или фальшивый. В отличие от случая Мартена Герра (и Лжедмитрия), в тесном семейно-политическом княжеском кругу просто не существовало того “пространства неопределенности”, в котором мог утвердиться самозванец. Опустевшее место немедленно занималось общеизвестным (даже если не всеми поддерживаемым) кандидатом-наследником. Лжедмитрий появился тогда, когда на фоне

болезни Бориса Годунова перспективы престолонаследия стали совершенно туманными; сам Годунов собирался передать трон своему сыну Федору, которому в 1603 г. исполнилось 14 лет. Но, учитывая “выборность” царствования самого Бориса Годунова, не меньшие права на верховную власть были у знатнейших Рюриковичей (например, боярина Василия Шуйского), или ближних родственников законных жен Ивана IV (например, бояр Романовых), или даже у младшего “незаконнорожденного” сына Ивана IV – если бы он остался в живых...

Таким образом, обособление феномена власти усилиями Ивана IV и растожествление права на трон от принадлежности правящей династии Борисом Годуновым, а также утверждение принципа выборности царя привели к тому, что главным претендентом на власть после Годунова стал Лжедмитрий. В известном смысле он был не большим самозванцем, чем Годунов: он не имел “автоматического” права на трон, но сумел обосновать свое право занять его. Другими словами, он обладал почти такой же легитимностью, как и Годунов, поскольку само представление о легитимности кандидата на трон сильно изменилось в Московском царстве по сравнению с нормой, принятой в ВКМ.

События последующего десятилетия вошли в историю как Смутное время, буквально – “время мятежей”, но сегодня это выражение воспринимается как указание на “смутность” и “неясность” ситуации, и эти коннотации кажутся гораздо более подходящими. Не существовало некоего общепризнанного законного режима правления, против которого выступали бы противозаконные “мятежники”. Скорее происходило столкновение соперничающих претендентов на власть, каждый из которых представлял и особый альтернативный сценарий власти. “Смутность” заключалась в том, что опорой царской власти в модели, стихийно выстроенной Иваном IV, был “служивый народ” – дворянство как группа, объединяемая лишь преданностью общему правителю. Появление нескольких легитимных претендентов на трон раскалывало дворянство и лишало любого кандидата на престол однозначной легитимности.

Вот как это началось. Осенью 1604 г., перед самым началом осенней распутицы, Лжедмитрий перешел границу Московского царства во главе нескольких тысяч наемных солдат и шляхтичей-добровольцев. В его отряде почти не было артиллерии. Это вся военная поддержка, которую он смог найти в могущественной Речи Посполитой в обмен на обещание в случае прихода к власти отдать огромные территории (включая Смоленскую и Черниговскую земли), оказать военную поддержку в во-

йне со Швецией, способствовать распространению католической веры и озолотить своих сторонников. Официально король Сигизмунд III и сенат (верхняя палата сейма) Польско-Литовского содружества не поддержали поход Лжедмитрия, тем более что в 1600 г. было заключено перемирие с Московским царством на 20 лет. Помочь претенденту на московский трон согласились могущественные магнаты ВКЛ Адам и Константин Вишневецкие (которым самозванец открыл свое царское происхождение) и их свойственник Ежи Мнишек, в дочь которого влюбился Лжедмитрий. Неизвестно, насколько серьезно воспринимали Вишневецкие версию Лжедмитрия и рассчитывали ли посадить его на московский трон с такими ничтожными силами. Ясно, что они были крайне раздражены Борисом Годуновым и готовы были досадить ему любым способом: в ходе экспансии Московского царства на юг (1590-е) возникли пограничные конфликты на окраинах владений Вишневецких, и как раз в 1603 г. Борис Годунов приказал сжечь “спорные” городки Прилуки (Прилуцкое) и Снетино, охранявшиеся людьми Вишневецких. Характерно, что Вишневецкие и Мнишек последовательно боролись против участия коронных войск в походе, а само вторжение началось на юге Черниговщины, в местности, расположенной от Москвы дальше любого другого участка границы, зато непосредственно прилегавшей к владениям Вишневецких. Не исключено, что Вишневецкие планировали при помощи Лжедмитрия просто отомстить Годунову и заставить урегулировать территориальный спор в своих интересах. Но события приняли неожиданный оборот.

Начатая запоздало военная кампания протекала с переменным успехом. Жалованье наемникам платить было нечем, мародерство Лжедмитрий запрещал, а дойти до Москвы и получить там полный расчет, видимо, никто всерьез не рассчитывал. За три месяца удалось продвигнуться лишь на 250 км через слабо защищенную окраину Московского царства, и до Москвы оставалось еще свыше 600 км. Первого января 1605 г. в лагере Лжедмитрия вспыхнул мятеж, большинство наемников отправились обратно, а спустя несколько дней его покинули около 800 шляхтичей и один из главных сторонников самозванца Ежи Мнишек. Но по мере того как таяла военная сила Лжедмитрия, росла его местная политическая поддержка. Отдаленные юго-западные окраины Московского царства, по которым продвигался отряд Лжедмитрия, были сравнительно недавно присоединенными территориями, служащие там дворяне имели мало шансов перейти в престижную категорию “московских дворян и детей боярских”. Куда ближе социально и культурно

им были казаки, к чьим вольным поселениям вплотную приблизились в начале XVII в. передовые городки московских служилых людей. Первые сдавшиеся или захваченные отрядом Лжедмитрия крепостицы подавали пример остальным: Лжедмитрий вел себя не как завоеватель, а как благодушный государь. Он милостиво обходился даже с явными врагами, а пленных воевод и дворян немедленно освобождал из-под ареста. У провинциальных дворян вдруг появился шанс оказаться среди ближайших соратников нового царя. Все больше служилых людей начинало присягать Лжедмитрию. На его сторону стали переходить гарнизоны, расположенные дальше к востоку – в Слободской Украине (недавно основанные Белгород, Царев-Борисов). Его поддержали даже донские казаки: вскоре после бегства большей части польско-литовских войск в лагерь Лжедмитрия прибыли 12 тысяч казаков. К концу января новое войско Лжедмитрия прошло уже полпути к Москве, и тут наступил поворотный момент в его экспедиции.

Недалеко от крепости Севск, входящей в формирующуюся Белгородскую оборонительную линию, 21 января 1605 г. произошло сражение между войском Лжедмитрия и правительственной армией. Войско самозванца было разгромлено и бежало, сам он едва не попал в плен. Те же, кто оказался в плену царских войск, а также местные казаки, стрельцы и дворяне, поддержавшие самозванца, были повешены. Убиты были и члены их семей, проживавшие в гарнизонах. Эта расправа, столь контрастировавшая с милостивым обращением с пленными самого Лжедмитрия, окончательно расколола московский “служивый народ”, а тем самым лишило царскую власть Бориса Годунова опоры. Сложилась парадоксальная ситуация: укрывшись с остатками войск в Путивле в 600 км от Москвы, Лжедмитрий следующие три месяца не вел активных боевых действий, а между тем его популярность и влияние ширились. И когда 13 апреля 1605 г. неожиданно умер Борис Годунов, прежняя московская власть рухнула. Войска, осаждавшие верные Лжедмитрию городки и даже видные царские воеводы стали переходить на сторону самозванца. Не одержав военной победы, даже не проникнув за внешнюю линию укреплений, защищавших Московское царство от набегов крымчаков, Лжедмитрий оказался триумфатором. Он был настолько уверен в поддержке служивого народа, что отправил свое войско под командованием бывших царских воевод на Москву, сам же встречался со служилыми людьми пограничья в Орле, в Туле ожидал падения правительства сына и наследника Бориса Годунова. Без непосредственного участия Лжедмитрия вдова и сын Годунова

были отстранены от власти и арестованы, а затем, по-видимому, убиты. Лжедмитрий въехал в Москву 20 июня 1605 г. не как завоеватель, а как законный государь, возвращающийся в ожидающую его возвращения столицу. 30 июля он официально венчался на царство.

Меньше чем за год безвестный беглец из Московского царства стал законным московским царем. Это удивительное преобразование (в стиле плутовских романов наступившей эпохи барокко и пьес Шекспира, написанных в это время) стало возможным в силу устройства власти в Московском царстве: раскол в “служивом народе” выбил фундамент из-под правящего царя и позволил занять его место тому, кто получил большую поддержку. Но и утвердившийся на троне Лжедмитрий – теперь царь Дмитрий Иоаннович – не мог ликвидировать пространство неопределенности, в котором могли появляться новые претенденты на власть – реальные фигуры или самозванцы, а значит, сохранялась опасность дальнейшего раскола “служивого народа” и потери легитимности правителя.

Видимо, осознавая зависимость царской власти от сплоченности дворянства – а не от обладания превосходящей военной силой, как продемонстрировала история Годунова, – новый царь Дмитрий Иоаннович пытался задобрить максимальное широкие слои подданных. Он приказал вернуть из ссылки бояр, попавших в опалу при Годунове, постриженный в монахи Федор (теперь Филарет) Романов был возведен в ростовские митрополиты. Были увеличены оклады и поместья служилым людям. Южные окраины, первыми признавшие и поддержавшие Лжедмитрия, на 10 лет были освобождены от налогов и обязанности обрабатывать заведенную Годуновым “десятинную пашню” – казенные земли, которые должны были пахать казаки, стрельцы и даже “дети боярские”, служащие на южных рубежах. Крестьянам отменили потомственность холопства (личного зависимого состояния за долги) и ограничили службу холопа только тому хозяину, которому он запродавался.

Но если бы был известен секрет, как благодетельствовать сразу всех и не за счет кого-то другого! Новый царь Дмитрий Иоаннович не продержался у власти и года. После раздачи милостей летом 1605 г. уже к зиме стали нарастать раздражение и внутренняя напряженность в разных слоях общества.

Боярскую Думу Дмитрий Иоаннович переименовал в сенат, себя стал называть императором (точнее, подписывал он свой титул странно, явно восприняв его со слуха: “*in perator*”). При этом самые важные вопросы решались помимо сената, через созданную им личную, или

“тайную”, канцелярию, куда входили шляхтичи, пришедшие с ним из Речи Посполитой. Это и понятно, поскольку теперь приходилось улаживать данные накануне похода на Москву обширные обещания территориальных и религиозных уступок и денежных наград, составивших с точки зрения царской власти, принятой на себя Лжедмитрием, акт измены. Царь окружил себя гвардией из иностранцев, в Москву съезжалось все больше иноземцев, демонстративное царское покровительство которым вызывало раздражение московских служилых людей. Чтобы компенсировать налоговые льготы южным окраинам и выплаты польско-литовским союзникам, царь Дмитрий Иоаннович обложил дополнительными податями Казанский край и Сибирь, вызвав недовольство в том числе и тамошних служилых людей.

Слухи о самозванстве царя стали муссироваться на разных уровнях. Зимой 1605 г. в тайном послании польскому королю Сигизмунду III бояре жаловались на то, что он поддерживает самозванца на московском троне. Одновременно в Москве схватили монаха Чудовского монастыря, который публично признавал царя Дмитрия Иоанновича беглым чудовским монахом Григорием (Юрием) Отрепьевым. В начале весны 1606 г. терские казаки, размышлявшие, куда отправиться за добычей – на Каспий, с дальнейшим поступлением на персидскую службу, или на Волгу, выбрали второй вариант. А чтобы защититься от преследования властей, решили объявить молодого казака Илейку Коровина царевичем Петром Федоровичем – никогда не существовавшим внуком Ивана Грозного, “племянником” Дмитрия Иоанновича. Узнав про “племянника”, царь не объявил его самозванцем публично и не отдал тайный приказ разгромить ватагу казаков. Вместо этого он отправил гонца с грамотой, приглашавшей “Петра Федоровича” в Москву, с условием, что он должен либо доказать свое царское достоинство, либо “удалиться прочь”. Эта история свидетельствует о том, что к началу 1606 г. само понятие “самозванец” потеряло смысл как очевидно компрометирующее. Все знали, что никакого Петра Федоровича не могло быть в природе, но проблема заключалась не только в том, что объявить казака Илейку самозванцем у ставшего царем Лжедмитрия не поворачивался язык. Само по себе разоблачение уже ничего не меняло, потому что проблема была не в “вере” в самозванца, а в реальной поддержке, на которую он мог рассчитывать. В начале XVII в. в Московском царстве, вслед за обособлением феномена власти и отделением права на верховную власть от традиционной правящей династии, фактически появилась сфера примитивной публичной соревновательной политики. Не суще-

ствовало институциональной основы этой политики, развитых процедур и политического языка, способного выразить идею соревнования кандидатов на должность во власти, а само соревнование и понимание возможности выдвижения новых кандидатов было. Просто “самовыдвиженцы” должны были выступать в качестве достаточно условных “самозванцев”, в чью историю верили именно те, кто поддерживал данного “кандидата”, и ровно настолько, насколько он их устраивал. “Единовластие”, основанное на единодушной поддержке “служивого народа”, уступило место неустойчивой власти кандидата большинства, с перспективой дальнейшей фрагментации пространства власти.

“САМОВЫДВИЖЕНЦЫ”

Двадцать четвертого апреля 1606 г. в Москву прибыла царская невеста Марина Мнишек с отцом Ежи Мнишекком, давним сторонником Лжедмитрия, а с ними около двух тысяч знатных шляхтичей и князей Речи Посполитой в сопровождении многочисленных слуг и войска. Царь Дмитрий Иоаннович получил долгожданное военное подкрепление, дающее ему военный перевес над возможными оппонентами, но резко проиграл в массовой поддержке. Огромное скопление вооруженных людей в Москве вызывало постоянные конфликты, и то, что эти люди были иноземцами, создавало от этих конфликтов общее впечатление нарастающего противостояния с чужаками. Бесконечная череда пиров и празднований создавала атмосферу пьяного угара. Шестого мая прошло венчание царя и Марины Мнишек, 8 мая она была коронована царицей, 9 мая начался многодневный свадебный пир. Сообщалось, что многочисленные иноземцы творили массовые бесчинства на улицах и врывались в дома москвичей. Вероятно, русские участники пиров не отставали от приезжих, но иностранцы были заметнее и своим поведением шокировали и оскорбляли местных жителей куда сильнее. Четырнадцатого мая боярин Василий Шуйский собрал совещание верных сторонников, на котором разработал план погрома, в частности, были отмечены дома, в которых остановились знатные иноземцы, вероятно, тогда же был спланирован и дворцовый переворот. Военную поддержку заговорщикам оказал отряд недовольных служилых людей из Новгорода и Пскова, которые не желали отправляться в готовящийся военный поход на юг.

На рассвете 17 мая начался подготовленный мятеж: были убиты более пятисот знатных приезжих из Речи Посполитой, а общие жертвы среди иноземцев превышали тысячу человек. Заговорщики во главе

с Шуйским окружили царский дворец и убили царя. Массовое восстание, вызванное раздражением против “бесчинств поляков”, было использовано для придания видимости поддержки дворцового переворота. Но даже если, как считается, многие москвичи не желали смерти Лжедмитрия, в решающий момент вокруг него не нашлось достаточно сторонников, способных защитить его от заговорщиков.

Спустя всего два дня был созван срочный сход (официально объявленный земским собором), на котором царем провозгласили Василия Шуйского. Род Шуйских, идущий от суздальских князей, был вторым по старшинству среди московских Рюриковичей, и в середине XVI в. представитель этого рода был бы самым законным претендентом на престол в случае пресечения московской княжеской династии. Но в начале XVII в. это уже имело мало значения. Опираясь, по классификации Макиавелли, на “знать”, а не “народ” (в отличие от своих предшественников), Василий Шуйский имел очень слабую поддержку, а значит, и власть. При вступлении на престол, Шуйский принес специальную присягу, поклявшись не принимать важных решений без общего одобрения боярской думы. О нем говорили, что бояре играют им, как ребенком. Между тем уже через неделю после убийства Лжедмитрия распространились слухи, что в суматохе мятежа царь Дмитрий Иванович чудесным образом спасся – опять! – и появился самозванец, претендующий на имя первого самозванца...

Удивительнее всего то, что нарастающая политическая фрагментация не сопровождалась распадом страны, отпадением окраин. Все новые “самозванцы”-“самовыдвиженцы” появлялись на южных окраинах, в основном на недавно заново колонизованных черноземных землях “дикого поля” (в Слободской Украине, в верховьях Дона, на Черниговщине, в Рязанской земле), и, собрав войско из местных служилых людей, казаков и крестьян, устремлялись в Москву. Это свидетельствует о том, что противостояние Смутного времени разыгрывалось в рамках всего политического пространства Московского царства с центром в столице и было вполне “системной” формой политического процесса, направленного на поддержание этого пространства, а не на его дробление и разрыв.

Летом 1606 г. в Путивле, где полтора годами ранее отсиживался Лжедмитрий во время похода на Москву, развернулось движение за возвращение на трон будто бы спасшегося царя Дмитрия Иоанновича. На этом этапе политического процесса не потребовалось даже личное присутствие самозванца: восставшие соглашались считать, что царь

скрывается на территории Речи Посполитой, но вернется, когда столица вновь присягнет ему. Организаторами движения выступили воевода Путивля князь Григорий Шаховский и воевода Чернигова князь Андрей Телятевский. Шаховский был сподвижником Лжедмитрия, за что был сослан в Путивль из Москвы новым царем Василием IV Шуйским, а Телятевский, верный слуга Бориса Годунова, был возмущен, что, придя к власти, Василий Шуйский обвинил Годунова в убийстве царевича Дмитрия. Во главе войска “оппозиции” царю Шуйскому встал бывший боевой холоп князя Телятевского Иван Болотников, который называл себя “большим воеводой Дмитрия Иоанновича”. Войско Болотникова представляло собой коалицию четко различающихся социальных групп и политических сил: там были казаки во главе с уже упоминавшимся Илейкой – “царевичем Петром Федоровичем”; стрельцы под предводительством мелкого тульского дворянина Истомы Пашкова; дворяне под началом рязанского “сына боярского” Прокопия Ляпунова; холопы и крестьяне, ориентировавшиеся на самого Болотникова. Удивительно, что эта коалиция, включавшая практически все социальные слои Московского царства, продержалась почти полгода. Войско Болотникова разбило царские армии и осадило Москву.

С ходу взять Москву не удалось, царь Дмитрий Иоаннович так и не появился, и в коалиции разразился “политический кризис”: не имея реального общего кандидата стало невозможным сохранять единство ввиду существующего конфликта интересов. Помимо отсутствия институтов (вроде парламента), позволявших согласовывать групповые (сословные) интересы, сказывалась и традиционная неразвитость в Московии светской публичной сферы. Не было разработанного политического языка и устойчивых концепций, которые позволяли бы обсуждать политическую ситуацию в принципе, формулировать групповые требования, а потом искать “межпартийный” компромисс. Для воплощения этих идей и выработки некоего компромисса требовалась конкретная личность лидера, пусть и наделенная совершенно условным статусом, но лидера не было. В середине ноября 1606 г. коалиция распалась: большая часть служилых людей ушла от Болотникова и за неимением другого вождя присоединились к царю Василию Шуйскому. Но еще почти год правительственные войска не могли справиться с остатками армии Болотникова, теперь представлявшей радикальную крестьянско-казацкую оппозицию “служивому народу”.

В феврале 1607 г. царь Василий Шуйский созвал очередной земский собор, чтобы попытаться решить проблему Лжедмитрия раз и навсегда:

собор освободил население от присяги царю Дмитрию Иоанновичу как самозванцу и простил нарушение клятвы верности наследникам Бориса Годунова. Это помогло бы восстановить политическую стабильность, если бы проблема заключалась в легковёрности населения и слепом подчинении присяге. Но дело было в самом раздроблении “единовластия” вслед за расколом внутри “служивого народа” и в отсутствии единого “кандидата” (а значит, и единой “программы”), способного примирить и устроить всех.

Летом 1607 г. в украинском пограничном городке Стародубе объявился Лжедмитрий II: он вовсе не походил внешне на первого Лжедмитрия, не имел его начитанности и манер, возможно, он не был и московским дворянином. Существует версия, что он был крещеным евреем из белорусского Шклова на территории ВКЛ. Это не помешало местным служилым людям начать присягать новому “самовыдвиженцу”. В Стародубе появилась своя боярская дума, начала собираться армия из остатков войск Болотникова и добровольцев с южных окраин царства. В начале сентября 1607 г. войско Лжедмитрия II отправилось на помощь Болотникову, осажденному царскими силами в Туле, но не успело до окончательного разгрома. Перезимовав в Орле – крепости, основанной в 1566 г. по приказу Ивана IV для охраны южных границ, – армия Лжедмитрия II двинулась на Москву. Разбив войска царя Василия Шуйского, силы Лжедмитрия II в июне 1608 г. появились под Москвой. Город не сумели захватить, и тогда в подмосковном Тушино был разбит лагерь, ставший фактически параллельной столицей: там был выстроен царский терем, где Лжедмитрий II принимал иностранных послов и своих подданных; действовала своя боярская дума; чеканилась своя более полновесная монета; сюда был привезен Федор Романов (постриженный в монахи Годуновым и произведенный в митрополиты Ростовские царем Дмитрием Ивановичем) и был объявлен патриархом. Лжедмитрию II присягнули города северо-востока (от Калуги и Костромы до Великих Лук и Пскова), а запад (Смоленск) и обширный Казанский край ориентировались на Москву. Это четкое географическое размежевание по политическому признаку, тем не менее, нельзя считать территориальным расколом страны: обе альтернативные столицы находились в 17 км друг от друга, фактически в одной точке (насколько возможно совместить два пространственных объекта в одном месте). Лжедмитрий II не объявлял ни Орел, ни Псков столицей и воспроизвел в своем лагере полностью административную и социальную структуру Московского царства.

Отличительной чертой движения Лжедмитрия II была преимущественная опора на вооруженную силу выходцев из Речи Посполитой и казаков. Первый Лжедмитрий начал свой поход на Москву также при поддержке польско-литовских наемников и шляхтичей, но большая их часть бросила его за сотни километров от Москвы, и своему политическому и военному успеху он был обязан “служивому народу” Московского царства. Считается, что осенью 1607 г. в армии Лжедмитрия II было 12 тысяч добровольцев из Речи Посполитой, восемь тысяч запорожских казаков и лишь две тысячи (меньше 10% от всего войска) жителей Московского царства. После этого численность “поляков” и казаков продолжала расти: к войску Лжедмитрия II присоединялись видные шляхтичи и магнаты, принявшие участие в Сандомирском рокоше (вооруженной оппозиции польскому королю Сигизмунду III) и объявленные вне закона на родине, каждый с сотнями сторонников. Весной 1608 г. атаман Иван Заруцкий привел около 5000 донских казаков, в августе 1608 г. знатный шляхтич Ян Сапега присоединился в Лжедмитрию II во главе 1720 бойцов. В декабре 1608 г. реальная власть в Тушино перешла к совету из десяти выборных представителей польско-литовских отрядов.

Но и правительство Василия Шуйского вынуждено было прибегнуть к иностранной помощи. Летом 1608 г. был заключен договор с королем Сигизмундом III, по которому король должен был отозвать всех подданных короны из лагеря Лжедмитрия II. Когда стало ясно, что договор не дал результата – у короля не было такой власти над шляхтичами, которые к тому же не желали возвращаться, московское правительство пошло на радикальный шаг. Десятого августа 1608 г. Василий Шуйский отправил шведскому королю Карлу IX письмо с просьбой о предоставлении военной помощи. В феврале 1609 г. в Выборге был подписан договор, по которому Швеции передавалась крепость Корела “с уездом”, а в обмен шведский король направлял в Москву 15.000 наемников, платить которым обязывалось московское правительство.

Это очень важное обстоятельство, как и вообще начавшаяся “интернационализация” открытого политического процесса в Московском царстве. И на стороне Лжедмитрия II, и на стороне Василия Шуйского сражались частные армии выходцев из соседних стран, потому что, за важным исключением казаков, в самом Московском царстве воевать оказалось мало желающих. Весной 1609 г. царский воевода князь Михаил Скопин-Шуйский смог собрать в Новгородской земле лишь

пятитысячное войско, к которому присоединил 15-тысячный экспедиционный корпус шведских наемников. Очевидно, что у московского правительства оставались ресурсы для оплаты солдат, но своих солдат уже почти не оставалось. Служилое дворянство – основной контингент московского профессионального поместного войска – не просто раскололось, поддерживая разных кандидатов на царство. Оно стало стремительно терять статус, сословное самосознание и мотивацию, поскольку при отсутствии формальных государственных институтов становилось “служивым народом”-гражданином только на службе единовластному и бесспорному правителю. В ситуации “смуты” дворянство утрачивало смысл службы и саму экономическую возможность служить, коль скоро не могло представлять собой абсолютную “государеву власть”, заставлявшую в том числе крестьян работать на помещиков. Крестьяне разбежались или сами вступали в армии самозванцев, и ни московское, ни тушинское правительство не могло этому помешать. К Лжедмитрию II в лагерь явились в общей сложности чуть ли не десять самозванных “родственников”, явно представлявших крестьян – известны “царевичи” того времени – Август, Лаврентий, Мартын, Клементий, Семен, Савелий, Василий, Ерошка, Гаврилка, – занимавшиеся грабежами богатых землевладельцев. Грабить можно было, не объявляя себя “царем” и, тем более, не пытаясь получить признание главного самозванца, так что паломничество второстепенных самозванцев к Лжедмитрию II являлось политическим жестом (политической риторикой эти люди не владели). Очевидно, поле конкурентной политики расширилось настолько, что включало уже “самовыдвиженцев” от казаков и крестьян, а вот основной “политический класс” служилых людей начал интенсивно размываться, замещаясь “несистемными” элементами – иноземцами и простолюдинами.

В поисках “точки сборки”

Беспрецедентное расширение пространства “политического”, позволявшего даже лично несвободному населению (холопам и крепостным крестьянам) принимать участие во властных отношениях путем выдвижения и поддержки самозванцев-“самовыдвиженцев”, происходило в обширном царстве, вне каких-либо политических или культурных механизмов согласования групповых интересов. В какой-то момент процесс неуправляемой политической самоорганизации достиг таких масштабов, что начал восприниматься современниками (и воспринимается большинством историков) как полный хаос. Этот хаос, тем не 326

менее, не выходил за пределы определенных рамок пространственного и политического воображения, т. е. оставался “системным”. Для кристаллизации “порядка из хаоса” необходим “аттрактор” – “точка сборки”, тот элемент, вокруг которого может сложиться новая устойчивая общественная структура.

Можно было ожидать, что однажды появится все же тот кандидат (очередной самозванец), который устроит всех, предотвратив фрагментированную до предела политическую систему от распада. Но этот сценарий не сработал: в 1609 г. войска московского царя нанесли серию поражений силам тушинского царя, а 11 декабря 1610 г. Лжедмитрий II был убит своим начальником стражи в Калуге. Одновременно московские бояре избавились от непопулярного царя Василия Шуйского: в июле 1610 г. в Москве был собран земский собор, который объявил Шуйского низложенным (его заставили постричься в монастырь). Новым царем был избран старший сын короля Сигизмунда III Владислав: московские бояре решили попробовать заполучить “готового” и заведомо “подлинного” кандидата на престол, что не сделало его, впрочем, более легитимным в глазах большинства. Новый царь “Владислав Жигмонтович” в Москву не приехал и на царство официально не венчался, (в частности, потому, что отказался переходить в православие), фактически пополнив список самозванцев. Временное боярское правительство в Москве (традиционная семибоярщина периода междуцарствия) окончательно дискредитировало себя как возможный коллективный орган верховной власти, выступив в роли коллективного самозванца. Почти немедленно после смерти Лжедмитрия II – в начале 1611 г. – в Новгороде объявился Лжедмитрий III, а в Астрахани – Лжедмитрий IV. Первого поддержал северо-запад страны, второго – все Нижнее Поволжье. В марте 1611 г. в Казани был свергнут и убит воевода Богдан Бельский, считавший, что надо подчиняться любому московскому правительству. Главой обширного Казанского края стал дьяк (высший чиновник) Никанор Шульгин, настоявший на присяге населения убитому три месяца назад Лжедмитрию II, т. е. все равно что отказавшийся от признания верховной власти любого Московского царя. Дьяк Шульгин проводил самостоятельную политику по отношению к соседним регионам и удерживался от всякого участия в “большом” политическом пространстве Московского царства. По сути, он стал первым могущественным “политиком”, которого не интересовала Москва как место и символ верховной власти, и которой не считал нужным прибегать к механизму “самовыдвиженства” – самозванства (хоть об отделении края речь и не шла).

Таким образом, в 1611 г. наметился распад единого политического пространства Московского царства, так и не объединенного фигурой общепризнанного правителя. Зато на уровне отдельных регионов проявились признаки консолидации власти местных лидеров, как самозванцев, так и коронных чиновников, некогда присланных из Москвы. Неизвестно, удалось бы остановить политическую “смуту” в результате распада Московского царства хотя бы на уровне отдельных территорий (вроде Казанского края). Когда уже казалось, что царство окончательно распадается, запустились внутренние механизмы консолидации общества. Непосредственным стимулом к объединению послужило вторжение иностранных армий. В сентябре 1609 г. польский король Сигизмунд III, возмущенный Выборгским договором Василия Шуйского с шведским королем Карлом IX (с которым Сигизмунд вел затяжную войну в Ливонии) и появлением шведских войск в Московском царстве, начал войну против правительства Шуйского и осадил Смоленск. Спустя год, осенью 1610 г., уже после падения Шуйского и избрания царем королевича Владислава, в Москве без боя утвердился польско-литовский гарнизон – для поддержания порядка в ожидании прибытия королевича. Считается, что именно возмущение грабежами шведских наемников на северо-западе и захватом польско-литовской армией Смоленска и Москвы объединило прежде раздробленные “русские” силы.

В январе 1611 г. стала собираться очередная “коалиция” служилых людей из рязанских земель, а также поволжских и сибирских городов, включая татарских мурз, собравшаяся в этот раз в Нижнем Новгороде, мало участвовавшем в прежних событиях “смуты”. Войско коалиции, известной как “первое ополчение”, дошло до Москвы, но не смогло изгнать польско-литовский гарнизон. Был созван земский собор, на котором, в частности, было избрано “коалиционное” правительство, представлявшее интересы разных групп – как казаков, так и служилых людей. Коалиция распалась летом 1611 г. из-за соперничества лидеров, представлявших казаков и дворян. Едва весть об этом достигла Нижнего Новгорода, осенью 1611 г. там стало собираться “второе ополчение”. На этот раз организатором выступила местная “городская администрация” Нижнего Новгорода, поддержанная купечеством, местными служилыми людьми и остальными горожанами не затронутого разорением “смутного времени” города. Роль технического организатора похода взял на себя нижегородский земский староста Кузьма Минин, который обеспечил широкий и планомерный сбор средств, в результате чего все участники похода получали достойное вознаграждение. Военным пред-

водителем пригласили князя Дмитрия Пожарского, который принимал участие и в первом ополчении. В самом Нижнем Новгороде набралось только 700 профессиональных воинов (из них 200 – “немец, литва и татары”), однако наличие значительной казны позволило организаторам ополчения оплатить еще более двух тысяч служилых людей из других земель. В отличие от предыдущих походов, участники второго ополчения поступали на службу к руководителям ополчения, а не присоединялись как союзники со своими интересами. Выступив из Нижнего Новгорода в конце зимы вверх по Волге, ополчение до середины лета задержалось в Ярославле, где было сформировано и начало действовать новое правительство. В определенном смысле история второго ополчения напоминала историю Лжедмитрия, проведшего несколько месяцев в Путивле: политический авторитет и признание росли за счет “пропаганды действием”, а не военных побед. Как и у Лжедмитрия, главным ресурсом второго ополчения оказался моральный авторитет, не скомпрометированный мародерством, склоками лидеров или их участием в политиканстве в предыдущие годы смуты. Осенью 1612 г. силам ополчения удалось изгнать из Москвы польско-литовский гарнизон, сместить правительство семибоярщины, вытеснить из центральных районов страны регулярные войска Сигизмунда III и многочисленные шайки разбойников, казаков и прочих вооруженных людей. Зимой 1613 г. был созван представительный земский собор, на котором царем был избран 16-летний сын митрополита Филарета (Федора Романова, патриарха в лагере Лжедмитрия II) – Михаил Федорович Романов.

Хотя упрочение политической и экономической стабильности и урегулирование отношений с соседними странами заняло еще не один год, было восстановлено единство политического пространства страны. Случавшиеся народные восстания и выступления казаков потеряли характер “политических заявлений”: самозванцы-“самовыдвиженцы” пропали, пропала и способность этих выступлений сплачивать население помимо непосредственно заинтересованных групп. “Единовластие” было восстановлено в новом формате: в 1613–1622 гг. практически постоянно действовали последовательно три земских собора с трехлетними полномочиями. Новый царь Михаил Романов обсуждал ключевые проблемы с собором и представлял на утверждение собору важнейшие решения, особенно непопулярные (например, сборы податей). Таким образом постепенно восстанавливалась легитимность царя как сосредоточия всей полноты власти, признаваемая всеми социальными группами и всеми территориями. Земские соборы в переходный период

помогали примирять разногласия и смягчать недовольство, позволяя царю оставаться над конфликтами. После 1622 г. соборы собирались все реже, лишь по особо важным случаям, в полном соответствии с политической моделью, заложенной еще Иваном IV.

Значит ли это, что Смутное время оказалось лишь кошмарным “затмением”, временным выпадением из нормы? Земские соборы не превратились в самостоятельный орган власти, продолжая оставаться элементом системы “единовластия, опирающегося на народ”. Полнота царской власти была восстановлена. Однако “смута” изменила понимание власти – явившись и следствием этого изменившегося понимания, и механизмом коллективного осмысления через “проживание”. Кровавая практика заменила целые библиотеки трактатов и политических памфлетов, сформировав стихийно новую политическую культуру и заставив задуматься об институционализации власти – то есть, собственно, о создании государства в современном понимании. Об этом речь пойдет в следующей главе, пока же обратим внимание на структурные изменения, продемонстрированные в ходе Смутного времени и зафиксированные процессом его завершения. Особое внимание следует уделять именно событиям и логике поступков, а не риторике (развернутым высказываниям) действующих лиц, поскольку неразвитая сфера политической полемики в Московском царстве позволяла “словам” лишь косвенно отражать “реальность”, тем более в быстро меняющейся кризисной ситуации.

Итак, прежде всего “смута” публично раскрыла анатомию феномена верховной власти. Что бы не писали в торжественных приговорах земских соборов или посланиях патриархов, пройденный путь от избрания на царство законного наследника умершего Ивана IV (Федора Иоанновича) до присяги Лжедмитрию IV или “царевичу Ерошке” продемонстрировал определенный результат: царская власть была осознана как власть “должности”, а не личности или, тем более, семьи (династии). Это не обязательно означает десакрализацию (отказ в божественном происхождении) царского титула или царской власти. Само выделение власти как самостоятельного феномена (отдельного от верховной собственности) лишь усиливало ее загадочный характер: у законного царя могло быть меньше власти, чем у разбитого в битве самозванца. Пожалуй, именно сохранение веры в божественные истоки подлинной власти объясняет массовость “самовыдвиженцев” – самозванцев, часто вопреки любым соображениям легального характера и просто здравому смыслу: кто знает, кого поддержит бог?

Во-вторых, она показала, что, каковы бы ни были истоки этого мистического феномена, власть реализуется не сама по себе. Властью необходимо распоряжаться, и можно это делать плохо, а можно успешно. Царствование Бориса Годунова служит хорошей иллюстрацией этого открытия: то, что воспринимается как “невезение” с точки зрения традиционного восприятия царя как проводника божественной власти, через призму событий Смутного времени предстает как неумение распорядиться этой властью. Более того, возникает необходимость осмысления плохих и успешных решений по поводу распоряжения властью, т. е. осмысливается сфера политики как рационального планирования отправления власти с учетом возможных последствий. “Смута” вообще сформировала на время сферу соревновательной публичной политики, для стабильного поддержания которой в начале XVII в. не было еще решительно никаких ресурсов. Но то, как в итоге разрядили взрывоопасную политическую ситуацию, лучше всего свидетельствует об успешности “политического образования” Смутного времени. Ликвидация самого острого момента кризиса в 1612–1613 г. продемонстрировала подлинное политическое искусство, вполне осознанно и умело примененное.

Уже первое ополчение 1611 г. – впервые с начала Смуты – отказалось от политической мобилизации вокруг фигуры очередного самозванца, хотя его лидеры и были чересчур вовлечены в прежнюю “самозванческую политику”. Второе же ополчение (1612) – Минина и Пожарского – явило совершенно новую политику: объединяющим фактором стала отчетливо сформулированная политическая цель (освобождение страны от иноземцев) вместо харизматичного лидера, а главное основание легитимности – “государственное строительство” (говоря современным языком) вместо сражений. Принципиальная малоизвестность лидеров и заранее объявленная цель избрать (на земском соборе) законного царя с учетом интересов всех заинтересованных сил делали второе ополчение движением за восстановление института центральной государевой и, в общем, действительно государственной власти. Не случайна особая роль в этой политической кампании скромного земского старосты Кузьмы Минина, отмеченная уже современниками, хотя он не притворялся лжецаревичем и не принес свою жизнь в жертву, спасая законного царя (обычный путь к славе для простолюдина). Главным образом, он собирал средства на правильную организацию военного похода. Уже то, что жители Московского царства могли оценить важность этой незаметной роли в 1612–1613 гг. (чего нельзя

было и представить десятью годами ранее) говорит о распространении нового понимания “государственной деятельности”. Осознание власти как института делало функцию самозванца как “самовыдвиженца” излишней: подлинность или фальшивость кандидата на трон переставала иметь значение. Превращение же земских соборов в постоянно действующий орган в переходный период (растянувшийся почти на десятилетие) было подлинно выдающимся политическим решением, напрямую не обусловленным никакими традициями. Особенно важно, что мы не знаем, от кого исходила эта новаторская идея (уж точно не от юного царя). В любом случае, она была понята и поддержана многими, т. е. не являлась уделом некоего прирожденного правителя-одиночки.

В-третьих, Смута проявила внутренние связи и внешние границы страны (и в перспективе – государства) независимо от границ династических владений. Вопреки предположению Джерома Горсея (в общем, вполне обоснованному), оказалось, что единство Московского царства обеспечивается не одной лишь волей могущественного правителя. Самозванцы всех мастей стремились в Москву, до последнего момента, видимо, воспринимая политическое пространство Московского царства как единое целое. Даже на пике неразберихи, при одновременном существовании нескольких равно легитимных правительств, не было отмечено ни одной попытки отделения окраины.

Помимо политического воображения, свою роль в поддержании целостности Московского царства сыграл патриотизм, хотя и не совсем в том смысле, в каком он превозносился в текстах той эпохи и в работах историков. С самого начала Смутного времени под знаменами самозванцев выступали частные армии иностранцев, прежде всего выходцев из Речи Посполитой, но не вполне ясно, насколько это был раздражающий и мобилизующий фактор, по крайней мере до вмешательства в конфликт короля Сигизмунда III и занятия его войсками Смоленска и Москвы. Спровоцированный Шуйским погром иностранцев, приехавших в Москву на свадьбу Лжедмитрия в мае 1606 г., не стал проявлением некоей русской ксенофобии, по крайней мере, она никак не помешала после этого массовой поддержке Лжедмитрия II, опиравшегося почти исключительно на шляхетское войско. При этом значительная часть “литовцев”, воевавших в Московском царстве, мало отличалась в культурном отношении от местного населения, и неясно, почему мародерствующие отряды казаков или служилых людей должны были казаться милее страдающим от войны жителям, чем “поляки” или “шведы”, занимавшиеся тем же. Даже политические лидеры, ис-

пользовавшие патриотизм в качестве мобилизующего лозунга во время второго ополчения, первоначально рассматривали кандидатуры иностранцев на престол. Еще в Ярославле велись переговоры со шведским королем о кандидатуре его брата Карла-Филиппа, с императором Священной Римской империи обсуждалась кандидатура кузена императора. После воцарения Михаила Романова по настоянию его отца патриарха Филарета в невесты Михаилу сначала намечали датских и шведских принцесс. Учитывая, что большинство шляхтичей, участвовавших в событиях “смуты”, были православными, а среди “патриотических” сил немалую роль играли татарские мурзы из Касимовского ханства и Казанского края (не исключено, что и Козьма Минин был сыном крещеного татарина), странно говорить и о четком религиозном размежевании в конфликте. Скорее, явное (хотя и неопределенное) чувство патриотизма возникало у людей, впервые сплотившихся ради общей “государственной” – не связанной с конкретной персоной правителя – цели, только они не могли выразить его иначе, чем в категориях “православной веры” или “русской земли”.

Куда нагляднее проявил себя фактор взаимной экономической заинтересованности. Особая роль выходцев из южных окраин (Слободской Украины, Черниговщины, Рязанщины, Придонья) в событиях Смутного времени говорит о том, что перед лицом угрозы набегов Крымского ханства, эти люди нуждались в экономической поддержке и защите московской власти – “своей” московской власти. Донские и Терские казаки, чье благосостояние строилось на добыче от набегов, также рассматривали внутренние районы царства как важный экономический ресурс – хотя и в другом смысле, чем стрельцы и дворяне южных областей. Характерна история “царевича Петра Федоровича”–Илейки: выбирая направление похода – на юг или на север, на Каспий или вверх по Волге – казаки решили, что выгоднее пойти грабить Московское царство, а не Персидское. Видимо, этот совершенно рациональный выбор имеет то же объяснение, что и причины, выдвинувшие Нижний Новгород в лидеры политики государственного строительства и объединения. Именно в первое десятилетие XVII в., после реального установления московскими людьми контроля над Западной Сибирью, хлынул поток драгоценных сибирских мехов и установился богатый торговый путь через Астрахань, Казань, Нижний Новгород и Ярославль. В 1611–1612 году, во время подготовки и отправки второго ополчения, в Нижнем было собрано 6 с половиной тысяч рублей таможенных сборов и пошлин. В 1614 г., после относительной политической стабилизации, эта

сумма превысила 12 тысяч рублей, а к 1619–1620 гг. достигла 17 тысяч рублей. Волжская торговля мехами притягивала казаков, создавала высокие доходы поволжским городам и делала их кровно заинтересованными в поддержании политической стабильности и экономической безопасности в масштабах всего Московского царства. Отряды самозванцев или иностранных войск в районе Астрахани, Новгорода или Смоленска препятствовали торговле с Персией, Северной Европой и Речью Посполитой. Экономические интересы городов Поволжья, крупных монастырей, землевладельцев и служилых людей совпали – без воссоздания центральной власти в том или ином виде невозможно было торговать, восстановить крестьянское население разоренных поместий, или получать государственное жалование.

Смутное время оказалось важнейшим эпизодом политической самоорганизации региона, сформировав новое понимание власти в Московском царстве и поставив вопрос о необходимости ее институционального оформления в виде “государства” – помимо конкретных личностей правителей, законных или самозванных.

6.5. Начало интеграции Северной Евразии

ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

Северная Евразия никогда не была единым политическим и, тем более, социально-экономическим пространством. Пожалуй, лишь Восточный поход наследников Чингисхана на короткое время распространил власть Великого хана от Восточной Сибири до Карпат, но даже это в целом номинальное объединение почти немедленно распалось на дробящиеся далее орды, ханства, княжества и прочие вассальные и самостоятельные политические образования. Ни у кого с тех пор не было достаточных сил (да и желания) повторить завоевания монголов. Однако оказалось, что для освоения и покорения тысяч километров в центре континента не нужна огромная армия, могучая империя и даже воля верховного правителя. Колонизация огромных территорий за Уральским горным хребтом (которые впоследствии получили название Сибири) Московским царством всего лишь за несколько десятилетий в конце XVI – начале XVII в., стала возможной в результате совпадения нескольких факторов, из которых царская власть играла наименьшую роль.

После аннексии Казанского и Астраханского ханств Московское царство приняло на себя роль наследника Золотой Орды (по крайней мере, в политическом воображении зауральских ханств). Официально

(как в случае с правителем Сибирского ханства Едигером) и неофициально Москва признавалась сюзереном и старшим улусом бывшей Большой Орды. Этот статус придавал пришельцам из европейской части континента ореол легитимных завоевателей. Самих пришельцев манили природные богатства Сибири (прежде всего, меха) и архаичная политическая организация сравнительно малочисленного населения. Воинам, закаленным в боях с регулярными армиями в Ливонии или под Смоленском, не требовалось даже централизованное военное командование для самоорганизации в дружины, с успехом преодолевающие сопротивление местных ополчений. Не менее важным фактором была неподверженность колонизаторов Реформации (и Контрреформации), точнее проявившемуся в этих религиозных течениях новому социальному мышлению. В отличие от испанских, французских и английских колонизаторов в Южной и Северной Америке (воспринимавших мир через конфессиональную призму Контрреформации и Реформации), московские колонизаторы Сибири не проводили однозначных границ между “своими” и “чужими”. Это не делало их колонизацию менее жесткой и не заставляло их закрывать глаза на отличия от местных народов; просто эти многочисленные отличия не систематизировались и не политизировались, оставляя простор для прагматических альянсов и кооперации.

Были и другие важные отличия сибирской колонизации от освоения европейцами Нового Света. Во-первых, в отличие от Нового Света, московские казаки и служилые люди XVII в. не встретили за Уральскими горами новых и принципиально чуждых, доселе невиданных обществ, языков или религий. Для них народы Сибири были частью того постордынского мира, с которым Москва была прекрасно знакома и наследником которого в значительной мере являлась. С другой стороны, в XVII в. целью завоевания и администрирования Сибири была не столько территория (поскольку использование земельных ресурсов Сибири для технологий XVII в. было затруднительным), сколько весьма разреженное население. Ведь именно проживавшие в Сибири народы обладали навыками охоты на ценных пушных зверей. Обложение этих народов ясаком – пушной данью – и стало ключевым экономическим фактором сибирской экспансии и возникновения особого режима управления покоренными народами, при котором завоеватели делегировали права суда и низового управления элитам покоренных народов. Местное население было невыгодно уничтожать и сгонять с земель, наоборот, коронные власти

в Москве были крайне озабочены его защитой от чересчур рьяных и жадных колонизаторов.

В результате во многом стихийной колонизации земель за Уралом номинальная власть Москвы распространилась на таежный и тундровый пояс Северной Евразии, превратив Московское царство из региональной восточноевропейской державы в континентальную империю, столкнув Москву с Цинской династией, а также с многочисленными степными политиями киргизов, казахов, джунгар и алтын-ханов в Монголии. К середине XVIII в. сибирская экспансия приведет к появлению североамериканских колоний России и сделает возможным продвижение в степную зону Евразии.

Значение завоевания Сибири не ограничивалось геополитическими изменениями. Сибирь стала поставщиком ресурсов, прежде всего дорогих мехов, ставших в XVII в. незаменимой валютой Московского государства, не имевшего тогда собственных источников ценных металлов. Начиная с первой декады XVII в. сначала Западная Сибирь, а затем и Восточная стала объектом крестьянской колонизации, достигшей со временем масштабов массового переселения. Огромные сибирские просторы служили своего рода территориальным ресурсом, практически неисчерпаемым тылом Москвы.

Завоевание “Сибири” началось с коммерческой деятельности семьи Строгановых, контролировавших производство соли и торговлю ею на севере московских владений. Семья Строгановых происходила, по всей видимости, из Новгорода и его северных колоний. К XV в. Строгановы обосновались в Соли Вычегодской, а в XVI в. они получили от Ивана IV права владения по верховьям реки Камы и по реке Чусовой, на крайнем востоке тогдашних владений Москвы. Согласно дарованной грамоте, в этих землях Григорий Строганов в 1558 г. получил право

городок поставити, где бы место было крепко и усторожливо, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников велел есми ему устроити собою для береженья от нагайских людей и от иных орд, и около того городка ему по речкам и по озерам и до вершин лес сечи, и пашни около того городка роспахивати, и двory ставити, и людей ему в тот городок неписьменных и нетяглых называти.

Так возникла новая база Строгановых в Предуралье с центром в Соли Камской. Эта коммерческая империя немедленно вступила в контакт с Сибирским ханством, одним из наследников Улуса Джучи в Северной Евразии. Ханство управлялось поочередно представителями

рода Шейбанидов (потомков сына Джучи – хана Шейбани) и Тайбугидов (скорее всего, представителей нечингизидской аристократии степи, которые считали себя потомками Ван-хана керaitов, завоеванных Чингисханом). К середине XVI в. хан Едигер, представитель Тайбугидов, вел борьбу с Шейбанидами Бухары, в частности с Кучумом, сыном хана Бухары Муртазы II. Кучум совершал частые набеги на сибирские владения, что заставило Едигера искать покровительства Москвы, послав дань и шертную (вассальную) грамоту в Москву. В 1563 г. хан Кучум все же захватил столицу тайбугидов Искер и убил Едигера и его брата Бекбулата. В Сибири установилась власть бухарских шейбанидов.

Насколько мы можем судить по отрывочным сведениям, ханство Шейбанидов в Сибири было типичным степным образованием. Во главе его стоял хан-чингизид, опиравшийся на служилую степную аристократию тюркского происхождения. Степная аристократия Сибирского ханства включала в себя выходцев из казахских и ногайских орд, башкирских юртов, а также эмигрантов из Бухары, Казани, Астрахани и даже Крыма. Экономическим источником существования ханства был сбор дани мехами с подчиненных народов, в основном манси, хантов и тюрков. Собранные меха продавались либо через Астрахань (до ее подчинения Москве), либо через Бухару, купцы которой вели активную деятельность в Сибири и после московского завоевания. Само Сибирское ханство, по всей видимости, вряд ли было чем-то большим, чем коммерческой экспедицией бухарских шейбанидов, которые рассматривали Сибирь как далекую окраину и источник ценных мехов.

Тайбугид Едигер признал сюзеренитет Москвы, поэтому его соперник Кучум совершал набеги на пермские земли и на казанские владения, перешедшие под контроль Москвы после 1552 г. Появление в Предуралье коммерческой колонии Строгановых с ее селами, соляными варницами и городками привело к набегам Кучума на строгановские земли. По всей видимости, именно для защиты от этих набегов Строгановы решили предпринять военную экспедицию против кочевий Кучума по Тоболу и Иртышу, наняв группу казаков под руководством ветерана Ливонской войны Ермака (?–1585). Получив общие указания и припасы, казаки оказались предоставлены сами себе в бескрайних и неисследованных просторах Западной Сибири. Найти и победить местных обитателей можно было только при помощи других местных жителей. Насколько мы знаем по существующим источникам, казачья ватага Ермака включала в себя татар, башкир, “немцев” (скорее всего, плененных шведов), и “литву”, т. е. выходцев из Польско-Литовского Со-

дружества. На стороне Ермака против Кучума также сражались отряды татар, ханты и манси – бывших подданных Кучума. Происхождение самого Ермака остается загадкой. По одной версии, он был выходцем из донских казаков, по другой – пришел на Урал из новгородских архангельских колоний, по третьей – был крещеным камским татаринном. Имя Ермак может быть производным от русского имени Еремей (однако его никогда не упоминали под этим полным именем), как и распространенным тюркским именем Ермак или аланским (бытовавшим в донских степях) Ёрмаг.

Осенью 1581 г. разношерстное войско Ермака (около 800 человек) поднялось по реке Чусовой в пермских землях, перезимовало на тагильском перевале и весной 1582 г. спустилось по реке Тагил в бассейн реки Туры в Зауралье. В течение весны и лета 1582 г. Ермак со своим войском двигался вниз по реке Туре, успешно отбивая нападения мелких бегов (вождей) Кучума. 4 ноября 1582 г. состоялось решающее сражение со значительными силами Кучума (в основном бухарцами и дружинами вогульских и остяцких князьков), в котором хан потерпел сокрушительное поражение и бежал в степь. Характерно, что вогулы (манси) и остяки (ханты) оставили хана во время сражения, что говорит о слабости власти шейбанидов. Восьмого ноября Ермак занял Искер (Сибирь, или Кашлык) – ставку Кучума при слиянии рек Иртыш и Тобол, неподалеку от современного Тобольска.

Тем не менее военные успехи еще не значили полного подчинения ханства. В 1583 г. Ермак продолжал военные операции, подчиняя многочисленных татарских мурз и остяцких и вогульских князьков. Подчинение это происходило по издавна устоявшимся правилам. При помощи силы местное население вынуждалось выплачивать годовой ясак мехами, а “лучшие люди” – князья и беги – должны были давать “шерть”, т. е. клятвенное обещание верности царю, которое составлялось по местным обычаям. Лояльность подчиненных народов обеспечивалась институтом аманатства (*араб.* аманат – заложник).

После разгрома Кучума Ермак отправил посольство в Москву с атаманом Иваном Кольцо. В результате этого посольства Иван IV послал в Сибирь 300 стрельцов под командованием Семена Болховского, прибывшего в Искер в 1584 г. Из-за тяжелой зимы и отсутствия продовольствия весь отряд погиб. Вскоре, 6 августа 1585 г., погиб и сам Ермак, отправившийся с небольшим отрядом казаков встречать караван бухарских купцов на реке Вагай. Оставшиеся казаки оставили Искер и вернулись на земли Строгановых. Но уже в 1586 г. из Москвы прибыли

воеводы Василий Сукин и Иван Мясной с 300 стрельцов и поставили на месте татарской Чинги-Туры острог Тюмень. Годом позже на месте старого Искера был поставлен острог Тобольск, а затем возникли крепости Сургут, Обдорск, Томск (для защиты от киргизов и джунгар) и Мангазея, ставшая самым северным форпостом начального этапа завоевания Сибири.

В первое десятилетие активного покорения Западной Сибири можно говорить о сотнях вольнонаемных колонизаторах и еще более скромной численности царских войск – на территории чуть ли не в миллион квадратных километров. Характерная особенность географии Сибири – параллельное “вертикальное” расположение крупных речных бассейнов Иртыша/Оби, Енисея, Лены (разумеется, на современной карте с ее ориентацией с севера на юг). Бассейны рек разделялись расстояниями в тысячи километров, но притоки крупнейших рек часто соседствовали. Эта географическая особенность дала возможность относительно небольшим группам казаков, служилых людей и промышленников перебираться с одного бассейна в другой по волокам на границах водоразделов. Пробираясь с одной реки на другую, эти группы основывали новые остроги, облагали ясаком относительно малочисленные и разбросанные на огромной территории местные племена. Так, уже в 1619 г. тобольские казаки основали Тунгусский острог, впоследствии ставший Енисейском. К 1630-м гг., оперируя с таких баз, как Енисейск и Мангазея, продвигаясь по сибирским рекам, казаки и служилые люди основали Братск (от названия бурят – “братские люди”), Иркутск и Якутск. Уже в 1648 г. якутский казак Семен Дежнев, построивший первый острог на Колыме, вышел на кочах в Ледовитый океан и, обогнув Чукотку, прошел по Берингову морю к реке Анадырь. Таким образом, к середине XVII в. меньше чем за столетия небольшие группы казаков и служилых людей распространили (зачастую эфемерную) власть Москвы до тихоокеанского побережья Северной Евразии.

При этом нужно отметить, что современная концепция территориального государства, распространенная в европейской части царства, отсутствовала в Сибири XVII века. Пространство воспринималось как в раннесредневековом Франкском королевстве: как совокупность дискретных точек (городов, острогов и зимовий) и связывающих их речных путей. Казаки и служилые люди не имели возможности полностью контролировать жизнь покоренных народов и зачастую встречались с ними лишь раз в году при сборе ясака. Для некоторых групп, таких,

например, как енисейские тунгусы, появление казаков и служилых людей значило лишь смену адресата платежа: если раньше ясак выплачивался бурятским князьям, то теперь его стали взимать московские сборщики. Для кочевых тунгусов завоевание Сибири Москвой также не означало драматических перемен в образе жизни (хотя впоследствии такие изменения произойдут вследствие появления новых товаров, в особенности огнестрельного оружия, алкоголя и хлеба).

Нужно при этом отметить, что после разгрома Кучума Москве более не противостояло никакое крупное объединение местных народов. Уничтожение Сибирского ханства создало вакуум власти в лесостепной зоне. Оседлые и кочевые племена тюрков и самоедов (или объединения лингвистически отличающихся родов) стали объектом экспансии и набегов енисейских киргизов, стремительно набравших силу джунгар и державы алтын-ханов в Халхе (Западная Монголия). Зачастую князья более мелких племен и родов сами искали покровительства далекой Москвы для защиты от набегов кочевников. Характерно, например, что основание Томского острога на землях зуштинских татар последовало после поездки в Москву князя зуштинцев Тояна, который в 1603 г. привез Борису Годунову челобитную, в которой просил принять его род под “государеву высокую руку”, построить на реке Томь острог и прислать служивых людей. В обмен на защиту и покровительство Тоян обещал выплачивать ясак от своего рода, а также пытался заинтересовать Москву рассказами о многочисленных соседних племенах и родах, которые могут стать источником ясака.

Основание Томска в 1604 г. привело к контактам и столкновениям выходцев из Москвы с енисейскими киргизами, к стойбищам которых в течение двух десятилетий томские служилые люди и казаки совершали неоднократные походы. Насилие и грабежи, которыми сопровождалось принуждение к покорности киргизов и других тюрко-самоедских племен юга Западной Сибири приводило к ответным действиям – в 1614 г. енисейские киргизы разгромили окрестности Томска. И хотя зачастую князья тюркских и самоедских племен крестились и становились служилыми людьми, в течение XVII века Сибирь оставалась театром непрекращающихся военных действий. Небольшие группы казаков и служилых людей регулярно отправлялись в походы, “побивая” улусы кочевников, каждый раз привозя в остроги ясак – не столько регулярную дань, сколько военные трофеи и награбленное.

Начиная с 20-х гг. XVII в. енисейские и мангазейские служилые люди и казаки начали исследовать бассейны Каменной Тунгуски,

Вилюя, а к 30-м гг. XVII в. – Ангары и Лены. Зачастую информация о новых землях поступала от покоренных племен. Так, в 1621 г. енисейские служилые люди узнали от тунгусского князца о богатой реке Илин (Лене), по которой якобы ходили суда “с огненным боем” и по берегам жили скотоводы Йака (якуты). В 1632 г. отряд Петра Бекетова, одного из самых известных сибирских конкистадоров XVII в., основал на Лене Якутский острог. Оперирруя из этой новой крепости, казаки и служилые люди стали основывать зимовья для сбора ясака среди якутов и тунгусов, а в 1640–1650-х гг. среди бурят. Здесь, в Восточной Сибири, завоеватели встретили более крупные народы: якуты и буряты насчитывали по 20–25 тысяч человек и могли оказать значительное сопротивление. После основания Якутска якутские князцы-тойоны несколько раз организовывали осаду острога (1633–1634, 1638–1639), нападали на сборщиков ясака. Отчасти такое жесткое сопротивление объясняется беспорядочным насилием, последовавшим за основанием крепостей: при отсутствии серьезной координации ясачные экспедиции из Томска, Мангазеи и Енисейска нападали с целью сбора ясака на одни и те же стойбища по нескольку раз в год. Не существовало норм по сбору ясака и серьезного контроля за тем, сколько мехов оседало в руках сборщиков и воевод, а сколько отправлялось в Москву. При сборе ясака возникли особые категории “поминочного” ясака (в Восточной Сибири – беляк, от якут. биелях – дар), который напрямую поступал сборщикам и воеводам. Для обеспечения покорности “иноземцов” применялась проверенная степная практика, заключавшаяся в аманатстве, когда родственники “лучших людей” из “иноземцов” помещались в остроги в качестве гарантии лояльности. Зачастую аманаты погибали в заключении, что вызывало восстания и нападения на сборщиков.

Нарастающие конфликты с местным населением вынуждали царское правительство принимать меры по упорядочению сбора ясака и умиротворению покоренных земель, что входило в противоречие с интересами воевод и служилых людей как самозванных “баронов” на завоеванных землях, лишь номинально зависимых от верховного сюзерена (царя). История Сибири XVII в. – это история борьбы царского правительства с притеснениями и грабежами, которым местные служилые люди подвергали “иноземцов”. Так, в 1676 г. в Москву отправились три якутских князца крупнейших улусов (Мегинского, Хангаласского и Намского), которые просили для себя права судить своих соплеменников и участвовать в сборе ясака. Царский указ подтвердил их статус как князцев и предоставил им право суда по мелким

преступлениям. К концу XVII в. среди “иноземцов” Восточной Сибири появилась наследственная группа князев, обладавшая ограниченным суверенитетом, им было предоставлены широкие полномочия по сбору ясака, суду и управлению местным населением.

Следует отметить значительные отличия Западной и Восточной Сибири в XVII в. Если на западе региона пришлое население стремительно росло, появились крестьянские деревни и многочисленные города, что превратило Западную Сибирь, по сути, в такую же область царства, как и любая доуральская, то на востоке Сибири пришлое население было чрезвычайно малочисленным. Даже в XIX в. выходцы из европейской части составляли не более 10% от численности автохтонного населения Якутской области. В Западной Сибири появилось архиепископство и митрополия, тогда как в Восточной Сибири единственная до середины XIX в. Иркутская епархия была создана только в 1706 г. В связи с этим демографически Восточная Сибирь была более “инородческой”. Жесткие климатические условия Восточной Сибири не позволяли пришлым крестьянам выращивать хлеб (хотя попытки “посадить крестьян на государеву пашню” для обеспечения острогов местным хлебом предпринимались в XVII в), что приводило к заимствованию скотоводческих практик местного населения, а затем и к ассимиляции пришлых в местные культуры. К началу XVIII в. в Восточной Сибири появлялось значительное количество оякутившихся и обурятившихся крестьян, а в середине XIX в. якутский язык использовался в городском обществе Якутска наравне с русским. До середины XVIII в. Восточная Сибирь оставалась территорией пограничной, слабо освоенной и слабо управляемой из центра.

Достигнув к середине XVII в. Приамурья, московские колонисты столкнулись с расширяющейся на север Цинской империей. В 1643–1644 гг. из новооснованного Якутского острога на берега Амура отправилась экспедиция под командованием служилого человека Василия Пояркова. Западная часть Приамурья была населена даурами, маньчжуроязычными потомками древних киданей. По среднему течению Амура жили дючеры, также маньчжуроязычный народ. Поярков отличался особой жестокостью как к даурам и дючерам, так и к собственным служилым людям. Из-за яростного сопротивления дауров и дючеров Поярков был вынужден сплавиться по Амуру и выйти в Охотское море, вернувшись в Якутск через земли охотских тунгусов. В 1649 г. попытку Пояркова повторил Ерофей Хабаров (ок. 1610 – после 1667) – одна из самых занимательных фигур сибирской истории

XVII в. Происходивший из поморских крестьян, Хабаров служил в Томске и Тобольске, совершив несколько походов в Мангазею. Через семь лет после основания Якутского острога Хабаров основал солеварни в Усть-Куте, построил мельницу на реке Киренге, развел пашни и превратился в богатого промышленника. В результате конфликта с якутским воеводой Петром Головиным, известным своей жестокостью и поборами, Хабаров провел пять лет в заточении в Якутском остроге. После отзыва Головина для расследования в Москву Хабаров убедил нового воеводу, балтийского немца Дмитрия Францбекова, финансировать из казны экспедицию на Амур, которая состоялась в 1649–1654 гг. В этот период Хабаров с сотней казаков и служилых людей прошел по Зее и Амуру, грабя даурские и дючерские селения. Однако в отряде начались разногласия, против Хабарова взбунтовались его же казаки. В результате грабежей и жестокостей дауры и дючеры стали переселяться за Амур, под защиту маньчжуров, а бунтовавшие казаки послали жалобы на Хабарова. Для расследования дела прибыл московский дворянин Дмитрий Зиновьев, арестовавший Хабарова и доставивший его в Москву. Впоследствии сумевший оправдаться Хабаров управлял Усть-Кутским острогом и волостью.

Первые походы казаков на Амур не вызвали особого беспокойства у маньчжур, только что захвативших Ляодун и Корею и занятых дворцовыми распрями. Но в 1685 г. цинский император направил значительную армию (от трех до пяти тысяч человек) с артиллерией к Албазину, дальнему форпосту казаков на землях дауров. После продолжительной осады казаки и служилые под руководством воеводы Толбузина вступили в переговоры с маньчжурами и выговорили себе безопасный уход в Нерчинск. Разрушив албазинский острог, с берегов Шилки и Аргуни ушли и маньчжуры. В это время в Нерчинск прибыл отряд томского служилого, принявшего православие пруссака Афанасия фон Бейтона, который, соединившись с казаками Толбузина, отправился восстанавливать Албазин. К лету 1686 г. восстановленный Албазин обладал гарнизоном в несколько сот человек и артиллерией. Маньчжуры вновь осадили его, но в этот раз осада оказалась неудачной из-за фортификационных работ, проведенных фон Бейтоном. Цинская артиллерия не смогла разрушить земляные укрепления, и осада Албазина была снята в 1687 г.

В 1689 г. уже 15-тысячная маньчжурская армия подошла к Нерчинску, где состоялись переговоры царского посла Федора Головина с цинскими представителями. Об особой важности, которую цинский

император придавал этим переговорам, говорит тот факт, что с маньчжурской стороны в них принимали участие дядя императора и известный полководец Лантань. С цинской стороны в делегацию были также включены иезуиты-миссионеры – португалец Томаш Перейра и француз Жан Франсуа Жербийон. В результате Нерчинский трактат (договор) 1689 г. стал первым дипломатическим актом цинской империи с европейским государством и первым формальным свидетельством принадлежности сибирских земель Московскому царству с точки зрения международного права.

Договоренности о проведении границы там, где никогда прежде не существовало территориальной государственности, затруднялись свободной миграцией местных племен. Так, маньчжурское правительство было раздражено переходом под власть Москвы бурятских и особенно конно-тунгусских родов, традиционно плативших дань маньчурам. В частности, в 1667 г. под власть Москвы со своим родом передался Гантимур (*монг.* Гүн Төмөр – “внутренне железный”; в крещении Петр), ставший родоначальником уникальной в сибирской истории семьи титулованных князей Гантимуровых. Конные тунгусы Гантимура составили основу тунгусского казачьего полка. Цинское правительство неоднократно пыталось вернуть крестившегося Гантимура и настаивало на его выдаче. Тем не менее в результате переговоров было решено “не подвергать обсуждению прежде имевшие место различные старые дела. Живущих ныне в Срединном государстве русских людей и китайских подданных, находящихся в Русском государстве, оставить там же на жительство”. Для достижения мира Головину пришлось согласиться на эвакуацию всех московских поселений по Амуру и правому берегу Аргуни, а границей между империями стала северная линия водораздела Амура (Хинганский хребет). Учитывая весьма слабые географические представления того времени, на практике это означало создание обширных буферных территорий вдоль северного берега Амура. Нерчинский договор фактически остановил распространение власти Москвы по берегам Амура, изменив ее направление на северо-восток. В начале XVIII в. якутские казаки Афанасия Шестакова начали жестокое завоевание Камчатки, фактически уничтожив местное население. Вплоть до первой половины XIX в. непокоренными оставались чукчи на крайнем северо-востоке Евразии, они категорически отказывались платить яsak и успешно отражали попытки установить российскую администрацию, уничтожая один отряд за другим. В XVIII в. продолжалась сибирская экспансия к югу, в земли казахов, а в середине XIX в. Российская им-

перия, воспользовавшись слабостью Цинской империи, пересмотрела Нерчинский трактат и присоединила Приамурье.

Так, в то время как Речь Посполитая переживала внутренний раскол, а Крымское ханство сокращало сферу политического влияния, их сосед-соперник Московское царство неожиданно получило возможность многократно расширить свою территорию. В этом расширении главная заслуга царской власти была в том, что она воздерживалась от навязывания определенного политического и идеологического режима на присоединенных территориях и пыталась ограничивать своеволие своих официальных и самозванных представителей. В обмен на минимальные расходы военного снаряжения и отправку ограниченного контингента служилых людей (исчислявшегося сотнями, а позже несколькими тысячами человек) Московское царство приобрело колоссальный материальный ресурс. Сибирские меха служили универсальной валютой (“курс” которой только вырос с началом похолодания в XVII в.). Эта валюта позволила пережить разорение Смутного времени и сохранить экономические связи, предотвратившие распад страны, а также оплатить создание современных государственных институтов. Не в последнюю очередь, видимо, сибирские меха сыграли свою роль в способности Москвы присоединить украинское гетманство, выдержав очередную многолетнюю войну с Речью Посполитой и предложив казакам невероятный реестр в 60 тысяч человек на казенном содержании.

Не менее существенным было то, что впервые регион Северной Евразии начал интегрироваться в единое социальное и экономическое пространство. Происходило это не в результате завоевательного похода великого правителя, а в процессе кристаллизации ментальной географии в конкретные социальные и политические связи. Сибирь обретала пространственные границы, по мере того как ее просторы исследовались стихийными колонизаторами – разноплеменными выходцами из Московского царства. Первоначально Сибирью называли район восточного Приуралья, потом территорию до Иртыша, затем все земли к востоку от Урала, до берегов Тихого океана или политических границ с Цинской империей и среднеазиатскими ханствами. Слово неопределенного происхождения, Сибирь символизирует процесс формирования региона именно как феномен ментальной географии, когда “колонизация воображения” и мысленная интеграция разрозненных территорий в единое “царство” предшествует реальной колонизации и служит залогом его успеха. Вот почему, помимо материальных ресурсов, открытие и присоединение Сибири дало Московскому царству

и символическое преимущество над бывшими грозными соперниками – Речью Посполитой и Крымским ханством. В ходе политических катаклизмов и гражданской войны эпохи Контрреформации Речь Посполитая утратила былую способность интегрировать инородные культуры, а Крымское ханство постепенно трансформировалось в небольшое мусульманское княжество. Освоение Сибири способствовало тому, что формирующиеся в Москве на протяжении XVII в. институты современного государства как анонимного бюрократического аппарата управления инкорпорировали архаические средневековые практики косвенного управления и делегирования полномочий местным элитам, именно то, что было отвергнуто другими европейскими обществами. Если можно было включить в систему централизованного управления бурятские племена, без превращения их в “русских” и насаждения православия, почему нельзя было на тех же основаниях присоединить Крым или польско-литовские земли? Речь Посполитая и Крымское ханство не могли даже гипотетически присоединить к себе в конце XVII в. московские земли, гарантировав их элите сохранение прежнего статуса, образа жизни и культуры. Могло ли Московское царство применить опыт Сибири в Европе? От ответа на этот вопрос зависело, как будут осмысливаться цели противостояния Москвы своим давним соседям.

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ КАК ШАГ К ОБЪЕДИНЕНИЮ

Революция социального воображения, проявившая себя в XVI в. в ходе Реформации католической церкви и последующей Контрреформации, была гораздо шире сугубо церковных конфликтов. Интересно, что в Московском царстве произошедшая в результате Смутного времени окончательная дифференциация отношений “власти”, “владения”, “религиозного авторитета” и “культурной солидарности”, т. е. местная версия революции социального воображения, вызвала к жизни трансформацию церкви в обратном порядке: сначала “контрреформацию” официальных церковных властей, а затем – протестную “реформацию”.

В 1652 г. Московским патриархом был избран митрополит Новгородский Никон (1605–1681), талантливый и амбициозный священник. Перед восшествием на патриарший престол Никон был участником так называемого “Кружка любителей благочестия”, в который входили Стефан Вонифатьев, духовник второго царя из династии Романовых Алексея Михайловича, протопоп Аввакум, а также боярин Федор Ртищев, одна из ключевых фигур в администрации царя Алексея. Все участники кружка соглашались, что церковь нуждалась в возрождении – в смысле

приближения к идеалу единого здания веры, очищенного от мирских пороков, заблуждений пастырей и разнобоя в организации службы. В этом взгляде проявилось новое отношение к социальным явлениям (в данном случае церкви) как воплощениям единой универсальной идеи, а не непосредственного переживания личного опыта. Каждый экземпляр изданной типографским способом книги представлял книгу в целом, а не конкретный уникальный список; каждый воевода должен был представлять единую царскую волю и общий закон, не являясь местным властителем, – по крайней мере, таков был идеал, распространявшийся все шире в XVII в. Члены “Кружка любителей благочестия” сопоставили этот идеал с знакомыми им реалиями православной церкви, и им показалось, что церковь нуждается в стандартизации обрядов, совершенствовании иерархии священнослужителей, организации их систематического образования, – одним словом, в том, что мы сегодня назвали бы модернизацией и что, по сути, соответствовало программе католической Контрреформации. Главным вопросом был источник этой желаемой идеальной формы церкви: Аввакум считал, что этот идеал нужно искать в прошлом, ориентируясь на решения церковного Стоглавого собора (1551), старинные иконы и рукописи, а Никон и другие члены кружка предлагали ориентироваться на современные нормы Константинопольской православной церкви, приспособленные к реалиям региона клириками украинских земель, находившихся в прямом подчинении Константинопольского патриарха. В 1648 г. боярин Ртищев основал Преображенский (Андреевский) училищный монастырь, в который пригласил несколько десятков монахов из Киева, выпускников Киевского коллегіума, созданного по иезуитскому стандарту Петром Могилой. (Монастырь Ртищева впоследствии стал основой для Славяно-греко-латинской академии, первого московского учреждения высшего образования.)

Проблема была в том, что никакого единого “церковного стандарта” в том смысле, который вкладывали в свои поиски члены кружка, не существовало ни в прошлом ВКМ, ни в реалиях современного православного миллета Османской империи. За полтора с лишним тысячелетия существования церковь прошла множество размежеваний и споров с инакомыслящими группами, но то, что интересовало Никона и Аввакума, редко кодифицировалось на бумаге как обязательные решения. Сама идея “стандартизации” и представление о ее ценности была настолько же новой, как и архитектура барокко или концепция единообразной военной формы. В 1654 г. патриарх Никон отправил

Константинопольскому патриарху Паисию “анкету” из 27 вопросов, затрагивающих частные аспекты церковной службы, из которых наиболее известными (и на внешний взгляд существенными) были вопросы о направлении движения службы в храме или количестве пальцев для крестного знамения. Это были вопросы, далекие от собственно богословской проблематики, кроме того, похоже, Паисий просто не понимал “контрреформационную” озабоченность Никона формальной организацией службы. Возможно, московский “Кружок любителей благочестия” просто опережал константинопольских клириков, все еще воспринимавших общество в партикуляристских средневековых категориях. Как бы то ни было, Паисий не знал, что сказать: он ответил, что “греческая церковь” воспринимала обрядовую сторону как несущественный аспект религии и что форма ритуала могла широко варьироваться. Разумеется, это была неправда: в “греческой” церкви существовала четкая норма, насаждение которой сопровождалось насилием и конфликтами. Только эта норма не была формализована и кодифицирована, она передавалась через личное общение и социализацию и допускала лакуны и “слепые места”, никак специально не регулируемые. Никон же требовал формальную и детальную “конституцию”, которую никто в Константинополе прежде не додумался составить.

В результате Никон и его помощники начали кодифицировать “греческий обряд” сами – как они его себе представляли. Было решено, что “нормой” является троеперстное крещение (а не двумя пальцами, как было принято прежде в основном в московских землях); была перенята “форма” константинопольского духовенства как предположительно отражающая исходную византийскую “норму” и даже прически. Так была заимствована камилавка – цилиндрический головной убор священников, на самом деле произошедший от османской фески. Так возникло требование (соответствующе обоснованное) священникам носить длинные волосы, хотя в Византии священники волосы стригли коротко и выбривали тонзуру как и католики, длинные же волосы полагались представителям светской власти. Поскольку православные в Османской империи были выделены в отдельный миллет, наделенный полномочиями судебной и местной гражданской власти, то священники как ключевая социальная группа миллета в статусе светских деятелей сменили стрижки на длинные волосы. Всего этого Никон не знал, и начал яростно вводить единообразие по новому образцу, создавая “регулярную церковь” как предшественницу “регулярного государства” –

подобно тому, как иезуиты создали модель современной светской власти в католических странах столетием ранее.

С 1651 по 1656 г. Никон и его сторонники провели серию нововведений, включая запрет многогласия во время службы (одновременные службы несколькими священниками, затруднявшие понимание паствой); новые переводы и редакция священных книг на основе греческих образцов; введение троеперстия; замена земных поклонов поясными; изменение направления движения крестного хода; и др. Пожалуй, самым радикальным решением Никона стало изъятие старых икон, изображавших крестное знамение двоеперстием. Для московского православия иконы были священными объектами, и радикальный слом канона иконописи вызвал сопротивление среди мирян и церковных иерархов. Вождем сопротивления стал протопоп Аввакум, бывший соратник Никона по кружку ревнителей благочестия, а также епископ Коломенский Павел. Московские соборы 1656 и 1666–1667 гг. утвердили все реформы Никона и предали анафеме еретиков и раскольников, всех, кто придерживался старых литургических норм, – “старообрядцев”. Оппонентов реформы ссылали в отдаленные монастыри, заключали в монастырские темницы, упорствующих сжигали в срубках – откровенно заимствуя практику католической инквизиции.

При этом главный оппонент Никона – “реформатор” Аввакум – не выдвигал разработанной оппозиционной богословской доктрины, сравнимой с начальными 95-ю тезисами Лютера. Он отстаивал такую же стандартизацию обряда, как и Никон, только образцом для него служила московская старина – столь же эфемерная “норма”, что и сконструированная Никоном для “греческой церкви”. Возможно, если бы в Московском царстве существовала собственная рациональная теологическая (схоластическая) традиция, Никон и Аввакум заложили бы основу Реформации в православии именно как богословскую революцию. Но формализованного языка для логического анализа священных текстов и развития абстрактных идей в рамках религиозной доктрины в Москве еще не существовало. Поэтому, когда образованные люди “новыми глазами” смотрели на православную церковь – основу актуальной для них культуры, они не ставили под вопрос “идеологическую подоплеку” религии, считая достаточным реорганизацию ее в соответствии с идеалом “регулярного” социального института. Этим же объясняется разразившийся конфликт патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем, конфликт столь же непримиримый, как и с “раскольников” Аввакумом.

Успех учения Лютера во многом объяснялся тем, что он действовал как богослов, не претендующий на светскую власть и даже оказывавший услугу тем государям, которые нуждались в предлоге для ослабления контроля со стороны Папы Римского и католической церкви. Московский “Кружок любителей благочестия” не включал в себя ни одного самобытного богослова и обсуждал реформу церкви в первую очередь потому, что религия являлась универсальной идиомой для входивших в него образованных людей, по-новому воспринимавших социальную реальность. Как мы увидим в следующей главе, одновременно проводились важные политические и экономические реформы, но для их осмысления и планирования в сколько-нибудь “регулярной” манере не существовало вообще никакого формата и прецедента: ни жанра политических трактатов, ни даже сферы публицистики и памфлетов. Сфера абстрактного мышления в рамках письменной культуры все еще сводилась преимущественно к церковным делам. Поэтому поддержка церковных преобразований со стороны влиятельных бояр и самого царя вовсе не означала, что они считали вопросы православного обряда самыми важными в государстве – просто их они могли обсуждать “теоретически”.

Точно так же, возглавив церковные преобразования, патриарх Никон не рассматривал их в изоляции от других сфер общественной жизни. Напротив, создание “регулярной церкви” многократно повышало статус Никона в царстве, по крайней мере, он вел себя так, как будто получил некое символическое преимущество над царем. Выходец из мордовских крестьян, Никон включил в титул патриарха формулу “великий государь”, которая была прерогативой самого царя. Прежде так величал себя только патриарх Филарет – отец и соправитель юного царя Михаила Романова, некогда сам претендовавший на трон. Можно сказать, что Никон действовал в политической логике самозванцев-“самоназначенцев”, только он не присваивал себе чужую (царскую) биографию, а приписывал патриарху “отрегулированной” церкви новые полномочия. Никон активно сопротивлялся попыткам царского правительства взять под контроль богатые владения монастырей, которые по только что принятому своду законов (Соборному уложению 1649 г.) стали контролироваться особым “министерством” – монастырским приказом. Патриарх настаивал, что церковь должна быть не просто самостоятельной силой в обществе, но ее решения в области церковной жизни должны быть обязательными для правительства. В 1658 г. Никон пошел ва-банк и поставил царя Алексея перед выбором: признать суве-

ренитет патриарха или вступить с ним в открытую борьбу. Он оставил патриаршую кафедру и удалился в монастырь, где провел несколько лет. Царь не поддавался давлению и при поддержке украинского духовенства и “восточных патриархов” (Александрийского и Антиохийского) добился в 1666 г. низложения Никона не ставя под сомнение, впрочем, саму деятельность Никона по созданию “регулярной церкви”. Вместо того чтобы признать лидерство церкви в трансформации всего общества в соответствии с новыми идеалами централизации и стандартизации, царь Алексей Михайлович предпочел работать над созданием основы регулярного общества и государства самостоятельно, в известной мере используя опыт никоновской реформы и опираясь на церковь как готовый элемент будущего социального порядка.

Не является случайным совпадением то, что драматические события никоновской реформы и вызванного ею раскола разворачивались одновременно с гражданской войной в Речи Посполитой и переориентацией православного казаческого рыцарства на Москву. Сама эта политическая переориентация была в значительной степени вызвана и подготовлена киевским православным духовенством, отчаявшимся добиться восстановления прежнего полноправного статуса в Речи Посполитой и увидевшего реальную перспективу создания подлинно великого “православного царства” под эгидой Москвы. Это был ответ на политику Контрреформации, превратившую Речь Посполитую фактически в польско-католическое королевство, отторгавшее от себя прежде лояльных руських православных подданных. Московское царство было преимущественно страной “русских людей” (таково написание в тексте Соборного уложения 1649 г.), а не руських, но в условиях крайней пестроты местных народных традиций и говоров и практически идентичной высокой книжной культуры в Киеве и Москве, новая русская или российская общность оказывалась даже более монолитной, чем польская. Специально для этого амбициозного проекта украинские клирики и церковные публицисты разработали концепцию Малороссии и Великороссии как двух частей единого “славянского” народа – подобно тому как польско-литовская шляхта являлась потомком другого древнего “племени” – сарматов.

Термины Малая Россия и Великая Россия появились в XIV в. в переводе с греческого, так в Константинополе определяли митрополии Галицкую (создана в 1303 г.) и Киевскую (после переноса в 1299 г. в северовосточные роуськие земли). В греческой языковой традиции определение “малая” и “большая” применительно к территории имеют

значение хронологического прецедента. Так, колонии греческих полисов в Средиземноморье получили название Великой Греции (*гр.* Megali Hellas, *лат.* Magna Graecia); напротив, Анатолия, с глубокой древности ассоциировавшаяся с “Азией”, получила название Малой Азии, когда границы Азии многократно расширились по сравнению с изначальной территорией. К середине XVII в. украинские литераторы-полемисты соединили старое церковное понятие Руси Малой и Руси Великой (как внутренней/внешней, первоначальной/позднейшей) с новым славянским мифом происхождения. В результате была заложена основа идеологии нового государства, все значение которой и даже четкие контуры проявятся десятилетия спустя. В 1674 г. настоятель Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель напечатал “Киевский синопсис” – первую обобщающую историю *роуських* земель, где сформулировал канон представления о единой древнерусской государственности в прошлом и едином “православнороссийском” народе, населяющем некогда входящие в него земли. К Малой и Великой была добавлена Белая Русь (прежде беларуские земли, входившие в состав ВКЛ, упоминались как часть Малой Руси), сформировав знакомое нам триединство, а единственно законной властью над ними была объявлена московская царская власть, наследующая князю Александру Невскому. В дальнейшем на основании этой концепции разрабатывалась политическая доктрина, трансформировавшаяся в XVIII в. Московское царство лишь в одну из составных частей нового государства – Российской империи.

Вряд ли в середине XVII в. авторы концепции Малой и Великой России могли предугадать все последствия своей работы, в частности, что логика русского языка вскоре возьмет свое, и калька с греческого получит новое звучание – как “второстепенная” и “главная” Россия (подобно “меньшевикам” и “большевикам” в XX в.); что политические реалии гражданской войны в Речи Посполитой и казачьего сепаратизма середины XVII в. повлияют на то, что многозначный термин Украина получит однозначное значение “окраины”, хотя в социально-политическом и лингвистическом контексте ВКЛ XV–XVI вв. актуальнее было понимание Украины как “края” – типичного средневекового самоопределения людей как “местных”. Также ничто не предвещало, что спустя столетие абсолютному доминированию киевской культурной среды над московской неразвитой сферой светской литературы и схоластического богословия придет конец. Тогда миф происхождения, изложенный в “Киевском синопсисе”, будет переосмыслен в ином ключе, маргинализируя историческую роль и культурные достижения руських

земель. Однако в первые десятилетия после Переяславской рады образованная элита украинских земель пользовалась все возрастающим влиянием в Московском царстве, прежде всего благодаря образованию, полученному в иезуитских и организованных по иезуитскому образцу православных школах и коллегиях.

Активное участие украинских клириков в подготовке никоновских реформ (в частности, они занимались исправлением церковных книг по “греческим” образцам) наложили на реформы еще более явственный отпечаток Контрреформации, и без того очевидный благодаря их структурному происхождению в глобальном перевороте социального мышления эпохи. Вероятно, это стало одной из причин особенно бескомпромиссного и жестокого преследования старообрядцев после московских соборов 1666–1667 гг., принявшего форму вялотекущей гражданской войны. В 1682 г. были сожжены в срубе протопоп Аввакум со своими сторонниками, был казнен видный лидер раскола Никита Добрынин (Пустосвят) и тысячи рядовых сторонников раскола.

Как мы увидим в следующей главе, именно образованные украинские клирики возглавили преследования мусульман в Московском царстве – прежде не испытывающих социальных и политических проблем несмотря на официальную риторику “православного царства”. Не то чтобы московские церковные и светские власти отличались большей толерантностью и меньшей жестокостью, просто им недоставало идеологической последовательности и мотивированности. Социальный идеал Контрреформации (внутренне упорядоченного и однородного населения) и наглядный пример Речи Посполитой (решительно отказавшейся от традиций и практик гибридности) вдохновляли идеологов обновленного Московского царства. С этой точки зрения трагический внутрицерковный раскол перевешивался перспективой создания современной регулярной, а значит, универсалистской (открытой всем, кто принимает ее четкую “конституцию”) православной церкви, которая могла принять в свое лоно и выходцев из Речи Посполитой, и в перспективе – из Османской империи. Раскол оказался необходимой предпосылкой для дальнейшей интеграции разных православных общин в хорошо управляемое и внутренне однородное сообщество – церкви и государства.

Старообрядчество также приняло характер универсалистского феномена, только в ином смысле: не имея изначально единой выраженной богословской доктрины, расколотое на несколько сильно различающихся между собою “сект”, старообрядчество стало внешней рамкой

для разных форм культурного, социального и политического недовольства. Можно сказать, что для неразвитой московской “риторической” сферы (особенно в низовых слоях общества) старообрядчество стало “социальным языком”, который помогал выражать и подчас формулировать недовольство. Практически все восстания в последней трети XVII – начале XVIII в. были связаны со староверами. Раскольники в первые десятилетия часто нападали на церкви и монастыри, но главной формой протеста стало занятие старообрядцами всевозможных маргинальных социальных ниш. Стал нормой уход староверов от мира, самосожжения (гари) в скитах и староверческих монастырях, эксперименты в сексуальной сфере (от безбрачия до массовых оргий). Со временем одной из таких ниш стала напряженная экономическая деятельность, рассматриваемая как духовное служение (мирская аскеза). Оценить масштабы раскола XVII в. чрезвычайно сложно, так как староверы часто внешне принадлежали к официальной церкви, на деле следуя старым практикам. Среди крестьянства и купечества, оплота старой веры, циркулировала обширная староверческая литература и существовала подпольная староверческая иерархия, более или менее легализованная лишь к концу XVIII в.

И никоновские реформы, и “консервативное восстание” старообрядчества лишь условно можно сопоставлять с Реформацией и Контрреформацией. Совершенно “контрреформационные” по идее и методам реформы Никона способствовали распространению забытой в Москве практики проповеди (возрождение которой в католических странах было связано с Реформацией). Восставшие против официальной церкви старообрядцы считали своей целью не реформу, а восстановление традиционных церковных практик. Сама мысль о том, что религиозный опыт и церковная организация могут быть формально описаны логически как упорядоченный свод принципов и правил (“конституция”) роднила представителей обоих непримиримых лагерей и свидетельствовала о произошедшем фундаментальном перевороте социального мышления. То, что ранее представлялось “естественным” и “самоочевидным”, стало объектом формального (а значит, рационального) осмысления и, в перспективе, дальнейшего “улучшения”.

* * *

Какой именно социальный механизм обеспечивал распространение революции социального воображения в самых разных обществах Северной Евразии в течение чрезвычайно краткого по историческим

меркам промежутка (порядка одного столетия)? И был ли это некий единый механизм или в каждом случае действовало уникальное стечение обстоятельств и сочетание местных структурных особенностей? Каково бы ни было объяснение, сам факт распространения нового взгляда на общественные институты (будь то церковь или природа власти государя) как на самостоятельные феномены, расчлененные по функции и цели, оказывался важнейшим свидетельством консолидации региона. При всей непохожести отдельных обществ, их сближало теперь новое – общее – понимание социальных процессов. Это была не общая культура, а общий способ осмысления и обсуждения культурных и социальных явлений. Одинаковый подход мог приводить к разным выводам, во многом зависевшим от реальной расстановки сил в обществе.

Контрреформация расколола гибридное общество Речи Посполитой, сделав более консолидированным культурно (но не политически) польско-католическо-шляхетское ядро и отторгнув протестантские и православные общины. В Московском царстве эхо Контрреформации также вызвало раскол, хотя и другого рода, с иными последствиями. Реформированная церковь не ставила в привилегированное положение ни одну из существующих социальных групп (кроме представителей недавно присоединенных украинских земель), это была равно “ничья” и открытая всем новая форма. Отталкивая ревнителей старомосковской обособленности, реформированная церковь стала первым “имперским” институтом, нацеленным на интеграцию разномастных местных традиций в единое сообщество, основанное на неких формальных принципах. Параллельно за Уралом происходила колонизация-конструкция Сибири как единого пространства под властью московского царя. Успех этой колонизации зависел от ее архаичного характера. Она опиралась преимущественно на частные неформальные договоренности и системы личных отношений лояльности, зависимости (включая захват заложников) и взаимовыгодного обмена товарами и услугами. Московское царство оказалось в центре процесса консолидации региона благодаря своему гибриднему характеру: оно могло нормализовать совершенно средневековую систему политического господства в Сибири (характерную для Крымского ханства и уже немыслимую в Речи Посполитой) и одновременно освоить новую логику социального мышления. Сама способность найти общий язык с отторгнутой Речью Посполитой православной образованной верхушкой свидетельствует о том, что переворот социального воображения проходил в Москве самостоятельно,

выразившись, в частности, в феномене Смутного времени. Получившие современное формальное образование в цикле “свободных искусств” украинские деятели помогли обрести “язык” (риторические средства выражения) новому взгляду на общество, формировавшемуся в Москве. Тогда стало возможным распространить опыт реформы церкви на все общество и осмыслить страну, простирающуюся теперь от Днепра до Амура в новых категориях – не исторической земли, династического владения или даже религии и “народа”, а при помощи абстрактных политических понятий – государства и империи.

УКАЗАТЕЛЬ

- Аббасидов, халифат 39-40, 63, 156
 Аввакум, протопоп 346-7, 349, 353
 Ала ад-Дин Мухаммед II, хорезмшах 152-153
 Александр Ярославич (Невский) 57, 169, 187, 190-2, 195-8, 213, 278, 352
 Андрей Ярославич 191-192, 195
 Астраханское ханство 235, 238, 255, 257, 258, 260-263
 Астрахань, основание: 257; набеги крымского войска: 262
 Батый, хан (Бату) 159-165, 167-169, 189-191; наследники: 192, 198, 201, 207, 215
 беларусы (беларуские земли) 64, 129, 138, 170-1, 182-3, 205, 244, 294, 352, 324
 Берке, хан 198
 Борис Владимирович, князь ростовский 129-131
 бояре 62, 80, 95, 106, 140, 209, 210, 220, 228, 230, 232, 234, 259, 265, 302, 308, 313-7, 319, 320, 322, 327, 346, 350
 боярская дума 264-5, 292, 302, 305, 313, 319, 322, 324
 Булгария, Волжская 30-36, 69, 76, 77, 92, 94, 111, 114, 117, 121-123, 156, 158-160, 164, 166, 167, 169, 188, 198, 228, 241, 262
 варяги 52, 53, 56-9, 62-4, 77, 78, 80, 82, 87, 99-100, 104-5, 109-110, 130-1, 145
 Василий II 211, 230-234, 248
 Василий III 249-251, 253, 263
 Великих Моголов, империя 273-5
 Византия (Византийская империя и императоры) 17-18, 21-5, 30, 36, 38-43, 46, 50-1, 59, 61-3, 66, 67, 70, 74, 76, 78-81, 83-6, 90, 95, 104-5, 111-2, 115, 117, 121, 123, 127, 132, 142, 146, 148, 154, 155, 173, 182, 198, 211, 236, 239, 240, 242-3, 253, 260, 263, 264, 348

- Викинги, см. также варяги 43-5, 47-9, 52-62, 82, 110, 121-2, 171
- Витовт (Витаутас) 208-12, 221, 224, 228, 229, 235
- ВКЛ, или Великое Княжество Литовское 169-178, 181-3, 186-7, 194-197, 204-13, 221, 224, 227, 267, 281-2, 284-5, 293-4, 306, 309, 314-5, 317, 324, 352-3
- ВКМ, или Великое княжество Московское, см. также Московское царство 204, 208, 209-11, 213, 217-8, 220, 224, 232-241, 244, 246-253, 256, 285, 316, 347
- Владимир Мономах 135-142, 173, 239, 242-2, 261
- Владимир Святославич, князь киевский 36, 90, 96-9, 103-16, 124, 126-32
- Владими́ро-Суздальское, княжество 139, 141, 144, 159-61, 168, 187, 190, 192-4, 203, 215, 227, 234-5, 243, 247
- Волга 15, 23, 26, 29, 31-3, 35, 52, 54, 55, 60-2, 66, 69-72, 77, 92, 95, 106, 109, 114, 116, 147, 152, 154, 159, 160, 165, 190, 211, 217, 220, 221, 223, 228, 231, 235, 250, 254-5, 257, 260, 311, 314, 320, 329, 333
- Волжско-Балтийский, путь, торговый 56, 66-70, 72, 75, 77, 93, 108, 116-7, 128
- Волхов 53, 55, 58, 60,
- Волынь 139, 145, 163, 172, 196, 200, 206, 207, 246, 289
- Вышгород (Вусеград) 75, 87
- Галицко-Волынское, великое княжество 139, 163, 182-3, 189, 190, 193-6, 199, 204-7, 242
- Гедемин, Гедеминас 204-208
- гетман (гетманство) коронный: 289, 291, 293; Запорожского войска (украинский): 286, 290-2, 294, 345
- Годунов, Борис 303, 305, 307-8, 313-4, 316-9, 323-4
- государственность, ранняя 19-22, 30-35
- Даниил Галицкий 168-9, 189, 191, 195-8, 200, 219
- Девлет Герей (Девлет I Герай) 256, 262
- Дешт-и-Кипчак 148, 156, 158, 160, 162-5, 167, 180, 185-6
- Дмитрий Иванович (Донской) 207, 215-25, 228, 234, 235
- Дмитрий Иоаннович 314, 315, 320, 323-324
- Днепр 36, 37, 54, 61-4, 66-7, 69-72, 74-9, 84, 87, 94-6, 106-7, 116, 128, 137-8, 154, 160, 162-3, 171, 205 210, 218, 235, 286, 294, 298, 356
- Днепровский, путь 54, 61-70, 74, 81, 128, 171
- древляне 68, 72, 76, 78, 81, 86-8, 97, 101, 103, 105, 113
- Древлянская земля 98-103, 130
- дружина 29, 33, 45, 53, 56-60, 62-5, 70, 75-82, 84-8, 90-4, 96-106, 108, 112-3, 115, 117, 125-31, 135-6, 144, 159, 171, 174, 184, 186, 194-5, 197-8, 203, 218, 221-3, 335, 338
- Дунай 17, 23, 36, 70-71, 80, 81, 97-98, 106, 109, 121-2, 147-8, 154, 162, 211, 245

- Едигер Тайбугид, Сибирский хан 52, 62, 64-7, 69, 70-2, 75-8, 80-1, 83, 85-9, 93-9, 101-115, 118, 123, 125-7, 129-140, 142, 145, 147, 152, 159-161, 163, 167-9, 171-4, 177, 196, 205, 207, 210, 216, 235-7, 246, 288, 290, 291, 297, 351-2
- Еке Монгол Улус (Монгольская империя) 146-7, 150-1, 158, 165, 168-170, 176-7, 188-9, 191-3, 198-9, 231
- Жемайтия 181-4, 195, 197-8, 206, 208, 210
- Иван I Калита 203-7, 213-4, 219
- Иван II Красный 207, 214
- Иван III 235-6, 238, 240-3, 246, 248, 251, 253, 261, 263
- Иван IV Васильевич (Грозный) 253-70, 301-2, 304-7, 310, 312-4, 316, 324, 336, 338
- Игорь Рюрикович, великий князь Киевский 63-4, 75, 78, 80-1, 86-7, 89, 95-98, 101-2
- Изяслав Ярославич 133-5, 142, 172
- Ильмень, озеро 52-3, 55, 60
- Ильханов, держава 166, 198
- Казань (Казанское ханство, край) 15, 228, 231-2, 234, 241-2, 248-258, 260, 262, 303, 320, 324, 327-8, 333-4, 337
- казачество 106, 147, 260, 283, 285-92, 296, 299, 311, 318-20, 322-3, 325-6, 328-9, 332-5, 337-341, 343-4, 351-2
- Казимир III Великий 205, 207
- Карл IX 293, 325, 328
- Карл Великий 30, 43, 45-8, 123
- Карл Лысый 44, 45, 48, 49
- Касимовское ханство 232, 234, 237, 241, 248-9, 252, 255-6, 267, 333
- Кейстут (Кейстутис) 206-9, 221, 224-5
- Киев (Киевское княжество) 36-7, 52, 62, 64-7, 69, 70-2, 75-8, 80-1, 83, 85-9, 93-9, 101-115, 118, 123, 125-7, 129-140, 142, 145, 147, 152, 159-161, 163, 167-9, 171-4, 177, 196, 205, 207, 210, 216, 235-7, 246, 288, 290, 291, 297, 351-2
- Киевский митрополит, митрополия 115-6, 133, 203, 211, 222, 234, 244, 291, 351
- кипчаки 148, 158, 201
- Кичи-Мухаммед 234
- Константин Багрянородный 67, 74-5, 77, 81, 98
- Константинополь 25, 40-2, 61-3, 74-8, 80-1, 84-5, 94-5, 98, 107, 244, 260, 263, 348, 351
- контрреформация 279, 281-2, 284-8, 293-6, 299, 335, 346-8, 351, 353-5
- конфедерация, кочевая (степная) 15, 18, 21-3, 25-30, 116, 118, 123, 149-51, 153-4, 156, 165, 167
- Корё, королевство (Корея) 156-158, 343
- Корсунь (Корсуньская страна, Херсон) 84-5, 95, 111, 112, 289
- кривичи 52-5, 63-4, 66, 75-6, 78, 80, 99, 107
- Крымское ханство (Крым) 24, 28-9, 71, 84, 111, 161, 210-1, 217-8, 228, 231, 235, 238, 240-1, 249-50, 252, 254-7, 260-2, 267-9, 285, 289-92, 296-300, 311, 318, 333, 337, 345-6, 355
- Курбский, Андрей 259
- Кучум, хан 257, 311, 337, 338, 340
- Ладога 52-5, 58, 60, 62, 65, 69, 75, 77, 93

- Ладожское озеро, см. также Ладога 52, 75,
- Лжедмитрий (Дмитрий Иванович) 315-23, 329, 332
- Лжедмитрий II 324-327
- Литовское, великое княжество (см. ВКЛ)
- Лютер, Мартин 276-8, 304, 349, 350
- Мавераннахр 39, 55, 122, 158, 166, 216
- Мамай 215-20, 223-4, 227, 235-6
- меря 52-6, 64, 72, 108, 112, 140
- Меченосцев, орден (Братство воинов Христа) 176, 179, 181, 183-4, 193-4, 198, 204, 210
- миллет 252-3, 255, 256, 275, 347, 348
- Мин, империя 272
- Миндовг (лит. Миндаугас) 193, 195-8, 200
- Мономах, Владимир Всеволодович 135-42, 173, 239, 241-2, 261
- Московское великое княжество, см. также ВКМ 204, 208, 209-11, 213, 217-8, 220, 224, 232-41, 244, 246-53, 256, 285, 316, 347
- Московское царство, Московия 257, 259-65, 267, 269, 270, 281, 288, 291-4, 296-305, 307-14, 316-20, 323-8, 330-36, 339, 342, 344-6, 349-53, 355
- Мстислав Киевский 114, 142, 173
- Нижний Новгород 216, 220, 224, 231, 248, 250, 254, 328-9, 333
- Никон, патриарх 346-51, 353-4
- Новгород Великий (Новгородская земля, княжество) 53-4, 57-62, 64-7, 69-72, 75, 77, 79, 87, 89, 93, 97-9, 103-5, 107, 112, 125-6, 129-30, 132-5, 140-1, 144, 146, 160, 172, 174-5, 178, 181-4, 187, 190, 192-3, 197, 205, 217, 233-4, 236-8, 240-3, 249, 251, 261, 265-6, 268, 321, 325, 327, 334, 336
- норманны, см. также варяги 43-5, 48, 53, 57-8, 62-3, 82, 102, 106, 266
- Олег (Вещий) 63-9, 73-5, 78-81, 101
- Олег Святославич, князь древлянский 98, 99, 101-105
- Ольга, княгиня 87-91, 93-4, 96-102, 104, 107, 110, 126
- Орда, Золотая (Большая, Волжская) 166-70, 188-90, 193, 198-9, 201-11, 213-29, 231-2, 234-5, 237-43, 245, 247-9, 256-7, 262, 268, 285, 297, 303, 334-5
- Османская империя 180, 211, 252-3, 256, 274-5, 288, 290, 292, 297-9, 347-8, 353
- печенеги 30, 71-2, 78, 80, 94-6, 106-7, 114, 130-1, 134, 145, 147-8, 163, 171, 192
- Повесть временных лет 37, 52, 67, 71, 78, 96
- Полоцк (Полоцкое княжество) 53, 66, 78, 99, 103-4, 126, 134, 142, 171-5, 178-9, 182-3, 190, 193-4, 200
- Радзивилл, Януш, гетман 291, 293
- Раскол в православной церкви 346, 349, 351, 353-5
- реформация 245, 276, 278-82, 304, 346, 349, 354
- Речь Посполитая 209, 246, 263, 281-7, 289, 291-8, 311, 316,

- 320-1, 323, 325, 332, 334, 345-6, 351-3, 355
- Романов, Алексей Михайлович 346, 349-351
- Романов, Михаил Федорович 329, 333, 350
- Романов, Федор см. также патриарх Филарет 313, 319, 324, 329, 333, 350
- Роуская земля 58-9, 66-7, 69, 72-9, 81-2, 84-6, 88-90, 93-100, 102-5, 107-9, 111-7, 119-24, 126, 128, 132-40, 142-8, 155-6, 159, 162, 164, 166-78, 181-3, 186-7, 189-96, 198-9, 201, 204, 206-8, 210, 213, 216, 227, 229-31, 233, 235-6, 239, 241-5, 253, 261, 266, 285, 305, 315, 351-2
- Русь, Червоная 138-139
- русские земли (Русское королевство, русские) 193, 196-8, 235-6, 239, 244, 287, 291, 293-5, 351-2
- Рюрик, князь 53, 57-58, 61-64, 69, 75, 77, 93, 96, 126, 128
- Рюриковичи, княжеский род-сословие 128-9, 133, 135, 139, 142-4, 169-70, 174, 183, 204, 236, 316, 322
- Саманиды, династия 39, 41, 122
- Святополк Владимирович (Окаянный) 129-132
- Святополк Изяславич 138, 142
- Святослав Игоревич 87, 89-101, 103-4, 106, 110, 113-4, 126-7
- Сефевиды, династия 274, 275
- Сибирь 14, 15, 146, 149, 153, 158, 228, 257, 261-2, 311, 320, 328, 333-342, 344-6, 355
- Сигизмунд III Ваза 281-4, 287, 293, 317, 320, 325, 327-9, 332
- Симеон Бикбулатович (Саин-Булат) 256, 267, 270, 307
- Симеон Гордый 205, 207, 214
- словене 53-6, 58-60, 53-4, 107-8
- Смоленск 63-4, 66, 75, 138, 140-1, 160, 168-9, 172-3, 182-3, 190, 193, 201, 205, 217, 225, 235, 240, 251, 294, 311, 316, 324, 328, 332, 334-5
- Тевтонский (Немецкий) орден 146, 180-1, 184, 186-9, 194-5, 197-8, 200, 204-6, 208-11
- Темучин, см. Чингисхан
- Тимур (Тамерлан) 216, 228, 209, 273
- Тмутаракань (Тумантархан) 114, 133, 136
- Тохтамыш 210, 216-217, 219-225, 227-228
- Тридцатилетняя война (1618-1648) 281-2, 285, 287, 290, 292, 295
- тюрки-огузы 72, 122, 147
- Тюркский каганат 21, 23, 25, 149, 153, 162
- Угэдэй 158, 161, 164
- Узбек, хан 201-204, 206, 213, 219, 236
- украинские земли (см. также русские земли) 283, 285-6, 290, 294, 298, 318, 322, 324, 333, 345, 347, 351-3, 355-6
- Улу-Мухаммед 229, 231-2, 235
- Улус Джучи, см. также Золотая Орда 158-9, 161, 166, 168, 186, 188-91, 196, 198-9, 213, 216, 228, 262, 286, 336

- Федор Иоаннович 269, 301-3, 305, 307-8, 312
- Филарет, патриарх 319, 329, 333, 350
- франки (Франкское королевство, Франкская империя) 30, 43-8, 50-1, 55, 57-8, 61-2, 70, 75, 83, 100, 122, 132, 339
- Хабаров, Ерофей 342-343
- хазары (Хазарский каганат) 23-37, 54-5, 61-2, 66-72, 77, 92, 94-5, 101, 104, 106-7, 109, 111, 114-7, 122, 128, 257
- Херсон, см. Корсунь 84, 111-112
- Хмельницкий, Богдан 288-293
- Хулагу, хан 157, 158
- Цзинь, империя 150-153, 156
- Чагатаев улус (см. также Ильханов, держава) 158, 161, 166, 198, 199
- Чернигов (Черниговское княжество) 65, 75, 78, 81, 83, 133-4, 136-40, 145, 159-61, 163, 182, 189, 193, 207, 241, 290-1, 294, 316-7, 323, 333
- Чингисхан (Темучин) 150-9, 176, 162-3, 165, 188, 201, 334
- чудь 52-55, 63, 78, 107
- Шах-Али, хан 251, 255-256
- Шейбаниды, династия 337, 338
- шляхта 182, 209, 244, 259, 282-96, 316-7, 320-1, 325, 332-3, 351, 355
- Шуйский, Василий 316, 321-25, 327-8, 332
- Ягайло (Йагайло) 207-11, 217-8, 221, 224-5
- Ян Казимир 289, 293, 296
- Ярополк Святославич 96-9, 103-105, 127, 129, 131
- Ярослав Владимирович (Мудрый) 115, 129-136, 139, 142, 172, 179
- Ярослав Всеволодович, князь владимирский 168, 190-191, 193

Новая имперская история Северной Евразии

часть 1

**Конкурирующие проекты самоорганизации
VII – XVII вв.**

Под редакцией Ильи Герасимова

Авторы: Илья Герасимов, Марина Могильнер, Сергей Глебов
При участии Александра Семенова

Корректор: Мария Новак

Подготовка указателя: Зухра Касимова

Оригинал-макет подготовлен редакцией журнала “Ab Imperio”

www.abimperio.net

email: office@abimperio.net

Подписано в печать 5.06.2017

Формат А5

Гарнитура Times New Roman

Объем 21,021 усл. печ. л.

Бумага офсетная

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ПАО “Т8 Издательские Технологии”.
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.

В серии “Библиотека журнала *Ab Imperio*” вышли книги:

Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. Казань: ННУ ЦИНИ, 2004.

Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. Москва: Новое издательство, 2010.

Изобретение империи: языки и практики. Москва: Новое издательство, 2011.

Империя и нация в зеркале исторической памяти. Москва: Новое издательство, 2011.

Конфессия, империя, нация: религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства. Москва: Новое издательство, 2012.

Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири. Москва: Новое издательство, 2013.

Скачать книги можно на сайте журнала: www.abimperio.net/books.

ISBN 978-5-519-51102-5 (комплект)

ISBN 978-5-519-51103-2 (часть 1)

Published by Ab Imperio, Inc.

В оформлении обложки использована “Композиция VII”
Василия Кандинского, 1913 г. Оригинал: холст, масло, 200,0 × 300,0 см.
Москва, Государственная Третьяковская галерея.

ISBN 9785519511025

9 785519 511025

